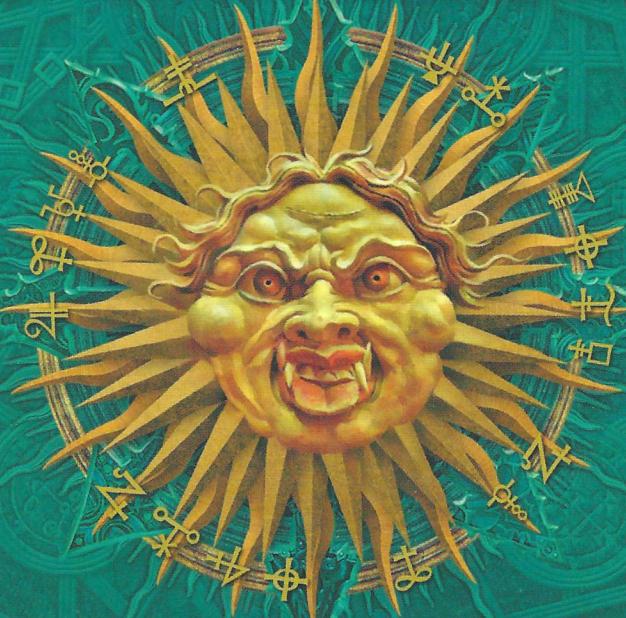

КЛАЙВ БАРКЕР

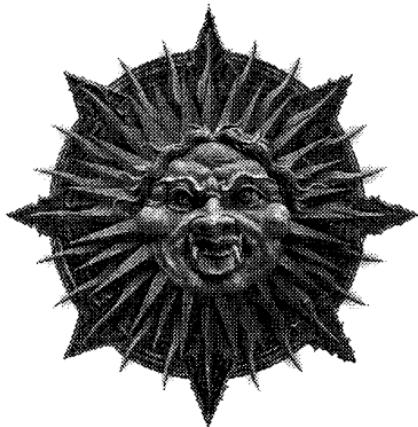

ПРОКЛЯТАЯ
ИГРА

ИГРОВАЯ ИГРА

КЛАЙВ БАРКЕР

КЛАЙВ БАРКЕР

ПРОКЛЯТАЯ ИГРА

МОСКВА

Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2008

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)
Б 25

Clive Barker
THE DAMNATION GAME

© 1985 by Clive Barker

Составитель серии Александр Жикаренцев

Оформление серии Сергея Шикина

Оригинал-макет подготовлен
Издательским домом «Домино»

Баркер К.
Б 25 Проклятая игра: Роман / Клайв Баркер; [пер. с англ.
Д. Аношина]. — М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2008. — 496 с.

ISBN 978-5-699-30496-7

Оказывается, тюрьма не самое худшее место для человека, совершившего преступление. Мартин Штраус, отпущенный из тюрьмы до срока, убеждается в этом на собственной шкуре. Если у тебя на глазах начинают оживать трупы, трижды проклянешь день, когда в обмен на свободу ты согласился работать телохранителем у миллиардера, который отгородился от мира забором с колючей проволокой.

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-699-30496-7

© Перевод. Д. Аношин, 2008
© Оформление. ООО «ИД «Домино», 2008
© Издание на русском языке.
 ООО «Издательство «Эксмо», 2008

Посвящается Дж. Р. Г.

Я благодарю Мэри Роско — она работала без устали, печатая эту рукопись, и еще находила время для множества четко сформулированных замечаний — и Дэвида Т. Каннингэма, внесшего огромное число позднейших добавлений. Я признателен Джулии Блейк, Джону Грэгсону и Вернону Конвею — читателям, чей энтузиазм и проницательность бесценны. Спасибо Дугласу Беннетту, организовавшему для меня незабываемую поездку по тюрьмам, и Алисдеру Камеруну — он обеспечивал меня спагетти, пока я писал эту книгу. И наконец, моя благодарность Барбаре Бут и Нэнн Дю Сато из издательства «Сфера бакс».

*И только смерть, изменчивость и случай
Останутся последнею границей.*

Шелли. Освобожденный Прометей
(Перевод К. Бальмонта)

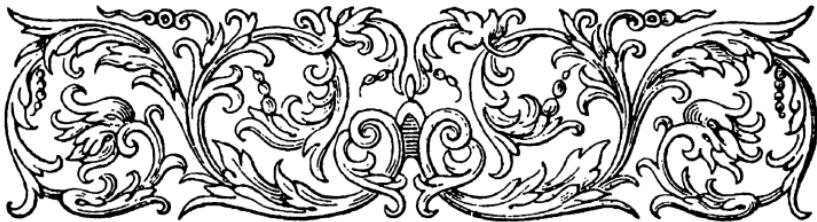
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

TERRA INCOGNITA

*Ад — обиталище для тех, кто отрицает.
Они пожнут плоды того, что посадили
У Озера Пространств и в Чаше Пустоты, —
Скитаются и бродят души там и никогда
не прекратят
Оплакивать свое существование.*

У. Б. Йейтс. Песочные часы
(Перевод Г. Мельницера.)

1

Воздух был словно наэлектризован в тот день, когда вор шел по городу, убежденный, что сегодняшним вечером после многих недель неудач наконец-то отыщет игрока. То было нелегкое путешествие. Восемьдесят пять процентов Варшавы сровнялось с землей — или от смертельных бомбардировок, что предшествовали освобождению города русскими войсками, или по программе уничтожения, осуществлявшейся нацистами перед отступлением. Некоторые районы стали фактически непроходимы для транспорта. Груды обломков усеяли улицы и прикрывали мертведов, словно клубни, готовые всплыть в весеннюю оттепель.

Однако после трех месяцев блужданий вор научился прекрасно ориентироваться в городских джунглях. Он с удовольствием лицеврел пустынное великолепие проспектов и скверов, лиловых от пыли и неестественно тихих; он вторгался в чужие владения, и порой ему казалось, что конец света выглядит именно так. Уцелели лишь несколько городских объектов, по которым прохожий мог определить свое местонахождение: газовая станция за мостом Понятовского, зоопарк по ту сторону реки и отчетливо видная башня Центрального вокзала, давно лишившаяся

часов. Эти и немногочисленные другие свидетельства были красоты Варшавы выжили и вызывали мучительную боль даже у вора.

Дома у него здесь не было. У него вообще не было дома вот уже десять лет. Кочевник и стервятник, он задержался в Варшаве лишь потому, что она предоставляла возможность хорошо поживиться. Скоро он восстановит силы, потраченные во время последних похождений, и отправится дальше. Но сейчас, когда в воздухе кружились первые неуловимые признаки весны, он оставался в городе и наслаждался свободой.

Конечно, задерживаться тут рискованно, но где не рискует человек его ремесла? Годы войны так отшлифовали способности вора, что это пугало его самого. Он был в большей безопасности, чем жители Варшавы — те немногие, что спаслись от всепожирающего пламени. Слегка очумевшие от своей удачи, они постепенно возвращались в город, искали покинутые дома и близких людей. Они бродили среди руин или стояли на углах улиц, вслушивались в похоронную песнь реки и ожидали, когда придут русские, чтобы согнать их в стадо во имя Карла Маркса. Каждый день возводились новые баррикады. Военные медленно, но методично наводили порядок, разделяли и подразделяли город; вскоре так поступят и со всей страной. Однако комендантский час не слишком тревожил вора. За подкладкой своего прекрасно сшитого пальто он хранил удостоверения личности любых видов (кое-что найдено, большая часть украдена), и они выручали его в любой ситуации. Сомнение и недоверие он рассеивал с помощью находчивости и сигарет, поскольку и первое, и второе имелось у него в избытке. Вот и все, что требовалось человеку в том городе, в тот год, дабы ощутить себя властелином мира. И какого мира! Не осталось ни одной прихоти или страсти, какую нельзя было удовлетворить. Глубочайшие секреты тела и духа открывались каждому желающему. Из них рожда-

лись игры. Как раз на прошлой неделе вор услышал рассказ о молодом парне, который играл в древнюю игру с чашками и исчезающим шариком (вот шарик есть — а вот его нет), в своем безумии заменив их тремя ведрами и головой ребенка.

Но это была невинная забава; ведь младенец уже умер, а мертвые не испытывают страданий. В городе практиковались и иные забавы, а в качестве сырья для них использовали живых. Для страждущих и платежеспособных действовал рынок человеческой плоти. Оккупационная армия, уже не занятая в сражениях, заново открыла для себя секс, и это приносило выгоду. За полбуханки хлеба вы могли купить одну из беженок (столь юных, что у них едва проступали груди), чтобы использовать вновь и вновь под покровом темноты; их жалобы оставались без ответа или прерывались ударом штыка, когда девушки теряли привлекательность. В городе, где погибли десятки тысяч, на обыденные убийства смотрели сквозь пальцы. На несколько недель, пока один режим не сменился другим, все стало возможно, ничто не наказуемо; исчезло табу на грех.

В районе Золибожка открылся публичный дом с мальчиками. В подпольном салоне, увешанном трофеями картинами, к услугам любого желающего были малолетние проститутки шести-семи лет, очаровательно худенькие от постоянного недоедания или пухлые — на любой вкус. Заведение пользовалось успехом среди офицеров, но стоило слишком дорого, как слышал вор, для низших чинов. Очевидно, доктрина Ленина о равенстве не распространялась на педофилию.

Спорт — своего рода — обходился гораздо дешевле. В том сезоне особой популярностью пользовались собачьи бои. Бездомных дворняжек, которые возвращались в город в поисках пищи и хозяев, отлавливали, откармливали до бойцовской силы и стравливали друг с другом насмерть. Отвратительное зрелище, но любовь к азартным играм и

пари влекла сюда вора снова и снова. Однажды ночью он выиграл значительную сумму, сделав ставку на низкорослого, но хитрого терьера: тот победил пса раза в три больше самого себя, когда выгрывал противнику яички.

А если интерес к женщинам, мальчикам и собакам утаскал, имелись и другие, эзотерические удовольствия.

В голом амфитеатре, откопанном из-под развалин замка Святой Марии, вор посмотрел первую и вторую части «Фауста» Гете в исполнении одного неизвестного актера. Хотя немецкий вора был далек от совершенства, представление произвело на него чрезвычайное впечатление. Он достаточно хорошо знал сюжет, чтобы следить за действием: договор с Мефистофелем, споры, колдовские трюки, а затем, после обещанного проклятия, отчаяние и ужас. Всех стихов он не разобрал, но одержимость актера двумя ролями — сейчас он искуситель, а в следующий миг искусаемый — столь впечатляла, что вор покидал амфитеатр потрясенный.

Через пару дней он вернулся, чтобы посмотреть пьесу еще раз или по крайней мере поговорить с актером. Но вызов «на бис» не состоялся: увлеченность исполнителя творением Гете расценили как нацистскую пропаганду, и вор обнаружил его повешенным на телеграфном столбе. Труп уже начал разлагаться; он был обнажен, голые ступни объедены, глаза выклеваны птицами, торс изрешечен пулями. Зрелище умиротворило вора. Он счел это доказательством того, что сложные чувства, пробуждаемые актером, незаконны. Если искусство довело художника до такого состояния, то он действительно подлец и мошенник. Рот висельника раскрылся, птицы выклевывали его язык. Невелика потеря.

Были здесь и гораздо более стоящие развлечения. Женщин вор легко получал и бросал, мальчики его не привлекали, но он обожал игры. Он посещал собачьи бои, где можно было испытать судьбу, наблюдая уродливых дворняжек;

или играл в кости в каком-нибудь бараке; или в тоске заключал пари о скорости облаков с умирающим от скучки патрулем. Способ или обстоятельства его мало занимали — только сама игра. С юности это было его единственным настоящим пороком — и оправданием того, что он стал вором. До войны он играл в европейских казино, в основном в «блэк-джек», хотя не брезговал и рулеткой. Теперь, глядя на прошедшие годы сквозь развернутую перед ним завесу войны, он вспоминал те партии, как после пробуждения вспоминают сны: нечто невосстановимое, ускользающее все дальше с каждым дыханием.

Однако это ощущение ушло, когда вор услыхал о картежнике по имени Мамолиан. Говорили, будто он никогда не проигрывает, будто в этом лживом городе он появляется и исчезает, как существо не вполне реальное.

И после Мамолиана все переменилось.

2

Такие рассказы чаще всего оказывались слухами, и большинство слухов не имело ничего общего с истиной. Обычное вранье скучающих солдат. Воображение военного, как обнаружил вор, рождает фантазии более причудливые и чудовищные, чем воображение поэта.

Поэтому рассказ о мастере карточной игры, который появляется из ниоткуда, вызывает на поединок любого желающего и неизменно побеждает, вор счел обычной байкой. Однако настойчивость, с которой повторяли эту апокрифическую легенду, внушала смятение. Она не исчезала, чтобы уступить место новой, еще более нелепой сказке. Она постоянно упоминалась в беседах на собачьих боях, в сплетнях, в настенных надписях. Более того: имена менялись, но факты сохранялись. В конце концов вор начал подозревать, что сплетня содержит долю истины. Возможно, где-то в городе и вправду есть великолепный карточный игрок. Не абсолютно непобедимый, конечно, так не бывает. Но

если этот игрок действительно существует, он действительно особенный. Истории о нем сопровождались предостережениями, похожими на выражение благоговения. Солдаты, будто бы видевшие, как он играет, рассказывали о его изяществе, о почти гипнотической безмятежности. Они отзывались о Мамолиане, как крестьяне о барине, и вор, никогда не признававший ничьего превосходства, испытывал непреодолимое желание разыскать и развенчать карточного короля.

Однако помимо основной картины, составленной из разнообразных домыслов, здесь было кое-что еще. Чтобы отделить правду от лжи, вор решил отыскать того, кто на самом деле встречался с Мамолианом за карточным столом.

Поиски такого человека заняли две недели. Константин Васильев, младший лейтенант; по слухам, он проиграл Мамолиану все, что имел. Русский был огромен, как бык. Вор чувствовал себя гномом рядом с ним. Обычно большие люди обладают мощной энергией, способной питать их анатомию, однако Васильев казался полностью опустошенным. Если он когда-то и имел мужество, то сейчас его совсем не осталось. Он походил на беспокойного и слабого ребенка.

Потребовался час уговоров, добрая половина бутылки водки с «черного рынка» и полпачки сигарет, чтобы Васильев перестал отвечать односложно. Когда русский решился на откровения, они хлынули потоком — исповедь человека на грани полного духовного распада. В его рассказе слышались жалость к самому себе и злость, но больше всего — страх. Васильев не помнил себя от ужаса. Вор был весьма впечатлен — не слезами отчаяния, а тем, что безликий картежник Мамолиан сумел сломить сидящего напротив гиганта. Под маской утешения и дружеских советов вор старался выжать из русского всю информацию, какую тот мог предоставить; он выискивал любую значимую деталь, чтобы облечь в плоть и кровь интересовавшую его химеру.

— Ты говоришь, он побеждает без единого проигрыша?

— Всегда.

— Ну а что у него за метод? Как он передергивает?

Васильев оторвался от созерцания голых плит паркета на полу.

— Передергивает? — недоверчиво переспросил он.— Он не шельмует. Я играл в карты всю жизнь. И с лучшими, и с худшими. Я знаю все трюки, на какие способен человек. Но я говорю тебе, что он играет честно.

— Самый удачливый игрок хоть раз да проигрывает. Законы случая...

Выражение искренней радости появилось на лице Васильева, и вор на миг увидел того человека, что обитал в этой крепости, пока не рухнул в пропасть безумия.

— Законы случая для него ничто. Ты не понимаешь? Он не такой, как ты или я. Как может человек всегда выигрывать, не имея власти над картами?

— Ты веришь в такое?

Васильев приподнял плечи и снова тяжело опустил их.

— Для него,— произнес он почти созерцательно в состоянии крайнего уныния,— победа это красота. Это как сама жизнь.

Его глаза вернулись к бессмысленному блужданию по грубой фактуре паркетных плит, пока вор укладывал в голове его слова: «Победа это красота. Это как сама жизнь». Весьма странная речь, трудно ее понять. Пока он пытался уяснить значение слов, Васильев придинулся ближе. Его дыхание было наполнено страхом, его огромная рука требила рукава вора. Он проговорил:

— Я уже готов к отправке, тебе не сказали? Через несколько дней я буду далеко отсюда. Я получу награду, когда вернусь домой. Вот почему меня так быстро отправляют: потому что я герой, а герои получают то, что им нужно. Я уеду, и он никогда не найдет меня.

— А зачем ему искать тебя?

Рука, ухватившаяся за рукав, сжалась в кулак. Васильев притянул вора к себе:

— Мне нечем отдать ему долг, я проигрался в пух и прах. Если я останусь, он убьет меня. Он уже убил других. Он и его приятели.

— Он не один? — удивился вор.

Он думал, что игрок обходится без помощников. Их наличие не вязалось со сложившимся образом.

Васильев высморкался с помощью пальцев и откинулся в кресле. Оно скрипнуло под его тушей.

— Кто знает, где правда, а где вымысел? — прошептал он. — А если я скажу тебе, что рядом с ним мертвцы, ты мне поверишь? — И ответил себе сам, качая головой: — Нет. Ты решишь, что я спятил...

Его глаза слезились.

«Когда-то,— подумал вор,— этот человек был уверенным и решительным; возможно, он даже был героем. Теперь все благородные качества испарились, чемпион уменьшился до сопливой тряпки, болтливого ничтожества».

В душе он зааплодировал блистательной победе Мамолиана. Вор ненавидел героев.

— Последний вопрос... — начал он.

— Ты хочешь знать, где можно найти его.

— Да.

Русский уставился на свой большой палец, глубоко вздыхая. Все это было так утомительно.

— Что ты получишь, играя с ним? — спросил лейтенант и снова ответил себе сам: — Только унижение. Возможно, смерть.

Вор поднялся.

— Так ты не знаешь, где Мамолиан? — спросил он, собираясь засунуть в карман полупустую пачку сигарет, лежавшую между ними на столе.

— Подожди. — Васильев потянулся к сигаретам, пока они не исчезли. — Подожди.

Вор положил пачку обратно на стол, и Васильев накрыл ее огромной ладонью. Он посмотрел на своего собеседника и проговорил:

— Последний раз, когда я слышал о нем, он был к северу отсюда. Около площади Мурановского. Знаешь ее?

Вор кивнул. Неприятное место, но тот район ему знаком.

— И как я найду его? — спросил он.

Русский смотрел на него с недоумением.

— Я даже не знаю, как он выглядит, — добавил вор, пытаясь объяснить Васильеву.

— Тебе не нужно искать его, — ответил Васильев. Он прекрасно все понимал. — Если он захочет играть с тобой, он сам тебя найдет.

3

На следующую ночь, первую из множества таких ночей, вор отправился на поиски игрока. Начался апрель, но было все еще холодно. Он вернулся в свою комнату в наполовину разрушенном отеле, окоченев от мороза, разочарования и — хотя он не признавался себе в этом — страха. Район вокруг площади Мурановского был адом внутри преисподней; бомбы разворотили канализационные трубы, и зловоние, поднимавшееся от воронок, подтверждало это. Другие воронки использовались для сжигания тел казненных горожан — они ритмично вспыхивали, когда пламя добиралось до наполненного газом живота мертвеца или до лужицы человеческого жира. Каждый шаг по этой земле был опасным приключением даже для вора. Смерть во всех своих формах поджидала повсюду: сидела на краю воронки, грела ноги у огня, как лунатик, бродила среди обломков, с хохотом играла в саду из костей и шрапнели.

Забыв об опасности, вор пересекал район в разных направлениях, но игрок избегал его. И с каждой неудачной попыткой, с каждым бесплодным путешествием поиски

все сильнее увлекали вора. В его воображении безликый игрок представлялся чем-то вроде таинственной силы из легенды. Увидеть Мамолиана во плоти и убедиться, что он существует в том же самом мире, где обитает вор,— это стало вопросом веры, способом подтвердить собственное существование.

После полутора недель напрасных поисков вор вернулся, чтобы отыскать Васильева. Русский был мертв. Его тело с перерезанным от уха до уха горлом нашли день назад: оно плавало вниз лицом в одном из канализационных тоннелей, расчищаемых солдатами в Воле. Лейтенант был не один. Вместе с ним дрейфовали еще три трупа: зарезанные точно таким же образом и подожженные, они походили на огненные корабли в реке экскрементов. Один из солдат, наблюдавших появление этой флотилии, рассказал вору: мертвецы словно парили в темноте. В первый жуткий момент они казались неизбежно приближавшимися ангелами.

Затем, конечно, начался ужас. Горящие трупы погасили и перевернули. На лице Васильева в свете фонаря застыло удивление, как у ребенка, пораженного страхом перед колдуном-убийцей.

Его документы на отправку домой прибыли в тот же день.

Эти бумаги, видимо, послужили причиной административной ошибки, завершившей трагедию Васильева на комической ноте. Все опознанные тела сожгли в Варшаве, кроме тела младшего лейтенанта Васильева, чей послужной список не допускал столь небрежного отношения. Планировалось отправить тело на родину, чтобы с почестями кремировать в родном городе. Кто-то просмотрел бумаги и забрал их, чтобы переделать в записи живого Васильева на Васильева-мертвеца. Но тело загадочным образом исчезло. Никто не взял на себя ответственность за это: скорее всего, труп просто отправили дальше «по течению» почты.

Смерть Васильева лишь подхлестнула любопытство вора. Жестокость Мамолиана околовала его. Рядом жил человек, убирающий мусор, питающийся падалью, живущий за счет слабости других, и успех сделал его настолько дерзким, что он отважился на убийство или приказал убить тех, кто перешел ему дорогу. От предвкушения вора была первная дрожь. Если ему удавалось уснуть, во сне он блуждал по площади Мурановского. Она была заполнена туманом, который казался живым, мог в любой момент рассеяться и показать игрока. Вор как будто влюбился.

4

Этим вечером потолок грязных облаков над Европой проходился: голубой, хотя и бледный, просвет в тучах становился все шире. И теперь, ближе к вечеру, небо над головой абсолютно расчистилось. На юго-западе громадные кучевые облака — золотистые и коричневатые, похожие на цветную капусту, — набухали грозой, но мысли об их ярости лишь возбуждали. Сегодня воздух как будто наэлектризован, и вор найдет игрока — он не сомневался в этом. Он был уверен с той секунды, как проснулся утром.

Ближе к ночи вор отправился на север в сторону площади, не думая о том, где идет. Маршрут был ему хорошо знаком. Он беспрепятственно миновал два поста: уверенная походка служила хорошим паролем. Сегодня он неувязым здесь, в городе с сиреневым ароматным воздухом и сверкающими в зените звездами. Он чувствовал, как наэлектризованные волоски на его руках встают дыбом, и улыбался. Он видел, как вооруженный до зубов человек что-то кричит из окна, и улыбался. Недалеко отсюда Висла, разбухшая от дождя и талого снега, с грохотом неслась к морю. Он двигался неудержимо, как она.

Золото облаков исчезло, прозрачная голубизна потемнела, пришла ночь.

Вор был уже на подъезде к площади Мурановского, когда что-то мелькнуло перед ним, сзади прошелестел порыв ветра и воздух внезапно наполнился белым конфетти. Невероятно, неужели здесь могут играть свадьбу? Один из кружков опустился ему на ресницы, и вор снял его пальцами. Это не конфетти — это лепесток. Вор растер кружок между большим и указательным пальцами. Повеяло ароматом растерзанной плоти цветка.

В поисках источника лепестков он прошел немного вперед и завернул за угол площади, где обнаружил висящий в воздухе призрак дерева, усыпанного цветами. Казалось, оно не имеет корней; белоснежная корона была залита звездным светом, ствол еле различим. От этой удивительной красоты у вора перехватило дыхание, он сделал несколько шагов к дереву, будто приближался к дикому животному, стараясь не спугнуть. Вдруг что-то заныло у него в животе. Не благоговейный страх перед цветами, не остатки той радости, которую он ощущал по пути сюда; совершенно иное, новое чувство охватило его на площади.

Он так привык к жестокости и ужасу, что долгое время считал себя неустранимым. Почему же теперь он остановился в нескольких шагах от дерева, боязливо впившись ногтями в ладони, и в тревоге пытался угадать, что скрывается под зонтом из цветов? Ему нечего бояться. Только лепестки в воздухе, тень на земле. Тем не менее он судорожно глотал воздух и надеялся, что произойдет чудо и его страх действительно не имеет под собой реальной основы.

«Ну,— подумал он,— если ты хочешь мне что-нибудь показать, я жду».

За его молчаливым приглашением последовали две вещи. Где-то позади гортанный голос спросил по-польски:

— Ты кто?

Безумно забилось сердце, дерево стало расплыватьсь перед глазами, и тут из-под ветвей, отяжелевших от цветов, неуклюже вывалилась фигура. Ее моментально озарил звезд-

ный свет. В обманчивой тьме вор не сразу понял, что он видит: забытое лицо, тупо глядящие на него глаза, обожженные волосы. Покрытый струпьями остов, огромный, как бычья туша. Громадные руки Васильева.

Это все или ничего? Фигура уже повернулась, чтобы скрыться за деревом. Качающаяся голова задела ветки и исчезла. Стайка лепестков опустилась, порхая, на древесные плечи.

— Ты меня слышишь? — произнес голос за спиной.

Вор не оглянулся. Прищурившись, он продолжал смотреть на дерево и пытался отделить реальность от иллюзии. Но человек, кто бы он ни был, исчез. Конечно, это не русский лейтенант — здравый смысл против такого восставал. Васильев мертв, его нашли лежащим вниз лицом в канализационной канаве. Его тело, наверное, уже отправили к дальней пограничной заставе Российской империи. Его здесь нет, его не может быть здесь. Но вор чувствовал острую необходимость выяснить, кто этот незнакомец, схватить его за плечо, заставить обернуться, взглянуть в лицо и убедиться, что он — не Константин. Однако поздно: вошедшавший за спиной вора крепко взял его за руку, требуя ответа. Ветви дерева перестали качаться, лепестки прекратили падать, огромная фигура исчезла.

Вор вздохнул и повернулся к тому, кто задавал вопросы.

Человек, стоящий перед ним, приветливо улыбался. Это оказалась женщина в подвязанных веревкой штанах, которые были ей чересчур велики. Больше никакой одежды. Голова полностью выбрита, ногти на ногах накрашены. Потрясение от вида дерева соединилось с удовольствием от созерцания ее наготы. Блестящие полушария грудей были совершенны, и вор почувствовал, как его кулаки разжались, а ладони затрепетали от желания дотронуться до этого тела. Однако столь пристальный взгляд мог показаться слишком откровенным. Он вновь посмотрел на лицо женщины, желая удостовериться, что она по-прежнему улы-

бается. Она улыбалась; но вор пристальнее вгляделся в ее лицо и обнаружил: то, что он принял за улыбку, было постоянным выражением ее изуродованного лица. У женщины не было губ — вместо них обнаженные десны и зубы. На ее щеках остались ужасные шрамы от ран, повредивших сухожилия, из-за чего рот оставался открытым. Она выглядела жутко.

— Ты хочешь... — начала женщина.

«Хочу?» — подумал он, снова мельком взглянув на ее грудь.

Эта небрежная нагота возбуждала его, несмотря на изувеченное лицо. Однако мысль об обладании ею внушала ему отвращение — оргазм не стоит того, чтобы целовать этот безгубый рот. Но если она предложит, он согласится, и к чертям отвращение.

— Ты хочешь... — повторила она снова своим неопределенным голосом, ни мужским, ни женским. Она не могла четко выговаривать слова без помощи губ. Однако ей удалось закончить вопрос: — Ты хочешь сыграть в карты?

Он понял все не так. Она не питала к нему интереса, ни сексуального, ни какого-либо еще. Она была вестницей. Мамолиан здесь. Возможно, на расстоянии плевка. Возможно, он наблюдает за ними сейчас.

Но поток эмоций, нахлынувший на вора, приглушил радость, которую он должен был почувствовать. Вместо триумфа он ощутил клубок противоречивых образов, копошащихся в голове: цветы, груди, темнота, приближающееся лицо мертвеца, похоть, страх, одинокая звезда в просвете между облаками. С трудом подбирая слова, он ответил:

— Да. Я хочу сыграть.

Она кивнула, отвернулась и пошла через площадь, обогнув дерево, чьи ветки еще качались от прикосновений того, кто не был Васильевым. Вор последовал за женщиной. Глядя на грациозные движения ее обнаженных ног, можно было забыть о безобразном лице. Она не выбирала, ку-

да ступить. Она ни разу не пошатнулась, несмотря на стекло, обломки кирпича и шрапнель под ногами.

Она провела его по развалинам большого здания на другой стороне площади. Полуразрушенные стены, когда-то впечатляющие, еще стояли; сохранился даже дверной проем, однако самой двери не было. Сквозь него мерцал огонь костра. Обломки внутреннего убранства наполовину засыпали проход; женщине и вору пришлось пригнуться, чтобы забраться в дом. В темноте рукав его пальто за что-то зацепился и порвался. Женщина даже не глянула, не покричала ли он, хотя вор выругался достаточно громко. Она просто двигалась вперед по горам битого кирпича и рухнувших балок, а он карабкался за ней, ощущая себя страшно неуклюжим. В свете костра он оценил размеры помещения — прежде это был шикарный дом. Однако сейчас не было времени смотреть по сторонам. Женщина уже обошла костер и стала карабкаться по лестнице. Он следовал за ней, обливаясь потом. Костер вспыхнул, вор обернулся и мельком успел разглядеть кого-то, скрытого пламенем, по ту сторону огня. Как будто человек подбросил в костер прогнивших дров, и сноп почти живых искр взвился к небу.

Женщина взбиралась по лестнице. Вор спешил за ней, и его огромная тень дрожала на стене. Женщина поднялась наверх, когда он преодолел половину пути; она прокользнула во второй дверной проем и исчезла. Он ускорил шаги и вступил в тот же проем.

Свет костра едва проникал в комнату, и поначалу вор не мог ничего разглядеть.

— Закрой дверь,— сказал кто-то.

Вор не сразу понял, что слова относятся к нему. Он попытался нашарить ручку, не обнаружил ее и толкнул дверь, которая со скрипом закрылась.

Потом он опять обернулся в сторону комнаты. Женщина стояла в нескольких шагах впереди, ее вечно радостное лицо уставилось на него, улыбаясь от уха до уха.

— Твоё пальто,— сказала она.

Она протянула руки, чтобы помочь ему раздеться. Затем отошла в сторону, открыв глазам вора объект его долгих поисков.

Однако сначала его взгляд привлек не Мамолиан, а другое: деревянный резной запрестольный образ, приставленный к стене за спиной игрока. Готический шедевр, даже во мраке сверкающий золотом, пурпуром и лазурью. Военный трофей, подумал вор; так вот для чего ублюдок использует свое везение. Теперь он взглянул на человека перед триптихом. Тот сидел за столом перед коптящим фитильком, погруженным в масло. На лицо картежника падал яркий, но мерцающий свет.

— Итак, пилигрим,— произнес человек,— ты нашел меня наконец.

— Скорее *ты* нашел меня,— ответил вор.

Все случилось так, как предупреждал Васильев.

— Я слышал, ты мечтаешь сыграть пару партий. Верно?

— Почему бы и нет?

Он старался говорить как можно небрежнее, хотя его сердце выбивало в груди бешеную чечетку. К сожалению, он появился в резиденции Мамолиана неподготовленным. Его волосы прилипли к черепу от пота; на руках осела кирпичная пыль, под ногтями застрияла грязь. «Наверное,— подумал он смущенно,— я выгляжу как вор, каковым и являюсь.

Мамолиан, напротив, казался воплощением достоинства. Его строгая одежда — черный галстук, серый костюм — никак не выдавала мошенника. Он, легендарный игрок, походил на биржевого брокера. Его лицо, как и одежда, было открытым и простым, его упругая, прочерченная тонкими морщинами кожа казалась восковой в мягком свете масляной лампы. Он выглядел лет на шестьдесят или около того: слегка впалые щеки, большой аристократический нос, широкие и высокие брови. Он почти облысел, волосы оставались только на затылке, тонкие и белоснежные. Но

и его позе не было ни утомленности, ни болезненности. Он сидел, выпрямившись в кресле, а его быстрые руки с любовной непринужденностью тасовали колоду карт. Только глаза игрока напоминали о снах, где вор видел его. У биржевых брокеров не бывает таких голых глаз. Таких ледяных и беспощадных глаз.

— Я ждал, что ты придешь, пилигрим. Рано или поздно.— По-английски он говорил без акцента.

— Я опоздал? — полуслыша спросил вор.

Мамолиан положил карты на стол. Казалось, он отнесся к вопросу слишком серьезно.

— Посмотрим,— ответил он и помолчал.— Ты, конечно, знаешь, что у меня игра с очень высокими ставками.

— Я слышал об этом.

— Если ты захочешь отказаться сейчас, пока мы не зашли слишком далеко, я прекрасно пойму тебя,— заявил игрок без тени иронии.

— Ты не хочешь, чтобы я играл?

Мамолиан крепко сжал тонкие сухие губы и нахмурился.

— Напротив,— сказал он,— я очень хочу, чтобы ты играл.

В его голосе послышалось — или нет? — нечто вроде печали. Вор не был уверен, обмоловка это или актерство.

— Но я не люблю,— продолжил Мамолиан,— тех, кто не платит свои долги.

— Ты имеешь в виду лейтенанта,— наугад сказал вор.

Мамолиан посмотрел на него в упор.

— Я не знаю никакого лейтенанта,— ровно произнес он.— Я знаю только картежников вроде меня. Некоторые хороши, большинство — нет. Они приходят сюда испытать характер, как и ты.

Он вновь взял колоду, и она зашевелилась в его руках, как живая. Пятьдесят две карты порхали в неясном свете, и каждая чуть отличалась от предыдущей. Они были почти

неприлично красивы. За последние месяцы вор не видел ничего более целого и безупречного, чем их глянцевые рубашки.

— Я хочу играть,— произнес он, сопротивляясь гипнотизирующими пассам карт.

— Тогда садись, пилигрим,— сказал Мамолиан, как будто вопросов и не возникало.

Женщина почти беззвучно поставила кресло для вора. Он сел и встретил пристальный взгляд Мамолиана. Было ли в этих безрадостных глазах намерение причинить ему вред? Нет. Там не было ничего, что могло бы его испугать.

Вор пробормотал слова благодарности, расстегнул манжеты рубашки, закатал рукава и приготовился.

Игра началась.

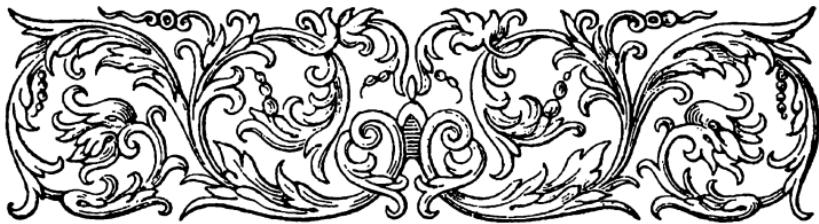
ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПРИЮТ

Дьявол ни в коем случае не есть наихудшее, как это часто представляют; я скорее имел бы дело с ним, чем со многими людьми. Он соблюдает свои соглашения куда более строго, чем иные мошенники на земле. На самом деле, когда настает время уплаты, он приходит точно в срок, с двенадцатым ударом часов, получает свою душу и отправляется домой в преисподнюю, как и положено доброму дьяволу. Он всего лишь бизнесмен — честный и справедливый.

И. Н. Нестрой. Князь тьмы

ПРОВИДЕНИЕ

5

После шести лет тюремного срока в Уондсворте Марти Штраус привык к ожиданию. Он ждал, чтобы умыться и побриться утром; он ждал, чтобы поесть и сходить в сортир; он ждал свободы. Слишком много ожиданий. Все это было частью наказания, как, безусловно, и собеседование, на которое его вызвали в то унылое утро. Он привык к ожиданию, но к собеседованиям привыкнуть нельзя. Он не видел эту бюрократическую машину: личное дело с отчетами о поведении, о домашних обстоятельствах, о психиатрических экспертизах; необходимость раз в несколько месяцев стоять разделенным перед очередным невежественным тюремным служащим, пока он объясняет тебе, какое ты мерзкое создание. Это причиняло боль, и Марти знал, что не избавится от нее никогда. Никогда не забудет душную комнату, заполненную грязными намеками и разбившимися надеждами. Он будет помнить ее всегда.

Входите, Штраус.

Комната с прошлого раза почти не изменилась, только воздух стал еще более спертым. Человек же, сидящий за столом, не изменился вообще. Его звали Сомервейл, и немало заключенных в Уондсворте молились о том, чтобы он прошел. Сегодня он был не один за покрытым пластиком столом.

— Садитесь, Штраус.

Марти мельком глянул на соседа Сомервейла. Тот не походил на тюремщика. Его костюм был слишком хорош, а ногти были слишком ухожены. На вид чуть старше среднего возраста, крепко сбитый, со слегка склоненным носом, будто его когда-то сломали, а затем не идеально восстановили. Сомервейл сразу представил его:

— Штраус. Это мистер Той...

— Привет,— сказал Марти.

Загорелая физиономия повернулась к нему; взгляд пристальный и откровенно оценивающий.

— Очень рад познакомиться,— произнес Той.

Его испытующий взор выражал нечто большее, чем простое любопытство.

Что, думал Марти, он может видеть? Человека со следами времени на лице и руках, с телом, вялым из-за плохой пищи и отсутствия физических нагрузок, нелепо подстриженными усами и тоскливыми глазами. Марти знал каждую унылую деталь своего облика. Он не стоил повторного взгляда. И все же голубые глаза смотрели на него почти с восхищением.

— Я думаю, надо перейти прямо к делу,— обратился Той к Сомервейлу и положил ладони на стол.— Много ли вы рассказали мистеру Штраусу?

Мистер Штраус. Приставка почти забытой вежливости.

— Я ничего ему не говорил,— ответил Сомервейл.

— Тогда начнем сначала,— сказал Той. Он откинулся в кресле, все еще держа руки на столе.

— Как вам угодно,— кивнул Сомервейл и явно приготовился произнести обстоятельную речь.— Мистер Той...— начал он.

Но не продвинулось дальше, потому что гость его перебил.

— Вы позволите? — спросил Той.— Возможно я смогу лучше обрисовать ситуацию.

— Как вам угодно,— повторил Сомервейл.

Он полез в карман за сигаретой, едва скрывая досаду. Той не обратил на него внимания. Глаза на его асимметричном лице по-прежнему смотрели на Марти.

— Моего нанимателя,— начал Той,— зовут Джозеф Уайтхед. Я не знаю, говорят ли вам о чем-то это имя? — Он не стал дожидаться ответа и продолжил: — Без сомнения, вы знакомы с его фирмой «Уайтхед корпорейшн». Это одна из крупнейших фармацевтических компаний в Европе...

Имя прозвенело в голове Марти тихим колокольчиком. Оно напомнило что-то скандальное, однако породило смутные и неопределенные надежды. У Марти не было времени разбираться, что к чему: речь Тоя неслась на всех парах.

— Хотя мистеру Уайтхеду уже далеко за шестьдесят, он по-прежнему руководит делами корпорации. Он добился всего сам и, как вы понимаете, посвятил жизнь своему созданию. Но он не хочет быть на виду, как когда-то...

Внезапно перед глазами Марти возникла фотография с первой полосы газеты. Человек, закрывающийся рукой от объектива; краткий миг личной жизни, выставленный на всеобщее обозрение.

— Он избегает публичности и после смерти жены потерял вкус к общественной жизни...

Тем самым разделяя нежелательный интерес публики, Штраус вспомнил женщину — изумительную красавицу, даже в нелестном свете фотовспышки. Жена человека, о котором говорил Той.

— Вместо этого он выводит корпорацию из центра внимания, а свое свободное время посвящает социальным проблемам. Среди них — переполнение тюрем и серьезное ухудшение работы тюремных служб.

Последняя фраза, без сомнения, полетела камнем в огород Сомервейла и поразила его без промаха. Он ткнул наполовину выкуренную сигарету в жестянную пепельницу, бросив мрачный взгляд на соседа.

— Когда настало время нанять нового личного телохранителя,— продолжал Той,— мистер Уайтхед решил искать

подходящего кандидата среди людей, отбывающих заключение, а не среди тех, кого предлагают соответствующие агентства.

«Это не может иметь отношения ко мне,— подумал Штраус.— Это слишком хорошо и слишком нелепо. Но если так, что Той здесь делает, зачем эта болтовня?»

— Он ищет человека, срок заключения которого подходит к концу. Если кандидат покажется достойным и мне, и самому мистеру Уайтхеду, он получит возможность вернуться в общество, уже имея работу и определенное самоуважение. Мне предложили рассмотреть ваш случай, Мартин. Могу я называть вас так?

— Обычно меня зовут Марти.

— Отлично. Пусть будет Марти. Я не стану слишком обнадеживать вас. Я буду разговаривать с другими кандидатами и в итоге могу прийти к выводу, что нам не подходит никто. Я просто хотел бы понять, насколько вас интересует такая возможность, будь она вам предоставлена.

Марти улыбнулся. Не губами, а внутри себя, куда Сомервейл не доберется.

— Вы понимаете о чем я спрашиваю?

— Да. Я понимаю.

— Джо... мистер Уайтхед... нуждается в человеке, способном полностью принять на себя заботу о его благополучии. Телохранитель должен быть готов подвергнуть опасности собственную жизнь, чтобы защитить своего хозяина. Я понимаю, что мы требуем многоного.

Лоб Марти покрылся морщинами. Это действительно немало, особенно после шести с половиной лет в Уондсворте, где он научился надеяться лишь на себя. Той быстро почувствовал смущение Марти.

— Это беспокоит вас,— сказал он.

Марти мягко пожал плечами:

— И да и нет. Мне никто никогда ничего подобного не предлагал. Я не хочу вешать вам лапшу на уши — мол, я мечтаю быть убитым вместо кого-то другого. Нет, вовсе

не так. Я бы согнал, если бы сказал это.— Кивок Тоя приободрил Марти, и он закончил: — Я говорю вам правду.

— Вы женаты? — спросил Той.

— Мы расстались.

— Позвольте спросить, вы намерены официально развестись?

Марти поморщился. Он избегал подобных разговоров. Это его рана, он сам ее лечил, сам должен был терпеть. Ни один товарищ по заключению не смог ничего из него вытянуть. Он молчал дайже во время длинных ночных исповедей одного из них — еще до Фивера, который не интересуется ничем, кроме еды и девиц с журнальных фото. Но сейчас придется что-то сказать. Они наверняка докопались до всех деталей. Возможно, Той больше Марти знает о том, как и с кем живет Шармейн.

— Шармейн и я... — Он попытался выразить спутанный клубок своих чувств, но не нашел слов и резко заявил: — Не думаю, что мы снова будем вместе, если вы об этом.

Той почувствовал боль в голосе Марти; услышал ее и Сомервейл. Впервые после того, как посланник Уайтхеда вступил в диалог, офицер начал проявлять интерес к разговору. «Хочет посмотреть, как я откажусь от этой работы,— подумал Марти.— Что ж, хрен тебе, ты не получишь удовольствия».

— Это не проблема,— прямо сказал он.— Вернее, это моя проблема. Я все еще привыкаю к мысли, что Шармейн не будет рядом, когда я выйду. Вот и все.

Теперь Той дружелюбно улыбался.

— На самом деле, Марти,— отозвался он,— я не хочу лезть не в свое дело. Я забочусь только о том, чтобы вы верно понимали ситуацию. Если вы будете работать на мистера Уайтхеда, вам придется жить в его доме, вместе с ним. Вы не сможете покидать дом без специального разрешения хозяина или моего. Другими словами, у вас не будет абсолютной свободы. Далее. Такая жизнь может показаться в некотором роде незапертой тюрьмой. Поэтому для

меня очень важно знать обо всех связях, способных послужить для вас соблазном и вызвать желание покинуть дом.

— Да, я понимаю.

— Более того, если по каким-либо причинам ваши отношения с мистером Уайтхедом не сложатся, если один из вас чувствует, что работа вам не подходит, я боюсь...

— Что я отправлюсь обратно отбывать срок.

— Да.

Последовала неприятная пауза, Той тихо вздохнул. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы восстановить равновесие, затем он сменил тему:

— Я должен задать вам несколько вопросов. Вы занимались боксом, я не ошибаюсь?

— Да. Когда-то занимался.

Той выглядел разочарованным.

— Вы бросили?

— Да,— ответил Марти.— Еще я занимался штангой.

— Владеете вы каким-нибудь видом самообороны? Дзюдо? Каратэ?

Марти хотел солгать, но какой смысл? Той все узнает у администрации Уондсвортса.

— Нет,— ответил он.

— Жаль.

У Марти засосало под ложечкой.

— Но я достаточно здоров,— сказал он.— И силен. Я могу научиться.

Он почувствовал, что его голос невольно задрожал.

— Боюсь, ученик вам не требуется,— вмешался Сомервейл, едва скрывая злорадство.

Марти наклонился через стол, стараясь забыть о присутствии пиявки-тюремщика.

— Я справлюсь с этой работой, мистер Той,— настойчиво произнес он.— Я знаю, что справлюсь. Дайте мне шанс.

Дрожь нарастала, живот свело. Лучше остановиться, пока он не сказал ничего лишнего. Но он не мог.

— Дайте мне возможность доказать. Ведь я прошу немного. Если я не справлюсь, это будет моя вина, правда? Только один шанс. Вот все, о чем я прошу.

Лицо Тоя выражало нечто вроде сочувствия. Неужели все кончено? Неужели он передумал — один неверный ответ, и все испорчено,— и теперь мысленно закрывает свой портфель и возвращает дело Штрауса М. в липкие руки Сомервейла, чтобы тот похоронил папку между делами других заключенных?

Марти стиснул зубы и опустился в неудобное кресло, уставившись на свои дрожащие руки. Он не мог смотреть на побитую элегантность лица Тоя. Особенно теперь, когда так раскрылся. Той увидел бы в его глазах боль и надежду, а Марти не вынес бы этого.

— На вашем суде... — заговорил Той.

Ну что еще? Зачем он продолжает эту пытку? Марти сейчас хотел одного: вернуться в камеру, где Фивер сидит на койке и играет со своими куколками, где знакомая скуча и монотонность укроют его. Но Той не спешил. Он хотел знать правду, полную правду и ничего, кроме нее.

— На суде вы заявили, будто личным мотивом для влечения вас в ограбление были игорные долги. Я прав?

Марти перенес свое внимание с рук на ботинки. Шнурки развязались. Они были достаточно длинными, чтобы завязать двойной узел, но у Марти никогда не хватало на это терпения. Ему нравились простые узлы. При необходимости можно легко потянуть за конец шнурка, и узел исчезал, как по волшебству.

— Это правда? — снова спросил Той.

— Да, это правда, — ответил Марти. Он зашел слишком далеко, так почему не завершить историю? — Нас было четверо. И два ствола. Мы хотели взять инкассаторский фургон. Все пошло из рук вон плохо. — Он поднял глаза, Той внимательно смотрел на него. — Водитель получил пулю в живот. Потом умер. Об этом есть запись в моем деле, не так ли?

Той кивнул.

— А про фургон? Это тоже есть в деле?

Той не ответил.

— Он оказался пустым,— продолжал Марти.— Мы ошибались с самого начала. Эта хрень была пустой.

— А долги?

— А?

— Ваши долги Макнамаре. Вы все еще должны ему?

Парень уже действовал Марти на нервы. Какое дело Тою, должен он кому-то здесь или нет? Никакого; это прикрытие, чтобы с достоинством удалиться.

— Отвечайте мистеру Тою, Штраус,— потребовал Сомервейл.

— А какое вам дело...

— Мне интересно,— искренне ответил Той.

— Понятно.

Засунь свой интерес себе в задницу, подумал Марти. Они уже услышали его исповедь и получили намного больше, чем предполагалось.

— Я могу идти? — спросил Марти.

Он взглянул на них. Не Той, а Сомервейл ухмылялся в дыму своей сигареты, довольный тем, что беседа потерпела крах.

— Полагаю, да, Штраус,— ответил он.— Если у мистера Тоя больше нет вопросов.

— Нет,— глухо отозвался Той.— Нет, я полностью удовлетворен.

Марти поднялся, все еще избегая смотреть Тою в глаза. Маленькая комната заполнилась отвратительными звуками: скрежет ножек стульев по полу, резкий кашель Сомервейла. Той записывал что-то в блокнот. Все кончено. Сомервейл сказал:

— Вы можете идти.

— Было очень приятно познакомиться с вами, мистер Штраус,— проговорил Той в спину Марти, когда тот подошел к двери.

Марти повернулся. Он никак не ожидал, что Той улыбнется ему и протянет ладонь для рукопожатия. Марти кивнул и взял его руку.

— Спасибо, что уделили мне время,— закончил Той.

Марти закрыл за собой дверь и отправился в камеру в сопровождении надзирателя Пристли.

Он смотрел на птиц, пикирующих с крыши здания на землю в поисках лакомых кусочков. Они прилетали и улетали когда хотели, они строили гнезда, они принимали свободу как данность. Марти не завидовал им ни капли. А если и завидовал, то сейчас было не время распускаться.

6

Прошло тридцать дней, ни от Тоя, ни от Сомервейла ничего не было слышно. Да Марти и не особенно ждал. Возможность упущена, он сам поставил на ней крест, отказавшись говорить о Макнамаре. Поэтому он пытался задавить надежду в зародыше. Но забыть разговор с Тоем он не мог, как ни пытался. Случившееся выбило его из колеи, и последствия были столь же удручающими, как и причина. Марти думал, что постиг искусство безразличия путем болезненного опыта; так дети узнают, что горячая вода обжигает.

Этого опыта у него хватало в избытке. Первые двенадцать месяцев заключения он боролся со всем миром и с каждым, кто попадался ему на пути. Он ни приобрел ни друзей, ни влияния на систему; в итоге получил лишь синяки и плохие воспоминания. На второй год, раздосадованный поражением, он начал собственную войну: принялся качать мускулы и боксировать. Он решил создать тело, которое поможет ему взять реванш. Но в середине третьего года в его жизнь вошло одиночество, прежде заглушенное мышечной болью после множества мучительных упражнений (мускулы развивались день за днем, преодолевая и отодвигая болевой порог). В тот год он примирился

с самим собой и с тюрьмой. Это было нелегкое примирение, но после него все пошло на лад. Теперь Марти чувствовал себя как дома в гулких коридорах, в камере и в том маленьком, постоянно сужающемся пространстве в собственной голове, где самые приятные впечатления превращались в отдаленные воспоминания.

Четвертый год принес новые страхи. Ему исполнилось двадцать девять, не за горами тридцать, а он очень четко помнил, что несколько лет назад считал тридцатилетних стариками. Было больно осознавать это, и давняя клаустрофобия (боязнь, что тебя поймают в ловушку не тюрьма, а сама жизнь) вернулась и усилилась. С нею вместе появилась безрассудная слепая храбрость. В тот год он обзавелся двумя татуировками: алая и синяя молнии на левом плече и «США» на правом предплечье. Прямо перед Рождеством Шармейн написала ему, что развод будет наилучшим выходом, но он не хотел думать об этом. Зачем? Безразличие — лучшая защита. Когда ты признаешь поражение, жизнь становится мягче пуховой перины. В свете этой мудрости пятый год прошел безмятежно. Марти мог достать наркотики; он пользовался влиянием как опытный зек; у него было что угодно, черт возьми, кроме свободы, а ее он мог подождать.

Потом вдруг появился Той. Теперь, как ни пытался Марти заставить себя забыть имя этого человека, его мысли все время возвращались к тому получасовому разговору. Он вспоминал каждую мелкую деталь, словно искал мельчайшие крупицы пророчества. Бесплодное занятие, конечно, но он не мог остановить процесс, который понемногу стал утешать его. Марти никому ничего не сказал, даже Фиверу. Это его секрет: кабинет, Той, поражение Сомервейла.

На второе воскресенье после встречи с Тоем Шармейн пришла к нему на свидание. Встреча заполнялась болтовней, как телефонный разговор через океан, когда время тратится на секундные задержки между вопросом и отве-

том. Отнюдь не гул чужих разговоров в комнате для свиданий осложнял ситуацию — она сама по себе была мрачной. Теперь от этого факта не уйти. Прошлые попытки поправить дело давно провалились. После обмена прохладными репликами о здоровье родственников и друзей суть разговора свелась к обсуждению подробностей развода.

В первых письмах из тюрьмы он писал ей: «Ты прекрасна, Шармейн. Я думаю о тебе каждую ночь, я постоянно мечтаю о тебе».

Но затем ее черты стали терять ясность, а грезы о ее лице и теле прекратились. В письмах он еще продолжал притворяться, но его любовные сентенции звучали фальшиво, и он перестал упоминать о таких вещах. Это ребячество — писать, будто он вспоминает ее лицо. Что Шармейн при этом должна вообразить — Марти, потеющего в темноте и играющего с собой, как двенадцатилетний? Он не хотел, чтобы она думала так.

Не исключено, что в этом и заключалась его ошибка. Возможно, разрушение их брака началось именно тогда, когда он почувствовал себя смешным и перестал писать любовные письма. Но разве она не изменилась? Даже сейчас в ее глазах сквозило неприкрытое подозрение.

— Флинн передает тебе привет.

— А-а. Хорошо. Ты видела его?

— Так, пару раз.

— Ну и как он?

Шармейн смотрела больше на часы, чем на Марти; он радовался этому, поскольку имел возможность разглядывать ее, не боясь показаться навязчивым. Когда она позволяла себе расслабиться, он находил ее по-прежнему привлекательной. Он считал, что может управлять своими реакциями, и изучал ее черты — просвечивающую мочку уха, изгиб шеи — совершенно бесстрастно. По крайней мере, тюрьма научила его не хотеть того, что невозможно получить.

— У него все в порядке, — ответила Шармейн.

Ему потребовалось время, чтобы переключиться: о ком она? Ах да. Флинн. Вот человек, который никогда не испачкается ни в чем. Флинн мудрый. Флинн блистательный.

— Он передает тебе привет,— сказала она.

— Ты говорила,— напомнил он.

Опять пауза. Их диалоги становились все более мучительными с каждым новым визитом. Не столько для него, сколько для нее. Как будто каждое слово, которое Шармейн выдавливала из себя, травмировало ее.

— Я опять ходила к юристам.

— А, да.

— Все понемногу продвигается. Они сказали, бумаги будут готовы в следующем месяце.

— Что я должен сделать? Просто подписать?

— Ну-у... Они говорят, нам нужно поговорить о доме и совместном имуществе.

— Все твое.

— Нет, ведь это наше имущество. Я имею в виду, оно принадлежит нам обоим. И когда ты выйдешь, тебе нужно где-то жить, нужна мебель и все остальное.

— Ты хочешь продать дом?

Еще одна жалкая пауза, словно она колебалась, желая сказать что-то намного более важное, чем успокаивающая банальность.

— Прости, Марти,— произнесла она.

— За что?

Она покачала головой; легкое движение. Ее волосы вскочили.

— Не знаю,— отозвалась она.

— Это не твоя вина. Ты ни в чем не виновата.

— Я не могу не...

Она запнулась и взглянула на него, более живая в своей борьбе (неужели это борьба?), чем во время их деревянных свиданий в этих душных комнатах. Ее глаза наполнились слезами.

— Что-то не так? — спросил Марти.

Она уставилась на него; слезы перелиились через край.

— Шармейн... что-то не так?

— Все кончено, Марти,— проговорила она так, как будто впервые это поняла: кончено, прошло, прощай.

Он кивнул: да.

— Я не хочу...— Она остановилась, помолчала, затем продолжила: — Ты не должен винить меня.

— Я не виню тебя. Я никогда не винил тебя. Господи, ты ведь была все время здесь, разве нет? Все время. Я не могу видеть тебя в таком месте, ты знаешь. Но ты приходила. Когда ты была нужна мне, ты всегда приходила.

— Я думала, все обойдется,— говорила она так, словно он и не открывал рта.— Я правда так считала. Я думала, что ты скоро выйдешь и мы, может быть... ты понимаешь. У нас еще есть дом... Но в последние года два все разрушались.

Он смотрел на нее, видел ее мучения и думал: «Я никогда не смогу забыть, что стал причиной ее страданий. Я самое жалкое дермо в божьем мире, и я понимаю, что натворил».

Конечно, вначале были слезы; были ее письма, полные боли и полускрытых обвинений. Но абсолютное отчаяние, которое он увидел сейчас, гораздо сильнее и глубже. Оно исходило не от двадцатидвухлетней, но от взрослой женщины, и Марти чувствовал глубочайший стыд от того, что именно он стал причиной ее мук. Этот стыд он никогда не забудет.

Она вытерла нос бумажным носовым платком.

— Все это бред,— сказала она.

— Да.

— Я просто хочу разобраться.— Она бросила на часы слишком быстрый взгляд, чтобы увидеть время, и встала.— Я, пожалуй, пойду, Марти.

— Свидание?

— Нет...— ответила она. Явная ложь; она и не старалась скрыть это.— Надо купить чего-нибудь. Всегда меня успокаивает. Ты ведь меня знаешь.

«Нет,— подумал он.— Я не знаю тебя. Если когда-то и знал, в чем я сомневаюсь, то другую тебя. И боже, как же мне ее не хватает».

Он прервал себя. С Шармейн нельзя так расставаться, он знал это по опыту прошлых встреч. Представление нужно закончить прохладно, на формальной ноте, чтобы вернуться в камеру и забыть ее до следующего раза.

— Я хотела, чтобы ты понял,— сказала она.— Но не думаю, что смогла объяснить. Такой чудовищный бред.

Она не попрощалась, слезы полились снова. Марти был уверен, что после разговора с юристами она боялась сдаться в последний момент — от жалости, любви или отчаяния; и когда уходила не оглядываясь, она отгоняла от себя эту возможность.

Расстроенный, он вернулся в камеру. Фивер спал, прилепив слюной себе на лоб выдранное из журнала изображение вульвы; любимое развлечение. Как третий глаз над сомкнутыми веками, картинка таращилась и таращилась в пространство без надежды заснуть.

7

— Штраус?

В дверном проеме, всматриваясь вглубь камеры, стоял Пристли. Позади него на стене какой-то остряк нацарапал: «Если у тебя встал, стучи в дверь — дырка придет». Старая хохма; Марти читал подобные надписи на стенах многих камер, но теперь, при виде толстой физиономии Пристли, это сопоставление — враг и женский орган — поразило его своей непристойностью.

— Штраус?

— Да, сэр.

— Мистер Сомервейл хочет тебя видеть около трех пятнадцати. Я приду за тобой. Будь готов через десять минут.

— Да, сэр.

Пристли повернулся, чтобы уйти.

— А вы не скажете мне зачем, сэр?

— Откуда я знаю?

Сомервейл ждал в кабинете в три пятнадцать. Дело Марти лежало перед ним на столе. Рядом — пухлый конверт без маркировок. Сам Сомервейл стоял перед зарешеченным окном и курил.

— Войдите,— сказал он.

Приглашения сесть не последовало, он даже не повернулся.

Марти закрыл за собой дверь и стал ждать. Сомервейл с шумом выпустил дым через ноздри.

— Ну и что вы предполагаете, Штраус? — произнес он.

— Простите, сэр?

— Я спросил, что вы предполагаете?

Марти не ответил; он пытался понять, кто из них двоих испытывает неловкость. После паузы длиной в век Сомервейл произнес:

— Моя жена умерла.

Марти пытался понять, чего от него ждут, но Сомервейл не дал ему времени сформулировать ответ. После тех трех слов он произнес еще четыре:

— Они выпускают вас, Штраус!

Он поместил голые факты рядом, словно они связаны, словно весь мир в словоре против него.

— Я поеду с мистером Тоем? — спросил Марти.

— Он и члены комиссии по досрочному освобождению решили, что вы — самый подходящий кандидат для работы в поместье Уайтхеда,— ответил Сомервейл.— Возразите! — Он издал громкий горловой звук, обозначавший смех.— За вами, конечно же, будут внимательно наблюдать. Не я, но кто-то другой. И если однажды вы сделаете неверный шаг...

— Я понимаю.

— Сомневаюсь.— Сомервейл потянулся за сигаретой, по-прежнему не оборачиваясь.— Сомневаюсь, что вы понимаете, какого рода свободу выбрали.

Разговор не мог сбить нарастающую эйфорию Марти. Сомервейл побежден; что ж, пусть болтает.

— Джозеф Уайтхед, возможно, один из самых богатых людей в Европе, но и один из самых эксцентричных, как я слышал. Бог знает, во что вы ввязываетесь, но я говорю вам: не исключено, что здешняя жизнь покажется вам куда более уютной.

Но его слова не имели значения, Марти оставался глух к ним. От усталости или потому, что почувствовал равнодушие слушателя, Сомервейл закончил свой презрительный монолог так же внезапно, как и начал. Потом он отвернулся от окна, чтобы закончить неприятное дело как можно скорее. Марти испытал потрясение, когда увидел, как изменился Сомервейл. За неделю тот постарел на несколько лет и выглядел так, словно нынешний отрезок его жизни заполняли лишь сигареты и несчастья. Его кожа походила на черствый хлеб.

— Мистер Той будет ждать вас на выходе в следующую пятницу днем. Тринадцатого февраля. Вы суеверны?

— Нет.

Сомервейл протянул Марти конверт:

— Подробности здесь. В ближайшие дни вы пройдете медкомиссию, и сюда приедет человек, чтобы подготовить ваше заявление для комиссии по условно-досрочному освобождению. Ради вас изменили правила, Штраус, бог знает почему. Есть дюжина более достойных кандидатов.

Марти открыл конверт, бегло просмотрел страницы печатного текста и положил их обратно.

— Больше вы меня не увидите,— продолжал Сомервейл.— И я уверен, что этим вы вполне довольны.

Марти постарался, чтобы по его лицу нельзя было прочитать ответ. Кажется, его притворное безразличие разжигало очаг бессмысленной ненависти усталого Сомервейла. Тот оскалился и проговорил:

— Будь я на вашем месте, я бы благодарил бога, Штраус. Я бы благодарил его всем сердцем.

— За что... сэр?

— Но я полагаю, что в вашем сердце не так много места для него, правда?

В его словах было столько же боли, сколько презрения. Марти не мог не подумать о том, что Сомервейл остался один; муж, потерявший и жену, и веру в то, что увидит ее вновь, неспособный плакать. Другая мысль быстро сменила первую: каменное сердце Сомервейла, разбившееся от одного удара, не слишком отличается от сердца самого Марти. Они оба крутые парни, оба начали собственную войну против мира, и оба кончили тем, что оружие, которым они собирались сокрушить врагов, обернулось против них. Это понимание ужаснуло его, и он уже не радовался известию об освобождении, как должен бы был, хотя прежде не решался мечтать о нем. Все именно так. Подобно двум щерицам в грязи, Марти и Сомервейл вдруг стали похожими, как близнецы.

— О чём вы думаете, Штраус? — спросил Сомервейл. Марти пожал плечами.

— Ни о чём, — ответил он.

— Ажец, — отозвался Сомервейл, собрал папки и вышел из кабинета, оставив дверь открытой.

На следующий день Марти позвонил Шармейн и рассказал обо всем. Она казалась довольной, за что Марти был ей признателен. Когда он отошел от телефона, его немногого трясло, но чувствовал он себя отлично.

Последние несколько дней Марти смотрел на Уондсворт как бы со стороны. Рутинные подробности тюремной жизни — привычная жестокость, бесконечные ряды камер, силовые и сексуальные игры — все было внове, как шесть лет назад.

Конечно, это потерянные годы. Их уже не вернуть, не наполнить полезным опытом. Такие мысли подавляли его.

С чем он выйдет отсюда? Две татуировки, тело, знававшее лучшие дни, воспоминания о ярости и отчаянии. Он отправлялся в путь налегке.

8

В ночь перед тем, как покинуть Уондсворт, он видел сон. Его ночная жизнь была не слишком богата в годы заключения. Влажные сны о Шармейн вскоре прекратились, как и более экзотические полеты фантазии, словно его подсознание жалело узника и хотело избавить его от мучительных грез о свободе. Иногда он просыпался посреди ночи с головой, увенчанной лаврами, но большинство видений были столь же бессмысленны и однообразны, как жизнь наяву. Но в ту ночь ему приснился совершенно иной сон.

Он увидел собор или что-то вроде него; недостроенный или такой, который невозможно достроить,— шедевр из башен и шпилей с парящими опорами. Невероятно огромное здание, оно не могло принадлежать физическому миру и не подчинялось законам гравитации, но во сне поражало реальностью. Стояла ночь, и Марти шел по направлению к собору. Гравий хрустел под ногами, пахло жимолостью, и изнутри доносились пение. Божественные голоса хора мальчиков, нарастающие и затихающие без слов. Вокруг в шелковистой тьме не было людей. Никаких надоедливых туристов, способных разрушить красоту. Лишь Марти и голоса.

И вдруг чудесным образом он взлетел.

Он стал невесом, он принадлежал ветру, он несся к крутой стене собора с захватывающей дух скоростью. Он летел не как птица, а словно некая воздушная рыба. Как дельфин — да, именно так; его руки то прижимались к бокам, то рассекали синий воздух, когда он снижался. Как гладкое обнаженное создание, свободное от неприятной оболочки, кружавшее вокруг шпилей, касающееся покрытых росой каменных стен и смахивающее капли дождя в тру-

бы дымоходов. Прежде ему не снилось ничего подобного. Он чувствовал себя счастливым, даже когда проснулся.

Он раскрыл глаза и очнулся в запертой камере, где на соседней койке мастурбировал Фивер. Койка ритмично покачивалась, все чаше и чаше, пока Фивер не кончил, задыхаясь и хрюкая. Марти попытался отрешиться от реальности и вновь увидеть свой сон. Он закрыл глаза с огромным желанием вернуть видение, он понукал темноту: ну давай, давай же. На один кратчайший момент сон возвратился, только теперь там было не счастье, а ужас. Марти падал с огромной высоты в сотню миль, а собор вырастал перед ним, шпили твердо вонзались в воздух и ожидали его...

Он заставил себя встряхнуться и проснуться, прежде чем все закончилось. Остаток ночи он лежал и глядел в потолок камеры, а потом душная темнота сменилась слабым светом — первым лучом зари, проникшим в окно, чтобы возвестить о наступлении дня.

9

Небо не праздновало его выход из тюрьмы. Был обычный пятничный день, и на Тринити-роуд все шло как всегда.

Той ждал Марти в приемном отделении, когда тот появился на лестничной площадке. Пришлось простоять там еще дольше, пока тюремщики не закончили тысячу бюрократических процедур: проверка и возврат личных вещей, подпись и визирование бумаг. Формальности заняли почти час, прежде чем дверь открыли и выпустили обоих на свежий воздух.

Приветствие Тоя ограничилось рукопожатием, и он повел Марти через тюремный двор к стоявшему неподалеку темно-красному «даймлеру» с водителем.

— Садитесь, Марти, — сказал Той, открывая дверь. — Слишком холодно, чтобы задерживаться.

Было действительно холодно, дул сильный ветер. Но ход не мог остудить радости Марти. Слава богу, теперь он

свободен; правда, свобода имела тщательно оговоренные пределы, но это лишь начало. По крайней мере, все тюремное теперь далеко — параша в углу камеры, ключи, номера... Он должен сравнять свои шансы и возможности, чтобы навсегда уйти отсюда.

Той уже устроился на заднем сиденье машины.

— Марти,— позвал он снова, махнув рукой в тугой перчатке,— нам надо спешить, иначе мы застрянем в пробке на выезде из города.

— Да-да, я здесь...

Марти забрался в автомобиль. Внутри пахло лаком, тяжелым сигарным дымом и кожей: роскошные запахи.

— Чемодан положить в багажник? — спросил Марти. Водитель обернулся.

— Сзади достаточно места,— проговорил он.

Уроженец Вест-Индии, одетый не в шоферскую ливрею, а в кожаный пиджак, оглядел Марти с ног до головы без намека на дружелюбие.

— Лютер,— сказал Той,— это Марти.

— Положи чемодан на переднее сиденье,— ответил водитель и, потянувшись, открыл переднюю дверь.

Марти вышел, запихнул свой чемодан и пластиковый пакет с вещами на переднее сиденье рядом с пачкой газет и потрепанным номером «Плейбоя», сел назад и захлопнул дверь.

— Незачем хлопать,— проворчал Лютер, но Марти едва обратил внимание на его слова.

«Не часто зеков увозят от ворот Уондсворт в “даймлере”. Может быть, теперь я наконец-то обрету почву под ногами»,— думал он.

Машина выехала из ворот и повернула налево, к Тринити-роуд.

— Лютер работает в имении два года,— сообщил Той.

— Три,— поправил тот.

— Разве? — переспросил Той.— Значит, три. Он возит меня и мистера Уайтхеда, когда тот выезжает в Лондон.

— Больше ничего не делаю.

Марти поймал взгляд водителя в зеркальце.

— Ты долго пробыл в этом говнушнике? — внезапно спросил Лютер без тени смущения.

— Достаточно,— ответил Марти.

Он не собирался ничего скрывать — это бессмысленно — и ждал следующего нескромного вопроса: за что ты попал туда? Но его не последовало. Лютер переключил внимание на дорогу, очевидно, полностью удовлетворенный ответом. Марти почувствовал облегчение. Он хотел лишь смотреть на новый прекрасный мир, пролетающий мимо. Люди, витрины магазинов, рекламы; он с жадностью впивался глазами в любую мелочь, какой бы ничтожной она ни была. Его глаза прилипли к окну. Так много всего; ему казалось, что это огромный спектакль, а люди на улицах и в машинах — актеры, безупречно играющие свои роли. Его разум пытался переварить бурный поток информации — на каждой улице новое зрелище, на каждом углу новый поток людей — и не в силах был воспринимать реальность. Это представление, говорил мозг, это выдумка. Детская часть сознания — та, что закрывает глаза и думает, будто спряталась,— отказывалась верить в то, что мир продолжал существовать, пока Марти его не видел.

Конечно, здравый смысл говорил о противоположном. Что бы ни внушали возбужденные и перегруженные чувства, мир за прошедшие годы стал старше и, возможно, слабее. Марти придется обновить свои отношения с ним, понять, как изменилась его природа, изучить его этикет, его уязвимые места и его удовольствия.

Они пересекли реку по Уондсвортскому мосту и проехали через Эрлс-Корт и Шефердс-Буш на запад. В пятницу движение было интенсивным; горожане спешили домой после рабочей недели. Марти бесцеремонно разглядывал лица людей, стараясь определить их профессии, или пытался поймать взгляды женщин.

Миля за мией, и чувство новизны стало притупляться; когда они достигли дороги M40, он понемногу привык к этому спектаклю. Той клевал носом в углу заднего сиде-

нья, положив руки на колени. Лютер был поглощен дурой.

Только одно событие задержало их. За двадцать миль до Оксфорда они услышали рев сирен и заметили впереди мигающие голубые огни, сообщавшие об аварии. Поток машин замедлился; он напоминал процессию плакальщиков, которые останавливаются, чтобы прикоснуться к гробу.

Автомобиль, следовавший по левой полосе, пересек разделительный бордюр и столкнулся лоб в лоб со встречным фургоном. Правая полоса была полностью перегорожена обломками и полицейскими машинами. Пришлось сворачивать на обочину, чтобы обехать место катастрофы.

— Что там такое? Вам видно? — спросил Лютер, который был слишком занят тем, что лавировал в потоке по указаниям регулировщика.

Марти постарался описать сцену как можно подробнее.

Человек с окровавленным лицом (словно кто-то разбил большое яйцо с кровью у него на голове) стоял посреди хаоса, осталбенев от шока. Позади него группа людей — полиция и, по-видимому, спасенные пассажиры — суетилась вокруг изуродованной передней части автомобиля и пытались заговорить с кем-то, запертым на месте водителя. Сгорбленная фигура за рулем была неподвижна. Когда они проползли мимо, одна из пострадавших, чье пальто было забрызгано кровью — своей собственной или водителя? — отвернулась от машины и зааплодировала. По крайней мере Марти именно так воспринял ее жест — хлопки ладонью о ладонь. Казалось, женщина пребывает в том же заблуждении, в каком недавно пребывал и сам Марти: будто происходящее — лишь иллюзия и вот-вот все вернется на свои места. Он хотел высунуться из окна машины и сказать ей, что она заблуждается, что мир реален. Но ведь она и так узнает обо всем, правда? И для печали времени у нее предостаточно. Она продолжала аплодировать, когда машина с Марти оставила место аварии далеко позади.

||

Лися

10

«Приют,— думал Уайтхед,— предательское слово». С одной стороны, оно означает убежище, безопасное место, где можно спрятаться. Но другое его значение искажает первое: «приютом» называют сумасшедший дом, дыру, где хоронят сломанные умы. Однако, напомнил себе Уайтхед, это лингвистический фокус, не более. Отчего же он так часто вспоминал об этой двусмысленности?

Он сидел в чересчур удобном кресле перед окном, где теперь проводил каждый вечер. Он наблюдал, как ночь прокрадывается на лужайки, и размышлял, не слишком напрягая мозг, как одна вещь становится другой и как трудно полагаться на что-либо. Жизнь — сделка наугад. Уайтхед много лет назад выучил этот урок, преподанный мастером, и никогда не забывал. Награждают ли тебя за хороший труд или сдирают с живого кожу — вопрос везения. Не поможет ни система, ни божественное озарение; они бесмысленны. Судьба благоволит к тому, кто способен все поставить на один бросок костей.

Он делал так. Не единожды, а много раз в начале карьеры, когда он закладывал основы своей империи. И благодаря его шестому чувству — способности предвидеть результат броска костей — риск всегда достойно вознаграждал

ся. Другие корпорации использовали собственные средства: компьютеры, просчитывающие вероятность с точностью до десятого знака, или советников, державших руку на пульсе бирж Лондона, Токио и Нью-Йорка; но все они терялись перед инстинктом Уайтхеда. Когда нужно было уловить момент и почувствовать связь времени и возможностей, делающую хорошее решение великим, а банальность — гениальным ходом, не было никого выше старика Уайтхеда. Все умные мальчики в кабинетах корпорации это знали. Перед значительным финансовым вложением или подпиcанием контракта по-прежнему требовался пророческий совет Джо.

Он знал, что его абсолютный авторитет в некоторых кругах вызывал возмущение. Без сомнения, кое-кто полагал, что ему следует отойти от полного контроля за делами корпорации и оставить дело этим университетским мальчикам с компьютерами. Однако Уайтхед превосходил любых специалистов своей уникальной способностью предполагать и умением рисковать. Кроме этого, у старика имелася неоспоримый аргумент: его методы работали. Он не имел образования; его прошлая жизнь, к огорчению журналистов, была покрыта мраком неизвестности; однако он создал «Уайтхед корпорейшн» из ничего. Судьба фирмы оставалась его страстью заботой.

Однако нет места для страсти, когда он сидит в своем кресле (здесь можно умереть, иногда думал Уайтхед) перед окном. Сегодня только одно беспокоило его — старость.

Как он ненавидел возраст! Это невыносимо — так ослабеть. Он не был немощным, но сотни мелких хворей устроили заговор против него. Язвы на губах или зуд между ягодицами причиняли боль, и редкий день обходился без раздражения на то, что чувство самосохранения заставляет его все больше беспокоиться о теле. Старость плоха тем, понял он, что отвлекает внимание. Невозможно позволить себе роскошь спокойно размышлять. Как только Уайтхед подумал об этом, его что-то колнуло. Так напоминали о себе его хвори. Постой-ка, погоди, не думай, что ты в безо-

пасности, мы хотим тебе кое-что сообщить: худшее впереди.

Той стукнул один раз, прежде чем войти в кабинет.

— Билл...

Уайтхед моментально забыл о лужайках, о нашептывающей темноте и повернулся лицом к другу:

— Ты здесь?

— Конечно, мы здесь, Джо. Мы не опоздали?

— Нет, нет. Никаких проблем?

— Все в порядке.

— Хорошо.

— Штраус внизу.

В слабом свете Уайтхед подошел к столу и налил себе небольшую порцию водки. Он воздерживался от выпивки до настоящего момента, но этот глоток был в честь благополучного возвращения Тоя.

— Хочешь? — Ритуальный вопрос с ритуальным ответом.

— Нет, спасибо.

— Теперь собираешься обратно в город?

— Когда ты посмотришь на Штрауса.

— Сейчас слишком поздно для театра. Почему бы тебе не остаться? Приступим утром, при свете.

— У меня дело, — сказал Той, сопровождая последнее слово самой мягкой из улыбок.

Это был еще один ритуал, один из множества. Стариk знал, что дело Тоя в Лондоне не связано с делами корпорации, и ничего не спросил о нем, как обычно.

— Какое у тебя впечатление?

— От Штрауса? В общем, такое же, как после допроса. Я думаю, он годится. А если нет — там есть много других.

— Мне нужен человек, которого нелегко напугать. Могут быть неприятности.

Той издал неопределенное ворчание; он надеялся, что обсуждение данного вопроса закончено. Ожидание и дорога утомили его, и он с нетерпением ждал вечера; нет времени обсуждать все заново.

Уайтхед поставил опустевший стакан на поднос и подошел к окну. В комнате быстро темнело, и старик, стоявший спиной к Той, казался огромным. После тридцати лет работы на Уайтхеда Той испытывал перед ним все тот же благоговейный страх — как перед монархом, имеющим власть над жизнью и смертью. Перед тем как войти в комнату старика, он по-прежнему останавливался у двери и выдерживал паузу для обретения равновесия; порой он начинал заикаться, как когда-то давно, в их первую встречу. Он считал, что это нормально: Уайтхед был мощным. Он был таким сильным, каким Той даже не мог надеяться — и, возможно, не хотел — когда-либо стать. Эта сила лежала на крепких плечах Джо Уайтхеда, как обманчивый свет. За годы совместной работы Той ни разу не заметил, чтобы на конференциях или заседаниях совета Уайтхед не нашел нужного жеста либо слов. Убеждение в собственной высочайшей ценности делало его самым уверенным человеком, какого Той когда-либо видел. Его профессиональные качества были отшлифованы до такой степени, что он мог одним словом уничтожить человека, сломать его жизнь, разрушить самоуважение и погубить карьеру. Той наблюдал это бесчисленное количество раз, и нередко в отношении людей далеко не худших. Но почему (Той думал об этом даже сейчас, глядя в спину Уайтхеда) столь незаурядный человек проводит время с ним? Возможно, просто так сложилось. История и сентиментальность.

— Я подумываю о том, чтобы засыпать бассейн у входа.

Той поблагодарил бога за то, что Уайтхед переменил тему. Не надо о прошлом, хотя бы сегодня.

— Я больше не плаваю там, даже летом.

— Пустим туда рыб.

Уайтхед слегка повернул голову, чтобы посмотреть, не улыбается ли Той. По его тону никогда нельзя было понять, шутит он или нет, а Уайтхед знал, что очень легко обидеть человека, засмеявшись в ответ на серьезное предложение, или наоборот. Той не улыбался.

— Рыб? — переспросил Уайтхед.

— Декоративных карпов, пожалуй. Они называются «кои»? Изысканные штучки.

Тою нравился бассейн. По ночам он подсвечивался изнутри, и поверхность закручивалась в водовороты, гипнотизирующие и околовывающие бирюзой. Если воздух был холодным, от подогретой воды струился тонкий слой пара, дюймов на шесть вверх. Той терпеть не мог купаний, но бассейн стал его излюбленным местом. Он не был уверен, знает ли об этом Уайтхед; возможно, да. Однако Папа знал обо всем сказанном и несказанном, как тут же и обнаружилось.

— Тебе нравится бассейн,— заключил Уайтхед.
«Вот, пожалуйста».

— Да, верно.

— Тогда оставим его.

— Нет, право...

Уайтхед поднял руку, прекращая дальнейшие споры, довольный своим подарком.

— Мы оставим его. И ты сможешь пустить туда кои. Он сел обратно в кресло.

— Включить фонари на газоне? — спросил Той.

— Нет,— ответил Уайтхед.

Увядающий свет из-за окна залил бронзой его голову и лицо с утомленными запавшими глазами, коротко подстриженной белой бородкой и такими же усами: скульптура, слишком тяжелая для поддерживавшей ее колонны. Сознавая, что Джо чувствует его сверлящий взгляд, Той сбросил летаргию и заставил себя перейти в действие:

— Что ж... может, мне привести Штрауса? Ты хочешь видеть его или нет?

Слова нескончаемо долго проходили сквозь комнату в сгущающейся тьме. В течение нескольких ударов сердца Той не был уверен, что Уайтхед рассыпал.

Затем оракул заговорил. Это было не прорицание, а вопрос:

— Мы выживем, Билл?

Слова прозвучали так тихо, как будто они повисли на пылинках и рассеялись в воздухе, выйдя из губ Уайтхеда. Сердце Тоя замерло. Опять старая песня, вечная паранойя.

— До меня доходит все больше слухов, Билл. Они не могут быть совсем беспочвенными.

Он все еще смотрел в окно. Вороны кружились над деревом в полумиле отсюда, через газон. Наблюдал ли Джо за ними? Той сомневался. В последнее время он часто видел, что Уайтхед погружен в себя, вглядывается мысленным взором в прошлое. К этим видениям Той не имел доступа, но сегодняшние страхи старика давали понять: у него есть некая ноша, которую Той, как бы он ни любил Джо, не сумеет либо не захочет разделить. Он недостаточно силен; в сердце своем он оставался простым боксером, которого Уайтхед нанял телохранителем три десятилетия назад. Сейчас, конечно, он носит костюм за четыре сотни фунтов и его ногти отшлифованы, как и его манеры. Но разум Тоя не изменился — слабый и полный суеверий. Мечты великих не для него, как и их кошмары.

Уайтхед повторил преследовавший его вопрос:

— Мы выживем?

Теперь Той почувствовал, что должен ответить:

— Все в порядке, Джо. Ты сам знаешь. Прибыль распределена в большинстве секторов...

Но стадион хотел услышать не отговорки, и Той понимал это. После его слов воцарилась еще более тревожная тишина. Пристальный взгляд Тоя опять устремился в спину Уайтхеда; он смотрел, почти не мигая, и в уголки его глаз вплззал мрак из углов. Той опустил веки. В голове залязали силуэты (колесики, звездочки, окна), и когда он открыл глаза, ночь наконец-то полностью овладела комнатой.

Бронзовая голова оставалась неподвижной. Но она заговорила, и слова, испачканные страхом, словно рождались из внутренностей Уайтхеда.

— Я боюсь, Вилли,— проговорил Джо.— За всю жизнь я не боялся так, как сейчас.

Он говорил медленно, без малейшей выразительности, словно презирал мелодраматичность собственных слов и отказывался от нее.

— Я долго жил без страха; я забыл, на что он похож. Как он уродлив. Как опустошает твою силу воли. Я сижу здесь день за днем. Я заперт в этом доме с сигнализацией, оградами, собаками. Я смотрю на газоны, на деревья...— Он действительно смотрел.— И рано или поздно свет начинает угасать.

Он остановился. Длинная, глубокая пауза. Только отдаленное карканье нарушало тишину.

— Я могу вынести ночь. Она не слишком приятна, но она недвусмысленна. Но сумерки... Когда свет исчезает и все становится нереальным, неплотным... Только силуэты, предметы, когда-то имевшие форму.

Зима состояла из таких вечеров: бесцветная изморозь, размывающая расстояния и убивающая звуки; недели тусклого света, когда мерцание утра переходит в мерцание сумерек, а между ними нет дня. Случилось несколько морозных дней, как сегодня; унылые месяцы, один за другим.

— Я сижу здесь каждый вечер,— говорил старик.— Это испытание, которое я сам себе устроил. Просто сидеть и смотреть, как все исчезает. Не поддаваясь этому.

Той ощущил всю бездну отчаяния Папы. Он никогда не был таким раньше, даже после смерти Евангелины.

Снаружи и внутри уже почти стемнело; без света фонарей на лужайках земля была черна, как деготь. Но Уайтхед оставался на месте, глядя в слепое окно.

— Все еще там, конечно,— сказал он.

— Что?

— Деревья, лужайки. Они ждут рассвета.

— Да, безусловно.

— Знаешь, когда я был ребенком, я думал, что кто-то приходит и забирает мир на ночь, а потом возвращается и разворачивает его на следующее утро.— Он поерзal в кресле; его рука потянулась к голове. Невозможно было разглядеть, что он делал.— То, во что мы верим детьми, никогда

не оставляет нас. Оно лишь дожидается момента, чтобы вернуться обратно, и тогда мы снова поверим в него. Тот же старый клочок земли, Билл. Понимаешь? Мы думаем, будто движемся вперед, становимся сильнее и мудрее, но все время стоим на том же самом клочке земли.

Он вздохнул и повернулся, чтобы взглянуть на своего собеседника. Свет из холла струился в дверь, которую Той оставил приоткрытой. В этом луче даже на расстоянии было видно, что глаза и щеки Уайтхеда увлажнены слезами.

— Лучше включи свет, Билл,— произнес он.

— Да.

— И приведи Штрауса.

В его голосе не осталось ни следа отчаяния. Джо умел скрывать свои чувства, Той знал это. Он мог сделать свои глаза непроницаемыми, замолчать, и даже телепат не угадал бы, о чем он думает. Так он добивался сокрушительного эффекта на заседании совета корпорации — никто никогда не знал, куда прыгнет старый лис. По-видимому, он приобрел это умение, когда играл в карты. Скрывать свои чувства и выжидать.

11

Они въехали в электрические ворота поместья Уайтхеда, словно в иной мир. Безупречные лужайки простирались по обеим сторонам дорожки из гравия; справа вдали виднелся лес, исчезающий за линией кипарисов, что вела к самому дому. День уже подходил к вечеру, когда они прибыли, но мягкий свет лишь усиливал очарование места: четкая размеренность пейзажа компенсировалась туманом, клубами обволакивавшим подстриженные кроны деревьев и траву.

Главное здание было менее впечатляющим, чем предполагал Марти, обычный загородный дом в георгианском стиле, крепкий и незамысловатый, с современными пристройками, расползающимися в стороны. Они проехали

мимо парадной двери с белыми колоннами к боковому входу, и Той пригласил Марти в кухню.

— Оставьте ваш багаж и выпейте кофе,— сказал он.— Я поднимусь наверх к боссу. Располагайтесь поудобнее.

Марти оказался в одиночестве впервые после того, как покинул Уондсворт, и почувствовал себя немножко неуютно. Дверь позади него была открыта, на окнах нет запоров, в коридорах за кухней никакой охраны. Парадоксально, но он чувствовал себя незащищенным и уязвимым. Через несколько минут он встал из-за стола, включил лампу (ночь спускалась быстро, а свет здесь не зажигался автоматически) и налил себе чашку черного кофе из кофейника. Напиток оказался крепким и горьковатым, не похожим на ту безвкусную гадость, к которой он привык в тюрьме.

Через двадцать пять минут Той вернулся и, извинившись за задержку, сказал, что мистер Уайтхед хотел бы увидеть Штрауса сейчас.

— Оставьте ваш багаж,— повторил он.— Люттер присмотрит за ним.

Той повел его из кухни — она была частью пристройки — в основное здание. Коридоры тонули во тьме, но куда бы ни падал взгляд Марти, все его изумляло. Здание походило на музей. Стены были увешаны картинами от пола до потолка; на столах и полках, поблескивая эмалью, стояли вазы и керамика. Однако времени задерживаться не было. Марти шел по лабиринту комнат и с каждым поворотом запутывался все больше. Наконец они достигли кабинета. Той постучал, открыл дверь и пригласил его войти.

Портрет нового работодателя, созданный воображением Марти при помощи слишком маленькой и почти забытой фотографии, имел мало общего с реальностью. Он ожидал увидеть хрупкость, а встретил силу. Вместо эксцентричного затворника перед Марти предстал старик с проницательным взглядом и морщинистым лицом, внимательно и весело глядевший на него.

— Мистер Штраус,— произнес Уайтхед,— добро пожаловать.

Занавески позади него были еще открыты, и вдруг в окно хлынул поток света, осветив подстриженную зелень лужайки на добрые две сотни ярдов. Это внезапное явление походило на трюк волшебника, но Уайтхед не обратил на него внимания. Он направился к Марти. Уайтхед был крупным человеком, и большая часть его веса превратилась в жир, но он не казался неуклюжим. Грация походки, почти масляная мягкость руки, гибкость пожимаемых пальцев — все доказывало, что он в ладу со своим телом.

Они пожали друг другу руки. Ладонь Уайтхеда сначала показалась Марти слишком холодной, но он немедленно осознал ошибку. Человек, подобный Уайтхеду, никогда не будет слишком горяч или холоден; он контролирует собственную температуру с той же легкостью, с какой управляет своими финансами. Той в машине говорил о том, что Уайтхед ни разу в жизни серьезно не болел. Марти показалось, что он стоит перед лицом самого совершенства. Никто не посмеет заподозрить, что в животе у такого человека скапливаются газы.

— Меня зовут Джозеф Уайтхед,— произнес хозяин.— Добро пожаловать в Святилище.

— Благодарю вас.

— Выпьете? Отпразднуем.

— Да, пожалуйста.

— Что вы предпочитаете?

У Марти внезапно в голове стало пусто, и он почувствовал себя бьющейся на берегу рыбой. Той, храни его бог, предложил:

— Скотч?

— Это было бы отлично.

— Как и для меня,— сказал Уайтхед.— Проходите и садитесь, мистер Штраус.

Они сели. Кресла были удобные, не античные, как столовы в коридоре, а приятные современные вещи. В комнате выдерживался этот стиль — обстановка рабочего кабине-

та, а не музея. Несколько картин на темно-синих стенах показались неискаженному взгляду Марти столь же современными, как и мебель. Они были большими и небрежными. На внушительном полотне, помещенном на самом видном месте, виднелась подпись: «Матисс». Картина изображала раздражающую розовую женщину, развалившуюся в раздражающую желтому шезлонге.

— Ваш виски.

Марти принял от Тоя стакан.

— Мы попросили Лютера купить вам новую одежду; она наверху, в вашей комнате,— говорил Уайтхед.— Так, пара костюмов, рубашки, ну и прочее необходимое. Позже мы, возможно, отправим за покупками вас самого.— Он осушил свой стакан, потом продолжил: — Интересно, шают еще костюмы для заключенных или уже перестали? Попахивает богадельней, по-моему. Не слишком тактично в наши просвещенные времена. Люди могли бы понять, что вы стали преступником по необходимости...

Марти слушал эту болтовню и не мог понять: Уайтхед потешался над ним? Монолог продолжался, тенор хозяина звучал вполне дружелюбно. Марти пытался отделить иронию от серьезных слов, но это было непросто. Слушая Уайтхеда, он понял, насколько сложнее жизнь здесь, снаружи. На фоне тонких речей Джо, его богатого словарного запаса, самый искусный болтун в Уондсворте показался бы простачком. Той сунул ему второй стакан, но он едва заметил это. Голос Уайтхеда гипнотизировал и странно успокаивал.

— Той объяснил вам ваши обязанности?

— Да, полагаю.

— Я хочу, чтобы этот дом стал вашим домом, мистер Штраус. Чтобы он стал вам близок. Есть пара мест, не имеющих к вам отношения, Той покажет вам, где они. Пожалуйста, соблюдайте эти ограничения. Остальное в вашем распоряжении.

Марти кивнул и отпил виски; алкоголь влился в его горло, как ртуть.

— Завтра... — Уайтхед встал, не закончив мысль, и вернулся к окну. Трава сияла, словно свежеокрашенная. — Мы прогуляемся по округе, вы и я.

— Отлично.

— Увидите, тут есть на что посмотреть. Представим вас Белле и другим.

Здесь есть прислуга? Марти не заметил. Конечно, они должны быть здесь — охрана, повара, садовники. Усадьба, наверное, переполнена людьми.

— Завтра вы приедете поговорить со мной, хорошо?

Марти допил остатки виски, и Той жестом показал ему, что пора уходить. Казалось, Уайтхед внезапно потерял интерес к ним обоим. Указания закончились, по крайней мере на сегодня. Мысли хозяина уже блуждали где-то далеко; его взгляд устремился в окно, на поблескивающие лужайки.

— Да, сэр. Завтра.

— Но прежде, чем приедете... — проговорил Уайтхед, поворачиваясь к Марти.

— Да, сэр.

— Сбрайте усы. Кто-нибудь может подумать, будто вы что-то скрываете.

12

Той провел Марти по дому, прежде чем отпустить спать. Он обещал устроить подробную экскурсию потом, когда время не будет поджимать. Затем он показал Марти просторную комнату на верхнем этаже пристройки.

— Она ваша, — сказал он.

Люттер оставил чемодан и пакет на кровати; они выглядели убого посреди чистой и удобной комнаты. Как и в кабинете, мебель здесь была современной.

— Тут пока пустовато, — сказал Той. — Располагайтесь. Если у вас есть фотографии...

— По правде говоря, нет.

— Ну что ж, мы раздобудем что-нибудь для стен. Книги, — он кивком указал на дальний конец комнаты, где не-

сколько полок прогибались под тяжестью томов,— и библиотека внизу в вашем распоряжении. Я покажу все на следующей неделе, когда вы устроитесь. Здесь есть видео, и еще одно внизу. Мистера Уайтхеда не слишком интересуют такие вещи, так что пользуйтесь.

— Звучит неплохо.

— Слева небольшая гардеробная. Как сказал Джо, там вы найдете новую одежду. Ванная за следующей дверью. Душ и прочее. Ну вот и все. Я думаю, это приемлемо.

— Это прекрасно,— отозвался Марти.

Той взглянул на часы и повернулся, чтобы уйти.

— Прежде чем вы уйдете...

— Что-то не так?

— Да нет,— проговорил Марти.— Господи, никаких проблем. Я просто хотел, чтобы вы знали — я вам благодарен.

— Нет нужды.

— Но это правда,— настаивал Марти; он пытался найти повод сказать это еще на Тринити-роуд.— Я действительно очень благодарен. Я не знаю, почему или как вы выбрали меня, но я ценю это.

Той чувствовал себя неловко от такого проявления чувств, но Марти был рад, что сумел выразить их.

— Верьте мне, Марти. Я не выбрал бы вас, если бы не думал, что вы подходите для этой работы. И вот вы здесь. Все зависит от вас. Я, конечно, буду поблизости, но теперь вы более или менее принадлежите самому себе.

— Да. Я понимаю.

— Теперь я пойду. Увидимся в начале недели. Кстати, Перл приготовила вам перекусить в кухне. Доброй ночи.

— Доброй ночи.

Той оставил его одного. Марти сел на кровать и открыл чемодан. Наспех засунутые вещи пахли тюремным стиральным порошком, и он даже не хотел вынимать их. Он порылся на дне чемодана, нашупал бритву и крем. Затем разделялся, бросил одежду на пол и отправился в ванную.

Она оказалась просторной, с множеством зеркал и со блазнительным светом. На батарее висели выглаженные полотенца. Здесь были и душ, и ванна, и биде; такое изобилие приводило в замешательство. Что бы ни случилось, теперь он всегда будет чистым. Марти включил свет у зеркала и поставил бритвенные принадлежности на стеклянную полочку над раковиной. Он мог бы и не рыться в чемодане, поскольку Той — а может быть, Лютер — разложил для него на полке полный бритвенный набор: бритва, смягчающий крем, крем для бритья, одеколон. Он взглянул на себя в зеркало; интимное изучение собственного тела обычно присуще женщинам, но мужчины тоже практикуют его, особенно в запертых ванных комнатах. Дневные заботы отразились на облике Марти, кожа стала бледной, под глазами мешки. Он изучал свое лицо, словно искал драгоценности. Написано ли на этом лице прошлое со всеми его грубыми деталями? Не выгравировано ли оно слишком глубоко, можно ли его стереть?

Конечно, ему потребуются солнце и упражнения на свежем воздухе. С завтрашнего дня, подумал он, новый режим. Он будет бегать каждый день, пока не войдет в форму. Отправится к хорошему дантисту. Его десны часто кровоточили и беспокоили его. Он гордился своими зубами, крепкими и сильными, как у матери. Он попытался улыбнуться зеркалу, но улыбка потеряла прежнюю ослепительность. Придется поупражняться и в этом. Он снова в огромном мире; и со временем, может быть, появятся женщины, которых покорит его улыбка.

Его внимание переключилось с лица на тело. Слой жира осел на мышцах живота, нужно поработать над ним. Сесть на диету и тренироваться до тех пор, пока вес не вернется к семидесяти шести килограммам, как до Уондсворта. Несмотря на это, он выглядел достаточно хорошо. Может быть, мягкий свет льстил ему, но тюрьма, кажется, не слишком его изменила. У него сохранились все волосы; не было шрамов, за исключением татуировок и неболь-

шой отметины слева у рта; он не баловался наркотиками. Похоже, он действительно выжил.

Его рука добралась до паха, и он лениво поласкал себя до легкой эрекции. Он не думал о Шармейн. Если в его возбуждении и содержалась доля похоти, то она была нарциссической. Многие зеки, сидевшие с ним, считали обычным делом утолять сексуальный голод со своими соседями, но Марти это не нравилось. Не только из-за отвращения (хотя именно его он испытывал), но и потому, что подобная противоестественность была покушением на его личность. Еще один тюремный способ ее подавления. Он предпочел запереть сексуальность под замок и дотрагивался до члена только по нужде и не иначе. Сейчас он ласкал себя, как глупый подросток, и думал о том, что дальше будет делать со своей штуковиной.

Он включил теплую воду, встал под душ и намылился с головы до ног лимонным мылом. Среди всех удовольствий дня это было самое большое. Вода бодрила, словно он стоял под весенним дождем. Его тело пробуждалось. Да, именно так, думал он: я был мертв, а теперь возвращаюсь к жизни. Он был похоронен в заднице мира — так глубоко, что и не помышлял выкарабкаться оттуда. Но он смог, черт возьми! Он вышел! Марти смыл с себя пену, а затем позволил себе повторить процедуру; теперь вода текла сильнее и была горячее. Ванная заполнилась паром, на полу появились лужки.

Марти вылез из душа и выключил воду; его голова слегка шумела от тепла, виски и усталости. Он повернулся к запотевшему зеркалу и протер его кулаком. Вода придала новый цвет его щекам, волосы налипли на череп как светло-коричневая ермолка. Он отрастит их подлиннее, насколько позволит Уайтхед; возможно, сделает себе новую прическу. Но сейчас предстояло более сложное дело: удаление забракованных усов. Марти не был особенно волостят. Он отращивал усы несколько недель, в течение которых пришлось вынести обычный поток дурацких шуток. Но если босс желает видеть его бритым, кто он такой, что-

бы возражать? Слова Уайтхеда звучали как приказ, а не как предложение.

Шкафчик в ванной был хорошо оснащен (от аспирина до препарата для уничтожения вшей), но там не нашлось ножниц. Марти пришлось тщательно намылить волосы, чтобы смягчить их перед бритьем. Лезвие сопротивлялось, как и его кожа, но взмах за взмахом, и верхняя губа выступала на свет, а с таким трудом выращенные усы падали в раковину в хлопьях пены, чтобы исчезнуть со струей воды. Для удовлетворительного результата потребовалось полчаса. Он поранился в двух-трех местах и тщательно зализал порезы.

Когда он закончил, ванная почти очистилась от пара, и лишь несколько пятен на стекле искажали его отражение. Марти взглянул на себя в зеркало. Голая верхняя губа была розовой и беззащитной, а впадинка в ее центре выглядела удивительно забавно. В целом вышло не так уж плохо.

Удовлетворенный, он смыл остатки усов со стенок раковины, обернулся полотенце вокруг пояса и медленно вышел из ванной. Его кожа высохла сама в теплом воздухе натопленного дома; вытираться нет необходимости. Усталость и голод охватили его, когда он присел на край кровати. Той вроде бы говорил, что внизу для него оставили еду. Что ж, сейчас он откинется на эту девственную прстыню, положит голову на пахнущую свежестью подушку и закроет глаза на полчасика, а потом, может быть, встанет и отправится ужинать. Марти сбросил полотенце и лег на кровать, натянув одеяло до половины тела, а потом уснул мертвым сном. Ему не снились сны; даже если они и были, он спал слишком крепко, чтобы запомнить их.

И сразу же настало утро.

13

Позабудь он даже географию дома после краткого ознакомительного путешествия вчера вечером, в любом случае в кухню его привело бы обоняние. Жарился бекон, варили-

ся свежий кофе. За плитой стояла рыжеволосая женщина. Она оторвалась от своего дела и кивнула.

— Вы, должно быть, Мартин,— сказала она с легким ирландским акцентом.— Поздновато встаете.

Он взглянул на циферблат на стене. Восьмой час.

— Вы приступаете к работе в хороший день.

Задняя дверь была открыта; он пересек длинную кухню, чтобы посмотреть, каков сегодня день. Он был прекрасен: небо чистое, иней покрывает газоны, как сахар. Вдалеке он разглядел строение, похожее на теннисный корт, и за ним полоску деревьев.

— Меня зовут Перл, между прочим,— сказала женщина.— Я готовлю для мистера Уайтхеда. Вы голодны?

— Да нет, я могу подождать.

— Мы всегда плотно завтракаем. Это заряжает вас с утра.— Она перемещала бекон с шипящей сковородки на плите в духовку. Полка за плитой была заполнена продуктами: томаты, сосиски, куски кровяной колбасы.— Здесь кофе. Распоряжайтесь.

Кофеварка бурлила и свистела, когда он наливал себе чашку такого же черного и ароматного напитка, как и прошлым вечером, но только свежего.

— Вам придется готовить самому, когда я не работаю. Я не живу здесь. Просто прихожу и ухожу.

— А кто готовит для мистера Уайтхеда, когда вас нет?

— Он любит иногда готовить сам. Но и вам придется приложить руку.

— Я едва умею воду вскипятить.

— Ничего, научитесь.

Она повернулась к нему с яйцом в руке. Она была старше, чем он подумал вначале: где-то около пятидесяти.

— Не беспокойтесь об этом,— сказала она.— Сильно вы голодны?

— Жутко.

— Я оставила вам холодную птицу вчера вечером.

— Я уснул как убитый.

Она опустила яйцо в кастрюльку и после секундной паузы заговорила:

— У мистера Уайтхеда нет никаких особенных пристрастий в еде, кроме клубники. Он не станет требовать суфле, не беспокойтесь. Большая часть продуктов — в холодильнике за дверью. Вам нужно лишь открыть его и поставить еду в печь.

Марти осматривал кухню: комбайн, микроволновая печь, электрическая мясорубка. Позади него в стену был вмонтирован ряд телевизоров. Он не заметил их раньше и не мог спросить сейчас, так как Перл продолжала:

— Он часто хочет есть среди ночи. Так по крайней мере говорил Ник. Он часто бодрствует.

— Кто такой Ник?

— Ваш предшественник. Он уволился перед Рождеством. Мне он нравился. Но Билл сказал, что он оказался нечист на руку.

— Понятно.

Она пожала плечами:

— И все-таки никогда не скажешь... Я имею в виду, он...

Она запнулась на полуслове, явно проклиная свой длинный язык и скрывая смущение, стала вылавливать яйца из кастрюльки и выкладывать на тарелку, к уже разложенной еде.

— Он не походил на вора, вы это хотели сказать? — закончил ее мысль Марти.

— Я не это имела в виду, — возразила она, переставляя тарелку с плиты на стол. — Осторожно, она горячая.

Лицо Перл стало цвета ее рыжих волос.

— Да все в порядке, — успокоил ее Марти.

— Мне нравился Ник, — сказала она. — Правда. Я разбила одно яйцо. Извините.

Марти взглянул на наполненную тарелку. Одно яйцо было действительно разбито, и из него вытекал желток, расплзаясь вокруг помидора.

— Мне нравится, — ответил он искренне и принялся за еду.

Перл подлила ему кофе, сама взяла чашку и села рядом с ним.

— Билл очень хорошо отзывался о вас,— сообщила она.

— Я сначала сомневался, что он возьмет меня.

— Да-да,— кивнула Перл,— очень хорошо отзывался. Может, потому, что вы занимались боксом. Он сам был профессиональным боксером.

— Правда?

— Я думала, он рассказал вам. Это было тридцать лет назад. Еще до того, как он стал работать на мистера Уайтхеда. Хотите тосты?

— Если есть.

Перл встала, отрезала два ломтя белого хлеба и засунула их в тостер. Она чуть-чуть замешкалась, прежде чем вернуться к столу.

— Право, мне очень неудобно,— проговорила Перл.

— Из-за яйца?

— Из-за слов о Нике и воровстве...

— Я сам задал вам вопрос,— отозвался Марти.— Между прочим, у вас есть полное право быть осторожной. Я бывший зек. Даже не бывший. Я могу вернуться обратно, если сделаю неверный шаг...— Ему было неприятно говорить об этом, как будто слова делали возможностьозвращения в тюрьму более реальной.— Но я не собираюсь подставлять мистера Тоя. Или себя.

Она кивнула, явно довольная тем, что между ними не осталось ничего недосказанного, и принялась допивать кофе.

— Вы не похожи на Ника,— сказала она.— Я уже вижу.

— Он был странный? — спросил Марти.— Со стеклянным глазом или что-то в этом роде?

— Да н-нет...

Казалось, она сожалела о сказанном.

— Это не важно,— бросила она, уходя от ответа.

— Нет. Продолжайте.

— Ох. Ну, я думаю, у него были долги.

Марти попытался изобразить весьма сдержаненный интерес. Но что-то наверняка промелькнуло в его глазах, возможно, паника. Перл нахмурилась.

— Какие долги? — ненавязчиво спросил он.

Тосты выскочили и отвлекли внимание Перл. Она встала, чтобы вынуть их и подать к столу.

— Извините, что руками,— проговорила она.

— Спасибо.

— Я не знаю, много ли он задолжал.

— Да нет, я не о том, большие ли долги. Я имею в виду... как он их наделал?

Походило ли это на обычное любопытство или по тому, как он сжал вилку и внезапно перестал жевать, Перл все-таки заметила, что он задал важный вопрос? Однако Марти имел право спросить. Она задумалась, прежде чем ответить. Когда Перл заговорила, в ее приглушенном голосе звучали интонации уличной сплетницы: что бы она ни сказала, это станет их секретом.

— Он часто приходил сюда и звонил по телефону. Он говорил, что звонит партнерам по бизнесу — он спортсмен или когда-то был спортсменом; но вскоре я обнаружила, что он влез в долги. А уж как он умудрился их наделать, можно только догадываться. Я думаю, какие-то азартные игры.

Марти почему-то знал ответ до того, как он прозвучал. Напрашивался другой вопрос: простое ли совпадение, что Уайтхед нанял двух телохранителей и оба в какой-то момент жизни играли в азартные игры? И оба, как выяснилось, воры по роду своего увлечения. Той не проявлял особыго интереса к этому аспекту жизни Марти. Но ведь в деле у Сомервейла наверняка имелись отчеты психолога, биография и все прочее, что Тою нужно было знать о причинах, толкнувших Марти на воровство. Он передернул плечами, пытаясь избавиться от ощущения неловкости. Какая, к черту, разница? Все в прошлом, теперь он стал другим.

— Вы закончили?

— Да, спасибо.

— Еще кофе?

— Я сам.

Перл забрала у Марти тарелку, выскребла недоеденную пищу на блюдо.

— Для птиц,— пояснила она и принялась загружать посуду, приборы и кастрюльки в посудомоечную машину.

Марти налил себе кофе и наблюдал за ее работой. Перл была привлекательной женщиной; зрелый возраст шел ей.

— Сколько народу работает у Уайтхеда?

— У мистера Уайтхеда,— мягко поправила она.— Народу? Ну я. Я прихожу и ухожу, как уже говорила. Еще, конечно, мистер Той.

— Но он же не живет в доме?

— Он остается на ночь, когда у них бывают конференции.

— Часто?

— О да. В доме проходит много встреч. Люди постоянно приезжают и уезжают. Поэтому мистер Уайтхед так озабочен безопасностью.

— Он когда-нибудь уезжает в Лондон?

— Не теперь,— сказала она.— Он иногда летал. В Нью-Йорк, Гамбург или еще куда. Но сейчас он сидит здесь круглый год и заставляет остальной мир приходить к нему... Так о чем я?

— О работниках.

— Ах да. Когда-то здесь служила толпа народу. Охрана, прислуга, горничные. Но затем он стал очень подозрительным. Начал опасаться, что кто-то может отравить его или убить в ванной. И всех выгнал — просто так. Сказал, что ему лучше быть с теми, кому он доверяет. Так что он не держит людей, которых не знает.

— Он не знает меня.

— Пока нет. Но он очень хитрый. Хитрее всех людей, которых я знала.

Зазвонил телефон, и она взяла трубку. Марти догадалася, что на том конце провода Уайтхед. Перл выглядела так, словно ее поймали на месте преступления.

— О... да. Это я виновата. Я заговорила его. Сейчас,— проговорила она и быстро повесила трубку.— Мистер Уайтхед ждет вас. Вам нужно поторопиться. Он в собачьем питомнике.

14

Питомник располагался за группой домишек, напоминавших конюшни, в паре сотен ярдов за главным зданием. Сараи из прессованной угольной крошки с заграждениями из проволочной сетки задумывались как служебные помещения, и строители не заботились об изяществе или архитектурном соответствии. Вид питомника немного резал глаз.

На улице было холодно. Направляясь к сарайям по хрустящей от мороза лужайке, Марти вскоре пожалел, что вышел в одной рубашке. Однако по голосу Перл он понял, что дело срочное, и не хотел заставлять Уайтхеда (нужно научиться думать о нем как о «мистере Уайтхеде») ждать дольше, чем тот уже прождал. Однако старика совсем не беспокоило опоздание Марти.

— Я подумал, что сегодня нам следует посмотреть на собак. А затем, может быть, пройдемся по окрестностям?

— Да, сэр.

Уайтхед был одет в тяжелое черное пальто, его голова утопала в толстом меховом воротнике.

— Вы любите собак? — спросил он.

— Вы хотите, чтобы я ответил честно, сэр?

— Конечно.

— Не очень.

— Может, собака когда-то покусала вашу мать или вас самого? — Тень улыбки мелькнула в налитых кровью глазах.

— Нет, насколько я помню, сэр.

Уайтхед неопределенно хмыкнул.

— Что же, сейчас вы увидите всю компанию, Штраус, нравится вам это или нет. Очень важно, чтобы они узнава-

ли вас. Они обучены разрывать чужаков на части. Мы не хотим, чтобы они ошиблись.

Из большого сарая вышел человек с цепью и удавкой. Марти не сумел определить с первого взгляда, мужчина это или женщина. Стриженые волосы, потертый анорак и ботинки наводили на мысль о мужчине, но мягкие черты лица опровергали иллюзию.

— Это Лилиан. Она присматривает за собаками.

Женщина кивнула в знак приветствия, даже не взглянув на Марти.

При ее появлении несколько собак — огромные лохматые эльзасцы — выскочили из будок и стали принюхиваться сквозь сетку, приветственно поскуливая. Лилиан шикнула на них, но безуспешно: приветствие переросло в лай, и вот уже два огромных пса стояли на длинных задних лапах, навалившись почти человеческим весом на сетку, и яростно водили хвостами. Шум усилился.

— Тихо! — резко крикнула Лилиан.

Почти все псы послушно замолчали. Только самый большой кобель остался на месте, требуя внимания, пока Лилиан не сняла свою кожаную перчатку и не просунула сквозь сетку руку, чтобы почесать его мохнатую шею.

— Вместо Ника мы взяли Мартина, — сказал Уайтхед. — Он теперь постоянно будет здесь. Я подумал, что ему следует встретиться с собаками, да и собакам нужно познакомиться с ним.

— Разумно, — без всякого энтузиазма ответила Лилиан.

— Сколько их? — поинтересовался Марти.

— Взрослых? Девять. Пять кобелей и четыре суки. Это Саул. — Она кивнула на пса, которого все еще гладила. — Он самый старший и самый большой. Вон тот в углу — Иов. Он один из сыновей Саула и сейчас не совсем здоров.

Иов полулежал в углу клетки и с энтузиазмом вылизывал себе яички. Казалось, он понял, что стал центром внимания, потому что на какой-то момент отвлекся от своего занятия. Он посмотрел на гостей взглядом, выражавшим

все то, что Марти ненавидел в собаках: угрозу, хитрость и едва скрытую обиду на хозяев.

— А вон там,— продолжала Лилиан, показывая на собак, метавшихся по клетке,— посветлее — Дидона, а потемнее — Зоя.

Было странно слышать такие имена, они казались абсолютно неподходящими. Собаки наверняка обижались на женщину, назвавшую их так, или посмеивались за ее спиной.

— Подойдите сюда,— сказала Лилиан, подзывая Марти как одного из своих питомцев.

И он послушался.

— Саул,— обратилась она к зверюге за сеткой,— это друг. Подойдите ближе,— предложила она Марти.— А то он не учуяет вас.

Собака опустилась на все четыре лапы. Марти осторожно приблизился к сетке.

— Не бойтесь. Подойдите прямо к нему. Дайте ему хорошенъко принюхаться.

— Они различают запах страха,— сказал Уайтхед.— Правда, Лилиан?

— Совершенно верно. Если оничувствовали его, они знают, что вы — их. Тогда они становятся беспощадны. Вам надо подойти к ним.

Марти приблизился к собаке. Пес злобно уставился на него. Марти ответил таким же взглядом.

— Не пытайтесь переглядеть его,— посоветовала Лилиан.— Это делает пса агрессивным. Просто дайте ему почуять ваш запах, чтобы он научился узнавать вас.

Саул обнюхал ноги Марти, высунув нос сквозь сетку. Затем удовлетворенно побрел обратно.

— Неплохо,— отметила Лилиан.— В следующий раз без сетки. Скоро вы сможете управляться с ним.

Марти был уверен, что его растерянность доставляет ей удовольствие. Но он ничего не сказал и последовал за Лилиан к самому большому сараю.

— Теперь вы должны познакомиться с Беллой,— сказала она.

Внутри запах дезинфекции, застоявшейся мочи и шерсти усилился. Появление Лилиан псы встретили еще одной длинной серией лая и прыжков на сетку. В центре сарае располагался проход, справа и слева от которого стояли клетки. В двух из них содержалось по одной собаке: обе суки, первая значительно крупнее второй. Обходя клетки, Лилиан подробно рассказывала обо всех подробностях жизни псов, называла их имена и место на кровосмесительном фамильном древе. Марти внимательно прислушивался к ее словам и немедленно забывал их. Его мысли уже отвлеклись от раздражающее близкого присутствия собак; он думал об удручающей узнаваемости этого интерьера. Коридор, клетки с твердым полом, лежанки, голые лампочки; он как будто попал из дома домой. Теперь он смотрел на собак в ином свете, увидел иной смысл зловещего взгляда Иова, отвлекшегося от своего омовения; понял лучше Лилиан или Уайтхеда, каким он сам и его род должны представляться здешним узникам.

Он остановился и взгляделся в одну из клеток, просто чтобы сосредоточиться на чем-то и прогнать тревогу, угнетавшую его в тесном бараке.

— Как его зовут? — спросил он.

Пес в клетке подошел к самой двери; еще один здоровый кобель, хотя и поменьше Саула.

— Ларусс,— ответила Лилиан.

Собака выглядела дружелюбнее остальных, и Марти преодолел свой страх, подошел поближе и, присев в узком коридоре, попытался протянуть к ней руку.

— Это безопасно,— заверила его Лилиан.

Марти просунул пальцы сквозь сетку. Ларусс с любопытством обнюхал их; его нос был твердым и холодным.

— Хороший пес,— сказал Марти.— Ларусс.

Собака принялась вилять хвостом, радуясь тому, что потешющий незнакомец назвал ее по имени.

— Хороший пес.

Здесь, совсем рядом с лежанкой и соломой, запах экспериментов и шерсти стал еще сильнее. Но собака была счастлива оттого, что человек снизошел до ее уровня, и пытаясь облизать его пальцы через проволоку. Ларусс выказывал неподдельное удовольствие, и энтузиазм пса помог Марти избавиться от страха.

Именно теперь он ощутил на себе испытующий взгляд Уайтхеда. Стариk стоял слева в нескольких шагах от него, почти перегородив своей тушей узкий проход между клетками, и с интересом наблюдал за происходящим. Марти смущился и встал. Он оставил повизгивающую и поскуливающую собаку и последовал за Лилиан дальше вдоль клеток. Собачья хозяйка расточала похвалы еще одному члену семьи. Марти повернулся к предмету ее восторгов.

— А это Белла,— провозгласила Лилиан.

Ее голос смягчился, в нем появилась мечтательность, которую Марти раньше не замечал. Он подошел и понял, почему.

Белла полулежала-полусидела в тени сетки в самом конце своей клетки и казалась черномордой собачьей мадонной на подстилке из одеял и соломы в окружении сосущих ее слепых щенков. Марти стоило лишь взглянуть на это, и его предубеждение против собак исчезло.

— У нее шестеро,— гордо, словно про собственных детей, сказала Лилиан.— Все сильные и здоровые.

Не просто сильные и здоровые — они были восхитительны. Толстые и круглые, воплощенное довольство, они уютно копошились в щедром тепле матери. Не верилось, что беззащитные и ранимые создания могут вырасти в таких серо-стальных лордов, как Саул, или подозрительных бунтарей, подобных Иову.

Белла почюяла новичка и насторожила уши. Ее голова была абсолютно пропорциональна, траурно-черный и золотой оттенки шерсти смешались до великолепного эффекта, коричневые глаза в полутьме поблескивали мягко, но бдительно. Она была законченной, совершенной. Марти подумал, что Лилиан права: такой зверь может вызывать лишь одно чувство — благоговение.

Лилиан всмотрелась через сетку и представила Марти этой матери материей.

— Вот мистер Штраус, Белла,— сказала она.— Отныне ты будешь часто видеть его; он друг.

В голосе Лилиан не было снисходительного сюсюканья, она говорила с собакой как с равной. Вопреки первому впечатлению Марти почувствовал, что стал теплее к ней относиться. Любовь дается нелегко; он знал это по себе. Какую бы форму она ни приняла, ее следует уважать. Лилиан любила собаку — ее величественность, ее достоинство, и эту любовь Марти мог если не понять, то оценить.

Белла втянула носом воздух и удовлетворенно сняла мерку с Марти. Лилиан с неохотой повернулась от клетки к Штраусу:

— Она еще доберется до вас, дайте срок. Она великая соблазнительница, знаете ли. Великая соблазнительница.

Позади него Уайтхед хмыкнул над такой сентиментальной чепухой.

— Не осмотреть ли нам окрестности? — нетерпеливо предложил он.— Думаю, здесь мы закончили.

— Приходите, когда устроитесь,— сказала Лилиан; ее отношение к гостю заметно улучшилось после того, как Марти оценил ее работу.— Я покажу вам, на что они способны.

— Спасибо. Я обязательно приду.

— Я хотел показать вам собак,— сказал Уайтхед, когда они остались бараки позади и оживленно зашагали по лужайке к ограде, проходящей по периметру усадьбы.

То, о чем он говорил, было далеко не единственной причиной визита, и Марти хорошо это понимал. Уайтхед захотел напомнить ему, откуда его вытащили. И куда по милости великого Джозефа Уайтхеда он может в любой момент вернуться. Что ж, урок усвоен. Он согласится прыгать ради старика через горящий обруч, только бы не возвращаться в морок коридоров и камер. Там нет даже Беллы; в глубине Уондсвортса не скрыто ничего, подобного этой ве-

личественной и таинственной матери. Лишь заблудшие души, как и сам Марти.

Теплело; бледно-лимонный шар солнца медленно поднимался над крышами, и иней таял на газонах. Впервые Марти увидел смысл в планировке усадьбы: в любом направлении открывались великолепные пейзажи, а вдалеке можно было различить воду — озеро или реку, — поблескивающую за скоплением деревьев. К западу от дома два ряда кипарисов ограждали аллеи, возможно, с фонтанами; с другой стороны располагался густой сад за невысокой каменной стеной. Понадобится несколько недель, чтобы изучить все.

Они дошли до двойной ограды, окружавшей усадьбу. Изгороди добрых десяти футов высотой оканчивались твердыми стальными стойками, наклоненными в сторону возможного нарушителя. Поверху вилась спираль из колючей проволоки. Конструкция почти наверняка находилась под напряжением. Уайтхед разглядывал ее с видимым удовлетворением.

— Впечатляет, а?

Марти кивнул. Знакомая штука.

— Отвечает требованиям безопасности,— сказал Уайтхед.

Он повернулся налево и зашагал вдоль изгороди. Разговор — если его можно так назвать — принял форму беспорядочных реплик, словно Уайтхед был настолько нетерпелив, что не мог вынести эллиптическую кривую обычной беседы. Он просто бросал фразы или серии замечаний, ожидая от Марти, что тот сам поймет их смысл.

— Это не совершенная система: ограды, собаки, камеры. Видели экраны на кухне?

— Да.

— Такие же стоят у меня наверху. Камеры обеспечивают полное наблюдение днем и ночью.— Уайтхед ткнул большим пальцем в один из прожекторов с камерой позади них. Эти устройства имелись на каждом десятом стол-

бе и медленно вращались туда-сюда, как головы механических птиц.— Люттер покажет вам, как проходит их одну за другой. Установка стоит целое состояние, но я не уверен, что от них много толку. Ведь эти люди не дураки.

— Кто-то вторгался в усадьбу?

— Не здесь. В доме в Лондоне иногда случалось. Конечно, это бывало, когда я еще жил на виду. Нераскаявшийся магнат. Евангелина и я на каждой скандальной странице. Разворстая клоака Флит-стрит... Но это никогда меня не пугало.

— Я думал, у вас была своя газета.

— Начитались обо мне?

— Да нет, я просто...

— Не верьте ни биографиям, ни колонкам сплетен, ни даже «Кто есть кто». Они лгут. Я лгу.— Он закончил обвинение, довольный собственным цинизмом.— А также он, она или оно. Бумагомаратели. Грязные сплетники. Презренные в большинстве своем.

От них он хочет оградиться забором, от грязных сплетников? Крепость, укрывающая от потока скандалов и дерьма? Если так, он выбрал изысканный способ. Может, причина всего — раздутый эгоцентризм, подумал Марти. Идея-фикс: весь мир внимательно следит за частной жизнью Джозефа Уайтхеда.

— О чём вы думаете, мистер Штраус?

— Об ограде,— солгал Марти, возвращаясь к предыдущей теме.

— Нет, Штраус,— возразил Уайтхед.— Вы думаете так: во что я ввязался, связавшись с безумцем взаперти?

Марти почувствовал, что дальнейшее препирательство станет признанием вины. Он не ответил ничего.

— Не соответствует ли это общепринятыму мнению? Падший plutократ, терзающийся в одиночестве. Ведь так обо мне говорят?

— Что-то вроде,— произнес наконец Марти.

— И все-таки вы согласились прийти ко мне.

— Да.

— Конечно, вы согласились. Ведь каким бы сумасшедшем я ни был, это не хуже еще одного лязганья запирающейся двери за спиной. И вы хотели выйти. Любой ценой. Вы были в отчаянии.

— Конечно, я хотел выйти. Любой хотел бы.

— Я рад, что вы это признаете. Ваше желание дает мне огромную власть над вами, вы не находите? Вы не осмелились предать меня. Вы должны быть преданы мне, как собаки преданы Алииан: не потому, что она их кормит, а потому, что она — их мир. Вы должны сделать меня своим миром; моя безопасность, мое здоровье, мой комфорт должны стать вашей главной заботой. С этой мыслью вы будете просыпаться. Если так, я обещаю вам свободу, о какой вы даже не мечтали. Такую свободу способен подарить только очень богатый человек. Если нет, я отправлю вас обратно в тюрьму с безнадежно испорченным личным делом. Понимаете меня?

— Я понимаю.

Уайтхед кивнул.

— Пошли, — сказал он. — Идите рядом со мной.

Он повернулся и зашагал. Ограда заворачивала за деревья, и вместо того, чтобы углубиться в подлесок, Уайтхед предложил сократить путь и направился к бассейну.

— Для меня все деревья выглядят одинаково, — заметил он. — Вы можете прийти попозже и погулять здесь для успокоения души.

Однако они шли по краю леса достаточно долго, чтобы Марти мог получить представление о его значительности. Деревья росли беспорядочно, не то что в ухоженных регулярных угодьях лесного департамента. Они стояли близко друг к другу, их кроны переплетались, листья и иголки смешивались в борьбе за место под солнцем. Лишь там, где дубы или липы рано отошли ветви в этом году, солнечный свет сохранил молодую поросль. Марти пообещал себе вернуться сюда, прежде чем весна украсит это место.

Уайтхед вновь заставил его вернуться к основной теме разговора.

— Отныне вам придется почти все время быть в пределах досягаемости. Я не хочу, чтобы вы находились рядом со мной постоянно... лишь при необходимости. Иногда, и только с моего разрешения, вы будете получать что-то вроде увольнительных. Вы водите автомобиль?

— Да.

— Что ж, машин здесь хватает, мы подберем для вас какую-нибудь. Это не вполне соответствует правилам, установленным комиссией по досрочному освобождению. Они рекомендовали, чтобы вы оставались на месте под присмотром в течение шести испытательных месяцев. Но я, по правде говоря, не вижу причин удерживать вас от свиданий с теми, кого вы любите. По крайней мере когда рядом есть другие люди, следящие за моим благополучием.

— Благодарю вас. Я очень признателен.

— Однако боюсь, что не смогу позволить вам этого прямо сейчас. Ваше присутствие здесь жизненно необходимо.

— Проблемы?

— Мне постоянно угрожают, Штраус. Я все время получаю — вернее, мои люди получают — письма с угрозами. Трудно отделить чудаков, которые тратят свое время на сочинение мерзостей публичным персонам, от настоящего убийцы.

— А зачем кому-то убивать вас?

— У меня одно из самых больших состояний вне Америки. На меня работают десятки тысяч людей; мне принадлежат участки земли столь огромные, что я не смог бы обойти их за весь остаток моей жизни, даже если бы начал прямо сейчас; я владею судами, произведениями искусства, лошадьми. Из меня легко сделать мишень. Решить, что если меня убрать, то на земле наступят мир и благодать.

— Я понимаю.

— Сладкие грэзы,— горько произнес старик.

Темп их прогулки замедлялся. Дыхание этого большого человека было короче, чем казалось полчаса назад; его речи заставляли забыть о его возрасте. В словах Уайтхеда

звучал юношеский максимализм, не оставлявший места для старческой мягкости, для неясности или сомнений.

— Я думаю, пора повернуть обратно,— сказал он.

Уайтхед закончил свой монолог, а Марти не слишком хотелось продолжать беседу. Да и сил не осталось: стиль Уайтхеда с его неожиданными отклонениями и изгибами очень утомлял. Надо найти маску, позу внимательного слушателя, когда лекция начинается и заканчивается. Со знанием дела вовремя кивнуть и пробормотать банальность в паузе среди потока слов. Это потребует времени, но Марти постигнет искусство обращения с Уайтхедом.

— Это моя крепость, мистер Штраус,— провозгласил стариk, когда они приблизились к дому. Здание не походило на гарнизон: кирпич казался слишком теплым, чтобы быть прочным.— Ее главная задача — охранять меня от опасностей.

— Как и моя.

— Как и ваша, мистер Штраус.

За домом раздался лай собаки. Соло быстро превратился в хор.

— Время кормежки,— сказал Уайтхед.

15

Марти потребовалось несколько недель, прежде чем он понял ритм жизни дома Уайтхеда. Это напоминало мягкую диктатуру: режим дня полностью подчинялся планам и прихотям хозяина. Как стариk и сказал, дом был его святынищем; сотрудники и партнеры ежедневно приходили сюда, дабы прикоснуться к его мудрости. Лица некоторых были знакомы: промышленные магнаты, пара-тройка министров (один из них недавно с позором ушел в отставку; зачем он приходил сюда, спрашивал себя Марти, за прощением или поддержкой?), ученые мужи, хранители общественной морали... Многих он знал в лицо, но не по именам, большинство же не знал вовсе. Его самого никому не представили.

Раз или два в неделю ему приказывали оставаться в комнате во время встречи, но чаще требовали находиться на расстоянии слышимости голоса. В любом случае, он был невидим; по крайней мере для гостей, не замечавших его или воспринимавших в лучшем случае как часть обстановки. Вначале это его задевало — казалось, все в доме имеют имена, кроме Марти. Однако по прошествии времени он начал радоваться своей анонимности. Ему не нужно было говорить, и он мог позволить мыслям плыть по течению, не опасаясь, что его застигнут врасплох каким-нибудь вопросом. Приятно находиться вдали от забот всемогущих людей, чья жизнь казалась Марти перегруженной и искусственной. На их лицах он часто видел выражение, хорошо знакомое ему по Уондсворту: вечная тревога по поводу насмешек и своего места в иерархии. Возможно, в высших кругах правила более цивилизованны, но борьба, как он теперь понимал, совершенно та же. Те же силовые игры. Он был счастлив, что не принимает в этом участия.

Кроме того, Марти обдумывал несколько более важных вопросов. Во-первых, Шармейн. Скорее от любопытства, чем от страсти, он размышлял о ней все больше и больше. Он чувствовал желание узнать, как ее тело выглядит сейчас, спустя восемь лет. Бреет ли она по-прежнему тонкую линию волос, проходящую от пупка к лобку; не изменился ли пикантный острый запах ее свежего пота. Его интересовало, так же ли ей нравится заниматься любовью, как раньше. Она всегда выказывала больший аппетит к самому половому акту, чем другие знакомые ему женщины; это одна из причин, почему он женился на ней. Осталось ли все по-прежнему? А если да, с кем она уголяет свою жажду? Снова и снова Марти прокручивал в голове дюжину подобных вопросов. Он обещал себе, что при первой возможности отправится повидать Шармейн.

Эти недели заметно улучшили его физическую форму. Жесткий режим тренировок, установленный им с первой же ночи, поначалу был мучительным. Но через нескольких дней мышечные боли прошли и усилия стали приносить

плоды. Он вставал в половине шестого и совершил часовую пробежку по поместью. Неделю он бегал по одному и тому же кругу, потом стал изменять маршрут, чтобы больше узнать о поместье и увеличить нагрузку. Здесь было на что посмотреть. Весна еще не вступила в силу, но природа уже пробуждалась. Пробивались крошки и нарциссы, набухшие почки деревьев лопались, понемногу распускались листья. Марти потребовалась неделя, чтобы полностью узнать поместье и связать воедино все его части. Он изучил озеро, голубятню, плавательный бассейн, теннисные корты, питомник, лес и сад. Однажды утром, когда небо было относительно чистым, он обежал всю усадьбу вдоль ограды, в том числе и в глубине леса. Теперь он считал, что знает территорию лучше любого другого, не исключая хозяина.

Это очень радовало: не просто возможность пробежать несколько миль свободно, когда никто не смотрит тебе в затылок, а возвращавшееся восприятие природы. Марти нравилось рано вставать и видеть восход солнца; как будто он мчался навстречу рассвету, а заря занималась лишь для него одного — обещание света, тепла и возвращения жизни.

Вскоре он избавился от слоя жира вокруг талии; снова обрисовались четкие контуры мышц живота — «стиральная доска» пресса, которой Марти всегда гордился, как мальчик, и которую, как он полагал, потерял навсегда. Мускулы опять заиграли — поначалу напоминали о себе ноющей болью, а затем зажили своей пылкой, горячей жизнью. Вместе с потом он выжимал из себя годы уныния и поражения, смывал их и становился легче. Вновь он чувствовал собственное тело как систему, где все части работают слаженно, организм сбалансирован и требует уважительного отношения.

Если Уайтхед и разглядел перемены в физической форме своего охранника, ни одного комментария он не сделал. Однако Той в один из приездов немедленно отметил это. Марти тоже заметил, что Той изменился — но к худшему. Неловко было бы говорить о том, каким усталым

он выглядел; Марти чувствовал, что их отношения пока не позволяют подобной фамильярности, и лишь надеялся, что Билла не поразил серьезный недуг. Он побледнел, а его широкое лицо так осунулось, будто Тоя пожирало что-то изнутри. Исключительная для его возраста легкость походки также исчезла.

Кроме недомогания Тоя оставалось еще несколько загадок. Во-первых, коллекция: работы великих мастеров на стенах дома. Они были запущены. Никто не стирал с них пыль месяцами или, возможно, годами; помимо желтова-того лака, затуманивающего их красоту, в слоях краски появлялись новые трещинки. Марти никогда особенно не привлекало искусство, но он часто смотрел на эти холсты и чувствовал растущий интерес к ним. Многие картины — портреты и религиозные сюжеты — не слишком нравились ему: он не знал изображенных людей и событий. Но в небольшом коридоре первого этажа, ведущем в пристройку (раньше там располагались апартаменты Евангелины, а теперь — сауна и солярий), он обнаружил две картины, поразившие его воображение. Пейзажи были написаны одним и тем же неизвестным мастером. Судя по тому что их повесили в закутке, они не считались шедеврами. Однако удивительное смешение реального — деревья, вьющаяся дорога под желто-голубым небом — и абсолютно фантастического — дракон с пятнистыми крыльями, готовый сожрать человека на дороге, летящие над лесом женщины, отдаленный город в огне — выглядело необыкновенно убедительно. Марти вновь и вновь приходил к полюбившимся полотнам и находил все больше невероятных деталей в чаще зарослей или в дыму пламени.

Не только картины вызвали его интерес. Верхний этаж основного здания, где жил Уайтхед, был ему недоступен; Марти не раз испытывал страстное желание пробраться туда, пока старик занят, и сунуть нос на запретную территорию. Он предполагал, что Уайтхед использует верхний этаж как доминирующую высоту, чтобы наблюдать за передвижениями своих людей. На эту мысль Марти натолкнула

другая загадка: во время пробежек он все время ощущал, что за ним наблюдают. Но он сопротивлялся искушению проверить это. За любопытство он мог дорого заплатить.

Когда он не работал, то проводил много времени в библиотеке. Свежая пресса, которую приносил Лютер, удовлетворяла его интерес к окружающему миру: журнал «Тайм», газеты «Вашингтон пост» и «Таймс», несколько других — «Монд», «Франкфуртер Альгемайн цайтунг», «Нью-Йорк таймс». Марти пролистывал их в поисках статей и картинок с голыми девицами, а иногда брал с собой в сауну и читал там. Когда он уставал от газет, его ждали тысячи книг — в большинстве своем, к сожалению, устрашающие толстые тома. Их было очень много — избранная классика мировой литературы; кроме того, полки заполняли многочисленные растрепанные издания научной фантастики в бумажных переплетах со зловещими картинками. Марти начал читать их, выбирая книжки с наиболее впечатляющими обложками. Еще было видео. Той снабдил его дюжины кассет с записями боксерских матчей, которые Марти систематически просматривал, прокручивая по несколько раз полюбившиеся пленки. Он мог сидеть весь вечер, восхищаясь мастерством великих бойцов. Предусмотрительный Той присовокупил к ним пару порнографических фильмов. Он отдал их Марти с заговорщицкой улыбкой и советом не глотать все сразу. Там были бессюжетные краткие истории об анонимных парах и троицах, сбрасывавших одежду в первые тридцать секунд и переходивших к делу в течение первой минуты. Ничего особенного, но они со служили свою службу, когда, как и предполагал Той, свежий воздух, тренировки и оптимизм сотворили чудо с либидо Марти. Скоро наступит время, когда самоудовлетворения перед экраном телевизора будет недостаточно. Все чаще Марти снилась Шармейн. В этих недвусмысленных снах действие происходило в спальне их дома номер двадцать шесть. Отчаяние придало сил, и когда он в следующий раз увидел Тоя, то попросил позволения повидать же-

ну. Той обещал поговорить с боссом, но за этим ничего не последовало. Приходилось довольствоваться фильмами с фальшивыми объятиями и стонами.

Он начал узнавать имена людей, появлявшихся в доме чаще остальных,— доверенных советников Уайтхеда. Конечно, он постоянно видел Тоя. Также приходил адвокат по имени Оттави: худой хорошо одетый мужчина лет сорока, которого Марти недолюбливал с того момента, когда впервые услышал его речь. Оттави говорил со знакомым оттенком презрения, словно издевался надо всем и что-то скрывал. Это навевало болезненные воспоминания.

Был еще человек по имени Куртсингер — неброско одетый тип, обожавший безвкусные галстуки и отвратительные одеколоны. Он часто составлял компанию Оттави, но производил лучшее впечатление. К тому же он реагировал на присутствие Марти в комнате — как правило, коротким твердым кивком. Один раз, когда отмечали заключение какой-то серьезной сделки, Куртсингер сунул ему в карман пиджака большую сигару, после чего Марти многое ему прощал.

Третье лицо, вечно присутствовавшее на стороне Уайтхеда, было самым загадочным из троицы: карлик-тролль по имени Двоскин. Он был Кассием при Цезаре, если Тоя считать Брутом. Безупречный светло-серый костюм, тщательно сложенные платки, точность жестов — эти символы опрятности выдавали его одержимое стремление скрыть изъяны своего телосложения. Марти чувствовал в нем и другие качества — те самые, что потребовались ему самому для выживания в Уондсворте. Так же обстояло дело и с остальными приближенными хозяина. Под внешним слоем невозмутимости Оттави или любезности Куртсингера скрывались не очень-то, как говорил Сомервейл, милые люди.

Поначалу Марти решил, что его ощущение вызвано своего рода предубеждением человека низшего класса: никто не доверяет богатым и влиятельным. Но чем чаще он при-

существовал на встречах, чем больше наблюдал споров, тем яснее видел в их делах налет жульничества и даже признаки преступления. Разговоры в терминах биржевого рынка он едва понимал, но специфический лексикон не мог полностью скрыть основное направление бесед. Этих людей интересовали механизмы мошенничества; они хотели манипулировать законом и рынком. Они говорили об уклонении от налогов, о сделках между клиентами, позволяющих искусственно поднять цены, о поставках плацебо в качестве чудодейственных лекарств. В их словах не звучало никаких оправданий, наоборот — рассказы о криминальных аферах, о проданных и купленных политиках встречали с явным одобрением. И главной фигурой среди этих манипуляторов был Уайтхед. Они обращались с ним почтительно. Они стремились приблизиться к нему. Он мог — и часто делал это — заставить их замолчать легким движением руки. Каждое его слово воспринималось как речьmessии. Эта шарада очень занимала Марти. В соответствии с «правилом большого пальца», выученным в тюрьме, он знал: чтобы добиться такого поклонения, Уайтхед должен был нагрешить гораздо больше, чем его почитатели. В талантах Уайтхеда Марти не сомневался, он испытывал на себе силу его убеждения. Но самым острым постепенно стал другой вопрос: был ли Уайтхед вором? А если нет, каково же его преступление?

16

Легкость, думала она, наблюдая за бегуном из окна; легкость — вот главное. А если не главное, то наилучшая часть того, что ее восхищало в нем. Она не знала его имени, хотя могла узнать. Ей доставляла большое удовольствие анонимность этого одетого в тренировочный костюм ангела, из губ которого на бегу выбывались клубы пара. Она слышала, как Перл говорила о новом телохранителе, и предполагала, что это именно он. Какое значение имеет имя? Детали только помешают созданию мифа.

По многим причинам для нее настали плохие времена. Вид этого ангела, бегущего по газонам или мелькающего среди кипарисов, стал тем, за что она цеплялась безрадостным утром, сидя перед окном после бессонной ночи: предзнаменование лучших времен, которые должны наступить. Он появлялся регулярно, и она уже рассчитывала на это, а если спала слишком крепко и пропускала его утром, то остаток дня ее не покидало чувство потери. Она с нетерпением ждала следующего свидания.

Но она не могла заставить себя покинуть свой солнечный остров и преодолеть так много опасных рифов, чтобы добраться до него. Даже подать какой-либо сигнал о собственном присутствии в доме было слишком рискованно. Интересно, думала она, насколько у него развиты детективные наклонности. Если да, то он должен обнаружить ее по некоторым очевидным признакам: окуркам в кухонной раковине или запаху духов в комнате, откуда она вышла за несколько минут до него. Хотя ангелы в силу божественной природы вряд ли нуждаются в подобных знаках. Возможно, он без всяких подсказок знал, что она здесь — стоит за этими облаками, отражающимися в оконном стекле, или прижимается к запертой двери, пока он идет, настынивая, по коридору.

Впрочем, нет смысла встречаться с ним, даже если она наберется смелости. Что она скажет ему? Ничего. А когда он неминуемо потеряет к ней всякий интерес и вернется к своим делам, она останется в безлюдном пространстве, изолированная в своем убежище, на солнечном острове, куда она приплывала на чистом белом облаке из макового сока.

— Ты ничего не ела сегодня,— проворчала Перл. Знакомая песня.— Ты худеешь.

— Оставь меня, ладно?

— Ты же знаешь, мне придется рассказать ему.

— Нет, Перл.— Кэрис умоляюще взглянула на нее.— Не говори ничего, пожалуйста. Ты же знаешь, как он переживает. Я возненавижу тебя, если скажешь.

Перл стояла в дверях, глядела неодобрительно и осуждающе, не желая поддаваться ее уговорам или шантажу.

— Ты опять хочешь уморить себя? — спросила она.

— Нет. У меня просто нет аппетита, вот и все.

Перл пожала плечами.

— Я тебя не понимаю,— сказала она.— То ты убивашь себя, то...

Кэрис просияла.

— *Тебе* жить,— сказала женщина.

— Постой, Перл...

— Что?

— Расскажи мне о бегуне.

Перл выглядела удивленной: девушка никогда не проявляла интереса к тому, что происходит в доме. Она сидела взаперти и грезила. Но сейчас она настаивала:

— О том человеке, что бегает здесь каждое утро. В спортивном костюме. Кто он?

Рассказать ей не помешает. Любопытство — признак здоровья, а его у Кэрис так мало.

— Его зовут Марти.

«Марти». Кэрис прикинула звучание имени у себя в голове: оно шло ему. Ангел по имени Марти.

— Марти. А дальше?

— Да я не помню.

Кэрис поднялась. Улыбка исчезла. Такое выражение лица появлялось у нее, когда она действительно чего-то хотела: уголки рта опустились вниз. Выражение лица Уайтхеда, и Перл опасалась его. Кэрис это понимала.

— Ты знаешь, какая у меня память,— извиняющимся тоном сказала Перл.— Я не могу припомнить его фамилию.

— Ладно. Тогда скажи, кто он?

— Телохранитель твоего отца. Им заменили Ника,— ответила Перл.— Он, кстати, бывший заключенный. Ограбление с применением насилия.

— Правда?

- И довольно нелюдимый.
- Марти...
- Штраус! — торжествующе провозгласила Перл.— Мартин Штраус, вот как.

Ну вот, у него есть имя, подумала Кэрис. Это давало ей крошечную власть над ним. Называя человека по имени, можно управлять им. Мартин Штраус.

- Спасибо,— сказала она с искренней благодарностью.
- А зачем тебе?
- Просто интересно, кто он. Люди приходят и уходят.

— Ну он-то, я думаю, останется,— проговорила Перл, выходя из комнаты.

Когда она закрыла дверь, Кэрис спросила:

— А у него есть второе имя?

Но Перл уже не слышала.

Странно, что бегун оказался заключенным; в некотором смысле он все еще оставался заключенным, бегая кругами, вдыхая чистый воздух и выдыхая клубы пара, рассеивающиеся у него за спиной. Возможно, он понимал яснее старика, Тоя или Перл, каково это — жить на солнечном острове и не знать, как оттуда выбраться. Или того хуже: знать, но не осмеливаться из-за боязни никогда не вернуться в безопасное убежище.

Она узнала его имя и его преступление, но романтичность утренних свиданий это не испортило. Он по-прежнему вызывал восхищение; но теперь Перл ощущала вес его тела там, где прежде видела лишь легкость шагов.

И после долгих колебаний она наконец заключила, что просто смотреть на него недостаточно.

Постепенно восстанавливая форму, Марти начал усиливать нагрузки во время утренних пробежек, увеличивать расстояние и скорость. Порой для разнообразия он углублялся в лес сквозь молодую поросль и низкие ветки; он

разработал специальные упражнения — прыжки, увертки и удары. По ту сторону леса имелась запруда, и если Марти был в настроении, он останавливался там на пару минут. Там жили цапли — он насчитал троих. Вскоре наступит брачный период, и они, очевидно, начнут спариваться. Интересно, думал он, что произойдет с третьей птицей? Улетит ли она на поиски собственного партнера или останется здесь, лелея надежду на адюльтер? Будущее покажет.

Иногда под влиянием мысли о том, что Уайтхед наблюдает за ним с верхнего этажа дома, Марти замедлял бег и старался разглядеть его лицо. Но наблюдатель вел себя слишком осторожно, чтобы выдать себя.

В то утро она ждала его в голубятне, мимо которой он делал большой крюк по направлению к дому, и Марти вдруг почувствовал: он ошибался, это не старик шпионит за ним. Там, у верхнего окна, стоял кто-то очень осторожный. Без четверти семь было еще очень прохладно. Она ждала долго, судя по раскрасневшимся щекам и носу. Ее глаза сияли холодом.

Он остановился, выпуская клубы пара, как тракторный двигатель.

- Привет, Марти,— сказала она.
- Привет.
- Ты не знаешь меня.
- Нет.

Она плотнее запахнула шерстяное пальто. Она была худенькой и выглядела не старше двадцати. Ее глаза — такие карие, что казались почти черными,— вцепились в него, как когти. Круглое румяное лицо без косметики. Она выглядит голодной, подумал Марти. Он выглядит зверски голодным, подумала она.

- Это ты смотрела сверху,— предположил он.
- Да. Ты не сердишься, что я подглядывала, правда? — невинно поинтересовалась она.

— А почему я должен сердиться?

Она протянула тонкую руку без перчатки к камню голубятни.

— Она прекрасна, правда?

Постройка интересовала Марти только как один из ориентиров на его пути.

— Одна из самых больших голубятен в Англии,— пояснила она.— Ты знал об этом?

— Нет.

— А внутри бывал когда-нибудь?

Он покачал головой.

— Это загадочное место,— сказала она и направилась вдоль круглой стены здания к двери.

Она с трудом открыла створку: от влажной погоды дверь разбухла. Марти пришлось удвоить силы, чтобы девушка вошла внутрь. Здесь оказалось еще холоднее, чем снаружи, и он поежился; выступивший от бега пот на бровях и щетине стал ледяным. Но внутри действительно было странно, как она и обещала: одна круглая комната с отверстием в потолке, чтобы птицы могли влетать и вылетать. В стенах имелись квадратные ниши, очевидно, для гнезд, расположенные ровными рядами, как окна в многоквартирном доме — от пола до потолка. Все они были пусты. Судя по отсутствию помета и перьев на полу, голубятню не использовали много лет. Заброшенность придавала строению оттенок меланхоличности; уникальная архитектура не позволяла устроить здесь что-то другое. Девушка прошла по утоптанному земляному полу и сосчитала гнездовые ниши, начиная от двери:

— Семнадцать, восемнадцать...

Марти снова взглянул на нее. Волосы неровно обрезаны сзади, а пальто слишком велико — явно с чужого плача, предположил он. Кто же она? Дочь Перл?

Девушка перестала считать. Теперь она просунула руку в одну из ниш и со слабым шуршанием принялась что-то искать внутри. Там был тайник, догадался Марти. Она

собиралась доверить ему тайну. Девушка повернулась и показала ему свое сокровище.

— Я и не помнила, пока не пришла сюда снова,— проговорила она,— что здесь спрятано.

Какая-то окаменелость или часть ее — спиральная ракушка, лежавшая на дне докембрийского моря, когда мир был еще совсем юным. Девушка постучала ею о стену, выбив частицы пыли. Марти смотрел, как она увлечена этим куском камня, и внезапно у него мелькнула мысль, что девушка не совсем в здравом уме. Но она взглянула на него, и он увидел, что ее глаза слишком ясны и своенравны для сумасшедшей. Если в ней и был какой-то налет ненормальности, то лишь внешний — она с удовольствием изображала безумие. Она усмехнулась, глядя на него, словно угадала его мысли; хитрость и очарование в равных пропорциях смешались на ее лице.

— Здесь больше нет голубей? — сказал он.

— Нет и на моей памяти никогда не было.

— Ни одного?

— Если и было несколько, то они погибли зимой. Когда голубятня полна, они согревают друг друга своими телами. Но когда их немного, они не вырабатывают достаточно тепла и замерзают до смерти.

Он кивнул. Жаль оставлять голубятню пустой.

— Надо бы опять заполнить ее.

— Не знаю,— сказала она,— мне нравится и так.

Она забросила ракушку обратно в отверстие.

— Теперь ты знаешь о моем тайнике,— сказала она; хитрость исчезла и осталось лишь очарование. Она впустила Марти.

— Я не знаю, как тебя зовут,— заметил он.

— Кэрис,— ответила она и после паузы добавила: — Уэльское имя.

— А-а.

Он не удержался и уставился на нее. Она внезапно смущилась и быстро пошла к двери, перешагнула порог. На-

чался дождь — мягкий и легкий мартовский дождик. Она надвинула капюшон шерстяного пальто; он натянул капюшон тренировочного костюма.

— Может, покажешь мне остальные окрестности? — предложил он, не совсем уверенный, что это подходящий вопрос, однако не желая заканчивать разговор без надежды на следующую встречу.

Она издала неопределенное восклицание вместо ответа. Углы ее губ опустились.

— Завтра? — предложил он.

На это она не ответила вообще, а повернулась и направилась к дому. Марти потоптался в одиночестве, понимая, что их разговор полностью сойдет на нет, если не найти способ оживить его.

— Очень странно жить в доме, где не с кем поговорить, — произнес он.

Казалось, оборвалась струна.

— Этот дом папы, — просто ответила Кэрис. — Мы все-го лишь живем в нем.

Папа... Так она его дочь. Теперь Марти понял, что напоминали ее губы; только у отца опущенные уголки выглядели стойчески, а у нее казались печальными.

— Не говори никому, — попросила она.

Он подумал, что она имеет в виду их встречу, и не стал допытываться. У него осталось немало важных вопросов, и он задал бы их, если бы Кэрис не убегала. Он хотел показать, что она ему интересна, но не мог найти слов. Внезапная перемена темпа — от мягкого, плавного разговора до этого завершающего стаккато — привела его в замешательство.

— С тобой все в порядке? — спросил он.

Она посмотрела на него; в капюшоне она выглядела так, словно носила траур.

— Мне нужно спешить, — сказала она. — Меня ищут.

Она ускорила шаг и, сгорбив плечи, дала ему понять, что он не должен следовать за ней. Он подчинился и за-

медлил шаг, отпуская ее к дому без прощального взмаха или взгляда.

Марти не пошел на кухню, где пришлось бы слушать болтовню Перл во время завтрака, а повернулся назад, до-брался до внешней ограды и заставил себя сделать еще один сложный круг. Он бежал по лесу и внимательно всматри-вался под ноги, ища ракушки.

17

Спустя два дня, примерно в половине двенадцатого ве-чера, Марти вызывал Уайтхед.

— Я в кабинете,— сказал стажер по телефону.— Хотел бы сказать вам пару слов.

В кабинете, хотя и оснащенном полудюжиной ламп, ца-рила почти полная темнота. Горела лишь лампа на столе, освещая лежащую там кипу бумаг. Уайтхед сидел в кожаном кресле перед окном. Позади него на столе стояли бутылка водки и полупустой стакан. Он не повернулся, когда Марти постучал и вошел, а обратился к нему со своего наблюдательного пункта перед залитой светом лужайкой.

— Я полагаю, отныне не стоит держать вас на повод-ке, Штраус,— сказал он.— До сих пор вы отлично работа-ли. Я удовлетворен.

— Благодарю вас, сэр.

— Послезавтра утром здесь будут Билл Той и Лютер, так что у вас появится возможность поехать в Лондон.

Прошло почти восемь недель с того дня, когда Марти прибыл в усадьбу. И вот наконец поступил сигнал, что он удержался на своем месте.

— Лютер подобрал вам автомобиль. Поговорите с ним, когда он приедет. На столе немного денег для вас...

Марти бросил взгляд на стол; там действительно лежа-ла пачка банкнот.

— Возьмите их.

У Марти закололо кончики пальцев, но он справился с собой.

— Этого хватит на бензин и ночь в городе.

Марти не стал пересчитывать банкноты; он сложил их и убрал в карман.

— Благодарю вас, сэр.

— Там есть адрес.

— Да, сэр.

— Возьмите его. Магазин принадлежит человеку по имени Галифакс. Он снабжает меня клубникой вне зависимости от сезона. Вы заберете мой заказ, если я попрошу?

— Конечно.

— Это мое единственное поручение. Так как вы вернетесь утром в субботу, все остальное время в вашем распоряжении.

— Благодарю вас.

Рука Уайтхеда потянулась к стакану с водкой, и Марти подумал, что старик сейчас повернется, чтобы посмотреть на него. Но тот не повернулся. Разговор, очевидно, был закончен.

— Это все, сэр?

— Все? Я полагаю, да. А вы?

Прошло много месяцев с тех пор, как Уайтхед в последний раз ложился спать трезвым. Он стал пить водку как снотворное, когда его одолевали ночные страхи; сначала стакан или два, чтобы притупить остроту ужаса, постепенно увеличивая дозу, когда организм привыкал к ней. Он не испытывал удовольствия от опьянения — противно опускать кружающуюся голову на подушку и слушать, как мысли пищат в ушах. Но страха он боялся больше.

Сейчас, когда он сидел перед газоном, через порог света из темноты вдруг выступила лиса. Освещенная ярчайшим лучом, она замерла, уставившись на дом, что позволяло отлично разглядеть ее острую мордочку. Зверь жмурился и моргал, но это продолжалось совсем недолго. Внезапно

животное почуяло опасность — возможно, собак — маxнуло хвостом и исчезло. Уайтхед еще очень долго смотрел на пятно света, где только что стояла лиса, отчаянно надеясь, что она вернется и разделит его одиночество. Но у нее имелись другие дела в ночи.

Когда-то и он был лисой: тонкий и острый — ночной странник. Но многое изменилось. Провидение оказалось щедрым, мечты сбылись, и лиса, вечно меняющая форму, стала толстой и ленивой. Мир тоже изменился: он превратился в географию прибыли и убытка. Расстояния свелись к величине его владений. Постепенно Уайтхед забыл свою предыдущую жизнь.

Но в последние годы он вспоминал ее все чаще и чаще. Она возвращалась в ярчайших, но вызывающих укоризну деталях, хотя события вчерашнего дня таяли в тумане. Однако в глубине сердца он знал, что пути назад к тому благословенному состоянию нет.

А что впереди? Одинокое путешествие в безнадежное место, где нет опознавательных знаков, указывающих направо или налево, где все направления равны, где нет ни холма, ни дерева, ни приюта. Вот такое место. Такое ужасное место.

Но там он не будет одинок. В том нигде его ждет компаньон.

И когда в нынешнем безвременье он смотрел на эту землю и ее владельца, он желал — господи, как же он желал! — остаться лисой.

III

ПОСЛЕДНИЙ ЕВРОПЕЦ

18

Энтони Брир, Пожиратель Лезвий, вернулся в свою крошечную квартирку уже под вечер, налил себе растворимый кофе в любимую чашку, затем сел на стол и под падающим светом принялся вязать петлю. Он знал с самого раннего утра, что сегодня тот самый день. Не нужноозвращаться в библиотеку; если со временем они заметят его отсутствие и напишут ему записку с требованием сообщить, где он, Брир не ответит. Небо за окном выглядело грязным, как его простыни; будучи практичным человеком, он думал: зачем утруждать себя стиркой, когда мир грязен и я грязен и нет ни малейшего шанса очистить хоть что-нибудь? Наилучший выход — положить конец мерзкому существованию раз и навсегда.

Он видел достаточно повешенных. Правда, лишь на фотографиях в книге о военных преступлениях, украденной с работы. На ней стояла пометка: «Не для открытого доступа. Выдается по требованию». Предупреждение дало ему пищу для раздумья: вот книга, которую люди не слишком хотели видеть. Он бросил ее в сумку, не открывая; он понял из названия — «Советские документы о зверствах нацистов» — что чтение будет столь же сладким, как и предвкушение. Но он ошибался. Сознание того, что в сумке

лежит запрещенная книга, не могло и сравниться с откровением, которым стала для него книга. Там были фотографии сожженных руин чеховского дома в Истре и оскверненной усадьбы Чайковского. Но в основном — и это самое важное — там были фотографии мертвецов. И похороненных под руинами, и заледеневших, лежавших на кровавом снегу. Дети с раздробленными черепами, люди в траншеях, застреленные в лицо, люди с вырезанными на груди и ягодицах свастиками. Но жадный взор Пожирателя Лезвий больше всего привлекали фотографии повешенных. Особенно одна; на нее Брир смотрел очень часто. Это был снимок красивого молодого человека, удавленного на импровизированной виселице. Фотограф уловил последний момент его жизни: повешенный смотрел прямо в камеру с болезненной и блаженной улыбкой на лице.

Брир хотел, чтобы на его лице они увидели именно это выражение, когда сломают дверь комнаты и найдут его, чуть покачивающегося на сквозняке. Как они уставятся на него, как заверещат и закачают головами, поражаясь его бледным ступням и тому, что он отважился на столь ужасную смерть! И пока он думал, он завязывал и развязывал петлю, стараясь сделать это с максимальным профессионализмом.

Его тревожило одно: исповедь. Хотя день за днем он работал с книгами, он был не силен в словах: они ускользали от него, как красотка из неуклюжих рук. Но он хотел рассказать что-нибудь о детях. Пусть они знают — те люди, что найдут его и сфотографируют, — пусть знают, что он не просто неизвестный покойник, на которого они пришли поглязеть, а человек, совершивший худшие вещи в мире из лучших побуждений. Это жизненно важно; они должны знать, кем он был, потому что со временем они, возможно, найдут в его действиях тот смысл, которого он сам так и не сумел выразить.

Конечно, они умеют допрашивать даже мертвых. Они положат его в холодной комнате и быстро осмотрят сна-

ружки, а потом начнут изучать изнутри и — о! — что они там найдут. Они снимут крышку черепа, вынут мозг и исследуют его множеством способов, пытаясь выяснить, что с ним. Но это не сработает. Он-то понимает это. Ты разрезаешь живое и прекрасное существо, чтобы узнать, как оно живет и почему оно прекрасно. Но прежде, чем ты поймешь это, существо перестанет быть и тем и другим, а ты останешься с кровью на лице, слезами на глазах да ужасающей болью вины. Нет, они ничего не поймут, препарировав его мозг; им придется влезть поглубже. Им придется распотрошить тело от горла до паха, вынуть ребра и вставить их обратно. И только когда они распутают его кишечки, пороются в животе, вынут печень и легкие, тогда, о да, они найдут достаточно того, на что можно полюбоваться.

Возможно, это лучшая исповедь, подумал он, перевязывая петлю в последний раз. Нет нужды подбирать и использовать слова; ведь что такое слова? Мусор, бесполезный для сути вещей. Нет, они найдут все, что нужно, только внутри тела. Поймут историю пропавших детей и славу его мученичества. И узнают раз и навсегда, что он был из племени поклонников лезвий.

Он закончил с петлей, приготовил вторую чашку кофе и начал трудиться над надежным креплением веревки. Сначала он снял лампу, висевшую в центре потолка, и привязал на ее место петлю. Петля держалась крепко. Он повисел на ней немного, чтобы убедиться в этом.

Был уже ранний вечер, он устал, и усталость делала его более неуклюжим, чем обычно. Он прошелся по комнате и привел ее в порядок; его толстое свиное тело испускало вздохи, когда он снимал грязные простыни и убирал их. Он допил кофе и осторожно вылил молоко, чтобы оно не скинуло к тому моменту, когда за ним придут. Затем включил радио, чтобы заглушить звук отброшенного стула: в доме были другие жильцы, и он не хотел никаких помех в последнюю минуту. Комнату заполнили обычные радиопошлисти: песни о потере и обретении любви. Какая ужасная и мучительная ложь.

Последние лучи света еще проникали в комнату, когда он закончил приготовления. Он слышал шаги в коридоре и звуки открывающихся дверей — соседи возвращались с работы домой. Каждый из них, как и Брир, жил в одиночестве. Он никого из них не знал; никто не назовет его имени, когда труп будет забирать полиция.

Он разделся догола и вымылся в раковине; его яички, маленькие, как орешки, плотно прижались к телу, пузырь живота, жирная грудь и толстые плечи дрожали, когда холод охватил его. Однако, удовлетворенный чистотой, он сел на край матраса и подстриг ногти на руках и ногах. Затем натянул свежевыстиранную одежду — накрахмаленную синюю рубашку и серые брюки. Он не надел ни носков, ни обуви; собственное телосложение всегда смущало Брира, и только ноги были предметом его гордости.

Уже почти стемнело, когда он закончил. Наступала черная дождливая ночь. Пора, подумал он.

Он аккуратно установил стул, влез на него и дотянулся до веревки. Петля висела, пожалуй, высоковато, и ему придется встать на цыпочки, чтобы затянуть ее вокруг шеи. После некоторых стараний он ее приладил. Едва он почувствовал, что узел начинает врезаться в кожу, он прочел молитву и оттолкнул стул.

Паника пришла незамедлительно. Руки, которым он всегда доверял, предали его в этот жизненно важный момент: они взметнулись вверх и попытались растянуть веревку. Первоначальный рывок не сломал его шею, но хребет, как гигантская гусеница, вщитая в спину, отчаянно извивался, вызывая спазмы в ногах. Боль влияла мало, настоящий ужас шел от неспособности контролировать себя, от запаха опорожнившегося в чистые брюки кишечника, от пениса, напрягшегося без единой похотливой мысли; пятки брыкались в воздухе в поисках опоры, пальцы скребли веревку. Тело внезапно перестало ему принадлежать, оно протестовало, оно не хотело умирать.

Но попытки спастись были напрасны. Он спланировал все слишком тщательно, чтобы в последний момент дело

сорвалось. Петля затянулась крепко, подергивания гусеницы ослабевали. Жизнь, как незваный гость, уйдет очень скоро. Его голову наполнили шумы, словно (как ему казалось) он находился под землей и слышал звуки с поверхности. Шорох движения, грохот гигантских скрытых водостоков, рокот осыпающихся камней. Брир, великий Пожиратель Лезвий, знал землю очень хорошо. Он слишком часто хоронил в ней мертвых красавиц. Он набивал ею рот в качестве покаяния за вторжение и жевал ее, пока засыпал их бледные тела. Сейчас земные звуки уничтожали все — его судороги, музыку по радио, гул транспорта за окном. Свет тоже исчезал, кружева темноты окутывали комнату, предметы пульсировали. Он знал, что это крутится перед глазами — вот кровать, за ней шкаф, теперь раковина,— но их силуэты медленно гасли.

Внезапно свет погас, и смерть опустилась на него. Ни потоков сожалений, сопровождающих конец, ни моментально прокручивающейся истории жизни, омраченной виной. Просто темнота, потом еще более глубокая темнота, а затем темнота настолько глубокая, что ночь показалась бы ярким светом по сравнению с ней. Вот и все; как просто.

Нет; не все.

Далеко не все. Комок неприятных ощущений опустился на Брира, вторгся в интимный мир его смерти. Легкое дуновение согрело лицо, раздражая нервные окончания. Тяжелое дыхание навалилось на него, без приглашения ворвалось в вялые легкие.

Он сопротивлялся реанимации, но спаситель был неумолим. Вокруг снова простили очертания комнаты. Сначала свет, потом силуэты. Теперь цвета, блеклые и грязные. Брир услышал собственный кашель и почувствовал запах рвоты. Отчаяние навалилось на него. Неужели он не сумел даже убить себя?

Кто-то назвал его по имени. Он помотал головой, но голос раздался снова. Глаза Брира увидели лицо.

О! Ничего не кончено. Совсем нет. Это не переправа в ад или рай. Ни у кого из тамошних обитателей нет такого лица, в которое Брир сейчас смотрел.

— А я-то думал, что уже потерял тебя, Энтони,— сказал Последний Европеец.

19

Он поднял стул, опрокинутый Бриром при попытке самоубийства, и сел на него с видом безукоризненным, как обычно. Брир попытался что-нибудь сказать, но его язык распух и едва помещался во рту. Он пощупал его, и пальцы окрасились кровью.

— Ты прикусил язык от энтузиазма,— заметил Европеец.— Ты сейчас не сможешь есть и говорить нормально. Но это пройдет, Энтони. Время лечит все.

У Брира не осталось сил, чтобы подняться с пола; он просто лежал с петглей на шее и глядел на обрывок, все еще висевший на крюке. Очевидно, Европеец обрезал веревку и позволил ему упасть. Тело Брира затряслось; зубы стучали, как у бешеной обезьяны.

— Ты в шоке,— сказал Европеец.— Полежи немного. Я приготовлю чай, если ты не против. Сладкий чай — то, что надо.

Брир перебрался с пола на кровать. Его брюки были испачканы спереди и сзади, и он чувствовал себя омерзительно. Но Европею это было безразлично. Он прощал все, Брир знал. Никто другой не обладал такой способностью прощать, и столь безразличная гуманность унижала Брира. Европеец знал все о его тайных пороках и не произнес ни единого запрещающего слова.

Брир приподнялся на кровати и почувствовал, что признаки жизни возвращаются в разбитое тело. Он наблюдал, как Европеец готовит чай. Они были совершенно разными людьми. Брир всегда испытывал перед своим гостем благоговейный ужас. Европеец сказал ему однажды:

— Я последний из своего племени, Энтони, как и ты. У нас много общего.

Брир не сразу осознал значение этих слов, но со временем начал понимать. Они означали: «Я последний истинный европеец; ты последний истинный пожиратель лезвий. Мы должны помогать друг другу».

Европеец так и делал: несколько раз вызываял Брира, поощряя его незаконные деяния и учили, что быть пожирателем лезвий — стоящее дело. Взамен он почти ничего не просил; несколько небольших поручений, не больше. Но Брир был недоверчив. Он полагал, что придет время, когда Последний Европеец («Пожалуйста, зовите меня мистер Мамолиан», — предлагал тот, но Брир не мог заставить себя выговорить это смешное имя) в свою очередь попросит об услуге. И это будет не пара странных дел, как обычно; это будет что-то ужасное. Брир знал и боялся этого.

Умирая, он надеялся избежать уплаты долга Европейцу. Чем дольше он не видел мистера Мамолиана (прошло шесть лет после их последней встречи), тем сильнее его пугали воспоминания о нем. Образ Европейца не поблек со временем. Напротив, его глаза, его руки, мягкость его голоса оставались кристально ясными, хотя вчерашие события меркли. Будто Мамолиан никогда полностью не исчезал из виду, оставляя в голове Брира маленькую часть себя, чтобы протирать картинку, если она запылится от времени, и следить за каждым движением своего слуги.

Неудивительно, что он появился вовремя и вторгся в сцену смерти, прежде чем она была сыграна до конца. Неудивительно, что он говорит с Бриром сейчас, как будто они никогда не расставались. Словно он — любящий муж, а Брир — преданная жена и годы их не разлучат. Брир смотрел за движениями Мамолиана: тот передвигался от раковины к столу, ставил чайник, расставлял чашки, с гипнотизирующей ловкостью производя эти домашние действия. Долг придется заплатить, понял Брир. И пока не заплатишь полностью, темноты не будет. От этой мысли он стал тихонько поскрипывать.

— Не плачь,— сказал Мамолиан, не поворачиваясь от раковины.

— Я хотел умереть,— пробормотал Брир. Слова звучали так, словно его рот забит камешками.

— Ты пока не можешь погибнуть, Энтони. Ты кое-что должен мне. Ты ведь сам понимаешь?

— Я хотел умереть,— только и выговорил в ответ Брир.

Он пытался не ненавидеть Европейца, потому что тот непременно почувствует ненависть, удостоверится в ней и тогда, возможно, утратит снисходительность. Но скрыть чувства было сложно: раздражение просачивалось сквозь всхлипывания.

— Жизнь так жестока к тебе? — спросил Европеец.

Брир шмыгнул носом. Он не хотел разговоров, он хотел темноты. Разве Мамолиан не понимал, что поздно исцелять и оправдывать? Брир был куском деръма на подошве монгола, самой ничтожной и безнадежной вещью во Вселенной. Образ Пожирателя Лезвий, последнего представителя некогда ужасного племени, тешил его самолюбие несколько лет, но фантазия давно потеряла силу и уже не могла освятить его мерзость. Всего лишь трюк, просто трюк; Брир знал это и ненавидел Мамолиана за его манипуляции.

«Я хочу умереть»,— только так он мог думать.

Произнес ли он эти слова? Кажется, нет, но Мамолиан ответил ему, как будто все было произнесено вслух:

— Конечно хочешь. Я понимаю. Я действительно понимаю. Ты думаешь, это иллюзия: племена и мысли об избавлении. Но, поверь мне, все не так. В мире еще есть цель. Для нас обоих.

Брир поднес руку тыльной стороной к глазам и попытался унять всхлипывания. Его зубы больше не стучали, но чувствовал он себя странно.

— Так была ли жизнь жестока к тебе? — спросил Европеец.

— Да,— угрюмо ответил Брир.

Мамолиан кивнул. Он глядел на Пожирателя Лезвий с состраданием или идеально это изображал.

— По крайней мере тебя не засадили за решетку,— сказал он.— Ты осторожен.

— Ты научил меня этому,— признал Брир.

— Я показал тебе то, что ты и сам знал, но не видел, слишком запутанный другими людьми. Если ты забыл, могу показать снова.

Брир глянул на чашку сладкого чая без молока, которую Европеец поставил на столик у кровати.

— Или ты больше мне не доверяешь?

— Многое изменилось,— пробормотал Брир распухшими губами.

Теперь настала очередь Мамолиана вздохнуть. Он снова сел на стул и пригубил чай, прежде чем ответить.

— Да, боюсь, ты прав. Все меньшее и меньшее интересного для нас остается здесь. Но значит ли это, что мы должны сдаться и умереть?

Глядя на его спокойное аристократическое лицо, на глубокие впадины глаз, Брир начал вспоминать, почему доверился этому человеку. Страх понемногу проходил, злость тоже. В воздухе царило спокойствие, и оно потихоньку действовало на Брира.

— Пей чай, Энтони.

— Спасибо.

— А потом, я полагаю, тебе надо сменить брюки.

Брир покраснел; он ничего не мог с собой поделать.

— Твоё тело отреагировало вполне нормально, нечего стесняться. Дерьмо и сперма заставляют мир вращаться.

Европеец мягко рассмеялся в свою чашку. Брир почувствовал, что смеются не над ним, и присоединился.

— Я никогда не забывал тебя,— сказал Мамолиан.— Я обещал, что вернусь, и сдержал обещание.

Баюкая чашку в дрожащих ладонях, Брир встретил пристальный взгляд Мамолиана. Брир помнил, что этот взгляд всегда непроницаем, но сейчас ощутил его тепло. Европе-

ец сказал: ты не забыт, ты не покинут. Возможно, у Мамолиана есть свои причины быть здесь; возможно, он пришел выжать плату из задолжавшего кредитора; но это лучше, не правда ли, чем полное забвение?

— Зачем ты вернулся? — спросил Брир, поставив чашку на стол.

— У меня есть дело,— ответил Мамолиан.

— И тебе нужна моя помощь?

— Верно.

Брир кивнул. Слезы почти высохли. Чай помог, и он чувствовал в себе достаточно сил, чтобы задать пару наглых вопросов.

— Ну а как насчет меня? — произнес он.

Европеец нахмурился. Лампа у кровати замигала, будто дошла до кризисной точки и вот-вот перегорит.

— Как насчет тебя? — повторил Мамолиан.

Брир сознавал, что идет по тонкому льду, но решил не сдаваться. Если Мамолиану нужна помощь, он должен предоставить что-нибудь взамен.

— Что здесь для меня? — спросил Брир.

— Ты снова будешь со мной,— сказал Европеец.

Брир хмыкнул. Предложение не слишком заманчивое.

— Тебе недостаточно? — поинтересовался Мамолиан.

Лампа замигала еще сильнее, и внезапно Брир потерял желание сопротивляться.

— Отвечай мне, Энтони,— настаивал Европеец.— Если у тебя есть возражения, выскажи их.

Лампа мигала все чаще, и Брир понял, что напрасно пытался принудить Мамолиана к заключению сделки. Как он мог забыть, что Европеец ненавидел сделки и тех, кто их совершает! Инстинктивно он потянулся пальцами к вмятине от петли на своей шее. Она была глубокой и не собиралась исчезать.

— Прости меня,— запинаясь, сказал Брир.

Как раз перед тем, как лампочка погасла, Мамолиан кивнул головой. Крошечный кивок, почти как тик. Затем комната погрузилась во тьму.

— Ты со мной, Энтони? — прошептал Последний Европеец.

Его всегда ровный голос изменился до неузнаваемости.

— Да, — ответил Брир.

Его глаза медленно привыкали к темноте. Он прищурился, стараясь разглядеть силуэт Мамолиана в окружающем мраке, но мог бы и не беспокоиться. Мгновение спустя напротив него что-то вспыхнуло — Европеец вдруг зажег свою собственную ужасающую идлюминацию.

Когда Брир увидел этот страшный свет, от которого мутился разум, чай и извинения были забыты. Тьма и сама жизнь тоже были забыты. Комната вывернулась наизнанку, наполнилась ужасом и лепестками; можно лишь смотреть и смотреть, а еще — даже если это кажется смешным — молиться.

20

Когда Последний Европеец остался один в мерзкой, грязной комнате, он сел, достал любимую колоду карт и принялся раскладывать пасьянс. Пожиратель Лезвий переоделся и вышел, чтобы попробовать ночь на вкус. Сконцентрировавшись, Мамолиан мог проникнуть в его мозг и реально ощутить все, чем наслаждался Брир. Но сейчас его не привлекали подобные игры. К тому же он слишком хорошо знал, чем займется Пожиратель Лезвий, и это вызывало у него отвращение. Все искания плоти, традиционные или извращенные, были ему противны, и чем старше он становился, тем сильнее делалось омерзение. Иногда он не мог смотреть на человеческое животное, не отводя взгляд, или прикусывал язык, чтобы подавить поднимавшуюся тошноту. Но Брир мог пригодиться в предстоящей борьбе. Его странные желания давали ему возможность проникнуть, хотя и грубо, в глубину трагедии Мамолиана, и эта возможность делала его лучшим помощником, чем обычные компании, которых Европеец терпел за свою долгую-долгую жизнь.

Большинство тех, в кого он верил — мужчин и женщин,— предавали его. История повторялась в течение десятилетий столь часто, что он не сомневался: настанет день и он обретет невосприимчивость к боли, причиняемой предательством. Но ему никак не удавалось достичь безразличия. Жестокость людей, грубо использовавших его, неизменно ранила; и хотя его снисходительность распространялась на самые разные душевые изъяны, подобная неблагодарность не имела извинений. Возможно, мечтал он, когда последняя игра будет завершена — когда он сберет свои долги в крови, ужасе и ночи,— тогда его оставит эта мучительная боль, вызывающая к жизни новые амбиции и новые предательства без надежды на покой. И если все это закончится, он сможет спокойно лечь и умереть.

Карты в его колоде были порнографическими. Он использовал их, только когда чувствовал себя сильным и только наедине с собой. Играя с образами крайней чувственности, он испытывал себя, а если проигрывал, то об этом не узнавал никто. Непристойности в колоде были, в конце концов, лишь человеческими пороками; он мог перевернуть карты и забыть о них. Мамолиан ценил остроумие художника: каждая масть соответствовала одному из видов сексуальной активности, и отдельные фрагменты соединялись в тщательно нарисованную общую картину. Черви изображали соития мужчин и женщин в самых разнообразных позициях. Пики живописали оральный секс — обычную фелляцию и более изысканные вариации. Для треф была избрана содомия: от туза до десятки — гомосексуальная и гетеросексуальная, а дальше — анальный секс с животными. Изысканно нарисованные бубны посвящались садомазохизму, и воображение художника не знало границ. На картах этой масти мужчины и женщины подвергались всевозможным унижениям. Их истерзанные тела покрывали ромбовидные раны.

Но самым потрясающим образом в колоде был изображен джокер. В виде копрофила он сидел перед блюдом

с дымящимися экскрементами, и его глаза были широко открыты от жадности, пока паршивая обезьяна с голым лицом, жутко похожим на человеческое, показывала зрителю морщинистый зад.

Мамолиан отложил колоду и стал разглядывать картинку. Плотоядное лицо жрущего деръмо дурака вызвало горькую улыбку на его бескровных губах. Это, вне всякого сомнения, точнейший человеческий портрет. Другие картинки с их потугами на любовь и физическое удовольствие лишь на время скрывали ужасную правду. Рано или поздно, несмотря на зрелое тело, прекрасное лицо, богатство, власть или веру, тебя отведут к столу, изнывающему под тяжестью твоего собственного деръма, и придется все съесть, даже если чувства будут протестовать.

Вот зачем здесь Мамолиан. Чтобы заставить человека есть деръмо.

Он бросил карту на стол и расхохотался в голос. Какие мучения грядут, какие жуткие сцены!

Ни одна бездна недостаточно глубока, пообещал он комнате — картам и чашкам — всему грязному миру.

Ни одна бездна недостаточно глубока.

10

ТАНЕЦ СКЕЛЕТА

21

В вагоне метро мужчина называл вслух созвездия:

— Андромеда... Большая Медведица... Малая Медведица... Лебедь...

Почти никто не обращал внимания на его монолог, а когда парочка юнцов грубо предложила мужчине заткнуться, он отозвался, едва изменив интонацию, так что слова прозвучали между двумя созвездиями:

— За это вы умрете...

Ответ мгновенно укротил желающих вмешаться, и безумец продолжал путешествие по звездам.

Той решил, что это хороший знак. Он теперь обращал внимание на знамения, хотя никогда прежде не считал себя суеверным. Возможно, отвергнутый в детстве католицизм его матери нашел наконец выход. Только вместо мифа о непорочном зачатии и пресуществлении Той придавал особое значение мелочам, случайным совпадениям — старался обходить приставные лестницы и совершал полузабытый ритуал с рассыпанной солью. Все началось недавно, год или два назад. Это случилось из-за женщины, к которой он направлялся сейчас, — из-за Ивонны. Не то что бы она была набожной, вовсе нет. Но она внесла в его жизнь спокойствие и утешение, и теперь Той боялся, что она ис-

чезнет. Именно страх заставлял его с опаской относиться к приставным лестницам и к рассыпанной соли — страх потерять Ивонну.

Он встретил ее шесть лет назад. Она работала секретарем в британском отделении немецкой химической корпорации. Веселая симпатичная женщина лет тридцати пяти; за ее официальными манерами, догадывался Той, скрывались теплота и чувство юмора. Он с самого начала почувствовал влечение к Ивонне, но его обычная склонность к сомнениям в подобных вопросах, да и существенная разница в возрасте удерживали от попыток завязать отношения. Именно Ивонна сломала лед между ними: она показала, что замечает малейшие изменения внешности Тоя — стрижку или новый галстук,— и таким образом засвидетельствовала безусловный интерес к его особе. Как только сигнал был подан, Той пригласил Ивонну пообедать вместе. Она согласилась. Это положило начало самым счастливым месяцам в его жизни.

Той был не слишком эмоциональным человеком. Он избегал крайностей, что делало его весьма полезной персоной в окружении Уайтхеда. Он культивировал сдержанность, понимая, как выгодно можно ее продать, и к моменту встречи с Ивонной сам почти уверился в таком образе себя.

Именно Ивонна впервые назвала его «холодным как рыба». Она научила Тоя (и урок был очень трудным), как важно не стесняться показывать слабость — если не всему свету, то хотя бы близким. Это потребовало времени. Тою исполнилось пятьдесят три, когда они встретились, и новый образ мыслей сперва пришелся ему не по нутру. Но Ивонна настаивала, и постепенно он стал соглашаться с ней. Однажды сдавшись, он очень скоро перестал понимать, как жил последние двадцать лет — как мог преданно служить человеку, даже сочувствие которого выглядело неприглядным, эгоистичным и уродливым. Глазами Ивонны он увидел жестокость, заносчивость и лживость Уайтхеда; он надеялся, что ничем не выдал себя, но в нем зрео

раздражение на грани ненависти. Только теперь, шесть лет спустя, Той сумел проанализировать свое отношение к хозяину, хотя порой был готов забыть плохое — по крайней мере когда находился вне сферы влияния Ивонны. На территории Уайтхеда было очень трудно сохранить ясный взгляд на вещи и увидеть священное чудовище в истинном свете — в виде чудовища, далекого от всего священного.

После года знакомства Той перевез Ивонну в дом, купленный для него Уайтхедом в Пимлико. Это было бегство из мира корпорации Уайтхеда. Здесь они с Ивонной могли говорить или молчать вместе, здесь Той наслаждался любимым Шубертом, а она писала письма своей многочисленной родне, разбросанной по земному шару.

Вернувшись домой в ту ночь, он рассказал ей о человеке, выкрикивавшем в поезде названия созвездий. Ивонна нашла историю совершенно бессмысленной и никакой романтики в ней не усмотрела.

— Я подумал, что это странно,— сказал Той.

— Это действительно странно,— совершенно равнодушно подтвердила Ивонна и отправилась на кухню готовить обед. Однако на полпути остановилась и спросила: — Что произошло, Билли?

— А почему ты решила, будто что-то произошло?

— Все в порядке?

— Да.

— Точно?

Ивонна быстро выпытывала его секреты. Той сдавался еще до того, как она бралась за него по-настоящему,— не стоило и пытаться обмануть ее. Он потер свой сломанный боксерский нос, как обычно делал, когда нервничал. Потом ответил:

— Скоро все пойдет прахом. Все.

Голос его задрожал и сорвался. Ивонна поняла, что он не собирается придумывать отговорки. Она поставила на стол тарелки и подошла к стулу Тоя. Когда она коснулась его уха, он вздрогнул почти испуганно.

— О чем ты думаешь? — поинтересовалась Ивонна очень мягко.

Той взял ее за руку.

— Может наступить время... и довольно скоро... когда я попрошу тебя уехать со мной,— отозвался он.

— Уехать?

— Да, собраться и уехать.

— Куда?

— Я еще не думал об этом. Мы просто уедем.

Той замолк и посмотрел на пальцы Ивонны, переплетенные с его пальцами.

— Ты поедешь со мной? — спросил он после паузы.

— Конечно.

— Не задавая вопросов?

— В чем все-таки дело, Билли?

— Я сказал: не задавая вопросов.

— Просто уехать?

— Просто уехать.

Ивонна долго и пристально смотрела на него. Он так вымотался, бедный. Слишком много общается с этим проклятым старым ублюдком из Оксфорда. Она ненавидела Уайтхеда, хотя никогда не встречалась с ним.

— Да, конечно, я поеду,— ответила она наконец.

Той кивнул. Ивонне показалось, что он вот-вот расплачется.

— Когда? — уточнила она.

— Я не знаю.— Той попытался улыбнуться, но улыбка выглядела неестественно.— Может, и не придется. Но я думаю, что все пойдет прахом, и когда это случится, мы должны быть подальше отсюда.

— Ты говоришь так, будто наступит конец света.

Той ничего не ответил. Ивонна не могла сейчас ничего у него выпытывать: он был слишком уязвим.

— Только один вопрос,— сказала она.— Для меня это важно.

— Один.

— Ты что-то сделал, Билли? Я имею в виду что-то незаконное. Ведь речь идет об этом?

Той удрученно вздохнул. Она должна научить его еще очень многому. Он не умел выражать подобные чувства. Он хочет научиться, это видно по глазам. Но здесь и сейчас все останется, как есть. У Ивонны хватило ума не давить на него, иначе он замкнется в себе. А сейчас ее молчаливое присутствие нужно ему гораздо больше, чем ей — ответы на вопросы.

— Все в порядке,— произнесла Ивонна.— Не говори ничего, если не хочешь.

Рука Тоя так крепко сжала ее ладонь, что казалось, они никогда не смогут расцепить руки.

— О, Билли, все не так страшно,— нежно проговорила Ивонна.

Той опять ничего не ответил.

22

Родные места остались такими же, какими их запомнил Марти, но он чувствовал себя призраком. На грязных уличках, где он бегал и дрался в детстве, теперь были другие драчуньи и, как он подозревал, более серьезные игры. Если верить воскресным газетам, десятилетние ребятишки нюхали клей. Вырастут — начнут продавать таблетки и колоться. Они не беспокоились ни о чем и ни о ком, а меньше всего о самих себе.

Конечно, он тоже был малолетним преступником. Воровство — образ жизни в здешних местах. Но прежде это была какая-то ленивая, почти пассивная форма воровства: подхватил что-то — и смываешься вместе с украденной вещью пешком или на машине. А если дело кажется слишком сложным, забудь о нем, на свете много всякой всячины, которую можно прибрать к рукам. Не похоже на преступление в том смысле, в каком Марти понял это слово гораздо позже. Скорее сорочий инстинкт: брать то, что пло-

хо лежит, никому не желая зла, и проходить мимо, если ничто не упало тебе в руки.

Но эти мальчишки — вот они стоят кучкой на углу Нокс-стрит — выглядели куда более отчаянными и жестокими. Как и Марти, они выросли в безрадостном месте: поросшие травой стены, торчащая арматура, уродливые бетонные строения, редкие следы неудачных попыток озеленения. Однако Марти знал, что общего языка им не найти. Апатия и безрассудство нынешних подростков пугали его; он чувствовал, что их ничто не остановит. На этой улице, да и на других окрестных, не стоило рождаться и жить. Хорошо, что мать Марти умерла до того, как в квартале произошли самые неприятные изменения.

Наконец он подошел к дому двадцать шесть. Здание было перекрашено. Шармейн на одном из свиданий обмолвилась, что Терри — муж одной из ее сестер — покрасил стены пару лет назад, но Марти успел забыть об этом. То, что дом оказался не зеленым с белым, как он много лет представлял себе, подействовало как пощечина. Терри сделал работу плохо, только для виду, и краска на наличниках уже облупилась. Через окно Марти разглядел, что тюлевые занавески (он всегда их ненавидел) заменили на глухие шторы и сейчас они были задернуты. На подоконнике в пространстве между окном и занавесками, как в ловушке, пылились забытые фарфоровые фигурки — свадебные подарки.

У Марти сохранились ключи от дома, но он не мог заставить себя ими воспользоваться. К тому же Шармейн наверняка сменила замок. Марти надавил на кнопку звонка, но звука не последовало. Он помнил, что звонок всегда был слышен с улицы. Значит, сейчас он не действует. Марти постучал в дверь костяшками пальцев.

Несколько секунд в доме стояла тишина. Затем раздался стук каблуков. (Шармейн, наверное, надела босоножки без задника, что делает ее походку неровной.)

— Марти! — только и сумела она выдавить из себя. Ни радостной улыбки, ни слез.

— Я воспользовался случаем, чтобы зайти,— отозвался Марти, стараясь казаться безразличным. С той же секунды, когда Шармейн взглянула на него, он понял: приход сюда — большая ошибка.

— Я думала, тебя не выпустят,— сказала Шармейн, затем поправилась: — Мне казалось, тебе нельзя выходить в город.

— Я получил специальное разрешение,— ответил Марти.— Может быть, мы войдем в дом? Или будем разговаривать на пороге?

— О да... Конечно.

Марти прошел внутрь, и Шармейн закрыла за ним дверь. В узенькой прихожей возникла некоторая неловкость. Степень их близости предполагала, что нужно обняться, но Марти не мог заставить себя; к тому же он чувствовал, что Шармейн этого не хочет. Она натянуто улыбнулась и чмокнула Марти в щеку.

— Извини,— проговорила она, ничего конкретно не имея в виду. Марти последовал за ней в кухню.— Просто я не ожидала тебя увидеть. Проходи. Боюсь, у меня жуткий беспорядок.

Воздух в доме был спертый, как будто комнаты давно не проветривали. На радиаторах сушилось белье, что добавляло сырости.

— Садись,— предложила Шармейн, убирая с кухонных стульев пакеты со всевозможными продуктами.— Я быстро закончу.

На кухонном столе лежала гора грязного белья, которую она загружала в стиральную машину, что-то нервно бормоча и стараясь не глядеть на Марти. Она пыталась сосредоточиться на том, что держала в руках,— полотенца, нижнее белье, блузки.

Марти не узнавал эту одежду. Он внимательно смотрел в надежде увидеть что-нибудь знакомое — то, что Шармейн носила раньше. Если не восемь лет назад, то хотя бы на одном из свиданий в тюрьме. Но все было новым.

— Я не ждала тебя,— повторяла Шармейн, закрывая дверцу машины и засыпая порошок.— Я была уверена, что ты сначала позвонишь. Посмотри на меня. Я похожа на пугало. И как назло, сегодня у меня столько дел!

Она закончила возиться с машиной и закатала рукава.

— Кофе? — предложила она и, не дожидаясь ответа, взялась за кофейник.— Ты хорошо выглядишь, Марти, правда.

Откуда ей знать? Она едва взглянула на него, поглощенная хозяйственными заботами. Марти сидел и смотрел, как Шармейн возится у раковины, протирает тряпкой стол, будто за эти восемь лет ничего не изменилось, только на их лицах добавилось несколько морщинок. То, что он сейчас чувствовал, напоминало панику. Ему хотелось скрыть это, чтобы не выглядеть дураком.

Шармейн налила ему кофе. Они поговорили о том, как изменился квартал. Затем Марти выслушал длинную историю о Терри и о выборе краски для фасада дома. Они обсудили, сколько стоит доехать на метро от Майл-Энда до Уондсвортса, и Шармейн опять отметила, как хорошо выглядит Марти:

— Поверь, я не щучу.

Она говорила обо всем и ни о чем, словно рядом была чужая женщина, и от этого Марти чувствовал боль. И Шармейн тоже, он знал. Она убивала время, заполняла его пустопорожней болтовней и ожидала момента, когда Марти сдастся и уйдет.

— О,— воскликнула она наконец,— мне пора переодеваться.

— Уходишь?

— Да.

— Ох!

— Если бы ты предупредил меня, Марти, я бы убралась здесь. Почему ты не позвонил?

— Может быть, мы сходим куда-нибудь пообедать?

— Может быть.— В голосе Шармейн не звучало ни малейшего энтузиазма.— Сейчас совсем нет времени...

— Нам нужно поговорить, и ты это прекрасно понимаешь.

Шармейн начинала злиться; Марти хорошо помнил признаки ее гнева. Она видела, что он пристально ее изучает. Шармейн взяла со стола чашки из-под кофе и поставила их в раковину.

— Я действительно тороплюсь,— сказала она.— Сделай еще кофе, если хочешь. Он в... впрочем, ты знаешь где. Тут много твоих вещей. Журналы с мотоциклами и всякое такое. Я отберу их для тебя. Извини. Мне надо переодеться.

Шармейн торопливо вышла в коридор и поднялась на верх. Марти слышал ее шаги над головой; она никогда не умела ходить легко. Вот в ванной открылся кран. Зашумела вода в туалете. Он прошел через кухню в заднюю комнату. Там все провоняло табачным дымом, переполненная пепельница стояла на ручке нового дивана. Марти стоял в дверях и рассматривал комнату, как до того — кучу грязного белья, в надежде найти что-то знакомое. Но старых вещей осталось очень мало. Стенные часы — свадебный подарок — висели на том же самом месте. В углу стоял стереопроигрыватель новой модели; должно быть, Терри купил его. Судя по слою пыли на крышке, им редко пользовались. Коллекция пластинок, беспорядочно валявшихся рядом, была невелика, как и раньше. И среди записей — «True Love Ways» Бадди Холли. Они столько раз слушали ее, что пластинка давно должна была протереться до дыр. Они танцевали под нее в этой комнате. Вернее, не танцевали, а использовали музыку как повод обнять друг друга, если им требовался повод. Это песня всегда делала Марти романтичным и несчастным одновременно; каждое ее слово было пропитано ощущением потери той самой настоящей любви. Такие песни самые лучшие и самые искренние.

Не в силах больше оставаться здесь, Марти поднялся наверх.

На двери не было замка. В детстве Шармейн случайно заперли в ванной, и она так перепугалась, что потом заста-

вила снять замки со всех внутренних дверей в доме. Даже в туалете; приходилось свистеть, чтобы никто не вошел неизвестно ком. Марти толкнула дверь. Шармейн в одних трусиках задрала руку и брила подмышку. Она поймала взгляд Марти в зеркале и продолжила свое занятие.

— Я не хочу больше кофе,— произнес он срывающимся голосом.

— Привык к чему-то повкуснее?

Лишь несколько футов отделяли Марти от тела Шармейн, и он весь был наполнен этим. Он знал каждую родинку на ее спине; он помнил, где надо пощекотать, чтобы она рассмеялась. Такая близость давала Марти ощущение своего рода собственности; Шармейн тоже владела бы им, если бы захотела предъявить свои права. Марти подошел к ней и провел кончиками пальцев по ее позвоночнику.

— Шармейн.

Она посмотрела на него в зеркало — первый прямой взгляд с тех пор, как он переступил порог дома,— и он тут же понял, что нет никакой надежды на физическую близость. Шармейн не хотела его, а если и хотела, то явно не собиралась в этом признаваться.

— Нельзя, Марти,— просто сказала она.

— Мы ведь еще женаты.

— Извини, но я не хочу, чтобы ты здесь оставался.

С точно такого же «извини» началась их встреча. Теперь Шармейн решила закончить ее тем же способом; это не извинение, а вежливая отговорка.

— Я столько раз думал об этом,— проговорил Марти.

— Я тоже,— ответила Шармейн.— Но я перестала об этом думать пять лет назад. Ничего хорошего из этого не выйдет, и ты это прекрасно понимаешь.

Пальцы Марти коснулись ее плеча. Он был уверен, что они оба почувствовали возбуждение и тело Шармейн откликалось на его зов. Соски ее напряглись — возможно, от желания или просто от прикосновения.

— Я хочу, чтобы ты ушел,— очень тихо произнесла Шармейн, глядя в раковину.

Голос ее дрожал, в нем слышались слезы. Как ни ужасно, но Марти хотел этих слез. Если она расплачется, он начнет целовать ее, затем она успокоится, ласки его станут еще настойчивее, и дело окончится постелью, он не сомневался. Вот почему она старается сдержать слезы: Шармейн прекрасно знала сценарий и твердо решила не поддаваться ему.

— Пожалуйста,— твердо произнесла она, давая понять, что разговор закончен.

Рука Марти упала с ее плеча. Нет никакой искры между ними; все это его фантазии. Старая история.

— Может быть, в другой раз,— с трудом выговорил Марти.

— Да,— кивнула она, цепляясь за возможность хоть как-то его утешить.— Но сначала позвони.

— Не провожай меня.

23

Он еще полчаса бродил по округе, уворачиваясь от орд школьников, которые с шумом и потасовками возвращались домой. Приметы весны чувствовались даже здесь. Здешняя природа едва ли могла быть щедрой, но она старалась изо всех сил. В крошечных палисадниках перед домами и в горшках на окнах расцветали цветы; несколько юных деревьев, уцелевших посреди разгула вандализма, выпустили клейкие зеленые листочки. Если они переживут еще несколько сезонов холода и злобы, они подрастут и в них совьют гнезда птицы. Самые обычные — например, шумливые скворцы. Кроны деревьев дадут тень в летнюю жару, а на ветки сможет присесть луна, когда вы выглянете из окна спальни однажды ночью. Марти поймал себя на том, что думает о таких нелепостях — луна и скворцы! — словно влюбленный подросток. Возвращаться обратно нельзя, это самоистязание, да и Шармейн не стоит причинять боль. Бесполезно извиняться, это лишь

усугубит ситуацию. Марти позвонит ей, как она и предложила, и попросит о прощальном ужине. А потом он скажет ей (не важно, правда это или нет), что готов к расставанию, что хотел бы видеть ее иногда, и они простятся мирно, как цивилизованные люди. Шармейн заживет своей жизнью, какая бы она ни была, а Марти — своей. У него есть Уайтхед и Кэрис. Да, Кэрис.

И вдруг слезы яростно обрушились на него, разрывая на части. Ослепленный ими, Марти стоял посреди незнакомой улицы. Пробегавшие мимо школьники толкали его, кто-то оборачивался, другие при виде его страдания улюлюкали и на бегу кричали непристойности. Удивительно, думал он, что издевательства не могут остановить поток слез. И он бродил по аллее, прижав руку к лицу, пока приступ рыданий не прошел сам. Вместе с этим взрывом эмоций от Марти словно отделилась какая-то его часть. Эта часть смотрела извне на его скулящее «я» и качала головой, сочувствуя тому, что он ослабел и запутался. Марти терпеть не мог плачущих мужчин, они его смущали; но сейчас он не чувствовал никакого противоречия. Он потерян, вот в чем дело; потерян и напуган. Есть из-за чего плакать.

Кончив рыдать, Марти почувствовал себя лучше, хотя все еще дрожал. Он утер лицо и постоял в тихой заводи переулка до тех пор, пока снова не обрел спокойствие.

Было сорок минут пятого. Марти уже побывал в Холборне и забрал клубнику; он сделал это сразу по приезде в город. Теперь, когда поручение выполнено и он повидал Шармейн, остаток вечера и ночь простирались перед ним, суля немало удовольствий. Но Марти почти потерял тягу к ночным приключениям. Скоро откроются пабы, и он проглотит пару порций виски. Алкоголь поможет избавиться от судорог в животе. Может, это подогреет его аппетит к жизни? Марти сомневался.

Чтобы убить время, он побрел в сторону торгового центра. Комплекс открыли за два года до того, как Марти угодил за решетку; это был бездушный кроличий садок с белой

крышой, пластиковыми пальмами и пестрыми магазинчиками. Теперь, почти десять лет спустя, он выглядел полуразрушенным: стены испещрены граффити, коридоры и лестницы завалены хламом, половина лавок закрыта, другие потеряли клиентов, и для владельцев оставался один выход — поджечь их как-нибудь ночью, получить страховку и смотаться подальше. Марти отыскал небольшой киоск, который содержал пакистанец, купил пачку сигарет и направился в «Затмение».

Бар только что открылся и был почти пуст. Пара бритоголовых играли в дартс; в углу что-то отмечали, оттуда доносились несвязное пение «С днем рождения, дорогая Морин». Телевизор показывал ранние вечерние новости, но Марти не мог ничего расслышать из-за шума празднующих, да и не интересовался этим. Он взял свой виски, сел за стол и закурил. Он чувствовал опустошение. Призраки прошлого не расшевелили его, а лишь добавили тяжести.

Его мысли блуждали. Бессвязные мысли складывали разные образы в странные сочетания. Кэрис, он, Бадди Холли. Песня «True Love Ways» играет в голубятне, и он танцует с девушкой на холоде.

Когда он отогнал от себя это видение, в баре появились новые посетители — группа очень шумных молодых людей. Они громко хохотали, заглушая и телевизор, и празднование дня рождения. Один из парней был явно заводилой: долговязый вертлявый тип с улыбкой достаточно широкой, чтобы играть Шопена на его зубах. Через несколько секунд Марти понял: он знает этого клоуна. Это Флинн! Уж кого-кого, а Флинна Марти ожидал здесь встретить в последнюю очередь. Он привстал, когда блуждающий по комнате взгляд Флинна — почти магическое совпадение — упал на него. Марти замер, как актер, забывший свой выход, не знающий, идти вперед или ретироваться. Он сомневался, что вынесет сейчас дозу Флинна. Но лицо этого клоуна изобразило узнавание и отступать было поздно.

— Иисус, мать твою, Христос! — воскликнул Флинн. Ухмылка растаяла, чтобы на миг уступить место выраже-

нию полного замешательства, а затем вернулась и засияла еще ярче.— Вы только посмотрите, кто здесь! — Теперь он уже шел к Марти, раскинув руки в приветственном объятии: самый громогласный рубаха-парень, когда-либо живший на земле.— Черти гребаные! Марти! Марти!

Они наполовину обнялись, наполовину пожали друг другу руки. Это было нелегкое воссоединение, но Флинн сыпал шутками с мастерством продавца:

— Ты знаком? Со всем народом. Со всем народом!

— Привет, Флинн.

Марти чувствовал себя сиротливо перед столь неутомимой машиной радости, перед всеми этими остротами и выходками. Улыбка не сходила с губ Флинна; он вел Марти по бару и представлял ему свою аудиторию (тот уловил лишь половину имен и никого не запомнил в лицо), затем все получили по двойному бренди в честь возвращения узника домой.

— Не знал, что ты выйдешь так скоро,— проговорил Флинн, испытывая свою жертву.— Тебе явно скостили за хорошее поведение.

Остальные участники гулянки не пытались вмешиваться в дела мастера и вернулись к своим разговорам, оставив Марти на милость Флинна. Тот совсем не изменился, хотя стиль одежды, безусловно, поменял; Флинн всегда одевался по последней моде. Его волосы потеряли былую густоту, но сам он остался прежним — жонглирующий остротами мошенник, выкладывающий на обозрение Марти яркую коллекцию небылиц про свои успехи в музыкальном бизнесе, контакты в Лос-Анджелесе и планы открыть звукозаписывающую студию.

— Частенько думал о тебе,— сказал Флинн.— Волновался, как ты там. Подумывал зайти, но ты вряд ли бы мне обрадовался.— Тут он не ошибся.— К тому же я то здесь то там. Ну сам знаешь. Так расскажи, сукин сын, что ты здесь делаешь?

— Приходил повидать Шармейн.

— О! — Флинн как будто забыл, кто это.— Как она?

— Так себе. Зато у тебя, судя по всему, все прекрасно.

— Ну, у меня тоже были напряги, а у кого их нет? Теперь-то я в порядке, хотя... Ну ты понимаешь.— Он понизил голос до едва слышного шепота.— Сейчас большие деньги там, где наркотики. Не травка, а что покруче. В основном я занимаюсь кокаином, иногда героином. Мне не очень-то нравится возиться с этим... но у меня очень большие запросы.

Он сделал гримасу, означавшую «что поделаешь — таков мир», повернулся к бару, заказал еще выпивки и продолжил непрерывную цепь из разноцветных замечаний, раздуваясь от самодовольства. После первоначального сопротивления Марти обнаружил, что начинает поддаваться Флинну, чьи выдумки были непредсказуемы, как и раньше. Изредка тот останавливался, чтобы задать вопрос аудитории, и это радовало Марти. Сам он мало что мог рассказать. Так было всегда: Флинн — шумный грубоватый парень, легкомысленный и обаятельный, а Марти — тихий и вечно сомневающийся. Как второе «я». Но он почувствовал облегчение, снова оказавшись рядом с Флинном.

Время летело очень быстро. Люди подходили к Флинну, выпивали с ним и уходили прочь, слегка развлеченные придворным шутом. Марти успел познакомиться с кем-то из череды пьяниц, пару раз назревали неприятные столкновения; но все оказалось куда проще, чем он ожидал, слаженное дурачествами и остротами.

В десять пятнадцать Флинн дезертировал на четверть часа:

— Только схожу, проверну одно маленькое дельце.

Вернулся он с пачкой денег во внутреннем кармане и немедленно принялся их тратить.

— Что тебе сейчас нужно,— сказал он Марти, когда они оба уже достаточно выпили,— так это хорошая женщина... Нет,— захихикал Флинн,— нет, нет, нет! Тебе сейчас нужна плохая женщина.

Марти кивнул; его голова уже шатко держалась на шее.

— Это можно совместить,— сказал он.

— Пойдем найдем нам женщину, а? Как ты думаешь?

— Подходит.

— Тебе нужна компания, парень, и мне тоже. Я могу кое-что устроить, понимаешь? У меня есть несколько подходящих дам. Все будет отлично.

Марти был слишком пьян, чтобы возражать. К тому же мысль о женщине — купленной или соблазненной, какая разница? — представлялась ему самой лучшей из всего, что он слышал за долгое время. Флинн вышел позовинить и вернулся, ухмыляясь.

— Нет проблем,— сообщил он.— Нет никаких проблем. Еще по рюмке — и на выход.

Как баран, Марти последовал за своим провожатым. Они еще выпили, вышли из «Затмения» и доковыляли до машины Флинна — потрепанного «вольво»,— стоявшей за углом. Они ехали минут пять до дома, стоявшего поодаль от дороги. Дверь открыла миловидная негритянка.

— Урсула, это мой друг Марти. Марти, поздоровайся с Урсулой.

— Привет, Урсула.

— Где стаканы, крошка? Папочка купил бутылочку.

Они выпили еще немного вместе, а затем отправились наверх; и только тогда Марти понял, что Флинн не собирался уходить. Значит, они займутся этим втроем, как в старые добрые времена. Тревога Марти рассеялась, когда девушка начала перед ними раздеваться. Алкоголь прибавил ему раскованности, он сел на кровать и стал подбадривать Урсулу, едва обращая внимание на то, что его страстное желание развлекало Флинна намного больше, чем сама девушка. Ну и пускай смотрит, подумал Марти, это его забава.

В маленькой, плохо освещенной спальне тело Урсулыказалось слепленным из черного масла. Между ее полных грудей поблескивал золотой крестик. Кожа тоже блестела, каждая пора была отмечена маленькой острой капелькой пота. Флинн принял раздеваться, и Марти последовал его примеру, отступаясь, стягивая джинсы, стараясь не

упустить из виду девушку, которая села на кровать и положила руки себе между ног.

То, что последовало за этим, стало быстрым восстановлением навыков сексуального искусства. Как пловец, вошедший в воду после долгих лет простоя, Марти легко вспомнил все приемы. В последующие два часа он набрал полную пригоршню воспоминаний, чтобы унести их с собой: вот за веселым лицом девушки Марти видит Флинна, стоящего на коленях в ногах кровати и посасывающего пальцы ног Урсулы; вот Урсула, как черный голубь, воркует над возбужденным членом Марти, перед тем как жадно заглотить его до самого корня; вот Флинн облизывает свои руки и ухмыляется, облизывает и ухмыляется. И наконец, вот они оба делят Урсулу, Флинн входит в нее сзади, и наяву, словно в одиннадцать лет, осуществляется все то, что можно делать с женщиной.

Потом они заснули вместе. Посреди ночи Марти очнулся и увидел, как Флинн оделся и ушел. Очевидно, домой; где бы ни был его дом в такие дни и ночи.

24

Марти проснулся перед рассветом и несколько секунд не мог понять, где он, пока не услышал рядом мерное дыхание Урсулы. Он попрощался с ней, дремлющей, поймал такси и доехал до своей машины. В поместье он вернулся к восьми тридцати. Вскоре на него навалится усталость и похмелье, но он хорошо знал физиологические ритмы своего тела. Еще несколько блаженных часов, прежде чем наступит расплата.

На кухне Перл хлопотала над завтраком. Они обменялись приветствиями, Марти сел и выпил три чашки черного кофе подряд. Во рту было гадко, он чувствовал запах духов Урсулы — прошедшей ночью они пахли амброзией, а утром стали приторными. Запах впитался в его руки и волосы.

— Хорошо провел ночь? — спросила Перл.

Он молча кивнул.

— Лучше позавтракай поплотнее, я сегодня не смогу приготовить тебе обед.

— Почему?

— Буду слишком занята. Надо готовить званый ужин.

— Что за ужин?

— Билл расскажет. Он ждет тебя в библиотеке.

Той выглядел усталым, но не таким больным, как во время их последней встречи. Может быть, он лечился или брал отпуск.

— Вы хотели поговорить со мной?

— Да, Марти, да. Развлекся в городе?

— Еще как. Спасибо, что сделали это возможным.

— Это не моя заслуга, это Джо. Ты очень понравился ему, Марги. Лиlian говорит, даже собаки приняли тебя. — Той подошел к столу, открыл коробку с сигарами и выбрал себе одну. Раньше Марти никогда не видел его курящим. — Ты сегодня не увидаишься с мистером Уайтхедом. Вечером здесь будет небольшое сбощище...

— Да, Перл мне сказала.

— Ничего особенного. Мистер Уайтхед постоянно кого-то приглашает. Но сегодня он устраивает частный прием, так что ты свободен.

Это обрадовало Марти. Значит, он может прилечь и слегка вздремнуть.

— Конечно, мы хотим, чтобы ты был в доме на случай, если вдруг понадобишься. Но я думаю, это маловероятно.

— Благодарю вас, сэр.

— С глазу на глаз ты можешь называть меня по имени. Просто Билл. Ни к чему формальности.

— Хорошо.

— Я имею в виду... — Той остановился, чтобы прикурить сигарету. — Мы все здесь слуги, не так ли? В той или иной степени.

Марти успел принять душ, подумать о пробежке, отвергнуть эту идею как мазохистскую и лечь вздремнуть, прежде чем ощущил первые признаки похмелья. Лекарства от этого не было. Единственный выход — попытаться уснуть.

Он проспал до полудня, потом поднялся и почувствовал голод. В доме стояла полная тишина. Кухня внизу была пуста, только муха жужжала у окна (первая муха, которую Марти увидел этой весной) и билась о ледяную прозрачную преграду. Перл, очевидно, закончила свои приготовления и ушла; возможно, она вернется позже. Марти подошел к холодильнику и исследовал его в поисках еды, чтобы успокоить урчащий желудок. Он соорудил сэндвич, похожий на незастеленную кровать — простыни ветчины между хлебными подушками,— и голод приутих. Марти включил кофеварку и отправился искать компанию.

Но все как сквозь землю провалились. Марти блуждал по опустевшему дому, словно попал в полуденную воздушную яму. Тишина и остатки головной боли заставляли его нервничать. Он чувствовал себя путником на улицах мертвого города. Наверху оказалось еще тише, чем внизу. Шаги на этих коврах звучали так легко, будто Марти не имел никакого веса; однако он все равно старался идти крадучись.

Посередине пути на лестнице — лестнице Уайтхеда — проходила невидимая граница, которую было запрещено пересекать. В этой части дома находились личные апартаменты старика и спальня Кэрис. Интересно, где ее комната? Марти уже пробовал понять это, осматривая дом снаружи и пытаясь сопоставить внешний вид с коридором внутри; однако недостаток воображения не позволил ему угадать, какая из запертых дверей ведет в комнату Кэрис.

Но не все двери оказались заперты. Третья справа была слегка приоткрыта, и из нее (Марти настроил уши на самый низкий уровень слышимости) доносились тихие звуки. Очевидно, девушка там. Марти пересек невидимую границу запретной территории, не думая о наказании. Он

изнывал от желания увидеть лицо Кэрис и, может быть, поговорить с ней. Он подошел к двери и заглянул внутрь.

Кэрис была там. Она полулежала на кровати, уставившись прямо перед собой. Марти уже приготовился войти и заговорить, но тут в комнате зашевелился кто-то еще, скрытый от него дверью. Марти понял, что это Уайтхед, прежде чем раздался его голос.

— Почему ты так обращаешься со мной? — спрашивал Уайтхед почти шепотом. — Ты же знаешь, как мне больно, когда ты вот так ведешь себя.

Кэрис ничего не сказала. Если она слышала, то не подавала виду.

— Я не прошу слишком много от тебя, правда? — настаивал Уайтхед, и она мельком посмотрела на него. — Ведь правда?

Она наконец соблаговолила ответить, и ее голос был таким тихим, что Марти едва разобрал слова:

— Тебе не стыдно?

— Когда кто-то нуждается в тебе, Кэрис, это не самая плохая вещь. Есть и похуже.

— Я знаю, — ответила она, отводя глаза.

В двух словах — «я знаю» — звучали такая боль и такая покорность, что Марти внезапно почувствовал болезненное, страстное желание подойти и прикоснуться к девушке, попытаться исцелить эту неведомую боль. Уайтхед пересек комнату и присел рядом с ней на край кровати. Марти отпрянул от двери в страхе, что его поймают, но внимание Уайтхеда было поглощено заданной ему загадкой.

— Что ты знаешь? — спросил он. Его мягкость внезапно испарилась. — Ты что-то скрываешь от меня?

— Только сны, — ответила она. — Все больше и больше.

— О чём?

— Ты знаешь. Все о том же.

— Твоя мать?

Кэрис кивнула — едва заметно.

— И остальные, — добавила она.

— Кто?

— Они никогда не показываются.

Старик вздохнул и посмотрел в сторону.

— И что же происходит в твоих снах? — спросил он.

— Она пытается заговорить со мной. Она пытается что-то сказать мне.

Уайтхед не стал допытываться дальше, словно у него не осталось вопросов. Его плечи опустились. Кэрис смотрела на отца, чувствуя его поражение.

— Где она, папа? — спросила она его, впервые наклоняясь к нему и обнимая за плечи.

Этот жест был умышленным: она использовала близость, чтобы получить желаемое. Много ли она позволяла себе или получала, когда они бывали вместе? Ее лицо приблизилось к Уайтхеду.

— Скажи мне, папа, — заговорила она снова. — Как ты думаешь, где она сейчас?

Марти почувствовал, что в ее невинном вопросе заключена некая насмешка. Что это означало, он не понимал. Весь диалог о равнодушии и стыде был ему неясен. Отчасти он даже радовался тому, что не знает подоплеки событий. Но притворно ласковый вопрос уже задан, и Марти должен дождаться ответа старика. Где же она сейчас?

— В снах, — ответил Уайтхед, отворачиваясь от Кэрис. — Всего лишь в снах.

Она убрала руку с его плеча.

— Не смей мне лгать, — холодно сказала она.

— Это все, что я могу тебе сказать, — проговорил он почти жалобно. — Если ты знаешь больше, чем я... — Он повернулся и взглянул на нее, его тон стал нетерпеливым: — Ты знаешь что-нибудь?

— Ох, папа, — прошептала она с упреком. — Снова тайны?

В их разговоре было столько уловок и уверток, что это озадачивало Марти.

— Ты же не подозреваешь меня? — настаивала Кэрис. Уайтхед нахмурился.

— Нет, ни в коем случае не тебя, дорогая,— отозвался он.— Не тебя.

Он протянул руку к ее лицу и наклонился, чтобы прижать свои сухие губы к ее губам. До того, как они соприкоснулись, Марти отступил от двери и скользнул прочь.

Есть вещи, на которые он не мог заставить себя смотреть.

25

Машины начали подъезжать к дому, едва наступил вечер. Марти узнавал знакомые голоса. Должно быть, собирается обычная компания, предположил он, в том числе Оттави, Куртсингер и Двоскин. Он слышал и голоса женщин; гости привезли с собой жен или любовниц. Интересно, какие они? Наверное, некогда прекрасные, а сейчас прокисшие и обделенные любовью. Мужья, без сомнения, наивели на них тоску, поскольку думали только о деньгах. Марти ловил отзвуки женского смеха, а позже, в коридоре, запах духов. У него было отличное обоняние. Саул гордился бы им.

Около половины девятого он спустился в кухню и подогрел радиоли, оставленные для него Перл, затем вернулся в библиотеку, чтобы посмотреть несколько видеозаписей боксерских поединков. Дневные события все еще беспокоили его. Как ни пытался, он не мог выбросить из головы Кэрис, и не поддающиеся контролю эмоции угнетали его. Почему он не похож на Флинна — тот покупает женщин на ночь, а утром уходит прочь? Почему его ощущения всегда столь туманны и он не способен отличить одно от другого? Поединок на экране становился все более кровавым, но Марти едва ли мог оценить вес победы. Перед глазами стояло непроницаемое лицо лежащей на кровати Кэрис, и он вновь и вновь пытался найти объяснение увиденному.

Оставив комментатора бормотать за экраном, он опять пошел в кухню, чтобы прихватить из холодильника пару

банок пива. В этой половине дома ничто не намекало на происходящую рядом вечеринку. Наверное, столь изысканное общество должно вести себя тихо. Лишь легкий звон бокалов и беседы об удовольствиях богачей.

Ну так и пошли они подальше — Уайтхед, Кэрис и все прочие. Это чужой мир, и Марти не хотел оттуда ничего. Он получит любых женщин в любое время, стоит лишь снять трубку и поговорить с Флинном. Никаких проблем. Пусть богачи играют в свои дурные игры, ему это неинтересно. Он осушил первую банку пива, стоя в кухне, затем взял еще две и отправился к себе. Сегодня он хочет понастоящему отключиться. О да. Он напьется и забудет обо всем. Особенно о ней. Потому что ему наплевать. *Ему наплевать.*

Кассета кончилась, экран заполнила сеть жужжащих белых точек. Белый шум... Так его называют? Это портрет хаоса: шипение и рябь — внутренняя энергия Вселенной. Пустые воздушные волны на самом деле никогда не бывают пусты.

Марти выключил телевизор. Он больше не хотел смотреть на драки. Его голова наполнилась жужжанием — белый шум проник и в нее.

Он упал в кресло и осушил вторую банку пива в два глотка. Образ Кэрис рядом с Уайтхедом вновь четко проступил в его голове. «Уходи», — сказал ему Марти, но изображение продолжало мигать. Может быть, он просто хотел девушку? Может быть, беспокойство исчезнет, если затянуть Кэрис утром в голубятню и отмыть так, чтобы она сама молила его не останавливаться? Грязная мысль вызвала у Марти еще большее отвращение. Его тревогу не заглушил порнографией.

Когда он открыл третью банку, то обнаружил, что его руки вспотели; такой липкий пот он всегда воспринимал как болезнь, как первые признаки гриппа. Он вытер влажные ладони о джинсы и поставил банку. Нет, не просто безрассудная страсть питает его нервозность. Что-то не так. Он поднялся и подошел к окну. Он всмотрелся в непрони-

цаемую тьму за окном и внезапно понял, что именно не так: фонари на лужайках и на внешней ограде не были включены на ночь. Значит, он должен сделать это. Впервые за все время его жизни в усадьбе снаружи стояла настоящая ночь, гораздо более темная, чем обычно в это время года. В Уондсворте всегда было светло — светильники на стенах включали еще до заката. Но здесь без уличного освещения воцарились тьма и ночь.

Ночь и белый шум.

26

Вопреки предположениям Марти, Кэрис на ужин не пришла. Свобода, которой она пользовалась, была ограничена, но она всегда могла отказаться от приглашения. Она вынесла целый день отцовских слез, неожиданных обвинений и сомнений. Она устала от этого груза. Поэтому она мечтала о забвении и приняла большую дозу, чем обычно. Сейчас она хотела одного: лечь и погрузиться в небытие.

Как только она положила голову на подушку, что-то — или кто-то — прикоснулось к ней. Она в испуге вскочила, оглядываясь вокруг. Спальня была пуста. Лампы включены, занавески опущены. Никого нет; это обман чувств, не более того. Но Кэрис по-прежнему ощущала, что сзади на ее шее подрагивают нервные окончания, реагирующие на вторжение и прикосновение, как анемоны. Это на время отодвинуло впадение в летаргию. Нет смысла класть голову на подушку, пока сердце не перестанет бешено колотиться.

Присев на кровати, она задумалась, где сейчас ее утренний бегун. Наверное, на ужине, вместе с остальными паниными придворными. Они такое любят: иметь в компании человека, до которого можно снисходить. Она уже не думала о нем как об ангеле. Ведь у него теперь есть имя и история (Той рассказал Кэрис все, что знал). Он потерял свою божественность. Он стал собой, Мартином Френси-

сом Штраусом, человеком с серо-зелеными глазами, шрамом на щеке и необыкновенно выразительными руками, как у актера. Кроме того, вряд ли из него выйдет профессиональный обманщик — его бы выдали глаза.

Затем прикосновение повторилось. На этот раз она явно почувствовала пальцы на своей шее, как будто кто-то очень легко сдавливал ее позвонок большим и указательным пальцами. Иллюзия была слишком реальной, чтобы прогнать ее.

Кэрис села за столик у кровати и почувствовала, как мерные толчки распространяются по телу. Может быть, плохой наркотик? Раньше у нее никогда не было проблем: Лютер покупал у своих стратфордских поставщиков героин высочайшего качества, отец мог обеспечить это.

Ложись в постель, сказала она себе. Даже если не можешь спать, ложись. Но кровать, когда Кэрис встала и повернулась к ней, отдалась, а все предметы в комнате сжалась в угол, словно они нарисованы и линии рисунка стягивает какая-то невидимая рука.

Затем она вновь почувствовала пальцы на шее. Теперь они были более настойчивы, они пробирались внутрь ее тела. Кэрис дотянулась и энергично ударила себя по шее сзади, громко проклиная Лютера за плохое зелье. Возможно, он покупал не чистый героин, а смешанный с чем-то, прикарманивая себе разницу. Злость на несколько секунд очистила сознание Кэрис, или ей так казалось, поскольку больше ничего не случилось. Она направилась к кровати, ориентируясь по расписанной цветами стене и держась за нее на ходу. Вещи встали на свои места, комната вновь приобрела первоначальный вид. Облегченно вздохнув, девушка легла прямо на покрывало и закрыла глаза. Перед глазами запрыгали странные фигуры: они возникали, рассыпались и возникали снова. Они не имели никакого смысла — только вспыхивали и распадались; безумные граффити. Кэрис наблюдала за ними внутренним взором и, очарованная их непрестанными трансформациями, едва созна-

вала, что невидимые пальцы вновь нашли ее шею и постепенно вползали в нее с утонченным мастерством умелого массажиста.

Затем — сон.

Она не слышала, как залаяли собаки; это услышал Марти. Поначалу раздалось несколько одиночных голосов где-то к юго-востоку от дома, но сигнал тревоги почти сразу же подхватил хор других голосов.

Опьяневший Марти встал из кресла перед мертвым телевизором и подошел к окну.

Поднялся ветер. Может быть, он отломил несколько сухих веток, а те попадали на землю и встревожили собак. Марти отметил в углу поместья несколько высохших вязов, которые надо срубить; возможно, один из них упал. Все же следует выйти и взглянуть. Он прошел в кухню и включил мониторы, просматривая от камеры до камеры внешнюю ограду. Смотреть было не на что. Но к востоку от леса изображения исчезли. Белый шум вместо залитой светом травы. Три камеры не работали.

— Дерьмо,— выругался Марти.

Если упало дерево — что более вероятно, чем простая поломка,— разбираться с ним придется Марти. Странно, что не сработала тревога. Неисправность, отключившая три камеры, должна была вывести из строя всю систему; однако звонок не звенел, сирены не выли. Он снял куртку с крюка у двери, прихватил фонарь и вышел наружу.

Огни ограды мерцали по всему видимому периметру. Марти быстро оглядел их и не заметил ни одного отключенного. Он направился в ту сторону, откуда доносился лай. Ночь выдалась мягкой, несмотря на ветер; первые ощущимые признаки весеннего тепла. Прогулка казалась приятной, хотя повод был дурацким. Возможно, это вовсе не дерево, а обычное замыкание. Сломаться может что угодно. Дом остался позади, свет в окнах тоже. Вокруг Марти сомкнулась темнота. Он брел в двух сотнях ярдов от огней изгороди и примерно на таком же расстоянии от дома по

полосе пустой земли. Фонарь слабо освещал дерн в нескольких шагах впереди. Ветер порой шелестел в кронах деревьев, но вокруг стояла тишина.

Наконец Марти добрался до того места, откуда слышалася лай. Все фонари в обоих направлениях светили, никаких заметных повреждений не было. Тем не менее что-то во всем этом, в самой ночи и ласковом ветре, было не так. Или просто темнота не благоволила к нему и теплый воздух не слишком подходил для времени года? Марти ощущал напряжение в животе; его мочевой пузырь был переполнен после выпитого пива. Досадно, что он не видит и не слышит поблизости собак. Либо он неверно выбрал направление, либо они убежали отсюда, преследуя кого-то — или, мелькнула вдруг безумная мысль, *преследуемые* кем-то.

Покрытые колпаками фонари наверху ограды качались под свежими порывами ветра, и все дрожало в мерцающем свете. Марти решил, что не может идти дальше, пока не освободит ноющий мочевой пузырь. Он выключил фонарь, засунул его в карман и расстегнул штаны, отвернувшись от света и ограды. С величайшим облегчением он стал мочиться в траву; физическое удовлетворение заставило его радостно вскрикнуть.

Полдела было сделано, и тут фонари позади него замигали. Поначалу он решил, что это шутки ветра. Но нет — огни действительно мигали и медленно гасли. По мере того как они меркли, справа по периметру ограды снова заяли собаки, и в их лае звучали злость и паника.

Марти не мог перестать мочиться, поскольку уже начал, и в течение нескольких секунд проклинал свою неспособность контролировать процесс. Закончив, он застегнулся и побежал в сторону поднявшегося гвалта. Когда он отошел, огни позади него мигнули и загорелись снова; провода издавали мерное гудение. Но лампы были расположены слишком редко, чтобы показать полную картину. Между ними расползались клочья темноты: под одним из десяти столбов было светло, а под другими девятью была ночь. Невзирая на растущий внутри ужас, Марти пробегал эти про-

межутки, и ограда мигала у него за спиной. Свет, тьма, свет, тьма...

Впереди открылась живописная сцена. В пятне света под фонарем стоял нарушитель. Собаки сновали повсюду — у его ног, на его груди, они кусали и терзали его. Человек же стоял прямо на слегка раздвинутых ногах, пока животные вертелись вокруг.

Марти понял, что сейчас начнется бойня. Собаки были безжалостны, они разрывали пришельца с яростью. Однако удивительное дело: несмотря на яростную атаку, они поджали хвосты, а в их низком рычании звучал страх. Марти заметил, что Иов даже не пытался кусаться — он просто скакал вокруг, прищурив глаза, и наблюдал за подвигами остальных псов.

Марти стал отзывать их короткими властными командами, как его научила Лилиан:

— Стоять! Саул! Стоять! Диодона!

Собаки были великолепно выдрессированы, Марти не раз видел, как их натаскивают. И сейчас, несмотря на свой злобный напор, они отпустили жертву, едва услышали приказ. Псы неохотно попятались назад, прижали уши и оскалились, не сводя глаз с незнакомца.

Марти направился к пришельцу; тот стоял в кольце собак, шатаясь и истекая кровью. Оружия он, похоже, не имел и больше походил на бродягу, нежели на потенциального убийцу. Его простая темная куртка была разодрана на части после нападения; в прорехах виднелись кровоточащие раны.

— Уберите их... от меня,— сказал он болезненным голосом.

Его тело сплошь покрывали следы укусов. В нескольких местах, особенно на ногах, собаки вырвали зубами куски плоти. Два сустава среднего пальца левой руки болтались на одном сухожилии. Траву окропили брызги крови. Марти восхитило то, что человек все еще не упал.

Собаки по-прежнему окружали его, готовые по первой же команде повторить атаку; псы смотрели на Марти с не-

терпением. Они жаждали прикончить страдающую жертву. Но несчастный не выказывал ни малейшего признака страха. Он просто смотрел на Марти, и его глаза были как булавочные острия в мертвенноной белизне.

— Не двигайтесь,— сказал Марти.— Если хотите осться в живых. Если попытаетесь бежать, они приволокут вас обратно. Вы поняли? Они не слишком-то меня слушаются.

Тот ничего не ответил, только смотрел. Марти понимал, что человек испытывал сильную боль. Он был немолод. Его несвежая щетина казалась скорее серой, чем темной. Чепр, несмотря на вялую восковую плоть, выглядел крепким и мощным, а на лице отпечатались страдания и усталость, возможно, даже трагедии. Лишь сведенные лицевые мускулы намекали на то, что он терпит сильную боль. Взгляд пришельца был тверд и таил в себе угрозу.

— Как вы сюда попали? — спросил Марти.

— Уберите их,— сказал человек. Он говорил так, словно ожидал подчинения.

— Пойдемте со мной в дом.

Пришелец покачал головой, явно не желая даже обсуждать такую возможность.

— Уберите их,— повторил он.

Марти подчинился ему, сам не зная почему. Он позвал собак по именам. Псы приблизились к нему, неохотно отдавая жертву.

— Теперь пойдем в дом,— сказал Марти.

— Нет нужды.

— Господи, да вы же истечете кровью до смерти.

— Я терпеть не могу собак,— сообщил человек, по-прежнему не сводя глаз с Марти.— Мы оба терпеть их не можем.

Не было времени подумать о том, что говорил незнакомец,— Марти хотел предотвратить ухудшение ситуации. Потеря крови, конечно, ослабила нарушителя. Марти не был уверен, что сможет удержать собак от добивания жертвы, если тот упадет. Псы столпились вокруг и раздражен-

но поглядывали на него; Марти чувствовал их горячее дыхание.

— Если не пойдете добровольно, я поведу вас силой.

— Нет.— Пришелец поднял пораненную руку на уровень груди и взглянул на нее.— Я не нуждаюсь в вашей добродоте, благодарю вас,— заявил он.

Он перекусил сухожилие изувеченного пальца, как швей перекусила бы нитку. Изуродованные суставы отлетели в траву. Затем он сжал кровоточащую руку в кулак и засунул ее за пазуху своей разодранной куртки.

— Боже всемогущий,— произнес Марти.

Внезапно фонари на ограде замигали вновь. На этот раз они выключились одновременно. Во внезапно наступившей темноте заскулил Саул; Марти узнал его голос и разделил его чувства.

— Что случилось, парень? — спросил он у пса, словно тот мог ответить.

И вдруг темнота исчезла. Некий источник внезапно осветил все вокруг; не электричество и не звездный свет. Этим источником стал пришелец — он засиял слабым светом. Свет струился из кончиков пальцев и из кровавых прорех в одежде, покрывал голову человека мерцающим сероватым облаком, где не было ни плоти, ни костей. Свет вырывался из его рта, глаз и ноздрей. Потом свет начал принимать формы или так казалось. Все сейчас *казалось*. Из потока света рождались фантомы. Марти различил собак, затем женщину, затем лицо — поток призраков. Они изменялись, прежде чем застыть. А из самого центра этого удивительного явления на Марти глядели глаза незнакомца, ясные и холодные.

Затем, без намека на объяснение, представление принял другой оборот. Выражение боли мелькнуло на лице фокусника; поток кровавой темноты заструился из его глаз и залил все, что здесь разыгрывалось, кроме ярких форм пламени, восходивших от его головы. Затем и они исчезли так же внезапно, как появилось это видение. Остался лишь истерзанный человек перед гудящей оградой.

Снова зажглись фонари. Их яркий свет развеял все остатки волшебства. Марти смотрел на бледную плоть, на пустые глаза, на жалкую фигуру, стоявшую перед ним, и не верил тому, что видит...

— Скажи Джозефу,— сказал пришелец.

Это какой-то трюк.

— Что ему сказать?

— Что я был здесь.

Но если это всего лишь трюк, почему бы не шагнуть вперед и не схватить гостя?

— Кто вы? — спросил Марти.

— Просто скажи ему.

Марти кивнул; у него не осталось ни капли смелости.

— Теперь иди домой.

— Домой?

— Подальше отсюда,— проговорил пришелец.

Он отвернулся от Марти и собак. Едва он это сделал, фонари на несколько дюжин ярдов в обоих направлениях вспыхнули и погасли.

Когда они снова включились, волшебник исчез.

27

— Это все, что он сказал?

Как обычно, Уайтхед сидел спиной к Марти, и невозможно было понять его реакцию наочные события. Марти предложил аккуратно обработанную версию того, что произошло в действительности. Он рассказал Уайтхеду о том, как услышал собак и пошел на поиски источника шума, и о небольшом разговоре с незнакомцем. Он опустил то, чего не мог объяснить: как человек выпускал образы из своего тела. Марти не пытался ни описать это, ни даже просто пересказать. Он лишь сообщил старику, что фонари на ограде погасли и под покровом темноты пришелец исчез. Это было неубедительным финалом, но Марти не нашел в себе сил улучшить историю. Его разум, переполнен-

ный видениями прошлой ночи, был слишком сильно поколеблен объективной истиной, чтобы сформировать более изысканную ложь.

Он не спал уже больше двадцати четырех часов. Он до утра проверял ограду усадьбы в бесплодных попытках найти место, где незнакомец проник внутрь. Однако повреждений он не нашел. Либо человек проскочил, когда ворота были подняты для машины очередного гостя — что весьма вероятно; либо он перелез через ограду, невзирая на электрический ток, который убил бы другого. Поскольку Марти видел, на что способен незнакомец, он не спешил отвергнуть вторую возможность. В конце концов, пришелец сумел отключить сигнализацию и обесточить фонари по всему периметру ограды. Как он совершил эти подвиги, оставалось только гадать. К тому же после его исчезновения система опять заработала: и сигнализация, и все камеры включились.

Проверив ограждение, Марти вернулся в дом и усёлся на кухне, вспоминая подробности случившегося. Примерно в четыре утра он услышал звуки, свидетельствующие об окончании ужина,— смех и хлопанье дверей машин. Он не стал сразу же сообщать о нарушении. Он считал, что не стоит портить Уайтхеду вечер. Он сидел и слушал шум гостей в другом конце дома. Их голоса смешивались в несвязный гул, словно Марти находился под землей, а они были наверху. Пока он так сидел, обессиленный после мощного выброса адреналина, перед ним мелькали воспоминания о человеке у ограды.

Ничего этого Марти не сказал Уайтхеду. Только очевидное положение дел и слова: «Скажи ему, что я был здесь». Этого хватило.

— Он сильно изранен? — спросил Уайтхед, по-прежнему глядя в окно.

— Потерял палец, как я сказал. И много крови.

— Ему было больно, как по-вашему?

Марти замешкался, прежде чем ответить. «Боль» — не это слово он хотел бы использовать; он понимал его зна-

чение иначе. Но если выбрать другое слово — например, «страдание», таившееся в пропасти ледяных глаз незнакомца, — можно вторгнуться в такую область, куда он не был готов вступать. Особенно с Уайтхедом. Марти не сомневался: если ненароком задеть чувства старика, пощады не жди. Поэтому он ответил:

— Да, ему было больно.

— И вы говорите, он откусил свой палец?

— Да.

— Может, вам следовало бы поискать его?

— Я искал. Я думаю, его подобрала одна из собак.

Усмехнулся ли Уайтхед? Кажется, да.

— Вы не верите мне? — спросил Марти, принимая усмешку на свой счет.

— Конечно, я верю вам. Его появление было вопросом времени.

— Вы знаете, кто это?

— Да.

— Тогда его можно арестовать.

Приватные забавы закончились. Следующие слова звучали бесстрастно:

— Это не обычный нарушитель, Штраус. Полагаю, вы уже сами это поняли. Этот человек — профессиональный убийца высшего класса. Он появился здесь с определенной целью: убить меня. Благодаря вашему вмешательству и собакам убийство предотвращено. Но он может попытаться снова...

— Тем более есть причины задержать его, сэр.

— Ни одна полиция Европы не в состоянии найти его.

— Но если он действительно известный убийца... — настаивал Марти.

Его отказ отдать кость, не высосав из нее мозг, начал раздражать старика. Уайтхед повысил голос:

— Он известен мне. Может быть, еще некоторым — тем, кто сталкивался с ним...

Уайтхед прошел от окна к столу, отпер ящик и вынул оттуда что-то, завернутое в тряпку. Он положил этот пред-

мет на полированную поверхность и развернул. Там оказался пистолет.

— Теперь вы всегда будете носить его с собой,— сказал он Марти.— Возьмите. Он не кусается.

Марти взял со стола пистолет. Оружие было холодным и тяжелым.

— Не смущайтесь, Штраус. Этот человек смертельно опасен.

Марти переложил пистолет из руки в руку; ощущение было весьма неприятным.

— Что-то не так? — поинтересовался Уайтхед.

Марти осторожно подбирал слова, прежде чем заговорить:

— Дело в том, что... я под надзором, сэр. Предполагалось, что я буду соблюдать закон. Теперь же вы даете мне в руки пистолет и велите стрелять без предупреждения. Я имею в виду... вы, конечно, знаете, что он известный убийца, но я не заметил при нем оружия.

Выражение лица Уайтхеда, до сего момента бесстрастное, после слов Марти изменилось. Он резко ответил, показав желтые зубы:

— Вы — моя собственность, Штраус. Вы должны заботиться обо мне, или завтра же проваливайте отсюда ко всем чертям. Обо мне! — Он ткнул себя пальцем в грудь.— Не о себе. Забудьте о себе.

Марти проглотил все возможные возражения: ни одно из них не было вежливым.

— Вы хотите вернуться в Уондсворт? — спросил старик. Любые признаки злости исчезли; желтые зубы спрятались.— Хотите?

— Нет. Конечно нет.

— Вы можете вернуться, если хотите. Только скажите.

— Я сказал — нет!.. Сэр.

— Тогда слушайте,— проговорил старик.— Человек, которого вы встретили нынче ночью, намерен причинить мне зло. Он пришел убить меня. Если он вернется — а он вер-

нется — я хочу, чтобы вы достойно встретили его. И тогда посмотрим. Да, мой мальчик? — Он снова показал зубы в лисьей улыбке.— О да... тогда мы посмотрим.

Кэрис проснулась усталая. Поначалу она не помнила ничего из событий предыдущей ночи, но постепенно память возвращала ей то, что она испытала под действием наркотика: оживающая комната, призрачные пальцы, очень мягко дергающие ее за волосы на затылке.

Она забыла, что произошло, когда пальцы проникли вглубь. Лежала ли она в тот момент? Да, теперь Кэрис припоминала: она лежала. Едва она уронила голову на подушку и погрузилась в сон, все это и началось.

Не сны; по крайней мере не те, что она видела раньше. Ни действий, ни символов, ни туманных воспоминаний, навевающих ужас. Это было совсем не то; тем не менее это был (и остался) ужас. Ее переместили в пустоту.

— Пустота.

Всего лишь мертвое слово; Кэрис произнесла его вслух, не в силах описать место, в котором побывала. Нигде в мире пустота не была так абсолютна, ужас — так жесток, а надежда на спасение — так хрупка. Легендарное Ничто, по сравнению с которым любая мгла казалась ослепительным светом, а полное отчаяние — легким заигрыванием с тьмой, но не самой тьмой.

Архитектор этой тьмы тоже был там. Он хвастался:

— Смотри, какая невероятная пустота, как она чиста и совершенна. Ни одно чудо мира не может сравниться с этим грандиозным ничем.

И когда Кэрис проснулась, объект его гордости не исчез. Казалось, видение стало реальностью, а реальность — фантазией. Словно цвет, форма и сама материя были лишь забавным развлечением, созданным для прикрытия пустоты. И теперь она ждала — едва сознавая, как течет время, иногда дотрагиваясь босыми ступнями до простыни или ощущая ворсистость ковра,— в отчаянии ждала момента,

когда ничто навалится на нее снова и пустота опять поглотит ее.

«Что ж,— думала она,— я отправлюсь на солнечный остров».

Если она когда-либо заслуживала права поиграть там, то именно сейчас, после всех страданий. Но что-то омрачало ее мысли. Был ли остров фантазией? Если она отправится туда сейчас, не появится ли там этот архитектор пустоты? Кровь громко стучала в ушах Кэрис. Кто ей поможет? Никто ничего не поймет. Рядом только Перл, ее обвиняющие глаза и выглядывающее из них презрение; и Уайтхед, согласный пичкать dochь героином, если наркотик делает ее податливой; и бегун Марти, по-своему милый, но столь наивный и pragматичный, что Кэрис никогда не решится объяснить ему, в каком сложном измерении она живет. Он человек иного мира; он будет смущенно глядеть на нее и делать попытки понять, но не сможет.

Значит, у нее нет ни провожатых, ни ориентиров. Лучшее, что она может сделать,— пойти проторенным путем. Вернуться на остров.

Это химическая ложь, она постепенно убивает тебя; но и жизнь постепенно убивает, не правда ли? И если есть только смерть, почему бы не отправиться к ней быстро и счастливо, не задерживаясь в грязной дыре мира, где пустота шепчет на каждом углу? Поэтому, когда Перл поднялась наверх и принесла героин, Кэрис взяла его, вежливо поблагодарила и радостно отправилась на свой остров.

28

Страх заставляет мир вращаться, если колеса хорошо смазаны. Марти наблюдал эту систему в действии в Уондсворте — иерархия, построенная на страхе. Это было насилие, изменчивое и несправедливое, но оно превосходно работало.

То, что Уайтхед — спокойный и неизменный центр собственной вселенной — переполнен страхом, дрожит и впа-

дает в панику, стало для Марти потрясением. Он не испытывал никаких личных чувств к старику (по крайней мере не осознавал их), но он видел исключительные способности Уайтхеда целиком сосредоточиваться на работе, и это шло ему на пользу. Теперь же Марти почувствовал: стабильность может пошатнуться. Старик явно скрывал некую информацию — возможно, весьма важную для понимания ситуации — о пришельце и его мотивах. Вместо прежних спокойных и исчерпывающих указаний Уайтхед выдавал намеки и угрозы. Конечно, он имел на это право. Марти оставалось строить догадки.

В одном он не сомневался: несмотря на заявление Уайтхеда, человек у ограды не был обычным наемным убийцей. Оставалось несколько необъяснимых вещей: свет, вспыхивавший и угасавший на лице пришельца, подобно смене настроения, и камеры, загадочным образом погасшие, когда человек исчез. Собаки тоже заметили что-то необыкновенное. Отчего они проявили такую смесь злобы и мрачного предчувствия? И еще видения, эти огненные образы. Их нельзя списать на мошенничество, даже самое искусное. Если Уайтхед, по его собственным словам, знал «убийцу», то он должен знать и его способности. Значит, он просто боится говорить о них.

Марти принял задавать очень осторожные вопросы обитателям усадьбы, но быстро понял: Уайтхед ничего не сказал ни Перл, ни Лилиан, ни Лютеру. Это было странно. Разве в такой момент не нужно повысить всеобщую бдительность? Марти решил, что никто, кроме Билла Тоя, не расскажет ему о ночном происшествии. Однако Той отвечал уклончиво:

— Понимаю, что ты оказался в сложном положении, Марти, но мы все время от времени в него попадаем.

— Я просто подумал, что мог бы лучше выполнять свою работу...

— Если бы ты узнал все факты.

— Да.

— Что ж, тебе придется допустить, что Джо разбирается в этом лучше нас.— Его лицо стало печальным.— Мы должны смириться с этим, не так ли? Джо все знает лучше нас. Я хотел бы сказать больше. Я хотел бы знать больше. Думаю, лучше тебе бросить это дело.

— Он дал мне пистолет, Билл.

— Я знаю.

— И велел мне стрелять.

Той кивнул; казалось, он испытывает боль и сожаление.

— Плохие времена, Марти. Мы все... нам всем приходится делать очень много того, чего мы не хотим, поверь мне.

Марти поверил. Он полностью доверял Тою и не сомневался: если бы Билл мог сказать хоть что-то еще, он бы непременно сказал. Значит, даже Той не знал, кто нарушил спокойствие в Святилище. Если незнакомец — личный враг Уайтхеда, то объяснить случившееся может лишь сам старик. А этого явно не предвиделось.

Оставалась последняя надежда — Кэрис.

Он не видел ее с того дня, когда проник на запретную территорию наверху. То, что на его глазах происходило между Кэрис и Уайтхедом, расстроило Марти и вызвало ребяческое желание наказать девушку, лишив ее своего общества. Сейчас он чувствовал, что обязан отбросить неприятные чувства и отыскать ее.

Он нашел ее днем около голубятни. Она куталась в меховое пальто, на вид как из дешевого магазина: изъеденное молью и на несколько размеров больше. Она оделась очень тепло, хотя не было холодно, несмотря на порывы ветра и облака — слишком маленькие и слишком белые, не представлявшие опасности. В худшем случае эти апрельские облака принесут легкий дождь.

— Кэрис.

Она взглянула на него. Вокруг ее глаз лежали такие темные круги, что поначалу Марти принял их за синяки. В руках она держала цветы — скорее пучок, чем букет; по большей части нераскрывшиеся бутоны.

— Понюхай,— предложила она, протягивая цветы Марти.

Он послушался и практически ничего не почувствовал, кроме аромата юного тела и земли.

— Почти не пахнут.

— Хорошо,— отозвалась она.— А я думала, что уже не различаю.

Она безразлично уронила пучок на землю.

— Ты не возражаешь, если я спрошу тебя о другом? — спросил Марти.

Она наклонила голову.

— Спрашивай о чем угодно,— ответила она.

Ее загадочная манера поведения подействовала на него сильнее, чем обычно; она говорила так, словно у нее на уме была какая-то шутка. Он стремился войти в эту игру, но Кэрис казалась закупоренной и спрятанной за стеной хитрых улыбок.

— Наверное, ты слышала собак прошлой ночью,— сказал он.

— Не помню,— ответила она, нахмурившись.— Может быть.

— А кто-нибудь говорил тебе об этом?

— А почему мне должны говорить?

— Не знаю. Я просто подумал...

Она избавила его от неудобства легким, но энергичным кивком головы:

— Да, если хочешь знать. Перл сказала мне, что к нам пролез нарушитель. И ты напугал его, да? Ты и собаки.

— Я и собаки.

— А кто из вас откусил ему палец?

Кто сказал ей, Перл или старик? Кто поведал ей об этой жестокой детали? Старик был с ней в ее комнате? Марти прогнал видение, прежде чем оно возникло у него в голове.

— Перл рассказала тебе? — спросил он.

— Я не видела старика,— проговорила Кэрис,— если ты к этому ведешь.

Он внутренне поежился; это было зловеще. Она использовала его фразеологию — сказала «старик», а не «папа».

— Может, прогуляемся к озеру? — предложила Кэрис, хотя ей было все равно, каким путем идти.

— Отлично.

— Знаешь, ты прав насчет голубятни,— сказала она.— Она отвратительна, когда стоит пустая. Я никогда об этом не думала.

Образ пустой голубятни явно нервировал ее. Она поежилась под своим толстым пальто.

— Ты бегал сегодня? — спросила она.

— Нет. Я слишком устал.

— Было плохо?

— Что именно плохо?

— Ночью.

Марти не знал, как ответить. Да, конечно, было плохо; но даже если бы он доверился девушки и заговорил о том, что видел — а он сомневался во всем,— его словаря не хватило бы для описания.

Кэрис молчала, пока перед ними не показалось озеро. Маленькие белые цветы покрывали траву под их ногами. Марти не знал, как они называются. Кэрис изучала их и вдруг задала вопрос:

— Здесь просто другая тюрьма, да, Марти?

— Что?

— Здешняя жизнь.

Она так же проницательна, как ее отец. Марти не ожидал такого вопроса и был потрясен. Ведь с тех пор, как он прибыл сюда, никто ни разу не спросил, как он себя чувствует. Конечно, дело не в заботе о его комфорте; возможно, в конечном итоге он сам не заботился об этом. Когда он заговорил, его голос звучал неуверенно:

— Да... наверное, это тоже тюрьма, хотя... я не слишком задумывался об этом... То есть я не могу просто встать и уйти в любое время, да... Но это не сравнить... с Уондсвортом... Словарный запас снова подвел его.— Это другой мир.

Он хотел сказать, что любит деревья, огромное небо, белые цветы, по которым они шагали; но он знал, что такие слова в его устах прозвучат нелепо. Он не умел говорить, как Флинн — тот легко изъяснялся стихами, словно это был его второй язык. Умение болтать, говорил Флинн, в моей ирландской крови. А Марти сумел произнести только одно:

— Я могу здесь бегать.

Она пробормотала что-то, но он не рассышал; может быть, просто согласилась. Как бы там ни было, ответ удовлетворил Кэрис. Марти почувствовал, как тает его озлобление на ее умные речи и ее тайную жизнь с отцом.

— Ты играешь в теннис? — задала Кэрис еще один неожиданный вопрос.

— Нет, и никогда не играл.

— А хотел бы? — спросила она, повернувшись вполоборота к Марти, и усмехнулась.— Я могу тебя научить, когда потеплеет.

Она выглядела очень хрупкой для физических упражнений. Постоянная жизнь на грани утомляла ее; на грани чего — Марти не знал.

— Научишь — буду играть,— отозвался он, радуясь их новому договору.

— По рукам? — спросила она.

— По рукам.

Ее глаза, подумал Марти, очень темные; неясные, двусмысленные глаза; когда ты меньше всего ожидаешь, они глядят на тебя с такой прямотой, будто срываются покровы с твоей души.

Он не красавец, подумала Кэрис; давно уже перестал быть им и теперь бегает, чтобы поддерживать форму, иначе начнет расплываться. Возможно, он просто самовлюбленный нарцисс; могу поспорить, каждый вечер он стоит перед зеркалом и рассматривает себя, страстно желая остаться этаким мальчиком-красавчиком, вместо того чтобы крепнуть и мужжать.

Она уловила, о чём он думает. Сознание легко поднялось над ее головой (по крайней мере так она это представляла).

ла) и поймало мысль в воздухе. Кэрис делала это постоянно — с Перл, с отцом — и подчас забывала, что другие люди не обладают способностью столь нахально подслушивать.

Пойманная мысль была такой: «Я должен научиться быть нежным» или что-то подобное. Он боялся ранить ее, боже! Вот почему он вел себя с ней так сдержанно и осторожно.

— Я не сломаюсь,— сказала Кэрис, и его шея покраснела.

— Извини,— ответил он.

Она не была уверена, признал ли он свою ошибку или не понял ее слов.

— Не нужно вести себя со мной как с ребенком. Я не этого хочу от тебя. Со мной все время так обращаются.

Он бросил на нее печальный взгляд. Почему он не верит ей? Кэрис подождала, надеясь услышать хотя бы намек, но его не последовало — даже самого неопределенного.

Они подошли к плотине, что питала озеро. Она была высокой и бурной. Кэрис слышала, что пару десятилетий назад — прямо перед тем, как Папа купил поместье,— здесьтонули люди. Она стала рассказывать об этом и об экипаже с лошадьми, упавшем в озеро во время бури. Она говорила, не слушая себя, и думала, как пробиться сквозь его вежливость и мужественность к той части, что была ей нужна.

— Экипаж еще здесь? — спросил он, глядя на волнующуюся воду.

— Наверное,— ответила Кэрис. История потеряла свое очарование.— Почему ты мне не доверяешь? — прямо спросила она.

Он не ответил, но явно боролся с чем-то. Выражение хмурой озабоченности на его лице перешло в смятение. Черт, подумала Кэрис, я действительно все испортила. Но дело сделано. Она спросила его напрямик и приготовилась услышать самое плохое.

Почти ненароком она украла у него еще одну мысль — потрясающе ясную. В его глазах она увидела дверь своей спальни, себя, лежащую на кровати с остекленевшими глазами, и сидящего рядом Папу. Когда это было? Кэррис задумалась. Вчера? Позавчера? Слышал ли он их? Это ли причина его неприязни? Он играл в детектива, и ему не понравилось то, что он обнаружил.

— Я не слишком-то умею обращаться с людьми,— ответил он на ее вопрос о доверии.— И никогда не умел.

Как он извивается вместо того, чтобы сказать правду! Он был оскорбительно вежлив с ней. Кэррис захотелось свернуть ему шею.

— Ты шпионил за нами,— заявила она с жесткой прямотой.— Вот в чем дело, правда? Ты видел папу и меня...

Она попыталась представить свои слова как страшную догадку. Но вышло не столь убедительно, как ей хотелось. Но какого черта? Все сказано, и пусть Марти сам думает, почему она пришла к этому выводу.

— Что ты подслушал? — требовательно спросила она.

Но ответа не последовало. Марти чувствовал не злость, а стыд за то, что подглядывал. Краска залила его лицо от уха до уха.

— Он мучает тебя, как будто владеет тобой,— пробормотал он, не поднимая глаз от струящейся воды.

— Да, в некотором смысле.

— Почему?

— Кроме меня, у него никого нет. Он одинок...

— Да.

— И он боится.

— Он когда-нибудь разрешает тебе покидать усадьбу?

— Я не хочу уезжать,— возразила она.— Здесь у меня есть все, что мне нужно.

Он хотел спросить ее, а как же она устраивается с кавалерами, но был слишком смущен. Однако Кэррис сама уловила его мысль, а сразу за ней — образ Уайтхеда, склонившегося, чтобы поцеловать ее. Возможно, это больше, чем

отеческий поцелуй. Она старалась гнать подобные мысли, но не могла полностью избавиться от них. Марти оказался проницательнее, чем она думала; он уловил этот тонкий подтекст.

— Я не доверяю ему,— сказал он, потом оторвал пристальный взгляд от воды и посмотрел на нее. Он явно испытывал смущение.

— Я умею управляться с ним,— ответила Кэрис.— Я заключила с ним сделку. Он знает толк в сделках. Он получает меня, а я остаюсь с ним и получаю все, что мне нужно.

— А что тебе нужно?

Теперь Кэрис отвела глаза. Пена на бурлящей воде была грязно-коричневой.

— Немного солнечного света,— наконец проговорила девушка.

— Я считал, это дается само,— озадаченно заметил Марти.

— Но не так, как мне нравится,— отозвалась она.

Чего он ждет? Извинений? В таком случае он будет разочарован.

— Мне нужно возвращаться,— сказал он.

Внезапно она произнесла:

— Не надо ненавидеть меня, Марти.

— Я не ненавижу тебя.

— У нас много общего.

— Общего?

— Мы оба принадлежим ему.

Еще одна отвратительная правда. Эти истины сегодня переполняют ее.

— Ты ведь можешь убраться отсюда ко всем чертям, если захочешь, правда? — раздраженно воскликнул он.

Кэрис кивнула:

— Полагаю, да. Но куда?

Вопрос показался ему бессмысленным. За оградой лежал целый мир, а Кэрис, конечно, не имела недостатка в средствах — кто угодно, только не дочь Джозефа Уайтхеда.

Неужели и впрямь не хочет уехать? Они были очень странной парой. Марти с его искусственно урезанным жизненным опытом — потерянные годы! — страстно желающий наверстать упущенное. И эта девушка, апатичная и усталая от одной мысли о побеге из добровольной тюрьмы.

— Ты можешь идти куда угодно,— повторил он.

— Это то же самое, что никуда,— решительно ответила она.

Направление в никуда слишком занимало ее мысли. Она оглядела Марти в надежде, что его злость немного угасла, но он не выказал ни малейшего сочувствия.

— Ладно, ничего,— сказала она.

— Ты идешь?

— Нет. Я побуду здесь еще немного.

— Смотри, не прыгай вниз.

— Не умеешь плавать, да? — откликнулась она раздраженно. Он нахмурился, не понимая.— Не важно, я никогда не считала тебя героем.

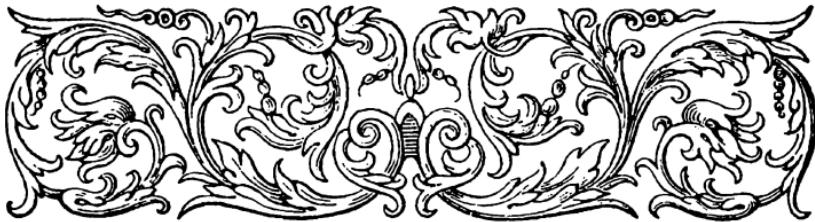
Он пошел прочь, а она осталась глядеть на воду в нескольких дюймах от берега. Он говорил правду — он никогда не умел общаться с людьми. Особенно с женщинами. Не исключено, что ему надо было стать священником, как хотела его мать. Но проблема в том, что он не испытывал никакого интереса к религии. Возможно, именно это и мешало им с Кэрис — они оба ни во что не верили. Тут не о чем говорить, нечего обсуждать. Он оглянулся. Кэрис немного прошлась вдоль берега, удалившись от того места, где они стояли с Марти. Солнце отражалось от поверхности воды и освещало ее силуэт. Она выглядела так, словно была не совсем реальна.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ДЕЦЕ

Deuce (англ.): 1. Двойка в костях или картах; в теннисе — состояние счета, когда каждая сторона должна выиграть две подачи или игры подряд, чтобы победить.
2. Мор, бедствие; дьявол.

СУВЕРНЕ

29

Прошло меньше недели после разговора, и первые трещины, пока еще не шире волоска, появились в колоннах империи Уайтхеда. Они быстро увеличивались. На биржевом рынке началась обвальная продажа акций — внезапная потеря веры в кредитоспособность корпорации. Прибыли сокращались. Биржевая лихорадка почти вышла из-под контроля. За день в поместье прибывало больше посетителей, чем Марти видел за все время жизни здесь. Среди знакомых лиц появились десятки других — финансовые аналитики, как он предполагал. Японцы и европейцы добавились к англичанам, и вскоре поместье уже походило на ООН.

Кухню, к неудовольствию Перл, оккупировали те, кто пока не требовался великому человеку. Они толпились вокруг большого стола, поглощали огромное количество кофе и обсуждали стратегии, для создания которых они здесь и собирались. Большую часть их бесед Марти не понимал, но из отдельных выхваченных фраз уяснил, что над корпорацией нависла необъяснимая опасность. Невиданное падение акций произошло повсеместно; говорили о вмешательстве государства с целью предотвратить неминуемый крах в Германии и Швеции; о саботаже, приведшем к ка-

тастрофе. Профессиональные аналитики пришли к выводу, что так фундаментально подорвать дела корпорации мог лишь искусно разработанный план; на подготовку его должны были уйти годы. Предполагали секретные действия правительства, тайный сговор. В усадьбе буйным цветом цвела паранойя.

Беспокойные гости спорили и размахивали руками, пытались перебить собеседника и опровергнуть его замечания, и их поведение поражало Марти своей абсурдностью. Ведь они никогда не видели ни приобретенных и потерянных миллионов, ни людей, чьи судьбы они так безжалостно вершили. Все это абстракции и голые цифры.

На третий день, когда люди уже устали от сложных игр и тщетно молились о воскрешении, Марти столкнулся с Биллом Тоем, вовлеченным в жаркий спор с Двоскиным. К удивлению Марти, Той подозвал его к себе, резко прервав беседу. Двоскин нахмурился и поспешил прочь, оставив Тоя и Марти вдвоем.

— Ну, бродяга,— сказал Той,— как поживаешь?

— Я-то отлично,— ответил Марти.— А вы?

Той выглядел так, будто давно не спал.

— Как-нибудь продержусь.

— Какие мысли по поводу происходящего?

Той скривился:

— Да никаких. Я никогда не был человеком денег. Ненавижу их породу. Грызуны.

— Все говорят, это катастрофа.

— О да,— спокойно отозвался Той.— Похоже на то.

Лицо Марти вытянулось: он ожидал опровержения и ободрения. Той заметил его искреннее разочарование.

— Ничего ужасного не случится,— сказал он,— пока мы трезво смотрим на вещи. Ты по-прежнему будешь работать здесь, если ты об этом беспокоишься.

— Да, я уже голову себе сломал.

— Не стоит.— Той положил руку на плечо Марти.— Если начнется что-то плохое, я тебе сообщу.

— Я знаю. Просто нервничаю.
— А кто нет? — Той еще крепче сжал плечо Марти.—
Как насчет того, чтобы на пару отправиться в город, когда все уляжется?

— Хотелось бы.
— Бывал в казино «Академия»?
— Никогда не хватало денег.
— Я тебе дам. Продуем часть состояния Уайтхеда, а?
— Звучит неплохо.

Озабоченное выражение все еще не покинуло лица Марти.

— Слушай,— проговорил Той,— это не твоя драка. Ты понимаешь меня? Что бы ни случилось, это не твоя вина. Мы сделали несколько ошибок и теперь должны за них заплатить.

— Ошибок?
— Иногда люди не прощают, Марти.
— Так все это...— Марти обвел рукой большой круг.— Потому что люди не прощают?
— Запомни. Самая лучшая причина на свете.

Марти поразило, что Той стал аутсайдером, что он больше не является главной фигурой в окружении старика, как раньше. Объясняло ли это его болезненный вид и зловеще бледное лицо?

— Ты знаешь, кто во всем виноват? — спросил Марти.
— Что может знать боксер? — отозвался Той с явным оттенком иронии в голосе.

Марти вдруг совершенно точно понял: этот человек знает все.

Паника растянулась на неделю, и не было ни малейшего признака, что она закончится. Лица советников изменились, но строгие костюмы и строгие речи оставались прежними. Несмотря на появление новых людей, Уайтхед весьма небрежно относился к обеспечению своей безопасности. Марти очень редко сопровождал старика; похоже, кризис вытеснил из головы Папы все мысли об убийстве.

Но не обошлось без сюрпризов. В первое воскресенье Куртсингер отозвал Марти в сторону и завел хитрую соблазняющую беседу. Она началась с бокса, плавно перешла на удовольствие от физического контакта с мужским телом и завершилась прямым предложением денег. «Всего полчаса, ничего особенного». Марти вовремя почуял, к чему клонит Куртсингер, и успел подготовить вежливый отказ. Они расстались вполне дружелюбно. Кроме этого случая, время тянулось бессодержательно. Распорядок жизни в усадьбе был нарушен, и его никак не удавалось наладить. Оберегая свой рассудок, Марти старался держаться как можно дальше от дома. Он очень много бегал в ту неделю — наматывал круги по периметру усадьбы до полного изнеможения и возвращался к себе комнату, прорыгаясь сквозь толпу разряженных пижонов, заполнивших все коридоры. Наверху Марти запирал дверь (он оттораживал не себя внутри, а их всех снаружи), принимал душ и спал в течение долгих часов, наслаждаясь отсутствием снов.

Кэрис не имела такой свободы. С той ночи, когда собаки обнаружили Мамолиана, ей в голову запала мысль поиграть в шпиона. Почему, она не знала. Ее никогда особенно не интересовала жизнь в усадьбе, она избегала встреч с Лютером, Куртсингером и прочими людьми из свиты отца. Однако сейчас что-то странное навалилось на нее и заставляло двигаться: идти в библиотеку, на кухню, в сад и просто смотреть. Она не испытывала удовольствия от этого. Большую часть услышанного Кэрис не могла понять, остальное же считала пустой болтовней финансовых маниаторов. Тем не менее она часами жадно внимала им и уходила, чтобы послушать другие дебаты. Кто-то из гостей знал Кэрис, остальным она просто представилась. Неоспоримые права дочери Уайтхеда были признаны, и вопросы о ее присутствии ни у кого не возникало.

Она также проводила Лилиан и собак в этой бездушной постройке за домом. Не то чтобы Кэрис любила жи-

вотных, но что-то побуждало ее увидеть их, посмотреть на замки и клетки, на щенков, играющих вокруг матери. Она уяснила, на каком расстоянии от ограды и дома находится питомник, обошла сараи на тот случай, если понадобится искать в темноте. Зачем ей это, Кэррис не знала.

В своих блужданиях она была достаточно осторожна, чтобы не встретить Мартина, Тоя или хуже того — отца. Это стало ее игрой, хотя конечная цель оставалась загадкой. Может быть, она составляла карту местности и потому ходила из одного конца дома в другой, проверяя и пере-роверяя его географию, измеряя длину коридоров, запоминая расположение комнат? Так или иначе, но нелепое занятие отвечало какой-то невыраженной потребности внутри нее. Когда Кэррис все сделала, эта потребность была удовлетворена и на время оставила девушку в покое. К концу недели она уже знала дом, как никогда прежде; она побывала в каждой комнате, за исключением апартаментов отца, запретных даже для нее. Она изучила все входы и выходы, лестницы и пролеты с тщательностью вора.

Странные ночи, странные дни. Не безумие ли это, попрой задумывалась она.

На второе воскресенье — одиннадцатый день кризиса — Марти вызвали в библиотеку. Уайтхед ждал там; он выглядел усталым, но ничуть не сломленным тем огромным давлением, что навалилось на него. Он был одет для прогулки — в отделанное мехом пальто, как в первый день, во время символического визита в питомник.

— Я не выходил из дома несколько дней, Марти, — произнес он. — И чувствую, что пора проветриться. Думаю, нам надо прогуляться, вам и мне.

— Я захвачу куртку.

— Да. И пистолет.

Они вышли с заднего крыльца, чтобы избежать встречи с новыми делегациями. Посетители прибывали, заполняя лестницу и холл в ожидании аудиенции в святая святых.

Стоял теплый день семнадцатого апреля. Тени от легких облаков пробегали по газонам беспорядочными группами.

— Пойдем в лес,— сказал старик и зашагал вперед.

Марти держался на почтительном расстоянии в паре ярдов позади. Он догадывался, что Уайтхед хочет проветрить мозги, а не поговорить.

В лесу кипела жизнь. Новые побеги прорывались сквозь покров прошлогодних опавших листвьев, беспечные птицы порхали между деревьями, перекликаясь. Марти и старик несколько минут брали куда глаза глядят, и Уайтхед почти не поднимал глаз от своих ботинок. Вдали от строгого распорядка дома груз его забот стал более заметен. Опустив голову, он устало тащился между деревьев, безразличный к голосам птиц и ударам ветвей.

Марти наслаждался. Он уже бывал здесь раньше, на пробежках, но сейчас его шаги замедлились, и детали леса ярко простили. Заросли цветов под ногами или поганки, вылезающие на пятнах сырости между корней,— все восхищало его. По дороге он подобрал несколько гладких камешков. На одном из них застыл окаменелый след папоротника. Марти подумал о дочери Уайтхеда, о голубятне, и внезапно ощутил, что страстно желает Кэрис. Не имея причин отказываться, он позволил этой страсти овладеть собой.

Осознав свое чувство, он поразился его силе. Он понял, что последние несколько дней эмоции тайно работали внутри него, превращая легкий интерес к девушке в нечто более глубокое. Однако сейчас он не мог разобраться в случившемся.

Он поднял глаза от камня с папоротником и увидел, что Уайтхед ушел уже довольно далеко вперед. Марти отбросил мысли о Кэрис и ускорил шаг. Солнечные лучи и тени пробегали между деревьями, пока легкие облака, цеплявшиеся за ветер, уступали место более тяжелым тучам. Ветер стал холодным, он принес явные приметы дождя.

Уайтхед поднял воротник и сунул руки в карманы. Когда Марти подошел, старик встретил его неожиданным вопросом:

— Вы верите в Бога, Мартин?

От неожиданности Марти сумел лишь сказать:

— Я не знаю...

И это был честный ответ.

Но Уайтхед ждал большего. Его глаза поблескивали.

— Я не молюсь, если вы это имеете в виду,— продолжил Марти.

— Даже перед судом не молились? Чтобы замолвить словечко перед Всевышним?

В его вопросах не было ни насмешки, ни злорадства. Марти снова ответил честно:

— Я не помню точно... Думаю, тогда я наверняка что-то говорил, да.— Он остановился. Облака закрыли солнце.— Ничего хорошего это мне не принесло.

— А в тюрьме?

— Нет, никогда не молился.— В этом он был уверен.— Ни разу.

— Но есть же в Уондсворте богобоязненные люди?

Марти вспомнил Хеселтина, с которым делил камеру несколько недель в самом начале срока. Тюремный старожил Тин провел за решеткой больше времени, чем на свободе. Каждый вечер, прежде чем заснуть, он с варварским произношением бормотал в подушку «Отче наш»:

— Отче наш, сущий на небесах, да святится имя Твое.— Не понимая ни слов, ни смысла, он просто проговаривал молитву наизусть, возможно, каждый вечер в течение своей жизни, пока его развращенный дух мечтал о спасении.— Ибо Твое есть царство и сила и слава вовеки. Аминь.

Об этом ли говорил Уайтхед? Звучало ли в молитве Хеселтина уважение к Творцу, благодарность за Творение или хотя бы предчувствие Суда?

— Нет,— ответил Марти.— По-настоящему богобоязненных я не видел. Потому что какой смысл...

Внезапно пришедшая на ум мысль была более серьезной, и Уайтхед ждал ее с терпением стервятника. Но слова не шли с языка Марти, отказываясь быть произнесеными. Старик подтолкнул их:

— Почему нет смысла?

— Потому что все это — стеченье обстоятельств, несчастный случай. То есть все случайно.

Уайтхед едва заметно кивнул. Последовало долгое молчание, затем старик спросил:

— Ты знаешь, почему я выбрал тебя, Марти?

— Нет.

— Той ничего не говорил тебе?

— Он сказал, что я справлюсь с этой работой.

— Ну, многие люди не советовали мне брать тебя. Они считали, что ты не подходишь — по многим причинам, о которых не стоит распространяться. Даже Той сомневался. Ты нравился ему, но он сомневался.

— Но вы все-таки наняли меня?

— Верно.

Марти уже находил эту игру в кошки-мышки невыносимой. Он сказал:

— И теперь вы собираетесь объяснить мне почему, да?

— Ты игрок, — ответил Уайтхед.

Марти показалось, что он знал ответ задолго до того, как его услышал.

— Ты не попал бы в эти обстоятельства, если бы не имел карточных долгов. Я прав?

— Более или менее.

— Ты тратил каждый заработанный пенни. По крайней мере так утверждали твои друзья на суде. Проигрывал.

— Не всегда. У меня были и выигрыши. По-настоящему большие выигрыши.

Взгляд, который Уайтхед бросил на Марти, был острее скальпеля.

— После всего, через что ты прошел — всех несчастий, заставивших тебя страдать,— ты еще говоришь о выигрышах!

— Я помню лучшие времена, как любой другой,— защищаясь, ответил Марти.

— Удача.

— Нет! Я умел играть, черт возьми!

— Удача, Марти. Ты сам только что сказал. Ты сказал, что все случайно. Как ты можешь что-то уметь, если все это — стеченье обстоятельств? Получается бессмысленно, разве нет?

Старик, кажется, прав. Однако все не так просто, как он стремится представить, нет. Все было случайно, да; Марти не мог спорить с основным утверждением. Но печенкой он чувствовал что-то еще. Что это такое, во что он верил — он не мог описать.

— Разве ты не это сказал? — настаивал Уайтхед.— Несчастный случай.

— Не всегда было так.

— Иногда случай на нашей стороне. Ты это имеешь в виду? Некоторые из нас держат палец,— указательный палец Уайтхеда описал спираль,— на колесе.

Его палец остановился. Мысленно Марти завершил картину: шарик скачет от лунки к лунке и находит нишу, номер. Победитель радостно вскрикивает.

— Не всегда,— возразил он.— Только иногда.

— Опиши. Расскажи, как ты это чувствуешь.

Почему бы нет? Что здесь дурного?

— Порой это очень просто. Ну, знаете, как отнять сладости у ребенка. Когда идешь в клуб и фишками мелко вибрируют у тебя в руках, ты знаешь — господи, ты точно знаешь, что не проиграешь!

Уайтхед улыбнулся.

— Но ты проигрывал,— напомнил он Марти с жесткой вежливостью.— Ты часто проигрывал. Ты проигрывал все, что имел, и даже больше.

— Я был глуп. Играли даже тогда, когда фишками не дрожали. Когда сам знал, что у меня полоса невезения.

— Почему?

Марти метнул на него сердитый взгляд.

— Вы хотите подписанной исповеди? — резко ответил он. — Я жадный, вы это хотите сказать? Я любил играть, даже когда не было шансов на выигрыш. Я просто хотел играть.

— Ради игры?

— Да, если хотите. Ради игры.

Невероятно сложные чувства отразились в глазах Уайтхеда: и сожаление, и выражение ужасной потери, и непонимание. Хозяин и повелитель мира на миг открыл еще одно свое лицо — лицо человека, дошедшего до предела отчаяния.

— Мне требовался кто-то, кому свойственна твоя слабость, — объяснил он и внезапно начал исповедь: — Потому что я знал: такой день, как сегодня, рано или поздно наступит, и мне придется попросить тебя рискнуть вместе со мной.

— Рискнуть чем?

— Будь это так же просто, как ruletka или карты, я бы объяснил тебе все и не просил о доверии. Но все очень сложно. И я устал.

— Билл говорил...

Уайтхед прервал его:

— Той покинул поместье. Ты больше не увидишь его.

— Когда он уехал?

— В начале недели. Наши отношения давно разладились. — Он заметил огорчение Марти. — Не тревожься. Твое положение здесь по-прежнему прочное. Но ты должен абсолютно доверять мне.

— Сэр...

— Не надо говорить о преданности, это утомляет меня. Не потому, что я не верю в твою искренность. Но люди вокруг меня всегда говорят то, что я хочу слышать. Точно так же они держат своих жен в мехах, а сыновей на кока-

ине.— Его рука в перчатке царапала бородатую щеку, пока он говорил.— Так мало честных людей. Той был первым, Евангелина, моя жена, второй. Но это очень мало. Мне приходится доверять инстинкту. Я должен плюнуть на разговоры и следовать тому, что велит мне мое чутье. А оно доверяет тебе, Мартин.

Марти ничего не сказал. Он просто слушал, как голос Уайтхеда все стихает, а глаза, напротив, становятся такими яркими, что от них можно было зажечь трут.

— Если ты будешь со мной и защищать меня, ты сможешь получить все, чего бы ни захотел. Понимаешь? Все.

Не в первый раз старик соблазнял его этим, но теперь обстоятельства значительно изменились. Риск возрос.

— Что самое худшее может произойти? — спросил он.

Напряженное лицо расслабилось, но глаза по-прежнему горели.

— Худшее? — переспросил Уайтхед.— Кто знает худшее? — Из его пылающих глаз, казалось, вот-вот брызнут слезы; он едва сдерживался.— Я видел такие вещи... И проходил мимо. Никогда не думал... ни разу...

Застучал дождь; мягкие удары капель сопровождали запинающуюся речь Уайтхеда. Он внезапно утратил свое красноречие, словно выдохся. Но что-то требовало произнесения вслух, что-то очень важное.

— Никогда не думал... что это произойдет со мной.— Он прикусил язык, отметая головой абсурдность собственных слов.— Ты поможешь мне? — вместо дальнейших объяснений спросил он.

— Конечно.

— Хорошо,— кивнул он.— Посмотрим, да?

Он внезапно отвернулся от Марти и направился обратно к дому. Прогулка была закончена. Некоторое время они шли как раньше — сначала Уайтхед, Марти в двух ярдах позади. Только перед тем, как впереди показался дом, старик заговорил снова. На этот раз он не нарушил ритма шагов, а просто бросил вопрос через плечо. Всего три слова:

— А дьявол, Марти?

— Что, сэр?

— Дьявол. Молился ли ты когда-нибудь ему?

Это была шутка. Возможно, тяжеловатая, но так Уайтхед хотел развеять мрачность исповеди.

— Ну так что?

— Пару раз,— ответил Марти, изображая улыбку.

Едва слова слетели с его губ, Уайтхед остановился как вкопанный и предостерегающе поднял руку:

— Тс-с...

В двадцати ярдах впереди на дороге замерла лиса. Она еще не видела людей, но через мгновение их запах достигнет ее ноздрей.

— В какую сторону? — прошептал Уайтхед.

— Что?

— В какую сторону она побежит? Тысяча фунтов. Спорим.

— У меня нет... — начал Марти.

— Против недельного жалованья.

Марти заулыбался. Что такое недельное жалованье? Он не имел возможности тратить его.

— Тысяча фунтов на то, что она побежит направо,— сказал Уайтхед.

Марти замешкался.

— Быстро, парень...

— Идет.

На этом слове лиса почуяла их. Она прижала уши, повернула голову и увидела их. Секунду она с удивлением смотрела на них, затем пустилась наутек. Несколько ярдов она бежала прямо по тропинке, отбрасывая задними лапами жухлые листья. Затем неожиданно бросилась под защиту деревьев налево. Кто победил, не было сомнений.

— Отлично,— проговорил Уайтхед, снимая перчатку и протягивая руку Марти.

Когда тот пожал ладонь старика, она дрожала, как фишвики в выигрышную ночь.

Когда они вернулись, дождь припустил сильнее. Привычный шепот поднялся в доме. Перл, не в силах больше выносить варваров в своей кухне, поддалась порыву и хлопнула дверью. После ее ухода визитеры стали вести себя сдержаннее. Их голоса понизились до шепота. Некоторые попытались добраться до Уайтхеда, когда тот вошел, но получили решительный отпор.

— Ты все еще здесь, Монро? — бросил старик одному из приближенных; другому, напрасно старавшемуся привлечь к себе внимание кипой бумаг, он спокойно посоветовал подавиться ими.

Марти и Уайтхед достигли кабинета с минимумом потерянной Хозяин отпер стенной сейф.

— Полагаю, ты предпочитаешь наличные.

Марти изучал ковер. Он честно выиграл пари, но оплатил его смущала.

— Да, наличные лучше,— пробормотал он.

Уайтхед отсчитал пачку двадцатифунтовых банкнот и протянул ему.

— Наслаждайся,— сказал он.

— Благодарю вас.

— Не благодари,— возразил Уайтхед.— Это был честный спор. Я проиграл.

Пока Марти убирал деньги в карман, царило тягостное молчание.

— Наш разговор,— начал старик,— строго между нами. Ты понимаешь?

— Конечно. Я не...

Уайтхед поднял руку, останавливая его возражения:

— Строго между нами. У моих врагов есть агенты.

Марти кивнул. Конечно, он понимал. Возможно, Уайтхед подозревал Лютера или Перл. Или даже Тоя, внезапно ставшего персоной нон грата.

— Они виноваты в том, что фортуна от меня отвернулась. Это тщательно спланировано.— Он передернул плечами, глаза его сузились.

«Боже,— подумал Марти,— не хотел бы я быть врагом этого человека».

— Меня это не пугает. Если они готовят мой крах, пусть. Но я не хочу думать, что мои самые сокровенные чувства станут известны им. Понимаешь?

— Они ничего не узнают.

— Хорошо.— Он поджал губы: холодный знак удовлетворения.— Ты видишься с Кэрис, я слышал? Перл говорит, вы проводите время вместе. Это правда?

— Да.

Уайтхед вновь заговорил отрешенным тоном, и голос его звучал еще холоднее:

— Она кажется нормальной в большинстве случаев, но это лишь видимость.. Боюсь, с ней не все в порядке и это продлится несколько лет. Конечно, ее осматривали лучшие психиатры, каких только можно купить за деньги, но, думаю, это ни к чему не привело. Ее мать в конце вела себя так же.

— Вы запрещаете мне видеться с ней?

Уайтхед, казалось, искренне удивился.

— Нет, совсем нет. Компания ей не повредит. Но, пожалуйста, имей в виду: она в высшей степени беспокойная девушка. Не принимай ее речи слишком всерьез. Порой она сама не знает, что говорит... Ну что ж, пожалуй, это все. Думаю, тебе стоит пойти в лес и отдать долю твоей лисе.— Он мягко рассмеялся.— Умной лисе.

В течение двух с половиной месяцев, прожитых в Святилище, Уайтхед казался Марти айсбергом. Настало время пересмотреть это мнение. Сегодня он мельком увидел другого человека — запинающегося, одинокого, думающего о Боге и молитве. Не только о Боге. Был еще последний вопрос, брошенный так беспечно:

— А дьявол? Ты когда-нибудь молился ему?

Марти словно держал в руках части пазла, которые нужно сложить в одну большую картинку. Фрагменты дюжины

сцен: Уайтхед, блестающий посреди своей свиты; Уайтхед, сидящий перед окном, глядя в ночь; Уайтхед — всемогущий владелец империи; Уайтхед, подобно пьяному грузчику заключающий пари о том, куда побежит лиса.

Последний фрагмент казался самым загадочным. В нем явно был ключ, соединяющий эти разрозненные образы. У Марти появилось престранное ощущение, будто исход пари о лисе был предопределен. Это невозможно, но все же, все же... Если Уайтхед в любой момент мог положить палец на колесо, то выбор направления, куда побежит лиса, вправо или влево, оставался в его власти. Он знает будущее наперед — не потому ли дрожат фишкы и пальцы — или формирует его?

Раньше Марти отбросил бы эти тонкости. Но он изменился; его изменила жизнь в Святыни, его изменили загадки Кэрис. Его усложнили сотней способов, и часть мозга страстно желала вернуться к прежней черно-белой ясности. Однако он чертовски хорошо знал, что такая простота — ложь. Опыт строился из бесконечных неопределенностей — мотивов, ощущений, причин и следствий,— и если при определенных обстоятельствах ты выигрываешь, нужно понять, как работают эти неопределенностии.

Нет; он не выиграл. Это не выигрыш и не проигрыш; по крайней мере не так он понимал их раньше. Лиса свернула налево, и у Марти в кармане оказалась тысяча фунтов; но он не испытал воодушевления, как бывало, когда он выигрывал на скачках или в казино. Просто черное перетекало в белое, и наоборот, а он едва отличил одно от другого.

30

В середине дня Той позвонил в поместье, поговорил с рассерженной Перл, которая уже уходила, и попросил передать Марти, чтобы тот связался с ним в Пимлико. Но Марти не перезвонил. Той подумал: либо Перл забыла пе-

редать Марти сообщение, либо Уайтхед вмешался и предотвратил звонок. Какова бы ни была причина, Той не поговорил с Марти и винил себя за это. Он обещал сообщить Штраусу, если дела пойдут совсем плохо. И такой момент настал. Ничего особенного не случилось; возможно, беспокойство Тоя рождено скорее инстинктом, нежели фактами. Но Ивонна научила его доверять сердцу, а не голове. Все вот-вот пойдет прахом, а он не предупредил Марти. Может быть, из-за этого он плохо спал, а когда проснулся, остатки отвратительных сновидений мелькали в его голове.

Не все переживают молодость. Многие умирают рано, как жертвы собственной жажды жизни. Той не стал жертвой, хотя приблизился к этому на опасно близкое расстояние. Тогда он еще ничего не знал. Он был ослеплен видом новых заводей, куда его увлек Уайтхед, чтобы понять их смертельную опасность. Он беспрекословно и старательно подчинялся желаниям великого человека. Ни разу не усомнился в своих обязанностях, какими бы преступными они не казались. Почему же теперь он удивляется, когда его собственные тяжкие преступления молчаливо преследуют его? Он лежал в липком поту рядом со спящей Ивонной, и одна фраза крутилась в его черепе: «Мамолиан придет».

Это единственная ясная мысль, не оставлявшая его. Остальные — о Марти, об Уайтхеде — были смесью стыда и обвинений. Только отчетливая фраза: «Мамолиан придет» отделилась от хаоса четкой точкой, на которой крепко держался его ужас.

Никакие извинения не спасут. Никакое унижение не обуздает гнев Последнего Европейца. Потому что Той был юным и жестоким и он мерзко поступил с Мамолианом. Когда-то давно, ничего не понимая по молодости, он заставил Мамолиана страдать. Угрызения совести пришли слишком поздно, запоздали на двадцать-тридцать лет. И разве все эти годы он не жил на доходы от своей жестокости?

— О боже,— воскликнул он, прерывисто дыша.— Господи, помоги мне.

Испуганный и готовый позволить себе этот испуг, чтобы его утешили, Той повернулся к Ивонне. И не увидел ее. Вторая половина кровати была холодна.

Он сел, ничего не понимая.

— Ивонна?

Дверь спальни оказалась приоткрыта, ее освещала слабая лампа наверху. В комнате царил хаос. Той и Ивонна весь вечер собирали вещи и не закончили сборы, когда улеглись в час ночи. Одежда была свалена в кучу на комоде, в коридоре зевал открытый чемодан, галстуки висели на спинке стула, как высохшие змеи, припав языками к полу.

Он услышал шум в коридоре. Он хорошо знал мягкую поступь Ивонны. Она вышла за стаканом яблочного сока или бисквитом, как обычно делала. Ее силуэт появился в дверях.

— С тобой все в порядке? — спросил Той.

Она пробормотала что-то вроде «да». Он опустил голову на подушку.

— Снова проголодалась, — проговорил он, закрывая глаза. — Вечно голодная.

Холодный воздух проник в кровать, когда Ивонна подняла простыню, чтобы скользнуть к нему.

— Ты оставила свет наверху, — проворчал он, чувствуя, как сон вновь наваливается на него.

Ивонна не ответила. Наверное, сразу заснула: она была наделена этой благословенной способностью. Той повернулся в полутьме, чтобы взглянуть на нее. Она не хранила, но это не походило и на молчание. Он прислушался внимательно, его внутренности нервно сжались в комок. Она издавала какой-то жидккий звук — словно дышала сквозь тину.

— Ивонна... ты в порядке?

Она не ответила.

От ее лица в нескольких дюймах от Тоя продолжали исходить шелестящие звуки. Он потянулся к выключателю лампы, по-прежнему не сводя глаз с темной массы головы Ивонны.

«Лучше сделать это побыстрее,— подумал он,— пока воображение не обогнало меня».

Его пальцы нащупали выключатель, зажегся свет.

В том, что он увидел на подушке, нельзя было узнать Ивонну.

Он бормотал ее имя, когда сползл с кровати, не в силах оторвать глаз от этой мерзости. Как она сумела спуститься с лестницы и лечь в кровать, прошептать ему «да»? Такая глубокая рана, несомненно, убила ее. Никто не может жить с содранной кожей и вырванным мясом.

Она наполовину повернулась на постели с закрытыми глазами, словно во сне. Затем — ужасно! — произнесла его имя. Ее губы не шевелились, как раньше, кровь замазала слово. Той больше не мог выносить подобное зрелище, иначе бы он закричал, а крик привлек бы убийцу — кто бы они ни были — с уже окровавленными скальпелями. Они, возможно, уже за дверью, но ничто не заставит его остаться в спальне. Только не с ней; она медленно поворачивалась в кровати и твердила его имя, стягивая ночную рубашку.

Шатаясь, Той вышел в коридор. Как ни странно, никто не поджидал его там.

Наверху на лестнице он замешкался. Он не был слишком смелым, но не был и глупым. Завтра он будет оплакивать Ивонну, но сейчас, когда она шла за ним, ничего нельзя поделать — только предохранить себя от тех, кто это сотворил. Кем бы они ни были! Почему он не позволяет себе назвать имя? Мамолиан — это его почерк. И он не один. Европеец никогда не коснется своими стерильными руками человеческой плоти так, как кто-то коснулся Ивонны; его брезгливость всем известна. Но это он. Он убил ее, а потом даровал жуткую полужизнь. Только Мамолиан способен на такое.

И сейчас он мог ждать внизу, на самом дне мира, под лестницей. Ждать, как он ждал уже долго, пока Той не притащится вниз, чтобы присоединиться к нему.

— Иди к дьяволу,— прошептал Той темноте внизу и двинулся (он хотел бежать от ужаса, но здравый смысл под-

сказывал, что надо действовать иначе) по коридору ко второй спальне.

С каждым шагом он ожидал появления врага, но ничего не случилось. Во всяком случае, пока он не дошел до двери.

Когда он взялся за ручку, он услышал позади голос Ивонны:

— Вилли...

Слово прозвучало более четко, чем раньше.

На миг он усомнился в своем рассудке. Если он сейчас обернется, то увидит ли в дверях обезображенную Ивонну или это был страшный сон?

— Ты куда? — требовательно спросила она.

Внизу кто-то шевельнулся.

— Вернись в постель.

Не поворачиваясь, Той толкнул дверь второй спальни. Как только он это сделал, кто-то стал подниматься по лестнице за его спиной. Шаги были тяжелыми и поспешными.

У него не было ключа, чтобы запереть замок и задержать преследователя, и не хватало времени забаррикадировать дверь мебелью. Он пересек темную спальню в три прыжка, рывком распахнул французское окно и ступил на маленький железный балкон. Железо крякнуло под его весом. Той почувствовал, что долго не продержится.

Сад под балконом тонул в темноте. По счастью, Той знал, где расположена цветочная клумба, а где дорожка, вымощенная камнем. Не колеблясь — шаги за спиной становились все громче, — он перелез через перила. Мускулы заныли от напряжения, когда он примостился на внешней стороне балкона и повис на руках, рискуя сорваться в любую секунду.

Шум в комнате привлек его внимание. Преследователь, обрюзгший головорез с окровавленными руками и бешеными глазами, был уже там: он подходил к окну, рыча от удовольствия. Той посильнее раскачался, чтобы спрыгнуть не на дорожку, проложенную прямо под его обнаженными ступнями, а на мягкую почву цветника. У него было

очень мало шансов на удачу. Когда жирный подошел к балкону, Той отпустил перила и провалился в темноту. Окно над ним удалялось, и он приземлился, отдававшись синяками, среди гераней; Ивонна посадила их неделю назад.

Он поднялся на ноги с трудом, но без повреждений, и побежал по залитому лунным светом саду к задним воротам. Они были закрыты на замок, но ему сравнительно легко удалось перелезть через них — адреналин придал сил. Звуков погони за спиной он не слышал, поэтому бросил взгляд назад и увидел толстяка: тот все еще стоял у окна и наблюдал за беглецом, словно не имел желания преследовать его. Ощущая болезненное возбуждение, Той побежал по узкому переулку позади садов с единственным желанием — увеличить расстояние между собой и домом.

И только когда он выбежал на улицу, где фонари начинали гаснуть, пока в город осторожно вползал рассвет, — только тогда Той обнаружил, что он совершенно голый.

31

Марти лег спать счастливым. Пусть он многое не понимал, а старик — несмотря на обещания все объяснить — предпочитал прятать свои дела под покровом тайны; но, в конце концов, это не касалось Марти. Если у Папы есть секреты, пускай они будут. Его наняли присматривать за Уайтхедом, и он справлялся с работой, к удовлетворению хозяина. Результат — сегодняшняя откровенность Уайтхеда и тысяча фунтов под подушкой.

От эйфории сон пропал. Сердце Марти колотилось в два раза быстрее, чем обычно. Он встал, натянул халат и попытался посмотреть что-нибудь по видео, чтобы выбросить из головы события дня. Но боксерские поединки утомляли его, порнография тоже. Он побрел вниз в библиотеку, отыскал фантастическую сагу с замусоленными страницами и скользнул обратно к себе, сделав крюк на кухню за пивом.

Когда он вернулся, в его комнате была Кэрис — босая, в свитере и джинсах. Она осунулась и выглядела старше своих девятнадцати лет. Улыбка, которой она встретила Марти, была слишком хорошо отрепетирована, чтобы поверить ей.

— Ты не против? — спросила она.— Я услышала, что ты ходишь туда-сюда.

— Ты *вообще* не спишь?

— Не всегда.

— Хочешь пива?

— Нет, спасибо.

— Садись,— предложил он, сбрасывая кучу одежды с одинокого стула.

Однако она расположилась на кровати, оставив стул для Марти.

— Мне нужно с тобой поговорить,— сказала она.

Он отложил книгу. На обложке обнаженная женщина с зеленой флюoresцирующей кожей вылуплялась из яйца на планете с двумя солнцами. Кэрис задала вопрос:

— Ты знаешь, что происходит?

— Происходит? Ты о чем?

— Ты не замечал ничего странного в доме?

— Например?

Ее губы сложились в любимую гримасу: уголки опустились вниз.

— Я не знаю... Трудно описать.

— Попытайся.

Она заколебалась, как ныряльщик на краю высокого обрыва, затем бросилась вниз:

— Ты знаешь, что такое экстрасенсорные способности?

Он кивнул:

— Когда кто-то может ловить волны. Мысленные волны.

— Телепатия.

— В некотором роде.

Он бросил на нее взгляд:

— Ты умеешь это делать?

— Не делать. Я ничего не делаю. Скорее это делают со мной.

Марти откинулся на спинку стула; он попал в затруднительное положение.

— Все словно становится липким, и я не могу избавиться от этого. Я слышу, как люди говорят, не шевеля губами. В основном бессмысленно, просто бормочут.

— И это их мысли?

— Да.

Он не знал, что ответить. Мог бы сказать, что сомневается в ее словах, но Кэрис хотела услышать другое. Она пришла сюда за помощью.

— Это еще не все,— продолжала она.— Я иногда вижу какие-то формы вокруг человека. Туманные ореолы... что-то вроде света.

Марти вспомнил человека у ограды, излучавшего свет. Или ему показалось?

— В общем, я чувствую то, чего не чувствуют другие люди. Я не думаю, что я особенно умная или вроде того. Я просто умею это. И в последние недели я чувствую что-то в доме. В моей голове появляются странные мысли из ниоткуда. Мне видится... что-то ужасное.— Она запнулась, когда поняла, что объяснения становятся слишком расплывчатыми и она рискует подорвать доверие к собственным словам.

— Ты видишь свет? — сказал Марти, возвращаясь к началу.

— Да.

— Я видел нечто подобное.

Она наклонилась вперед:

— Когда?

— Помнишь человека, который вломился сюда? Мне кажется, от него исходил свет: из его ран, глаз и рта.— Он закончил предложение и попытался отбросить эту мысль, словно боялся заразиться.— Я не уверен. Я был пьян.

— Но ты что-то видел.

— Да,— согласился Марти неохотно.

Она встала и подошла к окну.

«Каков отец, такова и дочь,— подумал он.— Оба обожают окна».

Когда Кэрис уставилась на газон (Марти не задерживал занавески), он получил возможность разглядывать ее.

— Что-то...— повторила она.— Что-то...

Изящная линия ее ног и полные ягодицы; лицо, отраженное в холодном окне, такое таинственное — все привлекало его.

— Так вот почему он больше не разговаривает со мной,— сказала Кэрис.

— Папа?

— Он знает, что я читаю его мысли, и боится.

Рассматривание газона за окном потеряло смысл; Кэрис принялась постукивать ногой по полу с раздражением, ее дыхание затуманило стекло. Совершенно неожиданно она спросила:

— Ты в курсе, что у тебя «грудная фиксация»?

— Что?

— Ты постоянно смотришь на мою грудь.

— Черта с два!

— А ты еще и лжец.

Марти встал, не зная, что делать или говорить; он не сразу нашел слова. Потом, смягчившись от смущения, он решил, что подойдет только правда.

— Мне нравится смотреть на тебя.

Он прикоснулся к плечу Кэрис. На этом игра могла бы прекратиться, если бы они захотели; от нежности перехватывало дыхание. Они могли воспользоваться возможностью и закончить или продолжать; шутя подвести итог или отбросить все. Время застыло между ними, словно в ожидании инструкций.

— Милый,— сказала она.— Не дрожжи.

Он придвигнулся на полшага ближе и поцеловал ее затылок. Кэрис повернулась и ответила на поцелуй, ее руки поднялись по позвоночнику Марти и сомкнулись сзади на его голове, словно хотели почувствовать ее тяжесть.

— Наконец-то,— проговорила она, когда поцелуй прервался.— Я уж боялась, что ты слишком джентльмен.

Они упали на кровать, и Кэррис перекатилась, чтобы оседлать его бедра. Без малейшего смущения она протянула руку, нашупывая пояс халата Марти. Его член почти встал, но неудобная поза мешала эрекции. Она раздвинула полы халата и провела ладонями по его груди. Тело Марти было крепким, но не тяжелым, шелковистые волосы разрастались от груди вниз к середине живота, становясь все гуще. Кэррис привстала, чтобы распахнуть его халат. Освобожденный член подскочил с четырех на полдень. Девушка хлопнула по его внутренней стороне — он отреагировал незамедлительно.

— Мило,— сказала Кэррис.

Марти начинал привыкать к таким похвалам. Спокойствие Кэррис было заразительно. Он лег, опираясь на локоть, чтобы лучше видеть ее над собой. Она настойчиво трудилась над его эрекцией, облизывала пальцы и переносила легкий слой слюны на его член, пробегая влажными кончиками вверх и вниз легкими движениями. Марти стонал от удовольствия. Тепло разлилось в груди как еще один признак возбуждения. Щеки пылали.

— Поцелуй меня,— попросил он.

Девушка наклонилась и встретила его губы. Они повалились обратно на кровать. Руки Марти нашупали край ее свитера и принялись стягивать одежду, но Кэррис остановила его.

— Нет,— пробормотала она ему в губы.

— Хочу видеть тебя,— сказал он.

Она отодвинулась и села. Марти в недоумении смотрел на нее.

— Не так быстро,— проговорила она и задрала свитер достаточно высоко, чтобы он увидел ее живот и грудь.

Он разглядывал ее тело, как слепой, обретший зрение: мураски, неожиданная полнота. Его руки блуждали там, где останавливались глаза; они прикасались к гладкой ко-

же, описывали спирали вокруг сосков, изучали тяжелые груди, нависшие над ребрами. За руками и глазами последовали губы: он хотел попробовать Кэрис на вкус. Она прижала голову Марти к себе. Под сеткой волос она видела кожу его черепа — младенчески розовую. Кэрис согнулась, чтобы поцеловать эту голову, но не могла дотянуться и тогда скользнула рукой вниз, к его члену.

— Будь осторожна,— прошептал он, ощущив прикосновение.

Ладонь ее была влажной; Кэрис ослабила хватку.

Они лежали рядом, и Марти нежно уговаривал ее. Она стащила с него халат, пока его пальцы трудились над застежкой ее джинсов. Кэрис не предприняла ни малейшей попытки помочь, с удовольствием наблюдая за его сосредоточенным лицом. Ей было бы приятно раздеться совсем — кожа к коже. Но сейчас нельзя рисковать. Если он оттолкнет ее, увидев кровоподтеки и следы уколов, она этого не вынесет.

Марти справился с молнией и уже засунул руки под ее трусики. Он торопился, и хотя ей очень нравилось видеть его настойчивость, теперь она позволила ему себя раздеть. Приподняв бедра над кроватью, она стащила джинсы и белье, открыв свое тело от сосков до коленей. Он двигался по ней, отмечая свой путь дорожкой слюны, вылизывал ее пупок и опускался ниже; лицо его пылало, а язык погружался в нее, готовый изучать тело Кэрис и искать наиболее чувствительные, судя по ее вздохам, места.

Он спустил ее джинсы ниже, и теперь она не сопротивлялась — долой одежду! За джинсами последовали трусики, и она закрыла глаза, забыв обо всем, кроме проникающего в нее языка. В спешке он почти пожирал ее; тело Кэрис не отвергало ничего, что могло его насытить. Марти проник в нее настолько глубоко, насколько позволяла анатомия.

Что-то кольнуло ее сзади в шею, но она не обратила внимания, слишком увлеченная другим. Марти поднял взгляд вверх, и на его лице она заметила сомнение.

— Продолжай,— сказала Кэрис.

Она изогнулась на кровати, приглашая войти в нее. Выражение сомнения не исчезло.

— Что-то не так?

— А предохраняться? — спросил он.

— Забудь.

Повторного приглашения не требовалось. Кэрис не лежала перед ним, а полусидела, глядя на его милое бахвальство: Марти сжимал член у основания, пока головка не потемнела и не заблестела, а потом медленно, почти благоговейно вошел в нее. Он оперся руками о кровать по обе стороны от Кэрис, изогнул спину — полумесяц к полумесяцу — насколько позволял ему вес тела. Губы его приоткрылись, показался язык.

Она двинулась навстречу, прижимая бедра к его бедрам. Он судорожно вздохнул и нахмурился.

«О боже,— подумала она,— он кончил».

Но его глаза снова открылись, по-прежнему неистовые, и его толчки после первоначальной угрозы преждевременного извержения стали ровными и медленными.

Кэрис снова почувствовала нечто на своей шее — теперь уже не просто укол. Это был зуд, словно там сверлили дыру. Она попыталась игнорировать ощущение, но оно усилилось. Марти слишком увлекся, чтобы заметить ее дискомфорт. Он дышал прерывисто, на лице выступил пот. Кэрис попыталась подвинуться, надеясь, что боль вызвана неловкой позой.

— Марти...— выдохнула она.— Перевернись.

Он сначала отнесся к такому маневру с сомнением, но едва очутился на спине, а Кэрис уселась сверху, легко поймал ее ритм. Он поднимался ввысь, его голова кружилась.

Боль в шее не ушла, но Кэрис перестала обращать на нее внимание. Она натнулась вперед — ее лицо в шести дюймах от лица Марти — и позволила своей слюне стекать в его рот. Он ловил губами нить пузырьков и входил в Кэрис глубоко, как только мог.

Вдруг что-то внутри нее шевельнулось. Не Марти. Что-то или *кто-то* другой трепетал в ней. Ее сосредоточенность пошатнулась, сердце сжалось. Она перестала различать, где она и что с ней. Как будто чужие глаза смотрели сквозь ее глаза и Кэрис разделяла их видение. Секс показался ей извращением, грубым животным совокуплением.

— Нет,— воскликнула она, пытаясь подавить внезапную тошноту.

Марти приоткрыл глаза, сочтя ее «нет» просьбой отложить финал.

— Я пытаюсь, детка....— Он улыбнулся.— Только не двигайся.

Она поначалу не поняла, о чем он; Марти был за тысячу миль от нее, он лежал, покрытый вонючим потом, и мучил ее против воли.

— Хорошо? — выдохнул он, сдерживая себя почти до боли.

Он словно набухал внутри нее. Это ощущение Кэрис избавило от двойного зрения. Другой наблюдатель скользнул прочь из ее глаз, восстав против полноты плотского акта — против его реальности. У Кэрис мелькнула мысль: может ли вторгшийся в нее разум почувствовать Марти? Ведь этот мозг разрывает головка члена, готового излить сперму.

— Боже,— выдохнула Кэрис.

С уходом чужих глаз вернулось наслаждение.

— Не могу остановиться, детка,— проговорил Марти.

— Продолжай,— сказала она.— Все хорошо. Все хорошо.

Капли пота Кэрис упали на него, когда она шевельнулась на нем.

— Продолжай. Да! — выкрикнула она.

В ее восхищении звучало чистое блаженство, и Марти не стал больше сдерживаться. Он пытался оттянуть извержение на несколько дрожащих секунд. Тяжесть бедер Кэрис, жар ее вульвы, блеск ее грудей заполнили его голову.

А затем заговорил чей-то низкий грудной голос:

— Перестань.

Марти замигал, взгляд его заметался. В комнате никого больше не было. Значит, это его голова сочинила звук. Он отогнал иллюзию и снова взглянул на Кэрис.

— Продолжай,— просила она.— Пожалуйста, продолжай.

Она танцевала на нем. На сгибах ее бедер мерцал свет, с них катились капли сверкающего пота.

— Да... да...— ответил он, забывая о чужом голосе.

Кэрис взглянула на Марти, когда приближение опасности отразилось на его лице, и сквозь все сложности собственных мерцающих опущений снова почувствовала второй разум. Этот червь в ее разбухающей голове рвался вперед, его тошнота загрязняла зрение. Кэрис боролась с ним.

— Уходи,— произнесла она, задыхаясь.— Уходи.

Но червь хотел победить ее, победить их обоих. То, что раньше казалось странным, теперь затаило злобу. Оно собиралось испортить все.

— Я люблю тебя,— сказала она Марти, отвергая вторжение чужого.— Я люблю тебя, я люблю тебя...

Пришелец внутри нее дернулся от ярости и стал еще злее, потому что Кэрис помешала ему. Марти был непрступен — на пределе страсти, слепой и глухой ко всему, кроме наслаждения. Он застонал и кончил, и Кэрис вслед за ним. Это вытеснило мысли о сопротивлении из ее головы. Где-то вдали она слышала шепот Марти:

— О боже... Детка... Детка...

Но он был в другом мире. Они не объединились даже сейчас: Кэрис пребывала в своем экстазе, Марти — в своем, и у каждого — собственная гонка за наслаждением.

Неуправляемый спазм потряс Марти. Потом он открыл глаза. Кэрис сидела, закрыв руками лицо.

— Ты в порядке, детка? — спросил он.

Когда ее глаза открылись, ему пришлось закусить губу, чтобы не вскрикнуть. Это была не Кэрис. Кто-то чужой смотрел на него сквозь решетку пальцев — какое-то первобытное создание, всплывшее со дна моря; черные кося-

щие глаза с серыми зрачками уставились на Марти, и он чувствовал в них нутряную ненависть.

Галлюцинация длилась лишь два удара сердца, но он успел взглянуть на тело девушки и снова — в ее лицо, встретив тот же взор.

— Кэрис?

Ее веки затрепетали, веер пальцев сомкнулся на лице. Безумный момент; Марти замер, ожидая возвращения. Ее руки упали, лицо изменилось. Нет, конечно, это она, только она. Она здесь, она улыбается ему.

— Ты в порядке? — поинтересовался он.

— О чём ты думаешь?

— Я люблю тебя, детка.

Кэрис что-то пробормотала и упала на него. Они полежали так несколько минут, пока его член уменьшался в остывающей смеси их телесных жидкостей.

— Как ты? — спросил он немного спустя, но девушка не ответила. Она спала.

Марти осторожно подвинулася и выскользнул из-под нее. Кэрис лежала около него, ее лицо было бесстрастно. Он поцеловал ее груди, лизнул ее пальцы и уснул мертвым сном рядом с ней.

32

Мамолиан чувствовал тошноту.

Эта женщина — нелегкая добыча, несмотря на все сентиментальные претензии на ее душу. Но можно было ожидать, что она окажется сильной. Она из породы Уайтхеда — крестьянская кровь, воровская кровь — хитрая и грязная. Она не знала, что делает, но поборола его той самой похотливостью, какую он не выносил.

Однако слабости — а у нее их много — делают ее уязвимой. Мамолиан использовал героин, чтобы получить доступ к Кэрис, пока та мирно покоялась в точке безразличия. Наркотики искривили ее восприятие, что сделало втор-

жение менее заметным. Ее глазами Мамолиан видел дом, ее ушами слушал бестолковые разговоры здешних обитателей, вместе с ней чувствовал — с отвращением — их одеколоны и их напыщенность. Она была превосходным шпионом, живущим в самом центре вражеского лагеря. Проходили недели, и ему становилось все легче проскальзывать в нее и выходить незамеченным. Это сделало его беспечным.

Беспечно не осматриваться перед прыжком и проникать в ее голову, не проверив, чем она занимается. Он даже не предполагал, что может застать ее с телохранителем, а когда понял, то было поздно: он уже разделял их смехотворное исступление, заставившее его содрогнуться. Он не повторит такой ошибки.

Он сидел в пустой комнате пустого дома, купленного для себя и для Брира, и пытался забыть пережитую бурю и взгляд Штрауса, брошенный на девушку. Увидел ли этот громила его лицо за ее лицом? Кажется, да.

Впрочем, не важно; никто из них не останется в живых. Умрет не только старик, как Мамолиан планировал вначале. Все прочие: его прислужники, его холопы,— все пойдут в расход вместе с хозяином.

Воспоминания о напоре Штрауса не оставляли Европейца. Мамолиан испытывал неутолимое желание очиститься. Стыд и отвращение терзали его.

Он слышал, как Брир ходит внизу — готовиться сотворить или уже сотворил очередное злодеяние. Мамолиан сосредоточился на чистой стене напротив, но, сколько ни пытался избавиться от перенесенной травмы, все еще чувствовал вторжение: пульсаию в голове, жар совокупления.

— Забудь,— произнес он вслух.

Да, надо забыть их темный огонь. Он не представляет опасности. Нужно видеть только вакуум, пробел — то, что обещает пустота.

Внутренности Мамолиана дрожали. Под его пристальным взглядом краска на стене как будто мерцала. Сладострастные извержения пятнали ее чистоту; иллюзия, но

ужасающе реальная. Что ж, если не получается забыть не-пристойности, можно трансформировать их. Не так уж сложно перекрасить секс в насилие, превратить вздохи в крики, дрожь — в конвульсии. Грамматика та же самая, только пунктуация другая. Он представил, как любовники умирают вместе, и почувствовал, что тошнота отступает.

Что есть их существование перед лицом пустоты? Мгновение. Их обещания? Претензии.

Мамолиан успокаивался. Воспаление на стене через несколько минут спало и ушло со слабым отзвуком той самой пустоты, в которой Европеец так нуждался. Жизнь приходит и уходит. Но отсутствие, он знал, вечно.

33

— О, ведь тебе звонили. Билл Той. Позавчера.

Марти поднял глаза от тарелки с бифштексом, посмотрел на Перл и скрчил гримасу:

— Почему ты мне не сказала?

Она выглядела виноватой.

— Я тогда совсем потеряла терпение от проклятой толпы. Я оставила тебе записку...

— Я ничего не получил.

— В блокноте за телефоном.

Записка все еще лежала там: «Позвони Тою» — и номер. Марти набрал его и ждал почти минуту, пока на другом конце сняли трубку. Это был не Той. Ответила женщина; она говорила мягким растерянным голосом, размазанным, словно от большого количества выпитого.

— Могу я попросить Уильяма Тоя? — спросил Марти.

— Он ушел, — ответила женщина.

— Ага. Понятно.

— Он не вернется. Никогда. — Голос звучал как-то необычно. — Кто ему звонит?

— Это не важно, — ответил Марти. Он инстинктивно не хотел назвать свое имя.

— Кто это? — повторила она.

— Простите, что побеспокоил вас.

— Кто это?

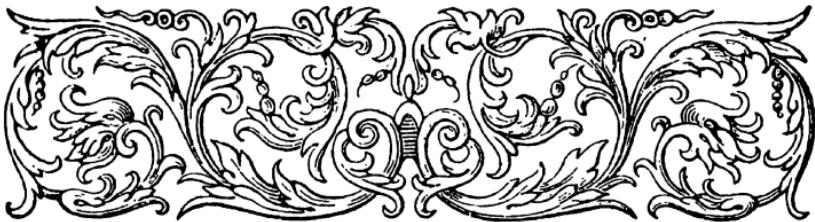
Он бросил трубку, прервав шипящую настойчивость на том конце провода. И только тогда почувствовал, что его рубашка пропиталась холодным потом, внезапно выступившим на груди и на спине.

В любовном гнездышке в Пимлико Ивонна еще часа полтора пыталась добиться ответа на свой вопрос, прежде чем положила трубку. Затем отошла и присела. Кушетка была влажной: большие липкие пятна расползлись от того места, где Ивонна обычно сидела. Она предполагала, что с ней что-то случилось, но не могла сообразить, как и что. Также она не могла объяснить, почему мухи собирались вокруг и покрывали ее тело, волосы, одежду.

— Кто это? — спросила она снова.

Вопрос казался вполне уместным, хотя она уже не разговаривала с незнакомцем по телефону. Ее руки с ободранной кожей, кровь в ванной после душа, ужасающее отражение в зеркале — все это вызывало тот же гипнотизирующий интерес: «Кто это?»

Кто это? Кто это? Кто это?

VI ДЕРЕВО

34

Брир ненавидел этот дом. Он был холодным, а жители квартала — безжалостны. Он попадал под подозрение, едва выходил на улицу. Для этого, он признавал, имелись причины. За последние недели вокруг него начал распространяться запах — тяжелый липкий дух. Брир почти стыдился его, когда приближался к какой-нибудь красотке, одиноко стоявшей у школьной ограды; он боялся, что она сейчас зажмет пальцами нос, фыркнет и убежит, прокричав ему обидные слова. Когда они так делали, ему хотелось умереть.

В доме не было отопления, и приходилось принимать холодную ванну, но Брир мылся с головы до ног три-четыре раза в день в надежде отбить запах. Когда это не срабатывало, он покупал духи — в основном сандаловое дерево — и поливал тело после мытья. Теперь комментарии, которые он слышал за спиной, касались не экскрементов, а его сексуальной жизни. Он воспринимал их так же, как прежние.

Тем не менее в нем поднималось звериное, бычье сопротивление. Оно касалось не только мучений на улице. Европеец оставил вежливое обхождение и заботу, теперь он мучил Брира презрением и обращался с ним как с лаке-

ем. Это раздражало. Когда Мамолиан посыпал его на охоту за Тоем с требованием прочесать миллионный город и отыскать затаившегося старика (в последний раз Брир видел того перелезающим через стену абсолютно голым; его тощие ягодицы белели в лунном свете), он явно потерял чувство меры. Какие бы преступления Той ни совершил, его грехи едва ли настолько серьезны, чтобы заставлять Брира целый день блуждать по улицам, теряя силы.

К тому же Брир почти полностью потерял способность спать. Даже убийственная для нервов усталость не могла принудить тело к большему, чем несколько минут отдыха с полузакрытыми глазами. Но и эти минуты мозг Брира видел такие ужасные сны, что дремоту едва ли можно было считать блаженной. У него оставалось единственное утешение — его красотки.

У этого дома имелось одно достоинство — подвал. Ничего особенного, просто сухое и холодное место; Брир прилежно освобождал его от хлама, оставленного предыдущими владельцами. Пришлось проделать большую работу, но подвал постепенно становился таким, каким он хотел его видеть, хотя не особенно любил замкнутые пространства. Темнота притягивала Брира и отвечала его невысказанному желанию: укрыться *под землей*. Скоро он все выскребет отсюда, потом повесит на стены цветные бумажные цепи, а на полу поставит вазы с цветами. Возможно, здесь будет стол с благоухающей фиалками скатертью и удобные кресла для гостей. Тогда он сможет развлекать друзей тем способом, который — как надеялся Брир — придется им по душе.

Приготовления завершились бы намного быстрее, если бы он не отвлекался на выполнение дурацких поручений Европейца. Но теперь служба подошла к концу. Сегодня он скажет Мамолиану, что больше не намерен подчиняться шантажу и нелепым обещаниям и оставляет эту игру. Он будет угрожать отъездом, если дело пойдет наихудшим образом. Он отправится на север. На севере есть

места, где солнце не всходит пять месяцев в году (Брир читал об этом), что весьма привлекательно. Нет солнца, но есть глубокие пещеры, где можно жить; дыры, куда не проникает даже лунный свет. Пора выложить карты на стол.

Воздух в доме был холодным, а в комнате Мамолиана становился еще холоднее. Словно дыхание Европейца смертельно леденило его.

Брир стоял в дверях. Он лишь однажды заходил сюда, и в душе его копошился мелкий страх. Здесь было слишком пусто. Европеец попросил Брира забить досками окно комнаты, и тот подчинился. Теперь при свете единственного фитиля, горевшего в тарелке с маслом на полу, комната выглядела унылой и серой: все в ней казалось призрачным, даже сам Мамолиан. Он сидел в темном деревянном кресле — другой мебели здесь не было — и смотрел на Брира. Его глаза сверкали так ярко, будто хотели ослепить гостя.

— Я не вызывал тебя,— сказал Мамолиан.

— Я хотел... поговорить с тобой.

— Тогда закрой дверь.

Вопреки собственному желанию Брир подчинился. Замок щелкнул за спиной; теперь комната собралась вокруг одинокого языка пламени и его слабого света. Брир рассеянно осмотрел комнату в поисках того, на что можно сесть или по крайней мере опереться. Никаких удобств он не обнаружил: строгость обстановки смущила бы аскета. Несколько одеял на голых досках в углу, где спал великий человек; немного книг, сложенных у стены; колода карт; кувшин с водой и чашка. Стены были голыми, не считая свисавших с крюка четок.

— Чего ты хочешь, Энтони?

Брир мог думать лишь об одном: я ненавижу эту комнату.

— Скажи то, что должен сказать.

— Я хочу уйти...

— Уйти?

— Уйти. Меня раздражают мухи. Здесь так много мух.

— Не больше, чем везде в мае. Хотя погода сейчас теплее, чем обычно. Все говорит о том, что лето будет мучительным.

Мысль о тепле и свете вызвала у Брира тошноту. И еще одно мучило его — мерзкая реакция его желудка на пищу. Европеец обещал ему новый мир, здоровье, богатство, счастье, а его организм страдал, как проклятый. Чистое жульничество, все жульничество.

— Почему ты не позволил мне умереть? — спросил Брир, не задумываясь, о чем говорит.

— Ты мне нужен.

— Но я болен.

— Дело скоро будет сделано.

Брир взглянул на Мамолиана в упор. Он отваживался на такое крайне редко, но отчаяние подгоняло его, как бьющий по спине кнут.

— Ты имеешь в виду, мы найдем Тоя? — спросил он. — Мы не сможем. Это нереально.

— Нет, мы найдем его, Энтони. Я настаиваю.

Брир вздохнул.

— Я хотел бы умереть, — сказал он.

— Не говори так. Ведь у тебя есть свобода, которой ты так хотел. Ты уже не чувствуешь вины, правда?

— Да...

— Большинство людей с удовольствием согласились бы терпеть столь незначительные неудобства, но забыть о чувстве вины, Энтони. Следовать сокровенным желаниям плоти и не бояться, что тебя заставят пожалеть об этом. Отдохни сегодня. Завтра мы будем заняты, ты и я.

— Чем?

— Мы посетим мистера Уайтхеда.

Мамолиан уже говорил ему об Уайтхеде и о доме с собаками. Европеец получил там серьезные раны: разодранная рука зажила быстро, но поврежденные ткани не восстанавливались. Отвратительные шрамы покрывали его ладонь с обеих сторон, он потерял полтора пальца, а сустав большого уже никогда не сможет нормально двигаться — зна-

чит, играть в карты будет сложно. В тот день он вернулся, истерзанный собаками, и рассказал Бриру длинную и жалостливую историю. Нарушенные обещания и обманутое доверие, преступление против дружбы. Европеец плакал, вспоминая об этом, и Брир оценил глубину его боли. Люди презирали их обоих, они сговорились против них, поносили их. Брир вспомнил ту исповедь, и утраченное чувство справедливости вновь пробудилось в его душе. Неужели он, обязанный Европейцу жизнью и рассудком, повернется спиной к своему спасителю? Пожирателю Лезвий стало стыдно.

— Пожалуйста,— взмолился он, полный страстного желания загладить свои ничтожные, жалкие слова.— Позволь мне убить этого человека для тебя.

— Нет, Энтони.

— Я смогу,— настаивал Брир.— Я не боюсь собак. Я не чувствую боли. Я могу убить его в постели.

— Я уверен, ты можешь. И ты, безусловно, нужен мне, чтобы отвлечь собак.

— Я разорву их на куски.

Мамолиан выглядел очень довольным.

— Ты сделаешь это, Энтони. Я ненавижу их породу. Всегда ненавидел. Ты будешь разбираться с ними, пока я перекинусь парой слов с Джозефом.

— Зачем с ним возиться? Он так стар.

— Как и я,— ответил Мамолиан.— Я гораздо старше, чем выгляжу, поверь мне. Но сделка есть сделка.

— Это трудно,— заметил Брир; его глаза сочлились слезами.

— Что именно?

— Быть последним из племени.

— О да.

— Надо делать все очень правильно, чтобы твое племя запомнили...

Голос Брира сорвался. Былые славные дела обошли его, не родившегося в великое время. Каково это было, когда миром правили пожиратели лезвий, европейцы и все дру-

гие племена? Тот век больше не наступит, говорил Мамолиан.

— Тебя не забудут,— пообещал Европеец.

— Я думаю, забудут.

Европеец поднялся. Он казался выше, чем помнил Брир, и темнее.

— Нужно иметь веру, Энтони. Есть еще много того, к чему можно стремиться.

Брир почувствовал прикосновение к затылку, как будто там присел мотылек и принялся исследовать усиками его шею. Голова загудела, словно в его ушах все надоеvшие мухи отложили яйца, а те начали лопаться. Он тряхнул головой, чтобы избавиться от этого ощущения.

— Все в порядке,— услышал он слова Европейца сквозь жужжание мушкиных крыльев.— Будь спокоен.

— Мне плохо,— слабо пытался протестовать Брир.

Он надеялся, что его немощь пробудит милосердие Мамолиана. Комната вдруг стала распадаться на части, стены отделились от пола и потолка; шесть сторон серой коробки разваливались по швам, впуская внутрь все виды пустоты. Все исчезло в тумане — мебель, одеяла, даже сам Мамолиан.

— Есть еще много того, к чему можно стремиться.

Брир рассыпал, как Европеец повторил свои слова, или это эхо, долетевшее с какого-то далекого обрыва? Его охватил страх. Он ничего не различал на расстоянии вытянутой руки, но знал, что это пространство бесконечно и он заблудился здесь навсегда. Слезы потекли ручьем, а внутренности сжалась в комок.

Когда он был готов закричать или сойти с ума, Европеец возник перед ним из пустоты, как молния, прояснив его помраченное сознание. Брир увидел трансформацию этого человека; перед ним предстал источник всех мух, всех мучительных лет и убийственных зим, всех потерь и всех страхов. Он плыл в воздухе и был совершенно обнажен — более обнажен, чем позволено человеку, как будто снял с себя саму жизнь. И он протягивал Бриру свою надежную руку. В руке была игральная кость с вырезанными лицами

людей, которых Брир почти узнал. Последний Европеец наклонился и бросил кость с лицами в пустоту, а где-то рядом существо с пламенем вместо головы рыдало и рыдало, пока все вокруг не утонуло в слезах.

35

Уайтхед взял стакан водки, бутылку и спустился в сауну. Это стало его излюбленным ритуалом за недели кризиса. Сейчас, хотя опасность еще не миновала, он потерял всякий интерес к делам своей империи. Большие филиалы корпорации в Европе и на Дальнем Востоке были уже проданы, чтобы предотвратить их потерю, и за долги отвечали две фирмы поменьше; планировалось массовое сокращение штатов на химических фабриках в Германии и Скандинавии — последняя отчаянная попытка избежать закрытия или продажи. Однако старика занимали другие проблемы. Империю можно построить заново, жизнь и рассудок — никогда. Он отоспал финансистов и тупоголовых правительственный чиновников обратно в их банки и кабинеты Уайт-холла. Они не могли сказать ничего, что он хотел бы услышать. Ни графики, ни компьютерные расчеты, ни предсказания не интересовали его. За пять недель кризиса его заинтересовал лишь один разговор — со Штраусом.

Ему нравился Штраус. Более того: он доверял Штраусу, а на том рынке, где вершил свои дела Уайтхед, доверие — весьма редкий товар. Когда Той выбрал Штрауса, инстинкт не подвел его, у Билла былнюх на людей. Порой он очень тосковал по Тою, особенно в те минуты, когда водка делала его сентиментальным. Но, черт его побери, он не будет никого оплакивать. Это не его стиль, и он не собирался меняться. Старик налил себе еще один стакан и поднял его.

— За крах,— сказал он и выпил.

Он напустил большое облако пара в сауну, отделанную белым кафелем, и уселся на лавке в полутьме, взмокший и

красный. Он чувствовал себя каким-то растением из плоти, наслаждался ощущением пота в складках живота, подмышках и паху; простейшие физические удовольствия отвлекали от дурных мыслей.

«Может быть, Европеец и не придет,— думал он.— Бог даст».

Где-то в ночном доме открылась и закрылась дверь, но алкоголь и пар сделали его абсолютно равнодушным к происходящему. Сауна была другой планетой — его и только его. Он опустил стеклянный стакан на кафельный пол и закрыл глаза, надеясь вздремнуть.

Брир подошел к воротам. Они издавали ровный гул; в воздухе пахло электричеством.

— Ты сильный,— сказал Европеец.— Ты говорил мне об этом. Открой ворота.

Брир положил руки на провод. Хвастовство оказалось правдой — он ощутил только легчайшее покалывание. Запах жареного разлился в воздухе, и зубы Брира заскрипели, когда он начал раздирать створки ворот с еще большей силой, чем предполагал. Он не испытывал никакого страха, и это делало его Геркулесом. Собаки залаяли за оградой, но он лишь подумал: «Пусть подойдут». Он не собирался умирать. Возможно, он никогда не умрет.

С безумным смехом он распахнул ворота; гул прекратился, едва разомкнулась цепь проводов. Воздух наполнился голубым дымом.

— Хорошо,— проговорил Европеец.

Брир попытался выпустить сетку, но она вплавилась в ладонь. Пришлось отдирать ее другой рукой. Он с удивлением рассматривал поврежденную плоть: она почернела и вкусно пахла. Конечно, вскоре она должна заболеть. Любому человеку — даже такому, как Брир, невинному и невероятно сильному,— подобная рана причинит боль. Тем не менее он ничего не чувствовал.

Внезапно из темноты выбежала собака.

Мамолиан попятился в страхе, но животное наметило себе в жертвы не его. За несколько шагов до цели пес прыгнул и всем своим весом ударили Брира в грудь. Тот опрокинулся на спину, собака набросилась на него сверху, щелкая челюстями у горла. У Брира имелся длинный и острый кухонный нож, но он явно не торопился доставать оружие, хотя это было несложно. Голстое лицо расплылось в улыбке, когда собака попыталась схватить его за горло; Брир взялся за ее нижнюю челюсть. Животное сомкнуло зубы, зажимая руку Брира, и почти тут же осознало свою ошибку. Брир дотянулся свободной рукой до затылка собаки, захватил часть меха и мускулов и стал поворачивать голову и шею пса в противоположных направлениях. Раздался скрежещущий звук. Пес глухо зарычал, не отпуская руку мучителя, даже когда кровь брызнула из-под сломанных зубов. Брир сделал еще один смертельный поворот. Глаза собаки побелели, лапы задергались. Она замертво упала на грудь Брира.

Другие собаки залаяли вдалеке, отвечая на предсмертный вой. Европеец нервно поглядывал по сторонам.

— Вставай! Быстро!

Брир высвободил руку из пасти собаки и отбросил труп. Он все еще смеялся.

— Легко,— проговорил он.

— Их много.

— Предоставь это мне.

— Может быть, их слишком много, чтобы справиться со всеми?

— Это та самая? — Брир подтолкнул голову собаки, чтобы Европеец лучше разглядел ее.

— Какая?

— Та, что откусила твои пальцы.

— Я не знаю,— ответил Европеец, стараясь не смотреть на залитое кровью ухмыляющееся лицо Брира, чьи глаза сверкали, как у влюбленного подростка.

— Питомник? — предложил он.— Покончим с ними там.

— Почему бы нет?

Европеец направился от ограды в сторону питомника. Благодаря Кэрис он знал усадьбу, как линии своей ладони. Брир шагал за ним и заранее чуял кровь. Его тяжелые шаги стали пружинистыми. Он редко чувствовал себя таким живым.

Жизнь хороша, не правда ли? Очень хороша!

Собаки лаяли.

У себя комнате Кэрис натянула подушку на голову, чтобы заглушить шум. Завтра она наберется смелости и скажет Лилиан, что полночи не спала из-за истерического лая. Чтобы выздороветь, она должна привыкать к ритмам нормальной жизни. То есть заниматься делами, когда светит солнце, и спать ночью.

Она повернулась на другой бок, отыскивая прохладное место на постели, и в ее голове внезапно вспыхнуло видение. Оно исчезло прежде, чем Кэрис успела все рассмотреть, однако этого хватило, чтобы окончательно разбудить ее. Она увидела идущего по траве человека — безликого, но знакомого. У его ног полз поток мерзости, пресмыкаясь в слепом поклонении; волны извивались змеей. Кэрис не разглядела, из чего состояли эти волны; возможно, к лучшему.

Она еще раз перевернулась и приказала себе забыть эту чепуху.

Удивительно, но собаки перестали лаять.

И что же было наихудшим из его деяний, что было самым плохим? Уайтхед так часто задавал себе этот вопрос, что привык к нему, как к любимой одежде. Нет сомнений, физические мучения бесконечны. Он думал порой, плаваясь в липком объятии ночного пота, что заслужил любые муки, даже если бы мог умереть несколько раз. Трудно заплатить за преступления власти, которые он совершил. За все то, о Боже Всемогущий, что он сотворил.

Но, черт возьми, у кого нет грехов, чтобы покаяться в свое время? Кто не действовал под влиянием зависти или личности и не выигрывал, абсолютно подчинившись им? Он не может отвечать за все дела корпорации. Если десять лет назад в продажу поступил медицинский препарат, разрушающий плод в утробе матери, можно ли винить Уайтхеда за то, что он получил от этого выгоду? Моральная ответственность по душе авторам романов о мести, но она не имеет ничего общего с реальностью, где большинство преступлений приводят лишь к благосостоянию и влиянию; где червей сомнений немедленно давят; где лучшее, на что надеется человек, это возможность подняться на высоту своих амбиций с помощью ума, хитрости и насилия. Таков мир, и Мамолиан знаком с его иронией не хуже Уайтхеда. Разве не сам он показал это Джо? Как же он может наказывать ученика за то, что тот хорошо усвоил урок?

«Возможно, я умру в теплой постели,— думал Уайтхед.— В своей спальне с неплотно задернутыми занавесками, за которыми проглядывает желтое весеннее небо, в окружении близких».

— Нечего бояться,— сказал он вслух.

Пар стущался. Плитки кафеля, уложенные с маниакальной точностью, покрывались испариной, как и Уайтхед; но они были холодны, а он горяч.

«Нечего бояться».

36

От двери собачьего питомника Мамолиан наблюдал за работой Брира. Здесь началось более профессиональное побоище, чем проба сил у ворот. Толстяк просто открывал клетки и резал глотки одну за другой кухонным ножом с длинным лезвием. Запертых собак было легко достать. Они могли лишь вертеться на месте, беспомощно щелкая зубами на своего убийцу. Псы поняли, что битва проиграна, еще до того, как она всерьез началась. Они падали на зем-

лю с перерезанными горлами, откуда хлестала пульсирующая кровь; карие глаза бросали последний взгляд на Брира, как очи нарисованных святых. Он убил и щенков: оторвал от сосков матери и раздавил их головы голыми руками. Белла дралась более отчаянно, чем остальные, изо всех сил стараясь искалечить убийцу. Он отплатил ей тем же и продолжал наноситьувечья мертвому телу уже после того, как заставил собаку замолчать: раны в ответ на полученные раны. Когда резня закончилась и все движения в клетках, кроме предсмертных конвульсий, прекратились, Брир провозгласил, что дело сделано. Они вместе отправились к дому.

Здесь были еще две собаки — последние. Пожиратель Лезвий быстренько обработал и их. Сейчас он больше походил на мясника, чем на бывшего библиотекаря. Европеец поблагодарил его. Все оказалось проще, чем он предполагал.

— У меня есть дело в доме, — сказал он Бриру.

— Хочешь, чтобы я пошел с тобой?

— Нет. Но ты мог бы открыть мне дверь.

Брир подошел к задней двери и вышиб стекло, потом просунул руку внутрь, отпер замок и пропустил Мамолиана в кухню.

— Спасибо. Жди меня здесь.

Европеец исчез в синем мраке. Брир дождался его ухода, а когда тот скрылся из виду, пошел вслед за ним. Улыбка и кровь смешались на его лице.

Хотя пар заглушал звук, Уайтхеду показалось, что в доме кто-то ходит. Наверное, Штраус. Парень в последнее время стал беспокойным. Глаза старика снова закрылись.

Где-то совсем рядом он услышал, как открылась и закрылась дверь — в предбаннике перед парилкой. Джо встал и задал вопрос во тьму:

— Марти?

Ответа от Марти или от кого-то еще не последовало. Уайтхед засомневался, действительно ли он слышал, как открывается дверь: здесь всегда сложно распознать звуки,

да и разглядеть что-нибудь трудно. Пар сгустился так, что он не видел противоположной стены комнаты.

— Тут есть кто-нибудь? — снова спросил он.

Пар стоял перед его глазами мертвой серой стеной. Уайтхед ругал себя.

— Мартин? — позвал он еще раз.

Хотя ни одно движение или звук не подтверждало его подозрений, старик знал, что он в сауне не один. Кто-то был совсем рядом, но не отвечал. Пока Уайтхед спрашивал, он шарил рукой и исследовал, дрожа, плитку за плиткой в поисках полотенца, лежавшего рядом с ним. Его пальцы ощупывали складки, а глаза всматривались в стену пара. В полотенце был пистолет. Наконец пальцы с облегчением отыскали его.

Пистолет придал уверенности, и Уайтхед тихо обратился к невидимому посетителю:

— Я знаю, что ты здесь. Покажись, ублюдок. Ты не напугаешь меня.

В облаке пара что-то сдвинулось. Заклубились маленькие водовороты, их становилось все больше. Уайтхед чувствовал, как в его голове отдаются удары сердца. Кто бы там ни оказался («Только бы не он, господи, только бы не он!»), старик был готов. Затем пар вмиг рассеялся, убитый внезапным холодом. Уайтхед поднял пистолет. Если Марти устроил эту мерзкую шутку, он о ней пожалеет. Рука, скимавшая пистолет, мелко дрожала.

И тут перед ним возникла фигура. Она едва проступала в дымке, пока голос, тысячу раз звучавший в пропитанных водкой кошмарах Уайтхеда, не произнес:

— Пилигрим.

Пар метнулся назад. Европеец был здесь, он стоял перед Джо. Его лицо не постарело за те семнадцать лет, что прошли со дня их последней встречи. Нависающие брови, глубоко посаженные глаза — они поблескивали, как вода на дне ущелья. Он изменился мало, словно время благоговело перед ним и обходило его стороной.

— Садись, — сказал он.

Уайтхед не пошевелился, по-прежнему направляя пистолет на Европейца.

— Пожалуйста, Джозеф. Сядь.

Не лучше ли послушаться? Можно ли избежать смертельного удара, изобразив слабость? Или это глупая мелодрама — полагать, будто такого человека можно остановить?

«В каком же сне я жил,— упрекнул себя Уайтхед.— Думал, что он придет сюда избить меня, что он хочет моей крови».

Глаза Мамолиана сулили нечто большее, чем избиение.

Джо сел. Он сознавал, что совершенно обнажен, но его это не беспокоило. Мамолиан не смотрел на тело, его взгляд проникал глубоко сквозь мясо и кости. Уайтхед ощутил этот взгляд в себе — он ударял по сердцу. Как еще объяснить облегчение, которое он ощутил при виде Европейца?

— Так долго...

Вот и все, что он смог сказать: прихрамывающая банальность. Не походил ли он на любовника, молящего о воссоединении? Возможно, это недалеко от истины. Их взаимная ненависть имела чистоту любви.

Европеец изучал его.

— Пилигрим,— прошептал он с упреком, указывая взглядом на пистолет,— нет необходимости. Или смысла.

Уайтхед улыбнулся и положил оружие на пологенце рядом с собой.

— Я боялся твоего прихода,— сказал он.— Поэтому забил собак. Ты знаешь, как я ненавижу собак. Но я знал, что ты ненавидишь их сильнее.

Мамолиан прижал палец к губам, прерывая речь Уайтхеда.

— Я прощаю собак,— сказал он.

Кого он прощал — животных или человека, который использовал их против него?

— Зачем тебе понадобилось возвращаться? — спросил Уайтхед.— Ты должен был понимать, что я не обрадуюсь тебе.

— Ты знаешь, зачем я пришел.

— Нет, не знаю. Действительно не знаю.

— Джозеф,— вздохнул Мамолиан,— не нужно обходиться со мной, как с одним из твоих политиков. Не стоит кормить меня обещаниями, а затем вышвыривать прочь, когда твоя судьба изменится. Не надо так относиться ко мне.

— Я не делал этого.

— Пожалуйста, не лги. Не сейчас. Не теперь, когда у нас обоих так мало времени. Сегодня, в этот последний раз, давай будем честны. Давай откроем друг другу сердца. Другой возможности не представится.

— Почему? Почему мы не можем начать сначала?

— Мы стары. И устали.

— Я нет.

— Почему же ты не борешься за свою империю, если не устал?

— Так это твоя работа? — спросил Уайтхед, не сомневаясь в ответе.

Мамолиан кивнул.

— Ты не единственный, кому я помог обрести удачу. У меня есть друзья в высших кругах; все они, как и ты, ученики провидения. Если я попрошу, они продадут и купят половину мира; они мои должники. Но ни один из них не был таким, как ты, Джозеф. Ты самый жадный и самый способный. Только с тобой я видел возможность...

— Продолжай,— поторопил его Уайтхед.— Возможность чего?

— Спасения,— ответил Мамолиан и рассмеялся над своей мыслью.— От всего.

Уайтхед никогда не предполагал, что все случится вот так: путаный разговор в белой кафельной комнате, двое старииков обмениваются обидами. Переворачивают воспоминания, словно камни, и глядят, как разбегаются во все стороны мокрицы и пауки. Все происходило гораздо проще и гораздо болезненнее, чем он ожидал. Ничто так не очищает, как потеря.

— Я сделал много ошибок,— проговорил Джо.— И я искренне сожалею об этом.

— Скажи мне правду,— сурово сказал Мамолиан.

— Но это и есть правда, черт возьми! Я сожалею. Что еще тебе нужно? Земля? Предприятия? Что тебе нужно?

— Ты удивляешь меня, Джозеф. Даже сейчас, на самом краю, ты пытаешься торговаться и заключать сделки. Какая потеря! Какая ужасная потеря! Я мог сделать тебя великим.

— Я и есть великий.

— Ты же все прекрасно знаешь, пилигрим,— мягко ответил Мамолиан.— Кем ты был без меня с твоим бойким языком и модными костюмами? Актером? Торговцем машинами? Вором?

Уайтхед вздрогнул не только от язвительных насмешек. Пар позади Мамолиана сгущался, словно там двигались призраки.

— Ты был ничем. Будь любезен признать это.

— Я принял твой вызов,— напомнил Уайтхед.

— О да,— отозвался Мамолиан.— У тебя были аппетиты, и я их удовлетворил. Этого у тебя хватало в избытке.

— Ты нуждался во мне,— повторил Уайтхед.

Европеец причинял ему боль; вопреки здравому смыслу он собирался ответить тем же. Это его мир, в конце концов. Европеец здесь вне закона — безоружный, безжалостный. И он хочет услышать правду. Что ж, он ее услышит, и плевать на призраков.

— Зачем же ты мне понадобился? — спросил Мамолиан. В его голосе внезапно зазвучало презрение.— Для чего ты годишься?

Уайтхед выдержал паузу, а затем резко ответил, не заботясь о последствиях:

— Я мог жить вместо тебя. Ты был слишком бескровным, чтобы делать это самому! Вот почему ты меня подобрал. Чтобы все попробовать через меня. Женщин, власть — все.

— Нет...

— Ты плохо выглядишь, Мамолиан.

Он назвал Европеца по имени! Видите? Боже, как легко! Он назвал ублюдка по имени и не отвел взгляда, когда эти глаза сверкнули, потому что говорил *правду!* И они оба знали это. Мамолиан был бледным, почти бесцветным. Опустошен желанием жить. Внезапно Уайтхед осознал, что может выиграть эту схватку, если будет действовать с умом.

— Не пытайся сопротивляться,— сказал Мамолиан.— Мне кое-что причитается.

— Что же?

— Ты. Твоя смерть. Твоя душа, если хочешь.

— Я отдал тебе все долги и даже больше несколько лет назад.

— Это не торг, пилигрим.

— Мы совершили сделку, а потом изменили правила.

— Это не игра.

— Есть только *одна* игра. Ты сам научил меня. И уж если я выиграл... осталное не имеет значения.

— Я получу то, что мне причитается.— Мамолиан говорил тихо и настойчиво.— Этот вопрос решен.

— Почему ты просто не убьешь меня?

— Ты знаешь меня, Джозеф. Я хочу завершить все чисто. Я даю тебе время закончить земные дела. Подвести итоги, разделаться с обязательствами, вернуть землю тем, у кого ты ее украл.

— Не знал, что ты коммунист.

— Я здесь не для того, чтобы рассуждать о политике. Я пришел, чтобы назвать мои условия.

«Итак,— подумал Уайтхед,— день казни ненадолго откладывается».

Он быстро выбросил из головы все мысли о бегстве, пока Европеец не разгадал их. Мамолиан сунул изувеченную руку в карман пиджака и протянул Уайтхеду большой сложенный конверт:

— Ты распорядишься своим имуществом в строгом соответствии с этими указаниями.

- Все — твоим друзьям, разумеется.
- У меня нет друзей.
- Приятно слышать.— Уайтхед поморщился.— Я рад, что избавлен от них.
- Разве я не предупреждал тебя, что это может стать обременительным?
- Я все брошу. Стану святым, если хочешь. Это удовлетворит тебя?
- Как только ты умрешь, пилигрим,— ответил Европеец.
- Нет.
- Ты и я, вместе.
- Я умру в свой срок,— возразил Уайтхед.— Не в твой.
- Ты не захочешь уходить один.

Призраки позади Европейца становились все беспокойнее. Пар бурлил вокруг них.

- Я никуда не ухожу,— сказал Уайтхед.
- Ему показалось, что он различает лица в клубах пара.
«Возможно, дерзить не слишком мудро»,— подумал он.
- Но в чем вред?..— пробормотал он, запнувшись на полуслове.

Свет в сауне мерк. Глаза Мамолиана сверкали в сгущавшемся мраке, а из его горла заструился свет, окрашивая воздух. Призраки с каждой секундой становились все плотнее, вбирая в себя субстанцию этого сияния.

- Остановись! — взмолился Уайтхед, но попытка была напрасной.

Сауна исчезала. Пар извергал тех, кто скрывался в нем. Уайтхед ощущал их колющие взгляды и только сейчас почувствовал себя обнаженным. Он потянулся за полотенцем; когда он встал, Мамолиан исчез. Джо прикрыл полотенцем пах. Он слышал, как призраки из темноты хихикали над его грудью и сморщенными гениталиями, над нелепостью старого тела. Они помнили Уайтхеда в те времена, когда его грудь была широкой, гениталии вызывали зависть, а тело — весьма впечатляющим, в одежде и без нее.

— Мамолиан... — прошептал он в надежде, что Европеец еще может отменить эту напасть, прежде чем она выйдет из-под контроля.

Но никто не отзывался на призыв.

Он неуверенно шагнул к двери по скользким кафельным плитам. Если Европеец удалился, надо просто выйти отсюда, найти Штрауса и комнату, где можно укрыться. Но призраки еще не закончили с ним. Сгустившийся до синевы пар немного приподнялся, и в его глубине что-то замерцало. Вначале Уайтхед не мог ничего разобрать: смутная белизна, мелькающая, как снежные хлопья.

Затем из ниоткуда подул легкий ветер. Он принадлежал прошлому, как и этот запах. Пахло пеплом и кирпичной пылью; грязными людскими телами, не мытыми десятки дней; горелым волосом и злостью. Но среди этих запахов струился еще один. Когда Джо почувствовал его, он понял, что означало мерцание в воздухе. Он снял полотенце с бедер и закрыл им глаза; слезы и мольбы полились потоком.

Но призраки сжались в ничто, неся с собой запах лепестков.

37

Кэрис стояла в маленьком коридоре напротив двери Марти и прислушивалась. Изнутри доносилось ровное дыхание глубокого сна. Она замешкалась на мгновение, не уверенная, стоит ли его будить, а затем скользнула вниз по лестнице, не потревожив спящего. Это слишком удобно — скользнуть к нему в кровать, поплакать в изгиб его шеи, где бьется пульс, сбросить с себя груз беспокойства и попросить его быть сильным. Удобно и опасно. На самом деле безопасное место не там, не в его постели. Она должна отыскать такое место *сама в себе*, нигде больше.

На середине второго пролета лестницы она остановилась. Внизу, в темном холле, гуллял непонятный сквозняк;

прохладный ночной воздух, но не только. Как бесплотная тень, она подождала на лестнице, пока глаза не привыкли к темноте. Возможно, лучше вернуться наверх, запереть за собой дверь спальни и принять несколько таблеток, чтобы переждать время до восхода. Это гораздо легче, чем жить, как сейчас, когда наэлектризован каждый нерв. В коридоре, ведущем в кухню, она заметила движение. Темный силуэт показался в дверном проеме и исчез.

Это просто темнота, ее игры, подумала Кэрис. Она прошла рукой по стене, чувствуя кончиками пальцев рельеф бумажных обоев, и щелкнула выключателем. Коридор был пуст. И лестница позади пуста, и впереди никого.

— Дура,— прошептала Кэрис сама себе.

Она преодолела три оставшихся пролета и пошла по коридору в сторону кухни.

Она не дошла до цели, когда ее подозрение насчет сквозняка подтвердилось. Задняя дверь дома располагалась напротив кухонной, и они обе оказались открыты. Это было странно, почти жутко: дом, всегда наглухо запертый, открыт ночи. Распахнутая дверь зияла, как рана.

Через покрытый ковром холм она дошла до холодного кухонного линолеума и уже на полгити к двери заметила стекло, поблескивающее на полу. Дверь открыта не по случайному недосмотру — кто-то взломал ее. Запах сандалового дерева ударил в нос. Он был неприятен, и за ним крылось что-то еще более неприятное.

Она должна сообщить Марти; это первое, что надо сделать. Не обязательно возвращаться наверх. В кухне есть телефон.

Ее разум раздвоился. Одна половина трезво различала проблему и метод ее решения: где найти телефон и что сказать Марти, когда он поднимет трубку. Другая, пораженная героином и пребывающая в постоянном страхе, была в панике. Вторая половина внушала: кто-то рядом (аромат сандалового дерева), кто-то смертельно опасный, кто-то гниющий в темноте.

Трезвая часть разума сохраняла контроль. Кэрис двинулась к телефону, довольная тем, что вышла босиком, поскольку это позволяло ступать бесшумно. Она подняла трубку и набрала девятнадцать — номер спальни Марти. Один гудок, затем второй. Кэрис молила бога, чтобы Марти поскорее проснулся. Ее способность контролировать себя — она знала это — была весьма ограничена.

— Давай, ну давай же... — шептала она.

Позади нее послышался звук: хруст стекла, раздавленного тяжелыми подошвами на мелкие осколки. Кэрис повернулась посмотреть, кто там. Перед ней в дверном проеме стоял кошмар с ножом в руке и собачьей шкурой на плече. Трубка выскользнула из рук девушки, и паника полностью овладела ее разумом.

«Я говорила! — вопила она внутри Кэрис. — Говорила!»

Во сне Марти звенел телефон. Ему снилось, что он проснулся, поднял трубку и заговорил со смертью на другом конце провода. Но звонок продолжался, даже когда беседа закончилась. Марти вынырнул из сна, взял трубку и никого не услышал.

Он положил трубку обратно на рычаг. Звонил ли телефон вообще? Наверное, нет. По крайней мере обратно в сон возвращаться не стоило: беседа со смертью оказалась полной бессмыслицей. Марти встал с кровати, натянул джинсы и уже в дверях, протирая глаза, услышал снизу звук раздавливаемого стекла.

Мясник нагнулся к Кэрис, сбросив с плеча шкуру, чтобы не мешала. Она увернулась от него один раз, второй. Он был громоздкий, но она отлично знала: если он достанет ее, все будет кончено. Сейчас он находился между нею и входом в дом, и ей приходилось маневрировать по направлению к задней двери.

— Я бы не выходил отсюда... — посоветовал он. В его голосе, как и в запахе, смешались сладость и гниль. — Это не безопасно.

Его предупреждение стало наилучшей рекомендацией. Кэрис обогнула стол и выскользнула наружу, перепрыгив-

вая через осколки стекла. Она даже ухитрилась захлопнуть за собой дверь — еще одно стекло выпало и разбилось — и теперь оказалась вне дома. Она услышала, как дверь снова распахнулась с такой силой, что чуть не слетела с петель. Теперь Кэррис слышала за спиной шаги собачьего убийцы, от которых дрожала земля. Он шел за ней.

Головорез был медлителен, а она проворна. Он был тяжелым, а она легка, почти невесома. Вместо того чтобы бежать вдоль стены — в конце концов этот путь привел бы ее к передней двери, на залитую светом лужайку, — Кэррис ринулась подальше от дома в надежде на то, что чудовище не умеет видеть в темноте.

Марти спустился по лестнице, спотыкаясь и стряхивая остатки сна. Холод на нижнем этаже заставил его окончательно проснуться. Он направился в кухню, откуда тянуло сквозняком. У него оставалось несколько секунд на то, чтобы увидеть стекло и кровь на полу, прежде чем Кэррис начала кричать.

Из невообразимого далека донесся чей-то крик. Уайтхед слышал голос — девичий голос, но, затерянный в пустыне, не смог опознать его. Он не знал, много ли времени провел здесь, рыдая и глядя на то, как появляются и исчезают призраки; казалось, целую вечность. Его голова кружила, горло охрипло от рыданий.

— Мамолиан, — взмолился он вновь. — Не оставляй меня здесь!

Европеец был прав; он *не* хотел идти в эту пустоту один. Он сотни раз бесплодно молил об избавлении, и сейчас видения понемногу отпускали его. Плитки кафеля, как застенчивые белые крабы, вернулись на место под ногами; тяжелый запах собственного пота ударил в нос — самый приятный запах из всех, какие он когда-либо чувствовал. И Европеец появился перед ним, словно никуда не исчезал.

— Поговорим, пилигрим? — спросил он.

Уайтхед дрожал, несмотря на жару. Его зубы стучали.

— Да, — ответил он.

— Спокойно? С достоинством и вежливо?

И снова:

— Да.

— Тебе не понравилось то, что ты видел.

Уайтхед провел рукой по бледному лицу, большим и указательным пальцами обхватил переносицу и сильно сжал ее, словно хотел прогнать видения.

— Нет, будь ты проклят,— сказал он.

Видения нельзя было прогнать. Ни сейчас, ни потом.

— Может быть, мы поговорим в другом месте? — предложил Европеец.— Найдется комната, куда мы могли бы пойти?

— Я слышал Кэрис. Она кричала.

Мамолиан на мгновение прикрыл глаза, улавливая мысли девушки.

— С ней все в порядке,— сказал он.

— Не заставляй ее страдать. Пожалуйста. Она — все, что у меня есть.

— С ней ничего не случилось. Она просто увидела кое-что из поделок моего друга.

Брир не просто содрал кожу с собаки — он выпотрошил ее. Кэрис поскользнулась на отвратительных внутренностях, и крик вырвался из ее горла раньше, чем она смогла остановить себя. Когда его звуки стихли, она расслышала шаги мясника. Кто-то бежал к ней.

— Кэрис! — Это был голос Марти.

— Я здесь.

Он нашел девушку, уставившуюся на ободранную голову собаки.

— Кто, черт побери, это сделал? — рявкнул Марти.

— Он здесь,— сказала Кэрис.— Он гнался за мной.

Марти прикоснулся к ее лицу.

— Ты в порядке?

— Это всего лишь мертвая собака,— ответила она.— Я просто испугалась.

Когда они возвращались в дом, Кэрис вспомнила сон, от которого проснулась. Там был безликий человек, он двигался по этой самой лужайке — не по его ли следам они сейчас шли? — вместе с волной деръма у его ног.

— Здесь есть кто-то еще, — сказала она с абсолютной уверенностью. — Кроме убийцы собак.

— Точно.

Она кивнула с окаменевшим лицом и взяла Марти за руку.

— И он еще страшнее, милый.

— У меня в комнате пистолет.

Они вошли в кухню. Собачья шкура все еще валялась там.

— Ты знаешь, кто они? — спросил Марти.

Она покачала головой.

— Он толстый. — Вот и все, что она могла сказать. — Выглядит по-дуряцки.

— А другой? Ты знаешь его?

Другой? Конечно, она знала его. Он был знаком ей, как собственное лицо. Последние несколько недель Кэрис думала о нем тысячу раз на дню, и что-то подсказывало ей, что она знала его всегда. Архитектор, который являлся ей в сновидениях, который трогал пальцами ее шею — теперь он пришел, чтобы открыть дорогу потоку мерзостей, тянувшемуся за ним по лужайке. Было ли в ее жизни время, когда над ней не довлела его тень?

— О чем ты думаешь? — Марти смотрел на нее нежно и пытался скрыть смятение под напускной смелостью.

— Когда-нибудь расскажу, — ответила она. — Сейчас давай найдем твой проклятый пистолет.

Они осторожно ступали по дому. Стояла полная тишина. Ни шагов, ни криков. Марти забрал из своей комнаты пистолет.

— Теперь к папе, — сказала Кэрис. — Убедимся, что с ним все в порядке.

Так как убийца собак все еще бродил где-то здесь, приходилось действовать крадучись, а потому медленно. Они

не нашли Уайтхеда ни в одной из спален, ни в его гардеробной. Ванные, библиотека, кабинет, коридоры тоже были пусты. И тогда Кэрис предложила наведаться в сауну.

Марти осторожно приоткрыл дверь парилки. На него обрушилась стена влажного тепла, пар заклубился по коридору. Значит, кто-то совсем недавно пользовался сауной. Но и парилка, и солярий оказались пусты. Осмотрев их мельком, Марти вернулся и обнаружил Кэрис, медленно сползвшую по стене у двери.

— Меня вдруг затошило,— произнесла она.— Что-то навалилось на меня.

С помощью Марти она поднялась на ослабевшие ноги.

— Присядь на минуту.— Он подвел девушку к лавке.

Там лежал пистолет, и он был влажным.

— Со мной все в порядке,— твердо сказала Кэрис.—

Иди и найди палгу, я подожду здесь.

— Ты ужасно выглядишь.

— Спасибо,— усмехнулась она.— Теперь не будете ли вы столь любезны уйти? Я бы предпочла поблевать, когда на меня никто не смотрит, если вы не против.

— Ты уверена?

— Иди, черт тебя побери. Оставь меня. Со мной все будет хорошо.

— Запри за мной дверь,— велел Марти.

— Да, сэр,— ответила Кэрис, жалобно глядя на него.

Он оставил ее в парилке и подождал, пока не услышал звук задвигаемой щеколды за спиной. Это не успокоило его полностью, но все же лучше, чем ничего.

Марти осторожно шагнул в холл и решил, что стоит осмотреться перед домом. Фонари на лужайках включены, и если старик там, он быстро найдет его. Конечно, Марти представлял из себя легкую мишень, но он все-таки был вооружен. Он отпер входную дверь и шагнул на гравий. Лучи от фонарей заливали пространство неподвижным светом — ярче солнечного, но совершенно неживым. Марти огляделся. Ни справа, ни слева старика не было.

За его спиной, в холле, Брир наблюдал за тем, как герой вышел на поиски хозяина. Только когда Марти полностью скрылся из виду, Пожиратель Лезвий выбрался из укрытия и вприпрыжку побежал по зову своего сердца.

38

Кэрис заперла дверь и, шатаясь, вернулась к лавке. Она сосредоточилась на том, чтобы взять под контроль свой взбунтовавшийся организм. Она не знала, что вызвало тошноту, но была полна решимости справиться с ней. Потом она пойдет за Марти и поможет ему искать отца. Старик ушел отсюда совсем недавно, это очевидно. Тот факт, что он не взял с собой пистолет, не предвещал ничего хорошего.

Вкрадчивый голос отвлек Кэрис от раздумий, и она подняла глаза. Перед ней в облаке паре появилось бледное пятно. Она прищурилась и попыталась определить, что это. Пятно как будто состояло из белых точек. Кэрис встала, и иллюзия усилилась. Точки соединялись между собой тонкими расползающимися нитями, и она почти рассмеялась от радости узнавания, когда отгадала загадку. Это было цветущее дерево; восхитительные белые головки, вобравшие в себя солнечный или звездный свет. Ветви шевелились от непонятно откуда взявшегося ветра и сбрасывали трепещущие лепестки. Они ложились на лицо Кэрис, хотя ее пальцы не нащупывали ничего.

За все годы героиновой зависимости она никогда не видела образа столь привлекательного внешне и столь угрожающего по сути. Это не ее дерево. Оно не рождено ее воображением. Оно принадлежит кому-то, кто был здесь до нее,— Архитектору, без сомнений. Это отолоски спектакля, который он устроил для отца.

Кэрис попыталась отвести глаза в сторону, на дверь, но ее взгляд был прикован к дереву. Она не могла от него оторваться. Ей показалось, что цветов становится все больше,

с каждой минутой распускаются новые бутоны. Белизна дерева — его ужасающая чистота — заполняла ее взор; она сгущалась и жирела.

И вдруг где-то под тяжелыми качающимися ветвями шевельнулась фигура. Женщина с горящими глазами подняла разбитую голову, чтобы взглянуть на Кэрис. От ее присутствия Кэрис снова затошнило, голова закружилась. Но сейчас не время терять сознание. Ни из-за лепестков, что продолжали опадать, ни из-за женщины — та покинула укрытие под деревом и двинулась в сторону Кэрис. Женщина когда-то была прекрасна, она вызывала восхищение, но в ее жизнь вмешался случай. Тело ее жестоко изуродовали, красоту уничтожили. Когда она наконец вышла из укрытия, Кэрис узнала ее сразу:

— Мама.

Евангелина Уайтхед протянула руки и распахнула объятия дочери, чего никогда не делала при жизни. Может быть, по ту сторону смерти она открыла в себе способность любить и быть любимой? Нет! Ни за что! Объятия были ловушкой, Кэрис знала это. Если она попадется, то дерево и его создатель завладеют ею навсегда.

В висках у нее застучала кровь, и она заставила себя отвести глаза. Руки и ноги стали слабыми, как желе; она не знала, найдет ли силы двигаться. Кэрис медленно повернула голову вправо и с ужасом обнаружила, что дверь широком раскрыта. Задвижка отлетела, когда ее распахнули рывком.

— Марти? — позвала она.

— Нет.

Она повернулась в другую сторону и увидела, что убийца собак стоит не более чем в двух ярдах от нее. Он смугл, потеки крови с рук и лица, и от него сильно пахло одеколоном.

— Со мной ты в безопасности, — сказал он.

Кэрис перевела взгляд обратно на дерево. Оно растворилось в воздухе, его иллюзорная жизнь рассеивалась от

грубого вмешательства. Мать Кэрис, все еще тянула руки, но с каждым мигом становилась тоньше и прозрачнее. Перед тем как исчезнуть, она раскрыла рот и извергла на дочь поток черной крови. Затем дерево и этот кошмар пропали. Остался лишь пар, кафельные плиты и человек с собачьей кровью под ногтями, стоящий рядом с ней. Кэрис не услышала, как он вломился: ее внимание полностью поглотило дерево, заглушив весь остальной мир.

— Ты кричала,— пояснил убийца.— Я услышал твой крик.

Кэрис не помнила этого.

— Мне нужен Марти,— сказала она.

— Нет,— вежливо возразил он.

— Где Марти? — требовательно спросила она и еле заметно отступила к открытой двери.

— Я сказал: нет!

Убийца преградил ей путь. Ему не нужно было дотрагиваться до Кэрис — одного его присутствия хватало, чтобы ее остановить. Она подумала: не попытаться ли проскользнуть мимо него и выскочить в коридор? Но далеко ли она сумеет убежать, прежде чем чудовище схватит ее? Когда имеешь дело с бешеными собаками и психами, есть два правила. Первое: не беги. Второе: не выказывай страха. Когда убийца собак протянул к ней руку, она постаралась не отшатнуться.

— Я никому не позволю причинить тебе боль,— сказал он.

Подушечкой большого пальца он провел по тыльной стороне ее руки, нащупал и стряхнул каплю пота. Его прикосновение было легким как перышко и холодным как лед.

— Ты позволишь мне присмотреть за тобой, красотка? — спросил он.

Кэрис не ответила; его прикосновение пугало ее. Не в первый раз за сегодняшнюю ночь она страстно захотела стать совершенно бесчувственной. Никогда еще прикос-

новение другого человека не заставляло ее испытывать такое отчаяние.

— Я хочу тебя утешить,— бормотал он.— Разделить...— Он запнулся, словно слова убегали от него.— Разделить твои тайны...

Она вглядилась в лицо убийцы. Мускулы его челюстей дрожали, когда он говорил, как у нервного подростка.

— А в ответ,— предложил он,— я покажу тебе мои тайны. Ты хочешь посмотреть?

Он не стал ждать ответа. Его рука полезла в карман за-пачканного пиджака и извлекла пачку лезвий. Их грани блестели на свету. Это было нечто абсурдное, как выступление фокусника между номерами в цирке, но разыгранное без малейшего дурачества. Клоун, пахнущий сандаловым деревом, собирался глотать бритвы, чтобы завоевать ее любовь. Он высунул свой сухой язык и положил на него первое лезвие. Кэрис это сразу не понравилось — лезвия всегда заставляли ее нервничать.

— Не надо,— попросила она.

— Все в порядке,— успокоил ее убийца, сильно слатывая.— Я последний из племени. Видишь? — Он открыл рот и показал язык.— Ничего нет.

— Поразительно,— ответила она.

Отвратительно, но поразительно.

— Это еще не все,— заметил он, польщенный ее реакцией.

Лучше позволить ему продолжать странное представление, подумала Кэрис. Чем дольше он будет показывать свои извращенные трюки, тем больше шансов, что Марти вернется.

— Что еще ты умеешь? — спросила Кэрис.

Он выпустил ее руку и взялся за пряжку ремня.

— Я покажу тебе,— ответил он, расстегиваясь.

«О боже,— подумала она.— Дура, дура, дура!»

Его возбуждение было очевидно еще до того, как он спустил штаны.

— Я преодолел боль,— учтиво объяснял он.— Никакой боли, что бы я ни делал с собой. Пожиратель Лезвий ничего не чувствует.

Под штанами он был голым.

— Видишь? — гордо поинтересовался он.

Она видела. Лобок чисто выбрит, и все покрыто множеством изуверских украшений. Крючки и кольца пронзали кожу толстого живота и гениталий, testикулы щетинились иглами.

— Потрогай,— предложил он.

— Нет... спасибо,— ответила Кэрис.

Он нахмурился; его верхняя губа задралась и обнажила зубы, на фоне бледной кожи казавшиеся желтыми.

— Я хочу, чтобы ты потрогала меня,— произнес он и протянул к ней руку.

— *Брир.*

Пожиратель Лезвий замер. Только глаза метались из стороны в сторону.

— Оставь ее.

Она знала этот голос слишком хорошо. Конечно, это Архитектор, проводник ее грез.

— Я не причинил ей вреда,— промямлил Брир.— Правда? Скажи ему, что я ничего тебе не сделал.

— Прикройся,— велел Европеец.

Брир подхватил штаны, как застигнутый за мастурбацией мальчишка, и отошел от Кэрис, бросив на нее заговорщицкий взгляд. Только тогда Мамолиан вошел в парилку. Он был выше, чем она представляла себе, и выглядел более печальным.

— Прошу прощения,— произнес он тоном метрдотеля, извиняющегося за неловкого официанта.

— Ей было плохо,— сказал Брир.— Поэтому я и вломился.

— Плохо?

— Она говорила со стеной. Звала свою матерь.

Архитектор мгновенно понял, что произошло. Он пронзительно посмотрел на Кэрис.

- Ты видела?
- Что это было?
- Ничего такого, что заставило бы тебя снова стра-
даться,— ответил тот.
- Здесь была моя мать, Евангелина.
- Забудь обо всем,— произнес он.— Этот ужас для
других, не для тебя.

Его мягкий голос звучал почти гипнотически. Кэрис с
трудом вспоминала свой кошмар — его присутствие ли-
шало ее памяти.

- Я думаю, тебе надо пойти со мной,— сказал он.
- Почему?
- Твой отец скоро умрет, Кэрис.
- О...

Она чувствовала, что полностью отделилась от самой се-
бя. От его обходительности все страхи ушли в прошлое.

— Если ты останешься здесь, ты пострадаешь вместе с
ним, а этого не нужно.

Это было заманчивое предложение: избавиться от вла-
сти отца, его поцелуев с привкусом старости. Кэрис взгля-
нула на Брира.

— Не бойся его,— сказал Архитектор, положив руку
на ее шею.— Он ничто и никто. Со мной ты в безопасности.

— Она может сбежать,— запротестовал Брир, когда Ев-
ропеец позволил Кэрис пойти в ее комнату собирать вещи.

— Она не оставит меня,— ответил Мамолиан.— Я не
сделал ей ничего дурного, и она об этом знает. Когда-то я
держал ее на руках.

— Она была голая?

— Такая крошечная, такая уязвимая.— Его голос упал
до шепота.— Она заслуживает кого-то получше, чем он.

Брир ничего не ответил — просто стоял, нахально при-
слонившись к стене, и лезвием вычищал из-под ногтей за-
сохшую кровь. Он разлагался быстрее, чем ожидал Евро-
пеец. Мамолиан надеялся, что Брир доживет до того мо-
мента, когда этот хаос закончится; но он знал Уайтхеда,

знал его льстивость и уклончивость и теперь подозревал, что дело займет не дни, а недели. К тому времени состояние Пожирателя Лезвий будет плачевным. Европею чувствовал усталость. Поиск замены для Брира истощит его убывающую энергию.

Он услышал, как Кэрис спускается по лестнице.

Отчасти ему было жалко терять соглядатая во вражеском стане. Но если не забрать ее отсюда, это может иметь много самых разных последствий. Во-первых, Кэрис знала его — возможно, даже лучше, чем предполагала. Она инстинктивно чувствовала страх Мамолиана перед плотью и легко избавилась от него, когда была со Штраусом. Она знала и о его усталости, о его пошатнувшейся вере. Была и другая причина, чтобы забрать ее. Уайтхед сказал, что Кэрис — его единственное утешение. Если они заберут ее сейчас, пилигрим останется один и это заставит его страдать. Мамолиан верил, что такого старик не выдержит.

39

Марти изучил все освещенные места перед домом, но не нашел Уайтхеда и поднялся наверх. Настало время нарушить указание хозяина и поискать его на запретной территории. Дверь в комнату в конце верхнего коридора за спальнями Кэрис и Джо была закрыта. Стиснув зубы, Марти подошел к ней и постучал.

— Сэр?

Поначалу оттуда не раздавалось ни звука. Затем послышался голос Уайтхеда — слабый, словно старик только что проснулся:

— Кто там?

— Штраус, сэр.

— Входи.

Марти мягко толкнул дверь, и она отворилась.

Воображение всегда рисовало ему спальню Уайтхеда как сокровищницу. В реальности все оказалось наоборот,

комната была спартанская. Белые стены и скучная мебельировка выглядели неприветливо. Только одна вещь украшала спальню: у голой стены стоял триптих — часть росписи церковного алтаря, и его пышность контрастировала со скромной обстановкой комнаты. Центральная створка изображала величественное садистское распятие; золото и кровь.

Ее хозяин, одетый в роскошный халат, сидел в дальнем углу за большим столом: Он посмотрел на Марти, и в этом взгляде не было ни приветствия, ни обвинения; его тело раскинулось в кресле, как мешок.

— Не стой в дверях, парень. Входи.

Марти закрыл за собой дверь.

— Я помню, сэр, вы велели мне никогда не подниматься сюда. Но я боялся, что с вами что-то случилось.

— Я жив,— сказал Уайтхед, поднимая руки.— Все в порядке.

— Собаки... мертвые.

— Я знаю. Садись.— Он указал на пустой стул, стоявший у стола напротив него.

— Вызвать полицию?

— Нет нужды.

— Они все еще могут быть рядом.

Уайтхед качнул головой:

— Они ушли. Сядь, Мартин. Налей себе вина. У тебя такой вид, будто ты уже набегался.

Марти выдвинул стул и сел. Голая лампочка, горевшая в середине комнаты, отбрасывала трепещущий свет. Густые тени, мертвенно-бледный свет — театр привидений.

— Положи пистолет. Он тебе не понадобится.

Марти положил оружие на стол рядом с тарелкой, на которой еще оставалось несколько тончайших кусков мяса. Тут же стояли ваза с клубникой, уже полупустая, и стакан воды. Простота пищи соответствовала окружающей обстановке: мясо, нарезанное почти до прозрачности, скромная посуда... Однако все вещи на редкость подходили друг к

другу, так что возникало стойкое ощущение непреднамеренной красоты. Вокруг Марти и Уайтхеда в воздухе роились пылинки; они плавали между столом и голой лампочкой, меняя направление от каждого выдоха.

— Попробуй мясо, Марти.

— Я не голоден.

— Оно восхитительно. Его купили мои гости.

— Так вы знаете их?

— Да, конечно. Теперь попробуй.

Неохотно Марти подцепил с тарелки тонкий кусочек. Мясо растаяло на языке, нежное и вкусное.

— Доешь,— предложил Уайтхед.

Марти последовал его совету; оточных приключений у него разыгрался аппетит. Уайтхед налил ему бокал красного вина, и он немедленно осушил его.

— Не сомневаюсь, у тебя куча вопросов,— сказал Уайтхед. Пожалуйста, задавай их. Я постараюсь ответить.

— Кто они?

— Друзья.

— Но они вломились как убийцы.

— А разве не бывает так, что друзья со временем становятся убийцами?

Марти был недостаточно искушен, чтобы воспринять этот парадокс.

— Один из них сидел там, где сейчас сидишь ты,— продолжил Уайтхед.

— Как я могу быть вашим телохранителем, если не отличаю ваших друзей от ваших врагов?

Уайтхед помолчал, затем жестко взглянул на Марти.

— А тебе не все равно? — спросил он после паузы.

— Вы были добры ко мне,— ответил Марти, шокированный вопросом.— За какого же бессердечного ублюдка вы меня принимаете?

— Боже мой...— Уайтхед покачал головой.— Марти...

— Объясните мне. Я хочу помочь.

— Что объяснить?

— Как вы можете ужинать с человеком, желающим убить вас.

Уайтхед разглядывал пылинки, вьющиеся в столбе света. Либо он считал этот вопрос не заслуживающим внимания, либо просто не находил ответа.

— Ты хочешь помочь мне? — наконец спросил он.— Тогда похорони собак.

— Это все, на что я токусь?

— Может быть, со временем...

— Вы всегда так говорите,— ответил Марти и встал.

Он больше не требовал никаких ответов; все более чем ясно. Просто мясо и хорошее вино. Но сегодня этого недостаточно.

— Я могу идти? — спросил он и, не дожидаясь ответа, повернулся спиной к старику и шагнул к двери.

Когда он открыл ее, Уайтхед произнес:

— Прости меня.

Он говорил очень тихо. Так тихо, что Марти засомневался, обращены ли эти слова к нему.

Он закрыл за собой дверь и прошелся по дому, дабы убедиться, что незваные гости покинули его. Они ушли. Парилка была пуста. Кэрис, очевидно, вернулась в свою комнату.

Марти достаточно осмелел, чтобы скользнуть в кабинет и плеснуть себе в стакан виски из бара, а затем сесть в кресло Уайтхеда у окна. Он потягивал виски и раздумывал. Алкоголь не повлиял на ясность его ума, а просто притупил боль разочарования, которую он ощущал. Он забрался под одеяло еще до того, как рассвет отчетливо высветил клочья шерсти на лужайке.

III НЕТ ПРЕДЕЛОВ

40

Утро выдалось не для похорон: небо слишком высокое и ясное. Самолеты, направлявшиеся в Америку, перечеркивали его белыми линиями. Листья деревьев распускались, расправляя крылья жизни. Но дело нужно сделать, несмотря ни на что.

При безжалостном дневном свете можно было полностью оценить масштабы резни. Пришельцы не ограничились убийством собак, охранявших дом; они вломились в питомник и методично уничтожили всех его обитателей, включая Беллу и ее потомство. Когда Марти добрался до сараев, Лилиан уже была там. Она выглядела так, будто рыдала уже несколько дней. В руках она держала одного из щенков: его голова была раздавлена, словно попала в тиски.

— Смотри,— произнесла Лилиан, показывая труп.

Марти не завтракал — мысли о предстоящем деле лишили его аппетита. Теперь он пожалел, что не заставил себя поесть: пустой желудок давал о себе знать и чувствовалось легкое головокружение.

— Если бы я осталась с ними! — сказала она.

— Могла бы кончить, как они, — ответил Марти.

Это была непреложная истина.

Лилиан уложила щенка на солому и стала приглаживать взъерошенную шерсть Беллы. Марти был более брезг-

лив: даже в толстых резиновых перчатках он не хотел прикасаться к трупам. Но он использовал отвращение как стимул, чтобы побыстрее все завершить. Хотя Лилиан настойчиво предлагала свою помощь, толку от нее не было никакого. Она лишь смотрела, как Марти завернул тела в черные пластиковые пакеты, уложил печальный груз в кузов джипа и повез импровизированный катафалк на поляну, которую выбрал в лесу. Именно там, по настоянию Уайтхеда, они должны похоронить собак — за пределом видимости из дома. Марти принес две лопаты; он надеялся, что теперь Лилиан поможет ему, но та не нашла в себе сил. Пришлось сделать все самому, пока она неподвижно стояла, засунув руки в карманы грязной куртки, и глядела на жуткие свертки.

Это была трудная работа. Почву пронизывала сеть корней, тянувшихся от дерева к дереву, и Марти быстро покрылся потом, перерубая их лопатой. Он вырыл неглубокую могилу, скатил в нее пакеты и принял засыпать их землей. Она падала с дробным стуком, как град. Закопав могилу, Марти выровнял холмик.

— Я возвращаюсь в дом за пивом,— сказал он.— Ты идешь?

Лилиан отрицательно покачала головой.

— Последние почести,— прошептала она.

Он оставил ее среди деревьев и зашагал по траве к дому. Он шел и думал о Кэрис. Наверное, она уже проснулась, хотя занавески на окне были задернуты.

Как хорошо быть птицей, думал Марти. Подлететь к окну и сквозь щель между штор посмотреть на Кэрис: как она потягивается на кровати, голая и ленивая, руки закинуты за голову, волосы под мышками, волосы между ног... Марти подходил к дому с улыбкой и эрекцией.

В кухне его встретила Перл. Марти сообщил ей, что голоден, и поднялся наверх принять душ. Когда он спустился вниз, Перл разложила перед ним холодную закуску — мясо, хлеб, помидоры. Он жадно принял поглощать еду.

— Ты видела Кэрис? — спросил он с набитым ртом.

— Нет,— ответила Перл.

Сегодня она была особенно неразговорчива, ее лицо стало непроницаемым, словно от обиды.

Марти наблюдал за ее передвижениями по кухне и думал: интересно, какова она в постели? По неясным причинам его сегодня переполняли грязные мысли, словно мозг восставал против уныния похорон и томился в поисках какого-нибудь развлечения. Марти откусил огромный кусок бекона и спросил с набитым ртом:

— Ты кормила старика вчера вечером?

Перл ответила, не поднимая глаз от своей работы:

— Он вечером не ел. Я оставила ему рыбу, но он даже не притронулся к ней.

— Но он ужинал,— возразил Марти.— Я даже прикончил остатки. И клубнику.

— Наверное, спустился и приготовил еду сам. Вечно эта клубника! — проворчала она.— Он когда-нибудь подавится ею.

Марти припомнил слова Уайтхеда о пришельцах и их угощении.

— Что бы там ни было, это вкусно,— задумчиво произнес он.

— Я ничего не готовила,— сухо ответила Перл, словно жена, уличившая мужа в измене.

Марти оставил попытки завязать беседу; бесполезно пытаться приободрить Перл, когда она так настроена.

Покончив с едой, он пошел к спальне Кэрис. Стояла мертвая тишина; после ночного смертоносного фарса в доме восстановилось прежнее спокойствие. Картины на лестнице, ковры под ногами — все как будто сговорились не выдать ни единого признака отчаяния. Беспорядок казался немыслимым, как бунт в картинной галерее; то, что произошло ночью, объявлено вне закона.

Марти тихо постучал в дверь. Ответа не последовало, и он постучал еще раз, погромче.

— Кэрис?

Может быть, она не хочет говорить с ним? Марти не мог предсказать, кем они станут другу через день, любовниками или врагами, однако двусмысленность Кэрис большие не тяготила его. Так она проверяла его, решил Марти, и это прекрасно; ведь в конце концов она призналась, что любит его больше, чем любого другого на земле.

Он подергал ручку и обнаружил, что дверь не заперта. В комнате было пусто: ни Кэрис, ни следов ее пребывания. Ее книги, туалетные принадлежности, одежда и украшения — любые признаки того, что она жила здесь, — исчезли. С постели сорваны простыни, с подушек сняты наволочки. Голый матрас выглядел уныло.

Марти закрыл дверь и отправился вниз. Он не раз просил объяснений и получил лишь несколько уклончивых ответов. Но это уж слишком. Господи, если бы Той по-прежнему был здесь! Он по крайней мере воспринимал Марти как мыслящее существо.

В кухне он увидел Лютера, задравшего ноги на стол среди немытых тарелок. Перл, очевидно, оставила свою епархию на милость варваров.

— Где Кэрис? — сразу задал вопрос Марти.

— Ты никогда не утомишься, да? — Лютер погасил свою сигарету о тарелку, оставшуюся от завтрака Марти, и перевернул страницу журнала.

Марти почувствовал, что вот-вот взорвется. Лютер ему никогда не нравился, но он в течение долгих месяцев терпел наглые замечания этого ублюдка, потому что правила запрещали отвечать так, как хотелось бы. Сейчас правила рушились, и очень быстро. Той ушел, собаки мертвы, ноги на кухонном столе... Кого теперь заботит, черт возьми, сделает ли он отбивную из Лютера?

— Я хочу знать, где Кэрис?

— Здесь нет дамы с таким именем.

Марти шагнул к столу. Лютер, видимо, почувствовал, что перегнулся палку. Он отложил журнал и перестал улыбаться.

— Расслабься, парень, — сказал он.

— Где она?

Лютер разгладил журнальную страницу, водя ладонью по глянцевой наготе.

— Она уехала,— ответил он.

— Куда?

— Уехала, парень. Вот и все. Ты глухой, тупой или и то и другое?

Марти одним прыжком пересек кухню и сбил его со стула. Внезапный приступ насилия заставил забыть о пощаде, и в яростной схватке они оба потеряли равновесие. Лютер повалился назад; пытаясь удержаться, он взмахнул рукой, задел и перевернул чашку кофе. Она разбилась, пока противники катались по кухне. Лютер первым вскочил на ноги и двинул коленом в пах Марти.

— Боже!

— Убери на хер от меня руки, парень! — взвизгнул Лютер, испуганный неожиданной вспышкой гнева.— Я не хочу драться с тобой, понял? — Требовательный тон смягчился, и теперь он просил опомниться: — Ну, успокойся, парень, успокойся...

Вместо ответа Марти снова набросился на противника. Его кулак взлетел и — скорее случайно, нежели намеренно,— угодил Лютеру в лицо, потом несколько раз в живот и грудь. Отступая, Лютер поскользнулся на пролитом кофе и упал. Бездыханный и окровавленный, он лежал на полу в безопасности, пока Марти растирал сбитые костяшки пальцев. На глазах Лютера после удара в пах выступили слезы.

— Просто скажи мне, где она...— выдохнул он.

Лютер сплюнул кровавую слону, прежде чем заговорил.

— Ты рехнулся, парень, понимаешь? Я не знаю, куда она уехала. Спроси своего большого белого отца. Ведь это он кормил ее проклятым героином.

Конечно. В этом откровении лежал ключ к половине всех загадок. Героин объяснял отказ Кэрис покинуть стари-

ка, ее вечную усталость, ее неспособность загадывать дальше, чем следующий день и следующее действие.

— Так ты снабжал ее порошком? Так?

— Может, и так. Только я не сажал ее на него, парень. Я никогда не делал такого. Это он, все он! Он хотел удержать ее. Удержать, черт его побери! Ублюдок! — В голосе Лютера звучало неподдельное презрение.— Какой отец так поступает? Говорю тебе, по части грязных трюков нам обоим далеко до этого поганца!

Он остановился и сунул палец в рот, проверяя зубы. Он явно не желал вставать с пола, пока Марти не перестанет жаждать крови.

— Я не задавал вопросов,— продолжил Лютер.— Я знаю одно: мне приказали убрать комнату сегодня утром.

— А где ее вещи?

Некоторое время Лютер молчал.

— Почти все я сжег,— наконец ответил он.

— Ради бога, зачем?

— Так велел старик. Ты успокоился?

Марти кивнул:

— Да.

— Мы с тобой,— сказал Лютер,— никогда не нравились друг другу. С самого начала. Знаешь почему?

— Почему?

— Мы оба дермо,— произнес он жестко.— Бесполезное дермо. Но я понимаю, кто я. Я даже могу с этим жить. А ты, несчастный ублюдок,— ты думаешь, что если будешь лезть из кожи вон, то тебе простят твои грехи.

Марти сплюнул в ладонь и вытер руку о джинсы.

— Правда глаза колет? — ухмыльнулся Лютер.

— Ладно,— ответил Марти.— Если ты такой правдолюбец, может, объяснишь мне, что происходит вокруг.

— Я уже сказал: я не задаю вопросов.

— И ты никогда не интересовался?

— Конечно, я, мать твою, интересовался. Каждый раз, когда приносил порошок девочке или видел, как старик начинал потеть с наступлением темноты. Но есть ли в этом

смысл? Он спятил — вот тебе ответ. Растирал мозги, когда умерла его жена. Слишком внезапно. Он не перенес этого и тронулся умом.

— И это объясняет все, что здесь происходит?

Лютер тыльной стороной ладони вытер кровь, струившуюся по подбородку.

— Не слушай зла, не смотри на зло, не говори о зле,— сказал он.

— Я не обезьяна,— ответил Марти.

41

Только в середине вечера старик согласился увидеться с ним. К этому моменту гнев Марти поутих, что явно и было целью задержки. Сегодня Уайтхед покинул кабинет и обычное место перед окном. Он устроился в библиотеке. Единственная лампа, освещавшая комнату, стояла позади кресла. Лицо Джо опять скрывала тень, а голос звучал так бесцветно, что ничем не выдавал его настроения. Но Марти ожидал подобных театральных эффектов и подготовился к ним. Он должен получить ответ на свои вопросы и не даст запугать себя молчанием.

— Где Кэрис? — требовательно спросил он.

Голова Уайтхеда чуть шевельнулась в укрытии кресла. Руки закрыли книгу, лежавшую на коленях, и поместили ее на стол: один из фантастических романов, легкое чтиво на ночь.

— А какое тебе дело? — поинтересовался Уайтхед.

Марти полагал, что предусмотрел все реакции — подкуп, уклонение от ответа — но таких слов, взваливающих весь груз расследования на него, он не ожидал. Напрашивались новые вопросы: например, знает ли Уайтхед об их отношениях с Кэрис? С самого утра Марти мучила мысль о том, что девушка все рассказала отцу. Что после той их ночи она ходила к старику и отчитывалась о каждом неуклюжем или наивном действии своего любовника.

— Мне нужно знать,— ответил Марти.

— Что ж, нет причин не рассказать тебе,— произнес бесцветный голос.— Хотя, видит бог, это мое личное горе. К тому же осталось слишком мало тех, кому я могу довериться.

Марти пытался поймать взгляд Уайтхеда, но свет ослеплял его. Он мог лишь слушать изменения интонаций старика и по ним делать выводы.

— Ее забрали, Марти. По моей просьбе. Туда, где ее проблемы будут решены соответствующим способом.

— Наркотики?

— Ты должен был заметить, что ее состояние в последние недели ухудшилось. Я надеялся справиться с этим, предоставляя ей необходимое и постепенно сокращая дозу. Прежде это помогало.— Он вздохнул и поднес руку к лицу.— Я вел себя глупо. Я давно должен был признать поражение и отправить ее в клинику. Но я не хотел расставаться с ней; вот так просто. А прошлой ночью, после наших гостей, после гибели собак, я понял, как эгоистично подвергать дочь подобному давлению. Сейчас не время для гордости и самолюбия. Если люди узнают, что моя дочь наркоманка,— пусть знают.

— Понятно.

— Ты относился к ней нежно.

— Да.

— Она прекрасная девушка, а ты одинок. Она очень тепло отзывалась о тебе. Со временем она вернется к нам, я уверен.

— Я бы хотел повидать ее.

— Повторяю: со временем. Мне сказали, что первые недели лечения требуют полной изоляции. Не беспокойся, Кэрис в хороших руках.

Все звучало так убедительно... Но он лгал. Конечно, лгал. Комната Кэрис опустошена — не противоречит ли это утверждению, что «она вернется к нам» через несколько не-

дель? Еще одна ложь. Опережая протест Марти, Уайтхед заговорил размежеванным тоном:

— Ты сейчас очень близок ко мне, Марти. Как прежде был Билл. И я действительно думаю, что тебе пора войти в мой ближний круг. В следующее воскресенье я устраиваю прием и хочу, чтобы ты присутствовал там. В качестве почетного гостя.— Прекрасная льстивая речь. Старик легко перехватил инициативу.— На неделе, думаю, тебе надо съездить в Лондон и купить себе что-нибудь из одежды. Боюсь, мои приемы слишком официальные. Вот чек.— Он дотянулся до книжки на столе и открыл ее. Подписанный чек лежал между страниц.— Здесь хватит на хороший костюм, рубашки, обувь. Все, что тебе понравится, на твой вкус.— Уайтхед протянул Марти чек, зажатый между средним и указательным пальцами.— Пожалуйста, возьми.

Марти шагнул вперед и взял бумагу.

— Благодарю вас.

— В моем банке на Стрэнде возьмешь по нему наличные. Они ждут тебя. А то, что останется, поставь на кон.

— Сэр? — Марти засомневался, правильно ли он расслушал.

— Я настаиваю, чтобы ты сыграл на эти деньги. Скачки, карты — все, что угодно. Развлекись. Сделай это для меня. А когда вернешься, можешь рассказать о своих приключениях и заставить старика завидовать тебе.

Итак, все закончилось подкупом. Заранее приготовленный чек более всего убедил Марти, что старик лгал насчет Кэрис. Но у него не хватало смелости вновь вернуться к этому вопросу. Однако его заставила отступить не трусость, а нарастающее возбуждение. Его подкупили дважды: сначала деньгами, потом предложением сыграть на них. Уже несколько лет он не имел этой возможности. Сейчас у него есть и деньги, и время. Может быть, скоро он возненавидит Папу, разбудившего давний вирус в его организме, но до того успеет выиграть, проиграть и выиграть вновь.

Марти стоял перед стариком и уже чувствовал знакомую лихорадку.

— Ты хороший парень, Штраус.

Слова Уайтхеда прозвучали из затененного кресла, как речь пророка из расщелины скалы. Марти не видел лица собеседника, но знал, что тот улыбается.

42

Несмотря на то что Кэрис годами жила на своем солнечном острове, она обладала хорошим чувством реальности. По крайней мере до тех пор, пока ее не забрали в этот холодный пустой дом на Калибан-стрит. Здесь ни в чем нельзя быть уверенной. Так действует Мамолиан. Только одно казалось несомненным. В доме никто не жил — только в мозгу. Что бы ни двигалось в воздухе, ни скользило вдоль голых стен с пыльными лампочками и тараканами, ни мерцало в углах ее глаз, как вода или луч света, все это было делом рук Мамолиана.

Целых три дня после прибытия на новое место Кэрис отказывалась говорить со своим хозяином или повелителем. Она не могла вспомнить, как пришла сюда, но она знала, что это он заставил ее прийти. Его разум вползал в ее голову, и она сопротивлялась. Брир принес ей еду, а на второй день и наркотики, но Кэрис ни к чему не прикоснулась и не произнесла ни слова. Комната, где ее заперли, оказалась вполне удобной. Там были книги и телевизор, но атмосфера слишком нервозная, чтобы расслабиться. Кэрис не могла ни читать, ни смотреть на экранную бессмыслицу. Порой она с трудом вспоминала собственное имя, словно постоянная близость Архитектора выдавила все ее мысли. Возможно, так оно и было. В конце концов, он сидел у нее в голове — разве нет? — и тайком вползал в ее душу бог знает сколько раз. Господи, он проникал в нее, и она ничего не могла с этим поделать.

— Не бойся.

Было три часа утра четвертого дня. Еще одна бессонная ночь. Он вошел в ее комнату так тихо, что Кэррис глянула на его ноги — касаются ли они пола.

— Я ненавижу это место,— заявила она.

— Ты предпочла бы изучать обстановку, а не сидеть взаперти?

— Здесь есть привидения,— сказала она.

Кэррис ожидала, что Мамолиан посмеется над ней. Однако он не сделал этого. Она продолжила:

— Ты призрак?

— Кто я есть — это загадка,— ответил он.— Даже для меня самого.— Его голос смягчился.— Но я точно не призрак. Ты можешь быть уверена в этом. Не бойся меня, Кэррис. Все твои чувства я в какой-то мере разделяю.

Она четко помнила его отвращение во время секса. Какой бледной и немощной тварью он был, несмотря на всю его силу! Кэррис не могла заставить себя ненавидеть его, хотя имела для этого достаточно причин.

— Мне не нравится, когда меня используют,— сказала она.

— Я не причинил тебе вреда. И не причиняю сейчас, правда?

— Я хочу видеть Марти.

Мамолиан принял растирать свою изуродованную руку.

— Боюсь, это невозможно,— ответил он.

Заживающий шрам блестел, но искалеченная рука гнулась с трудом.

— Почему нет? Почему ты не позволяешь мне увидеться с ним?

— У тебя есть все, что тебе нужно. И еда, и героин.

У Кэррис внезапно мелькнула мысль, что Марти мог попасть в расстрельный список Европейца. Более того — он уже мог погибнуть.

— Пожалуйста, не причиняй ему вреда,— попросила она.

— Воры приходят, и воры уходят,— отозвался Мамолиан.— Я не отвечаю за то, что с ними случается.

— Я никогда не прощу тебя,— сказала она.

— Нет, простишь,— ответил он, и его голос звучал так мягко, что казался иллюзорным.— Теперь я твой защитник, Кэрис. Если бы мне разрешили, я бы охранял тебя с самого детства и избавил от всех страданий и унижений. Но сейчас слишком поздно. Я могу лишь оградить тебя от дальнейшего падения.

Он оставил свои попытки сжать кулак. Раненая рука явно раздражала его.

«Он бы оторвал ее, если б мог,— подумала Кэрис.— Он ненавидит не только секс, но и тело».

— Хватит,— сказал он то ли про руку, то ли про их спор, то ли про все на свете.

Он ушел, оставив Кэрис засыпать, и не запер за собой дверь.

На следующий день она начала исследовать дом. В нем не оказалось ничего примечательного — просто большое пустое трехэтажное здание. По улице за пыльным окном двигались обычные прохожие, слишком поглощенные собственными мыслями, чтобы смотреть по сторонам. Первым побуждением Кэрис было постучать в окно и докричаться до них, но здравый смысл быстро подавил этот порыв. Если она выберется наружу, от чего и куда она побежит? Так или иначе, здесь она в безопасности и у нее есть наркотики. Правда, поначалу Кэрис сопротивлялась им, но они были чересчур притягательны, чтобы спускать их в туалет. После нескольких дней воздержания она сдалась и приняла героин. Его доставляли постоянно — в достаточном количестве и всегда хорошего качества.

Только Брир, этот толстяк, беспокоил Кэрис. Иногда он приходил и разглядывал ее своими выпученными глазами. Она рассказала Мамолиану, и на следующий день Брир уже не болтался здесь — принес таблетки и сразу ушел. Дни шли, плавно перетекая друг в друга, и Кэрис иногда

не могла понять, где она и как попала сюда, а порой забывала свое имя. Пару раз она пыталась мысленно отыскать путь к Марти, но тот был слишком далеко от нее или дом подавлял ее силу. Так или иначе, мысли Кэрис сбились с дороги в нескольких милях от Калибан-стрит, и она вернулась обратно, вспотевшая и испуганная.

Она пробыла в доме почти неделю, когда все стало меняться к худшему.

— Я хочу, чтобы ты кое-что сделала для меня,— произнес Европеец.

— Что?

— Я хочу, чтобы ты нашла мистера Тоя. Ты помнишь мистера Тоя?

Конечно, она помнила. Не слишком хорошо, но помнила. Его сломанный нос, его осторожные глаза, всегда грустно смотревшие на нее.

— Как ты думаешь, ты можешь отыскать его?

— Я не знаю как.

— Позволь твоим мыслям пойти за ним. Ты умеешь это, Кэрис.

— Почему ты не можешь сам?

— Потому что он ждет меня. Он будет защищаться, а я сейчас слишком устал, чтобы бороться с ним.

— Он боится тебя?

— Возможно.

— Почему?

— Ты была младенцем, когда мистер Той и я встречались в последний раз. Мы расстались врагами, и он до сих пор считает меня врагом.

— Ты хочешь навредить ему,— сказала она.

— Это мое дело, Кэрис.

Она встала, скользнув спиной по стене, к которой прислонялась.

— Не думаю, что хочу найти его для тебя.

— Разве мы не друзья?

— Нет,— ответила она.— Нет. И никогда не были.

— Так подружимся сейчас.

Он шагнул к ней. Изуродованная рука дотронулась до нее — прикосновение было легким как перышко.

— Я думаю, ты все-таки призрак,— сказала она.

Она оставила его в коридоре и отправилась в ванную, чтобы все обдумать за закрытой дверью. Она ни секунды не сомневалась: Мамолиан причинит зло Тою, если найдет его.

— Кэрис,— тихо позвал Европеед.

Он стоял за дверью. От его присутствия по ее скальпу бежали мурашки.

— Ты не можешь заставить меня,— прошептала Кэрис.

— Не искушай меня.

Внезапно лицо Европейца всплыло в ее голове. Он заговорил вновь:

— Я знал тебя еще до того, как ты начала ходить, Кэрис. Я часто держал тебя на руках. Ты сосала мой большой палец.— Он говорил, прижав губы к двери; его низкий голос проходил через деревянную поверхность, к которой прислонилась девушка.— То, что нас разделили, не твоя и не моя вина. Я рад, что ты унаследовала способности твоего отца, потому что он никогда не использовал их. Он никогда не понимал, какую мудрость можно обрести с их помощью. Он все растратил — ради славы, ради богатства. Но ты... Я могу научить тебя всему.

Голос Мамолиана звучал столь соблазнительно, что казалось, будто он проникает сквозь дверь и обнимает Кэрис, как его руки много лет назад. Внезапно в ее голове промелькнуло воспоминание: он сюсюкает и корчит рожицы, чтобы вызвать улыбку на лице младенца.

— Найди Тоя для меня. Разве я многого прошу за всю мою доброту к тебе?

Кэрис вдруг обнаружила, что раскачивается в ритме его убаюкивающих слов.

— Той никогда не любил тебя,— говорил Мамолиан.— Никто никогда не любил тебя.

Это была ложь и тактическая ошибка. Слова окатили ее сонное лицо холодной водой. Ее любили! Марти любил ее. Бегун. Ее бегун.

Мамолиан моментально почувствовал свой просчет.

— Не пытайся сопротивляться.— Все намеки на сюсюкающий тон исчезли.

— Пшел к черту,— ответила она.

— Как хочешь...

Слова прозвучали так, словно вопрос решен и дело закончено. Однако Европеец не оставил свой пост у двери. Кэрис чувствовала его близость. Ждал ли он, пока она устанет и выйдет? Убеждать с помощью физического насилия было совершенно не в его правилах, если только он не намеревался использовать Брира. Кэрис напряглась при мысли об этом. Она выщипывает водянистые глазки толстяка.

Минуты шли. Она не сомневалась, что Европеец все еще стоит за дверью, хотя не слышала ни звука, ни вздоха.

И вдруг заурчали трубы. Где-то в глубине поднималась волна. Раковина издала хлюпающий звук, вода в туалетном бачке заплескалась, крышка унитаза подскочила и захлопнулась снова, откуда-то снизу вырывался поток зловонного воздуха. Это было дело рук Мамолиана, хотя и явно бессмысленное. Унитаз снова выпустил газы — запах был омерзительным.

— Что происходит? — спросила она, стараясь не вдыхать.

Мерзкая жижка перетекла через край унитаза и шлепнулась на пол. В ней двигалось что-то вроде червей. Кэрис зажмурилась. Это затяжно, чтобы смутить ее разум; надо не обращать ни на что внимания. Но и с закрытыми глазами иллюзия не исчезала. По мере того как поднимался поток, вода хлюпала все громче. Сквозь бурление Кэрис слышала, как что-то влажное и тяжелое хлюпает по полу ванной.

— Ну? — спросил Мамолиан.

Она попыталась рассеять наваждение одним резким выдохом.

Что-то проползло по ее обнаженным ступням. Будь она проклята, если откроет глаза и позволит ему повлиять на еще один орган чувств. Но любопытство пересилило.

Одиночные всплески из унитаза превратились в поток, словно канализационные трубы разверзлись и понесли свое содержимое к ногам Кэрис. Не просто экскременты и вода — бульон теплой грязи породил монстров. Таких созданий не найдешь ни в одном зоологическом справочнике: существа, когда-то бывшие рыбами и крабами; зародыши, спущенные в канализацию больниц, прежде чем их матери очнулись и закричали; твари, пожирающие экскременты, извергаемые собственными телами. Повсюду в илистой грязи мусор, отбросы, падаль поднимались на слабых конечностях, хлюпали и ковыляли в сторону Кэрис.

— Убери их,— прошептала она.

Они и не думали уходить. Пенистая грязная волна по-прежнему бурлила; фауна, которую извергал унитаз, становилась все обширнее.

— Найди Тоя,— отозвался голос по ту сторону двери.

Вспотевшие ладони Кэрис дергали дверную ручку, но та не поддавалась. Никакой надежды на помилование.

— Выпусти меня.

— Просто скажи «да».

Она навалилась на дверь. Крышка унитаза подлетела вверх под мощным напором и осталась в таком состоянии. Поток становился гуще, трубы трещали, будто нечто огромное прокладывало себе путь к свету. Кэрис слышала, как оно скребется в трубах. Она слышала klaцанье его зубов.

— Скажи «да»,— повторял Мамолиан.

— Нет.

Поблескивающая рука вытянулась из бурлящего бачка и стала шарить вокруг, пока пальцы не зацепились за край раковины. Затем тварь стала вытаскивать себя наверх, вытягивая изъеденные водой кости.

- Пожалуйста! — закричала Кэрис.
- Только скажи «да».
- Да! Да! Все, что угодно! Да!

Как только у нее вырвались эти слова, ручка двери подалась. Кэрис повернулась спиной к вылезающему чудовищу и навалилась всем телом на дверь, другой дрожащей рукой напупызая ключ. Позади слышались звуки высвобождающегося тела. Она повернула ключ — сперва не в ту сторону, затем правильно. Мерзкая водяная смесь уже достигла голеней, почти скрыв стопы. Когда Кэрис отперла дверь, сырье пальцы скользнули по ее колену, но ей удалось выскочить из ванной в коридор, прежде чем чудовище схватило ее, и захлопнуть за собой дверь.

Мамолиан, выигравший сражение, исчез.

После этого Кэрис не могла заставить себя войти в туалет. По ее требованию Пожиратель Лезвий приносил горшок, а позже с поклоном забирал его.

Европеец больше никогда не упоминал о случившемся — не было необходимости. Ночью Кэрис сделала все, о чем он просил. Она раскрыла свой мозг, отправилась на поиски Билла Тоя и через несколько минут отыскала его. После чего его нашел и Последний Европеец.

43

После благословенных дней, когда он по-крупному выигрывал в казино, у Марти никогда не было таких денег, как сегодня. Две сотни фунтов — ничто для Уайтхеда, но Марти они ослепили. Возможно, старик солгал ему о Кэрис. Если так, он вытянет из него правду со временем. «Потихоньку-полегоньку, и поймаем обезьянку», как говорил Фивер. Интересно, что сказал бы он сейчас, увидев Марти с полными карманами наличных?

Он оставил машину около Юстона и поймал такси, чтобы доехать до Стрэнда и обналичить чек. Затем отправился на поиски хорошего вечернего костюма. Уайтхед реко-

мендовал магазин на Риджент-стрит. Служащие поначалу обошлись с Марти довольно грубо, но стоило им увидеть деньги, как тут же угодливо засуетились. Скрывая улыбку, Марти разыгрывал привередливого покупателя, а они крутились вокруг него и виляли хвостами три четверти часа. Наконец Марти нашел то, что ему действительно понравилось: консервативно, но безупречно стильно. Костюм и все остальное — ботинки, рубашки, набор галстуков — уменьшили его наличность на большую сумму, чем он ожидал; но Марти пропустил деньги сквозь пальцы, как воду. Костюм и один набор аксессуаров он забрал с собой, оставшееся отослали в Святынице.

Когда Марти выбрался из магазина, настало время обеда, и он побродил по округе в поисках подходящего заведения. На Джерард-стрит был китайский ресторан, куда они с Шармейн ходили довольно часто, если позволяли финансы. Он отправился туда. На фасаде появилась новая неоновая вывеска, но интерьера остался прежним. Марти уселись в одиночестве, съел и выпил все, что приглянулось из меню, с удовольствием разыгрывая богача. После еды он заказал полдюжины сигар, несколько порций бренд и покуривал, как миллионер. Папа гордился бы мной, думал он. Сытый, пьяный и удовлетворенный, он вышел в хмурый день. Пришло время выполнить последние указания Уайтхеда.

Он отправился в Сохо, где несколько минут искал букмекерскую контору. Когда он входил в прокуренное помещение, его слегка грызло чувство вины, но Марти послал свою совесть куда подальше. В конце концов, он выполняет приказ.

Он узнал о скачках в Ньюмаркете, Кэмптон-парке и Донкастере — каждое название пробуждало горько-сладкие воспоминания — и сделал ставки на всех. Вскоре любой энтузиазм уничтожил последние остатки сомнений. Игра — как жизнь, но вкус ее острее. Обещание выигрыша и легкость проигрыша драматизировали то ощущение

взрослости, о котором он мечтал в детстве: как будет, когда он перерастет ребяческую скуку и попадет в тайный, загадочный, возбуждающий мир больших мужчин, где каждое слово таит в себе риск и надежду, каждый вздох — победу с невероятным перевесом.

Поначалу ему не везло; Марти не делал больших ставок, но частые проигрыши понемногу уменьшали запас наличных. Затем, примерно через час, ситуация изменилась к лучшему. Лошади, выбранные наобум, странным образом приходили первыми даже в самых неблагоприятных обстоятельствах. За один заезд он с лихвой вернул все, что потерял в двух предыдущих. Увлеченность переросла в эйфорию. Именно это чувство он с таким трудом пытался описать Уайтхеду: будто управляешь судьбой.

Наконец победы ему наскучили. Не пересчитывая деньги, он положил выигрыш в карман и вышел на улицу. Толстая пачка банкнот жгла карман. Инстинктивно Марти пробился сквозь толпу к Оксфорд-стрит, выбрал дорогой магазин, купил для Шармейн меховую шубу за девятьсот фунтов и поймал такси, чтобы отвезти подарок. Это было долгое путешествие; офисные рабы уже начали разбегаться по домам, дороги были забиты. Но ничто не могло испортить Марти настроение.

Он вылез из такси на угол улицы, потому что захотел пройтись по ней. Все сильно изменилось с тех пор, как он приезжал сюда два с половиной месяца назад. Ранняя весна превратилась в раннее лето, и тепло дня уже не исчезало в шесть вечера; в это время года оно постоянно. Марти подумал, что не только сезон стал более зрелым, но и он сам.

Он чувствовал себя настоящим. Господи, наконец-то! Он снова может управлять миром, влиять на него и формировать его.

Шармейн, открывшая дверь, выглядела взволнованной. Она раз волновалась еще больше, когда Марти вошел в дом, поцеловал ее и вручил коробку с шубой.

— Вот. Я принес тебе кое-что.

Она нахмурилась:

— Что это, Марти?

— Посмотри. Это тебе.

— Нет,— ответила она.— Я не могу.

Входная дверь была еще открыта. Шармейн подталкивала Марти к выходу; по крайней мере пыталась. Но он не мог уйти. Под ее смущением скрывалось что-то еще: злость или даже паника. Шармейн сунула ему неоткрытую коробку.

— Пожалуйста, уходи.

— Это сюрприз,— настаивал он.

— Мне не нужно никаких сюрпризов. Уходи. Позвони мне завтра.

Марти не взял коробку, и она упала между ними. Крышка слетела, роскошный мех шубы замерзал, и Шармейн не смогла удержаться, чтобы не поднять ее.

— О Марти...— прошептала она.

Он глядел на ее сияющие волосы и вдруг заметил, что кто-то появился наверху лестницы.

— В чем дело?

Марти поднял глаза. Там стоял Флинн в трусах и носках, небритый. Несколько секунд он молчал, оценивая ситуацию. Затем улыбка — вечная панда Флинна — скользнула по его лицу.

— Марти! — воскликнул он.— Что за шум?

Марти смотрел на Шармейн, опустившую глаза в пол. В руках она держала его подарок, и шуба казалась мертвым животным.

— Вот оно что,— протянул Марти.

Флинн спустился на несколько ступенек. Глаза его налились кровью.

— Это совсем не то, что ты думаешь. Совсем не то,— проговорил он, остановившись на полупути и выжидая, когда бросится Марти.

— Это как раз то, что ты думаешь, Марти,— тихо сказала Шармейн.— Мне очень жаль, что ты узнал все именно так, но ведь ты никогда не звонишь. Я просила тебя звонить, прежде чем приходишь.

— И давно? — прошептал Марти.

— Два года или около того.

Марти взглянул на Флинна. Они забавлялись вдвоем с той черной девчонкой — кажется, Урсулой? — только несколько недель назад, и когда молочко было выпито, Флинн смылся. Он вернулся сюда, к Шармейн.

Интересно, подумал Марти, помылся ли он, прежде чем лечь к Шармейн, в их супружескую постель? Скорее всего, нет.

— Почему он? — услышал он собственный голос.— Почему именно он, ради бога? Ты не могла найти никого получше?

Флинн не сказал ничего в свою защиту.

— По-моему, тебе нужно уйти, Марти,— ответила Шармейн, тщетно пытаясь уложить шубу обратно в коробку.

— Он ведь такое дермо,— продолжал Марти.— Разве ты не видишь, что он дермо?

— Он был здесь,— горько произнесла она.— А тебя не было.

— Да он же паршивый сутенер, господи ты боже мой!

— Да,— кивнула она и наконец поднялась, оставив коробку лежать на полу; глаза ее горели от желания выложить Марти всю правду.— Да, это так. А почему, как ты думаешь, я спала с ним?

— Нет, Шармейн...

— Тяжелые времена, Марти. Вместо денег только свежий воздух и любовные письма.

Она стала шлюхой. Этот говнюк сделал ее шлюхой. Флинн, стоявший на лестнице, встревожился и побледнел.

— Спокойно, Марти,— сказал он.— Я делал только то, черт возьми, чего она хотела.

Марти двинулся к нему.

— Разве не так? — обратился Флинн к Шармейн.— Скажи ему, женщина! Разве я заставлял тебя делать что-то, чего ты не хотела?

— Не надо,— проговорила Шармейн, но Марти уже поднимался по лестнице.

Флинн выстоял только два его шага, затем попятился.

— Эй, ну ладно...— поднял он ладони вверх, пытаясь защищаться.

— Ты сделал мою жену шлюхой?

— Разве?

— Ты, сука, сделал мою жену шлюхой?

Флинн повернулся и побежал вверх по лестнице. Марти ринулся за ним по ступенькам.

— Ублюдок!

Трюк с бегством сработал: Флинн спрятался за дверью, придвигнув стул, прежде чем Марти добрался до верхней ступеньки. Оставалось лишь в ярости колотить в дверь, требуя у Флинна, чтобы тот впустил его. Но этой маленькой заминки вполне хватило, чтобы Марти излил свою злость. Когда Шармейн поднялась наверх, он уже оставил попытки взломать дверь и стоял, прислонившись спиной к стене и глядя на нее испепеляющим взглядом. Она молчала, поскольку не видела смысла и не имела желания преодолевать разрыв между ними.

— Почему он? — только и мог произнести Марти.— Не кто-то другой, а именно он?

— Он был очень добр ко мне,— ответила Шармейн.

Она не собиралась защищаться. Марти стал здесь чужим. Ей не нужно извиняться перед ним.

— Ничего бы не случилось, если бы я не сел.

— Виноват ты один, Марти. Ты проиграл нас обоих. Я никогда не говорила тебе этого...— Она дрожала от ярости, а не от сожаления.— Ты проиграл все, что у нас было. Все, черт тебя возьми! Ты проиграл нас.

— Но мы не умерли.

— Мне тридцать два. Я чувствую себя вдвое старше.

— Это из-за него.

— Какой же ты глупец,— бесцветным голосом сказала Шармейн. Ее холодное презрение лишило Марти сил.— Ты никогда не замечал, насколько все хрупко. Ты жил так, как тебе нравилась. Глупой и эгоистичной жизнью.

Марти прикусил губу, глядя на нее. Ему хотелось ударить Шармейн, но это не отменило бы ее правоту, а только добавило синяков. Покачав головой, он прошел мимо нее и с грохотом спустился по лестнице. Шармейн молча стояла наверху.

Он обогнул коробку и брошенную шубу. Пусть трахаются на ней, подумал он, Флинну понравится. Подобрав сумку с костюмом, он вышел и громко хлопнул дверью, отзовавшейся звоном дрожавшего стекла.

— Можешь выходить,— сказала Шармейн закрытой двери спальни.— Стрельба закончена.

44

Марти не мог выбросить из головы одну мысль: рассказывала ли она Флинну об их совместной жизни? Выдала ли их тайны? Он представил, как Флинн лежит на постели в носках, гладит Шармейн и смеется, пока та выворачивает грязное белье. О том, как Марти спускал все деньги на лошадей или покер; о том, что ему никогда не везло более пяти минут («Посмотрели бы вы на меня сегодня,— хотел он сказать им.— Теперь все по-другому, теперь я охранительно крут»); о том, что он был хорош в постели лишь в те редкие моменты, когда выигрывал, и абсолютно неинтересен в остальное время; о том, как он проиграл Макнамаре сначала машину, потом телевизор, затем лучшую мебель, а выиграл слишком мало. Как он пошел воровать, чтобы избавиться от долгов, и даже здесь оказался неудачником.

Он заново пережил погоню, как всегда очень ясно. В машине пахло дробовиком, который любовно чистил Най-

гард; капельки пота выступали из пор на лице и покалывали его, когда охлаждались потоком воздуха из открытого окна. Он видел это так четко, будто дело было вчера. Все последующее — почти десять лет жизни — вращалось вокруг тех нескольких минут. При мысли об этом он ощущал тошноту. Потеряно. Все потеряно.

Надо напиться. Оставшиеся деньги прожигали дыру в кармане, требовали потратить их или проиграть. Он побродил по Коммершиал-роуд и поймал такси, не слишком понимая, что делать дальше. Было почти семь; нужно хорошо спланировать наступающую ночь. Что сделал бы Папа, подумал Марти; преданный и сломленный, что сделал бы этот великий человек?

То, что подсказало бы сердце, последовал ответ. Что подсказало бы ему его гребаное сердце.

Он отправился на Юстон-стейшн и провел полчаса в туалете: умылся, надел новую рубашку, новый костюм и вышел оттуда полностью изменившимся. Старую одежду вместе с десятифунтовой банкнотой он отдал служителю.

Когда Марти переоделся, он почувствовал, что родился заново. Ему понравилось собственное отражение; вечер мог снова сделать его победителем, если он не будет тратить время на нытье. Чтобы поднять дух и разогнать кровь, он немного выпил в «Конвент-Гардене», затем поужинал в итальянском ресторане. Когда он вышел, люди возвращались из театров; он ловил оценивающие взгляды — в основном женщин среднего возраста и аккуратно причесанных молодых людей.

«Наверное, я похож на жиголо», — подумал он.

Несоответствие между его лицом и его одеждой явно указывало на то, что он играет некую роль. Эта мысль доставила ему удовольствие. Отныне он будет играть роль светского человека Мартина Штрауса — со всей бравадой, на какую способен. Он не слишком преуспел, будучи самим собой. Может быть, фантазия увеличит его достижения?

Он прогулялся по Черинг-кросс-роуд к треугольнику машин и пешеходов на Трафальгар-сквер. На ступенях собора Святого Мартина назревала драка — двое мужчин обменивались проклятиями и оскорблениеми, а их жены наблюдали.

За площадью машин было меньше. Марти потребовалось несколько минут, чтобы оглядеться. Он знал, куда идет, и считал, что знает дорогу, но теперь засомневался. Прошло много времени с тех пор, как он в последний раз приходил сюда. Когда в конце концов он все-таки нашел здание, скрывавшее «Академию» — клуб Билла Тоя,— это удалось ему скорее случайно.

Его сердце забилось сильнее, когда он поднимался по ступенькам. Его ждала главная часть сегодняшней игры; если он проиграет, это испортит весь вечер. Марти остановился на мгновение, чтобы прикурить сигару, затем вошел внутрь.

В свое время Марти бывал во многих казино высшего класса. Здесь он заметил тот же легкий оттенок былого величия: панели из темного дерева, темно-красные ковры, портреты забытых знаменитостей на стенах. Он заложил руку в карман брюк и в расстегнутом — чтобы была видна шелковая подкладка — пиджаке прошел по мозаично-му полу к конторке. Охрана могла бы напрячься: денежные люди заботятся о безопасности. Он не был членом клуба и даже не предполагал им стать, не имея поручителей или покровителей. Единственный способ получить хорошую игру этой ночью — блефовать, чтобы прорваться внутрь.

«Английская роза» за конторкой одарила его обещающей улыбкой:

— Добрый вечер, сэр.

— Ну, как сегодня ночка?

Ее улыбка не померкла ни на мгновение, хотя она даже не знала, кто он.

— Прекрасно. А у вас?

— Отлично. Билл уже здесь?

— Простите, сэр?

— Мистер Той. Разве его еще нет?

— Мистер Той... — Она обратилась к книге для гостей, ведя лакированным ногтем по списку сегодняшних игроков. — Я не думаю, что...

— Ему не нужно записываться здесь, — сказал Марти. — Он, слава богу, член клуба.

Легкое раздражение в его голосе лишило девушку уверенности.

— О... понятно. Боюсь, я его не знаю...

— Это не имеет значения. Я пройду наверх, а вы скажите ему, что я у столов.

— Подождите, сэр. Я не... — Она протянула руку, словно собираясь схватить его за рукав, но передумала. Марти повернулся и одарил ее ослепительной улыбкой, стоя на первых ступеньках лестницы. — Как мне сказать, кто его ждет?

— Мистер Штраус, — ответил он, изображая легкое изумление.

— Да. Конечно. — Притворное узнавание озарило ее лицо. — Простите, мистер Штраус. Это просто...

— Все в порядке, — милостиво ответил Марти и двинулся наверх, оставив девушку таращиться ему в спину.

Ему потребовалось несколько мгновений, чтобы понять расположение залов. Рулетка, покер, блэк-джек и многое другое — все в его распоряжении. Атмосфера была серьезная; там, где проигрывали и выигрывали такие деньги, веселье не приветствовалось. Если завсегдатаи этих островов тишины — мужчины и немногие женщины — приходили сюда, чтобы позабавить себя, то они не выказывали ни малейшего признака удовольствия. Здесь шла работа, тяжелая серьезная работа. На лестницах и в коридорах звучали тихие разговоры, на столах слышались звонки; в остальном царила благоговейная тишина.

Марти прохаживался из зала в зал, задерживался то у одного стола, то у другого, вновь узнавал этикет этого места.

Никто не обращал на него особого внимания; он слишком хорошо подходил для этого рая одержимых.

Ожидание того мгновения, когда он сам начнет играть, подбадривало Марти; он оттягивал его наступление как можно дольше. В конце концов, вся ночь впереди, а он слишком хорошо знает, что деньги могут быстро исчезнуть из кармана, если забыть об осторожности. Он отправился в бар, заказал виски с содовой и стал глязеть на людей. Все они находились здесь по одной причине: чтобы поставить рассудок против удачи. Большинство пили в одиночестве, психологически настраиваясь на игру. Очень скоро, когда они выиграют целое состояние, будут и танцы на столах, и импровизированный стриптиз пьяных подруг. Но пока еще рано.

Появился официант — парень лет двадцати с будто приклеенными усами. Он уже достиг той смеси раболепия и превосходства, что свойственна его профессии.

— Прошу прощения, сэр...

У Марти свело живот. Неужели кто-то сейчас расколет его?

— Да?

— Виски или бурбон, сэр?

— М-м. А-а... виски.

— Отлично, сэр.

— Принесите к столу.

— Где вы будете, сэр?

— У рулетки.

Официант испарился. Марти подошел к кассе и купил фишек на восемьсот фунтов, после чего отправился к рулетке.

Он никогда не был хорошим картежником. Карты требовали техники, которую он ленился изучать; он восхищался профессионализмом великих игроков, но был убежден, что профессионализм затеняет саму схватку с судьбой. Хороший картежник надеется на удачу, а великий оседлывает ее. Рулетка — хотя здесь тоже имелись система и тех-

ника — была более чистой игрой. Ничто не сравнится с блеском вращающегося колеса, когда числа сливаются в сплошную полосу, а шарик то подпрыгивает, то катится.

Он сел за стол между благоухающим арабом, говорящим исключительно по-французски, и американцем. Никто не сказал ему ни слова — здесь нет ни прощаний, ни приветствий. Все любезности принесены в жертву наличности.

Это странный недуг. У него те же симптомы, что и у страстной влюбленности: дрожь, бессонница. Есть лишь одно лекарство — смерть. Пару раз Марти ловил свое отражение в зеркале бара казино или в зеркале кассы и видел жадный, голодный взгляд. Но ни презрение к самому себе, ни пренебрежение друзей — ничто никогда не могло утолить этот голод.

Официант поставил у его локтя рюмку, звякнув льдом. Марти залпом выпил виски.

Колесо только начали раскручивать, но он сел за стол слишком поздно, чтобы сделать ставку. Все взгляды были прикованы к вращающимся номерам.

Прошло больше часа, прежде чем Марти поднялся из-за стола — и то лишь затем, чтобы сходить в туалет. Игроки приходили и уходили. Американец, потворствуя сопровождавшему его юнцу, предоставил ему делать ставки и проиграл весь свой выигрыш. Запасы Марти заканчивались. Он выиграл и проиграл, выиграл и опять проиграл, проиграл, проиграл. Поражение не слишком удручило: ведь это не его деньги, как повторял Уайтхед, а у хозяина их предостаточно. Марти поставил наобум и снова проиграл, а потом встал из-за стола, чтобы передохнуть. Иногда ему удавалось изменить судьбу, покинув игровое поле на несколько минут.

Когда он поднялся с места, в глазах его рябило от номе-ров. Кто-то прошел перед дверью, заглянул в зал с rulettкой и направился дальше. Марти мгновенно узнал его.

В последний раз он видел это лицо плохо выбритым и бледным от боли, залитым светом с ограды усадьбы. Теперь

Мамолиан изменился. Он больше не походил на несчастного страдающего бродягу. Марти невольно двинулся к двери, словно этот человек загипнотизировал его. Официант подскочил к нему:

— Еще виски?

Вопрос остался без ответа, Марти вышел из зала в коридор. Противоречивые чувства боролись в нем. Он почти боялся удостовериться, что действительно видел гостя Уайтхеда, хотя присутствие Мамолиана возбудило его любопытство. Он не обознался, это точно. Возможно, Той сейчас вместе с ним. Возможно, все тайны можно узнать здесь и сейчас. Марти заметил, что Мамолиан проследовал в комнату, где играли в баккара. Там шла напряженная игра, и множество зрителей наблюдали за представлением. Комната была полна, игроки за другими столами отвлеклись и подошли ближе, чтобы насладиться накалом схватки. Даже официанты собирались вокруг, пытаясь разглядеть что-либо.

Мамолиан продирался сквозь толпу, чтобы лучше видеть; его тонкая серая фигура выделялась среди других. Наконец он нашел себе удобное место; свет от лампы падал на его бледное лицо. Изуродованная рука спряталась в карман пиджака, подальше от взоров; широкие брови были невозмутимы. Марти смотрел на него в течение пяти минут. Ни разу взгляд Европейца не оторвался от игры. Он казался фарфоровым — блестящая поверхность, на которой небрежный мастер провел несколько линий. Запавшие глаза взирали неподвижно и неотрывно. В этом человеке все еще сохранялась сила. Люди избегали его и прижимались друг к другу, чтобы не задеть Европейца.

Марти заметил официанта с неестественными усами и стал проталкиваться к нему сквозь толпу.

— На пару слов,— шепнул он юноше.

— Да, сэр?

— Тот человек. В сером костюме.

Официант метнул взгляд к столу, затем на Марти.

— Мистер Мамолиан.

— Да. Вы что-нибудь знаете о нем?

Официант укоризненно взглянул на Марти.

— Простите, сэр. Мы не можем обсуждать членов клуба.

Он повернулся на каблуках и зашагал по коридору. Марти двинулся за ним. Там было пусто. Внизу девушка за конторкой — не та, с кем он беседовал,— хихикала со швейцаром.

— Подождите.

Когда официант обернулся, Марти достал бумажник. У него пока хватало денег на небольшую взятку. Парень уставился на банкноты с нескрываемой жадностью.

— Я лишь хотел задать пару вопросов. Мне не нужен номер его счета в банке.

— В любом случае, я не знаю его,— ухмыльнулся официант.— Вы из полиции?

— Я интересуюсь мистером Мамолианом,— отозвался Марти, протягивая пятьдесят фунтов десятками.— Это личный интерес.

Официант схватил деньги и спрятал их в карман с ловкостью профессионального взяточника.

— Спрашивайте,— сказал он.

— Он часто здесь бывает?

— Пару раз в месяц.

— Играет?

Официант нахмурился.

— Не знаю. Но я не видел его играющим.

— Значит, смотрит?

— Ну, не могу сказать уверенно. Думаю, если бы он играл, я бы видел это хоть однажды. Странно... Впрочем, у нас есть члены клуба, которые так делают.

— У него есть друзья? Кто-нибудь сопровождает его?

— Не припомню. Когда-то он дружил с одной гречанкой, заходившей к нам. Она всегда выигрывала. Ни одного проигрыша.

Таков эквивалент рыбачьих баек для любителей азартных игр: история об игроке, чья система настолько совершенна, что он никогда не проигрывает. Марти слышал ее сотни раз, всегда из третьих рук — о приятеле приятеля, мифическом персонаже, которого нельзя встретить в реальности. Но вот что странно: когда он думал о лице Мамолиана, таком расчетливом под маской бесстрастия, он был готов принять фантазию за реальность.

— А почему вы так интересуетесь им? — спросил официант.

— Он вызывает у меня странное чувство.

— Вы не единственный.

— То есть?

— Мы ни разу не говорили и не общались, как вы понимаете. Он всегда дает щедрые чаевые, хотя, бог свидетель, пьет только дистиллированную воду. Но пару лет назад сюда приходил один американец из Бостона. Он увидел Мамолиана и, скажу я вам, чуть не спятил. Оказалось, он играл с парнем, как две капли воды похожим на него, еще в двадцатых годах. Это наделало шума. То есть трудно представить, чтобы у него был отец, правда?

Официант был прав. Невозможно представить Мамолиана ребенком или прыщавым подростком. Страдал ли он от несчастной любви, переживал ли смерть любимой собаки, потерю родителей? Это казалось невероятным.

— Вот все, что я знаю.

— Спасибо, — ответил Марти.

Официант ушел, оставив ему целую пригоршню возможностей. Рассказ походил на апокриф: гречанка, которая никогда не проигрывает, паникующий американец. Человек типа Мамолиана просто обязан обрасти слухами; легкий оттенок былого аристократизма притягивал к нему невероятные истории. Это как луковица: когда ее очищают, под каждым слоем обнаруживается не сердцевина, а следующий слой.

Поскольку выпил Марти слишком много, а спал слишком мало, он почувствовал усталость и головокружение. Он

решил, что пора заканчивать. У него оставалась сотня фунтов, чтобы нанять такси и вернуться в поместье. Машину можно забрать и завтра. Он слишком пьян, чтобы сесть за руль. Марти бросил последний взгляд на зал баккара и увидел Мамолиана в прежней позе.

Он спустился в туалет. Здесь было намного прохладнее, чем в залах клуба, а отделка в стиле рококо казалась довольно забавной для места со столь низким предназначением. Марти взглянул на себя в зеркало и направился к писсуару.

В одной из кабинок кто-то заскулил — очень-очень тихо, словно старался приглушить звук. Несмотря на переполненный мочевой пузырь, Марти вдруг с удивлением обнаружил, что не может мочиться; безымянное горе слишком сильно подействовало на него. Звук слышался из-за закрытой двери кабинки. Наверное, какой-то оптимист проиграл последнюю рубашку и теперь задумался о последствиях. Марти оставил его за этим занятием. Тут нельзя ничего сделать или сказать — он знал по собственному горькому опыту.

В фойе женщина за contadorкой позвала его.

— Мистер Штраус? — Та же «английская роза»; несмотря на поздний час, без единого признака усталости.— Вы нашли мистера Тоя?

— Нет, не нашел.

— Странно... Он был здесь.

— Вы уверены?

— Конечно! Он пришел вместе с мистером Мамолианом. Я передала ему, что вы здесь и что вы спрашивали о нем.

— И что он вам ответил?

— Ничего,— сказала девушка.— Ни слова.— Она понизила голос: — С ним все в порядке? То есть он выглядел просто ужасно, если позволите. Жутко бледный.

Марти взглянул наверх, осматриваясь.

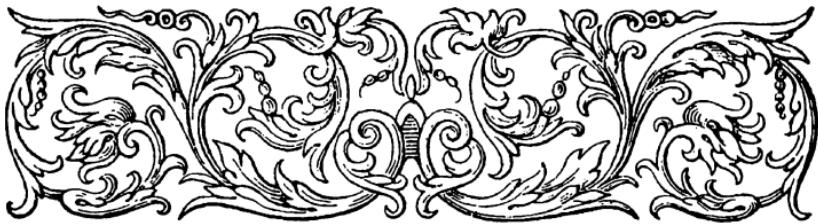
— Он все еще здесь?

— Ну я не стояла здесь весь вечер, однако не видела, чтобы он уходил.

Марти еще раз поднялся по лестнице. Он очень хотел повидаться с Тоем: нужно расспросить его кое о чем, поговорить. Он прошелся по залам, отыскивая в толпе усталое лицо. Мамолиан оставался на месте, потягивая свою воду, но Тоя с ним не было. Не было его и ни в одном из баров. Очевидно, Билл пришел и ушел. Разочарованный Марти спустился вниз, поблагодарил девушку за заботу, дал ей хорошие чаевые и покинул клуб.

И только когда он удалился от «Академии» на достаточно большое расстояние и брел посредине дороги, пытаясь поймать такси, он вспомнил плач в туалете. Шаг Марти замедлился. Потом он остановился; удары сердца гулко отдавались в голове. Показалось ему или тот прерывистый голос, оплакивающий свое горе, действительно был знакомым? Не Той ли сидел в сомнительной уединенности туалетной кабинки и плакал, как заблудившийся ребенок?

Невольно Марти повернулся и бросил взгляд назад. Если Той еще в «Академии», почему бы не пойти туда и не проверить? Но в голове всплыли неприятные ассоциации. Жуткий голос женщины, поднявшей трубку телефона в Пимлико; вопрос девушки за contadorкой: «С ним все в порядке?»; глубина отчаяния за закрытой дверью. Нет, он не вернется. Ничто не заставит его, даже обещание открыть безотказную систему выигрыша за любым столом в клубе. В конце концов, есть такая вещь, как разумное сомнение, и порой это успокаивает, как ничто другое.

VIII

СКАНДАЛ

45

В день Тайной вечери, как он все чаще мысленно называл предстоящий прием, Марти побрился трижды — один раз утром и два раза днем. Первоначальное возбуждение от приглашения давно исчезло. Сейчас он уповал лишь на то, что найдется какая-нибудь подходящая причина, чтобы вежливо уйти с этого мучительного, как он предполагал, ужина. Для него нет места в окружении Уайтхеда. Это не его уровень; в их мир Марти допущен лишь в качестве наемного служителя. Он не может дать им ничего, кроме сиюминутного развлечения.

Он почувствовал себя более уверенно, когда надел костюм. Почему бы и ему не облачиться в иллюзию в этом мире видимостей? Так делают все. В конце концов, прошел же он вчера в «Академию». Фокус в том, что надо правильно выглядеть: одеваться как положено и выбирать верное направление, преодолевая заградительные посты. Он стал смотреть на предстоящий вечер как на проверку своего ума, и дух соперничества уже звал его к приключениям. Он сыграет с этими людьми в их собственную игру под звон бокалов и болтовню об опере и больших деньгах.

Трижды выбритый, благоухающий, он спустился в кухню. Странно, но Перл в доме не было: руководить пиршест-

вом остался Лютер. Он открывал бутылки с вином, и комната заполнялась волнующей смесью разнообразных ароматов. Марти предполагал, что вечеринка будет скромной, однако на столе он увидел несколько дюжин бутылок. Наклейки на них были так грязны, что надписи не читались. Казалось, из винного погреба разом вынесли все лучшие сорта.

Лютер оглядел Марти с ног до головы.

— У кого это ты стащил костюм?

Марти поднял одну из бутылок и вдохнул запах вина, игнорируя вопрос. Он не собирался реагировать на колкости; сегодня он должен быть невозмутим, и никто не выведет его из себя.

— Я спросил, у кого ты...

— Я слышал. Я его купил.

— На что?

Марти тяжело поставил бутылку обратно. Бокалы на столе зазвенели.

— Почему бы тебе не заткнуться?

Лютер пожал плечами:

— Старик дал денег?

— Я сказал тебе. Оставь это.

— Сдается мне, ты глубоко увяз, парень. Знаешь, что ты — почетный гость на этой попойке?

— Я иду, чтобы познакомиться с друзьями старика, вот и все.

— Ты о Двоскине и этих раздолбаях? Ну разве ты не счастливчик?

— А ты сегодня кем будешь — виночерпием?

Лютер скривился, вкручивая штопор в очередную бутылку.

— На такие вечеринки не нанимают официантов. Уж слишком они частные.

— Что ты имеешь в виду?

— А что я знаю? — пожал плечами Лютер. — Я ведь обезьяна, правда?

Между восемью и восемью тридцатью в Святилище начали прибывать гости. Марти в своей комнате ждал приглашения присоединиться к ним. Он слышал голос Куртсингера и женские голоса, смех и иногда визг. Он думал о том, только ли жен взяли они с собой или дочерей тоже.

Зазвонил телефон.

— Марти? — Это был Уайтхед.

— Сэр?

— Почему бы тебе не подняться к нам? Мы ждем.

— Отлично.

— Мы в белой комнате.

Еще один сюрприз. Пустая комната с устрашающим алтарем казалась неподходящим местом для званого ужина.

Спускался вечер, и прежде, чем подняться наверх, Марти включил внешнее освещение. Огни загорелись, их свет проник в дом. Легкая тревога, которую Марти испытывал вначале, сменилась смесью фатализма и вызова. Если не облажаемся с самого начала, думал он,— прорвемся.

— Входи, Марти.

Воздух в белой комнате сгустился от табачного дыма. Никто даже не попытался преобразить это место. Единственным украшением оставался алтарный триптих — такой же жестокий, каким он запомнился в прошлый раз. Уайтхед при появлении Марти встал, протянул руку и приветствовал его ослепительной улыбкой.

— Будь добр, закрой дверь. Входи и садись.

За столом было единственное свободное место, и Марти подошел к нему.

— Ты, конечно, знаешь Феликса,— проговорил старик.

Отгави, болтливый адвокат, кивнул. Голая лампочка отбрасывала свет на его макушку, оттеняя линию волос.

— И Лоуренса.

Двоскин — тощий Король Троллей — сидел в середине и потягивал вино. Он пробормотал что-то вроде приветствия.

— И Джеймса.

— Привет,— произнес Куртсингер.— Приятно снова видеть тебя.

Его сигара была самой большой из всех, когда-либо виденных Марти.

Затем Уайтхед представил трех женщин, сидевших между мужчинами.

— Наши сегодняшние гости,— провозгласил он.

— Привет.

— А это Мартин Штраус. Иногда он служит моим телохранителем.

— Мартин.— Ориана, женщина лет тридцати пяти, одарила его кривоватой улыбкой.— Приятно познакомиться.

Уайтхед не назвал ее фамилии, что заставило Марти задуматься, жена ли она одного из мужчин или только подруга. Она была гораздо моложе Оттави или Куртсингера, между которыми сидела. Возможно, чья-то любовница. Мысль об этом раздразнила его.

— Это Стефани.

Стефани — старше Орианы на добрый десяток лет — окинула его раздевающим взглядом. Смысл взгляда был абсолютно ясен, и Марти подумал, заметил ли это кто-нибудь из сидящих за столом.

— Мы много слышали о вас,— проговорила Стефани, ласково кладя ладонь на руку Двоскина.— Не так ли?

Двоскин хмыкнул. Марти с новой силой ощутил отвращение к нему. Трудно представить, как можно захотеть его коснуться.

— И наконец, Эмили.

Марти повернулся, чтобы поприветствовать третью гостью. Как только он сделал это, Эмили опрокинула бокал с красным вином.

— О боже! — воскликнула она.

— Ерунда,— ухмыльнулся Куртсингер. Он был уже пьян, как заметил Марти: слишком глупая улыбка для трезвого.— Ерунда, прелесть моя. Не обращай внимания.

Эмили взглянула на Марти. Судя по всему, она тоже изрядно набралась. Она была моложе остальных женщин и выглядела на их фоне красивой.

— Садись, садись,— сказал Уайтхед.— Да забудьте вы о вине, ради бога!

Марти уселся рядом с Куртсингером. Вино, пролитое Эмили, капало с края стола.

— Мы тут как раз говорили,— встремял Двоскин,— как жаль, что с нами нет Билли.

Марти метнул взгляд в сторону старика, чтобы посмотреть на его реакцию, и тут же вспомнил о подслушанных рыданиях. Но нет. На Уайтхеда, как только сейчас заметил Марти, тоже действовал алкоголь. Принесенные Лютером бутылки — кларет, бургундское — сгрудились на столе, и атмосфера более соответствовала загородному пикнику, чем званому ужину. Не было никаких церемоний: ни педантичной смены блюд, ни тщательно разложенных столовых приборов. Еда — икра в вазах с воткнутыми ложками, сыры, бисквиты — уступила первое место вину. Марти мало разбирался в напитках, но застольная беседа подтверждала его догадку о том, что стариk опустошил свои запасы. Гости пришли, чтобы отведать самые лучшие, самые редкие вина Святилища.

— Выпей! — призвал Куртсингер.— Это лучшее, что ты когда-либо пробовал.— Он переставлял бутылки.— Где латур? Мы же не прикончили его, правда? Стефани, дорогая, ты не припрятала его?

Стефани подняла глаза. Марти сомневался, что она вообще понимает слова Куртсингера. Эти женщины — не жены, он был уверен. Возможно, они даже не любовницы.

— Вот! — Куртсингер опрокинул бутылку в бокал Марти.— Поглядим, как оно тебе.

Марти не очень любил вино. Этот напиток следовало потягивать, смачивать им губы, а у него никогда не хватало терпения. Но букет был удивителен даже для его неотесанного обоняния. Насыщенный аромат вызвал сильное

слюноотделение еще до того, как Марти сделал глоток, и вкус не разочаровал его — восхитительный.

— Хорошо, а?

— Вкусно.

— Вкусно! — Куртсингер обратился к столу с оскорбительной насмешливостью.— Мальчик назвал его вкусным!

— Лучше дай сюда бутылку, пока он не выпил до дна,— заметил Оттави.

— Все это надо опустошить,— сказал Уайтхед,— сегодня.

— Все? — удивилась Эмили, оглядывая две дюжины бутылок, стоявших у стены. Помимо вина там были likеры и коньяки.

— Да, все. Разом покончить с лучшими запасами.

Что здесь происходит? Так ведет себя отступающая армия, не желающая ничего оставлять оккупантам.

— А что же вы собираетесь пить на следующей неделе? — спросила Ориана. Полная ложка икры застыла у ее рта.

— На следующей неделе? — переспросил Уайтхед.— На следующей неделе не будет никаких встреч. Я ухожу в монастырь.— Он взглянул на Марти.— Марти знает, как я обеспокоен.

— Обеспокоен? — переспросил Двоскин.

— Пекусь о своей бессмертной душе,— отозвался Уайтхед, не сводя глаз с Марти.

Его слова вызвали взрыв грубого хохота у Оттави, быстро теряющего контроль над собой.

Двоскин перегнулся через стол и вновь наполнил бокал Марти.

— Выпей,— сказал он.— Нам многое предстоит.

Никто за столом не собирался медленно смаковать вина; бокалы наполняли, опустошали и наполняли снова, словно там была вода. В такой жажде чувствовалось что-то отчаянное. Но следовало помнить, что Уайтхед ничего не

делает наполовину. Не отказываясь, Марти в два глотка опустошил второй бокал, и ему немедленно предложили еще.

— Нравится? — вопрошал Двоскин.

— Вилли бы не одобрил, — произнес Оттави.

— Кого, мистера Штрауса? — поинтересовалась Ориана. Она все еще не донесла до рта ложку с икрой.

— Не Марти. Этого неразборчивого потребления...

Он с трудом выговорил два последних слова. Было приятно слышать, как у адвоката заплетается язык.

— Той может идти в черту, — заявил Двоскин.

Марти хотел сказать что-то в защиту Билла, но алкоголь замедлил его ответ. Прежде чем он заговорил, Уайтхед поднял свой бокал.

— Тост, — провозгласил он.

Двоскин вскочил на ноги и отшвырнул пустую бутылку, которая свалила еще три. Вино потекло, заливая стол и капая на пол.

— За Вилли! — сказал Уайтхед. — Где бы он ни был.

Гости подняли бокалы и чокнулись, даже Двоскин.

— За Вилли! — подхватил хор голосов.

И бокалы опустели. Оттави налил Марти еще:

— Пей, парень, пей!

Алкоголь вызвал бунт в пустом желудке Марти. Он чувствовал, как отдаляется от всего, что есть в комнате: от женщин, от болтуна-адвоката, от распятия у стены. Первое потрясение при виде этих людей в таком состоянии — с вином на подбородках, с заляпанными салфетками на груди, с заплетающимися языками — давно прошло. Поведение гостей не имеет значения. Гораздо важнее изысканные вина, которые он щедро вливал в себя. Марти бросил мрачный взгляд на Христа.

— Иди ты... — тихо пробормотал он.

Куртсингер расслышал его.

— Ну прямо мои слова, — прошептал он.

— А где же Вилли? — спрашивала Эмили. — Я думала, он будет здесь.

Она задала вопрос всем, но никто не пожелал ей ответить.

— Он уехал,— отозвался наконец Уайтхед.

— Он такой милый,— проговорила девушка. Она ткнула Двоскина под ребро: — Ты не считаешь, что он милый?

Двоскин был раздражен ее вмешательством: он теребил молнию на платье Стефани, не возражавшей против публичного ухаживания. Из стакана, который Двоскин держал в другой руке, вино лилось на пиджак. Он не замечал этого, или ему было все равно.

Уайтхед поймал взгляд Марти.

— Забавляем тебя, да?

Марти согнал с лица улыбку.

— Ты не одобряешь нас? — спросил Оттави.

— Не имею права.

— Мне всегда казалось, что преступники — пуритане в душе. Я прав?

Марти отодвинулся от пьяного болтуна и покачал головой. Вопрос не заслуживал даже презрения, как и вопрошающий.

— На твоем месте, Марти,— донесся голос Уайтхеда с другого конца стола,— я бы свернул ему шею.

Марти пожал плечами:

— Зачем утруждать себя?

— Сдается мне, ты вовсе не так опасен,— продолжал Оттави.

— А кто сказал, что я опасен?

Адвокат издал угробное хихиканье.

— Я серьезно. Мы ожидали животного поступка, понимаешь? — Оттави отодвинул бутылку, чтобы лучше видеть Марти.— Нам обещали...— Вокруг зазвучали призывы остановиться, но Оттави не замечал их.— Ну что же, реклама всегда обманывает, согласен? Ты спроси любого из этих забытых богом господ.

Гости притихли.

Рука Оттави описала широкий круг, объединив всех.

— Мы знаем, правда? Мы знаем, как разочаровывает жизнь.

— Заткнись! — рявкнул Куртсингер и дико вытаращился на Оттави.— Мы не хотим слушать.

— Нам вряд ли представится другая возможность, мой дорогой Джеймс,— ответил Оттави с высокомерной вежливостью.— Не думаешь ли ты, что пора признать истину? Мы в отчаянном положении! О да, друзья мои. Нам надо пасть на колени и исповедаться!

— Да, да,— сказала Стефани.

Она пыталась встать, но ноги не слушались ее. Платье, расстегнутое сзади, готово было сползти.

Двоскин потянул ее обратно в кресло.

— Мы останемся здесь на ночь,— сказал он.

Эмили хихикнула.

— Сдается мне,— бесстрашно продолжал Оттави,— что он, возможно, единственный невинный среди нас.— Оттави указал на Марти.— Вы только взгляните на него. Он даже не понимает, о чем я.

Его замечания раздражали Марти. Однако связываться с ним сейчас не имело смысла — удовольствие будет слишком коротким. В теперешнем состоянии Оттави свалится от одного удара; его мутные глаза смотрели почти безумно.

— Вы разочаровываете меня,— прошептал адвокат с неподдельным сожалением в голосе.— Я думал, мы закончим лучше...

Двоскин встал.

— У меня есть тост,— объявил он.— Я хочу выпить за женщинин.

— Вот это идея,— подхватил Куртсингер.— Но нам требуется вдохновение.

Ориана сочла его замечание самой смешной шуткой вечера.

— За женщинин! — провозгласил Двоскин, поднимая бокал.

Но никто его не слушал. Эмили, долго сидевшая тихим ягненком, вдруг решила раздеться. Она оттолкнула кресло

назад и расстегнула блузку. Белья на ней не было, а соски казались нарумяненными, словно она готовилась к представлению. Куртсингер зааплодировал, голоса Оттави и Уайтхеда слились в подбадривающий хор.

— Ну, что скажешь? — обратился Куртсингер к Марти. — Она тебе нравится? У нее все натуральное, правда, милая?

— Хочешь потрогать? — предложила Эмили. Она отбросила блузку и полностью обнажилась по пояс. — Давай-давай. — Она взяла руку Марти и прижала к своей груди, водя его ладонью по кругу.

— О да, — протянул Куртсингер, скалясь на Марти. — Ему нравится. Я вам точно говорю, ему нравится!

— Конечно, нравится, — послышался голос Уайтхеда.

Марти бросил блуждающий взгляд на старика. Уайтхед встретил его прямо — в прищуренных глазах пряталась усмешка и возбуждение.

— Ну давай, — сказал он. — Она твоя. Она здесь именно для этого.

Марти слышал слова, но не понимал их смысла. Он отдернул руку от тела девушки, словно обжегся.

— Идите к черту, — бросил он.

Куртсингер поднялся.

— Ну не надо все портить, — упрекнул он Марти. — Мы лишь хотим посмотреть, на что ты годишься.

Ориана опять захохотала — Марти не знал, над чем. Двоскин стучал ладонью по столу, бутылки подпрыгивали в такт.

— Ну же! — настаивал Уайтхед.

Все гости смотрели на Марти. Он повернулся к Эмили. Та стояла в ярде от него и пыталась стянуть юбку. Ее экспибиционизм, без сомнения, был эротичным. В штанах Марти стало тесно, в голове тоже. Куртсингер обнимал его за плечи и пытался снять с него пиджак. Ритм, отбивааемый Двоскином на столе (теперь и Оттави присоединился к нему), бешеным танцем стучал в висках Марти.

Эмили удалось справиться с юбкой и бросить ее под ноги. Не останавливаясь, она стащила трусики и предстала перед всей компанией в одних жемчугах и туфлях на высоких каблуках. Обнаженная, она выглядела очень юной — лет четырнадцати или пятнадцати. Кожа ее была сливочного цвета. Чья-то рука (Марти подумал, это Ориана) ласкала через брюки его возбужденный член. Он повернулся голову и увидел не Ориану, а Куртсингера. Марти оттолкнул руку. Эмили подошла к нему вплотную и принялась расстегивать его рубашку снизу. Он пытался сказать что-то Уайтхеду. Слова не шли, но он страшно хотел их найти и сказать старику, каким мошенником тот оказался. Даже больше, чем мошенником: обычным мерзавцем, подонком с грязными затеями. Так вот зачем его пригласили сюда, поили вином и развлекали сальными беседами. Старик хотел увидеть его голым и возбужденным.

Марти снова оттолкнул руку Куртсингера — прикосновение было уж слишком умелым. Он взглянул через стол на Уайтхеда, наливавшего себе вина. Взгляд Двоскина не отрывался от голого тела Эмили, Оттави — от Марти. Оба перестали барабанить по столу. Пристальный взгляд адвоката выдавал его; Оттави был мертвенно бледен, на лице выступил неприятный пот.

— Ну, давай, — прерывисто дыша, проговорил он. — Да-вай, возьми ее. Устрой представление, чтобы мы запомнили. Или тебе нечего показать?

Марти рассыпал его слишком поздно, чтобы ответить: голая девчонка опять прижалась к нему и кто-то (Куртсингер?) пытался расстегнуть верхнюю пуговицу его брюк. Он предпринял последнюю неловкую попытку восстановить равновесие.

— Прекратите, — прошептал он, глядя на старика.

— А в чем проблема? — спросил Уайтхед.

— Шутка закончена, — сказал Марти. Рука уже проникла в его штаны, добираясь до члена. — Да отвали ты от меня! — Он отпихнул Куртсингера с большей силой, чем на-

меревался. Тот споткнулся и отлетел к стене.— Что с вами, люди?

Эмили отступила назад, чтобы уклониться от молотящего воздух кулака. Вино закипело в животе и горле Марти, его брюки спереди торчали бугром. Он знал, что выглядит нелепо. Ориана по-прежнему смеялась, и не только она — Двоскин и Стефани тоже хохотали. Оттави просто пялился на него.

— Вы что, никогда не видели эрекции? — заорал на них Марти.

— Где твое чувство юмора? — заговорил Оттави.— Мы лишь хотели посмотреть ваше шоу на полу. Что в этом дурного?

Марти ткнул пальцем в направлении Уайтхеда.

— Я доверял вам,— сказал он. Других слов для выражения боли он не нашел.

— И ошибался, да? — отозвался Двоскин. Он говорил с ним как со слабоумным.

— А ты, говнюк, заткнись!

Марти резко повернулся, сгорая от желания расквасить физиономию любому из них. Натягивая пиджак, он задел рукой несколько бутылок на столе, и те моментально попадали на пол; большинство были полные. Эмили взвигнула, когда бутылки разбились рядом с ней, но он не стал тратить время, оценивая размер нанесенного ущерба. Отвернулся от стола и побрел, спотыкаясь, к выходу. Ключ торчал в замке; Марти отпер дверь и шагнул в коридор. За его спиной Эмили захныкала, как ребенок, очнувшийся от ночного кошмара; он слышал ее голос, пока шел по темному коридору. Он молил Бога, чтобы дрожащие ноги вынесли его отсюда. Он хотел выбраться наружу — на воздух, в ночь. Марти медленно спускался по лестнице, держась рукой за стену. Он дошел до кухни, споткнувшись всего один раз, и открыл заднюю дверь. Ночь ждала. Никто не смотрел на него, никто не знал его. Он вдохнул холодный черный воздух, обжигавший ноздри и легкие. Потом по-

брел по лужайке почти вслепую, не выбирая направления, пока в голову не пришла мысль о лесе. Марти мгновение помедлил, чтобы сориентироваться, и побежал туда, моля о защите и укрытии.

46

Он бежал, спотыкаясь все чаще, и вскоре оказался так глубоко в лесу, что ужέ не видел ни дома, ни огней. Только тогда он остановился. Его тело пульсировало, как одно огромное сердце. Голова еле держалась на плечах, в глубине горла плескалась желчь.

— Боже! Боже! Боже!

В какой-то момент мозг утратил контроль над чувствами: в ушах стоял гул, перед глазами плыли круги. Марти ни в чем не был уверен сейчас, даже в своем физическом существовании. Паника поднималась вверх от паха, постепенно скимая кишкы и живот.

— Проваливай,— сказал он ей.

Только однажды он был так же близок к безумию. То была ночь в Уондсворте — первая из ночей в камере, запертой с одиннадцати до восьми, в течение долгих лет. Он сидел на краю матраса и чувствовал то же, что сейчас. Слепота усиливалась, выжимая адреналин из его селезенки. Тогда он сумел победить ужас и сейчас должен справиться с ним. Он с силой пропихнул пальцы глубоко в горло, чтобы вызвать рвоту. Рефлекс сработал, и Марти дал телу довершить остальное, освобождая организм от выпитого. Это был грязный очищающий опыт; он не пытался остановить спазмы, пока не выблевал все без остатка.

Мышцы живота болели от спазмов. Марти сорвал папоротник, вытер листвами рот и подбородок, затем сполоснул руки в луже и встал. Жестокое лечение подействовало: самочувствие намного улучшилось.

Он схватился за живот и побрел подальше от дома. Сплетение листвьев и веток над головой было достаточно

плотным, но сквозь него проникало мерцание звезд, оттенявшее толстые стволы деревьев и контуры кустов. Прогулка по призрачному лесу доставляла огромное наслаждение; игра света и тени медленно исцеляла израненное сознание. Марти понял, как претенциозны его мечты об обретении своего законного места в мире Уайтхеда. На нем клеймо, и оно не исчезнет никогда.

Он тихо шел по лесу, где деревья сгущались, а молодая поросль из-за отсутствия света была меньше и тоньше. Маленькие зверюшки разбегались от него, ночные насекомые жужжали в траве. Марти остановился, чтобы лучше расслушать музыку ночного леса. Стоило замереть, как краем глаза он уловил движение. Он повернул голову и всмотрелся в узкий просвет между толстыми стволами. Это не обман зрения... Кто-то серый стоял среди деревьев на расстоянии ярдов тридцати от него; незнакомец замер, затем двинулся снова. Марти сосредоточился и разглядел серый силуэт на фоне темной тени.

Без сомнения, это призрак. Тихий и случайный. Он следил за Марти, как дичь следит за охотником, не зная, заметил ли он ее, и опасаясь выдать себя. Ужас зашевелился у Марти в корнях волос. Он боялся не вооруженного убийцы — с такими опасностями он давно свыкся и научился не пугаться. Сейчас он испытывал острый, обжигающий, детский ужас — абсолютный ужас. И как ни странно, это вернуло ему целостность. Не важно, тридцать четыре ему или четыре, ведь в глубине сердца он не менялся. Он грезил о таком лесе, о такой ночи. Он почтительно прикоснулся к своему страху и замер, пока серая фигура — слишком занятая собственными заботами, чтобы замечать пришельца, — всматривалась в землю между деревьями.

Ониостояли так, призрак и Марти, и казалось, что прошло несколько минут. На самом деле времени прошло гораздо больше, прежде чем он услышал звук. Это не был крик совы или шум грызуна, копающегося между корней. Звук не исчезал, и Марти силился понять его природу: что-

то копающее, роющее. Шорох маленьких камней, шум падающей земли. Ребенок внутри него сказал: это плохо, оставим это, оставим все это. Но он был слишком удивлен, чтобы не обращать внимания. Марти сделал пару осторожных шагов к призраку. Тот ничем не показал, что слышит или видит его. Марти набрался храбрости и продвинулся еще; он старался держаться как можно ближе к дереву, чтобы спрятаться, если призрак вдруг посмотрит в его сторону. Так он подобрался на десять ярдов к предмету своего исследования. Теперь он мог рассмотреть привидение в деталях и узнать его.

Это был Мамолиан.

Европеец все еще смотрел на землю под ногами. Марти скользнул в укрытие за стволом и стал наблюдать. Кто-то копался в земле под ногами Мамолиана; у того наверняка имелись подчиненные. Единственная возможность уцелеть — это притаиться и молить Бога, чтобы никто не шпионил за ним, как он шпионил за Европейцем.

Наконец копание прекратилось, а вместе с ним, словно по безмолвному сигналу, стихла музыка ночного леса. Это было странно. Казалось, все лесные жители, насекомые и животные, затянули дыхание.

Марти приник к стволу, ловя каждый звук; отсюда все было видно. Мамолиан удалялся в сторону дома. Ветки мешали Марти смотреть: он не видел ничего, с чем мог быть связан роющий звук, и никого, кто мог сопровождать Европейца. Однако он слышал их передвижение, шорох шелестящих шагов. Пусть идут. Прошло время, когда он защищал Уайтхеда. Сделка утратила силу.

Марти сел, прижал колени к груди и дождался, пока Мамолиан промелькнул между деревьями и исчез. Затем досчитал до двадцати и встал. Сосновые и еловые иглы впились в его брюки, ему пришлось остановиться, чтобы снять их. Только после этого он двинулся вслед за Мамолианом.

Теперь он понял, где находится, хотя в прошлый раз добирался сюда другим путем. Поздняя прогулка застави-

ла его сделать небольшой круг. Он стоял там, где похоронил мертвых собак.

Могила была вскрыта и опустошена, черные пластиковые мешки вырыты, их содержимое бесцеремонно выпотрошено. Марти уставился на дыру в земле, совершенно не понимая шутки. Кому нужны мертвые собаки?

В могиле что-то зашевелилось; под пластиковыми пакетами что-то двигалось. Марти невольно отошел от края — это уж слишком. Возможно, там целое гнездо личинок или один большой червь величиной с руку, разжиравший на собачьих трупах; кто знает, что скрывается в земле?

Повернувшись спиной к яме, он пошел к дому вслед за Мамолианом. Постепенно деревья поредели, и звездный свет засверкал ярче. Здесь, на границе между лесом и лужайкой, он остановился и подождал, пока не услышал вокруг себя прежние звуки ночи.

47

Стефани выбралась из-за стола и отправилась в ванную, прочь от этой истерии. Когда она закрывала дверь, кто-то из мужчин — кажется, Оттави — предложил ей вернуться и пописать в бутылку для него. Стефани не удостоила его ответом. Ни за какие деньги они не заставят ее заниматься такими делами.

Коридор тонул в полутьме. Блеск ваз, ковер под ногами — все сияло роскошью, и во время предыдущих визитов Стефани наслаждалась экстравагантностью этого места. Но сегодня ей было очень тяжко. Оттави, Двоскин, сам старик — в их пьянстве и грязных разговорах сквозило отчаяние, уничтожавшее всякое удовольствие от пребывания здесь. Раньше, в другие ночи, они весело пили и устраивали обычные представления, иногда перераставшие в нечто большее. В основном они удовлетворялись наблюдением. А в конце ночи им достойно платили. Но сегодня выпало иначе; сегодня во всем чувствовалась жестокость, и это не

нравилось Стефани. Ни за какие деньги она больше сюда не приедет. Ей пора уходить на покой и освободить место для девчонок посвежее, которые хотя бы не так наштука-турены.

Стефани вплотную приблизилась к зеркалу и попытала-лась почетче подвести глаза, но рука ее дрожала от выпивки и линия пошла криво. Она выругалась и стала искать в сумочке платок, чтобы поправить грим. В этот миг из коридора послышались царапающие звуки. Наверное, Двоскин. Стефани не хотела, чтобы этот урод дотрагивался до нее — по крайней мере пока она не напьется до бесчувства. Она на цыпочках подошла к двери и заперла ее. Звуки снаружи стихли. Она вернулась к раковине и повернула кран, плеснула холодной водой на усталое лицо.

Двоскин действительно вышел вслед за Стефани. Он на-меревался предложить ей сделать что-нибудь вопиющее, что-нибудь экстраординарное и великое в эту ночь ночей.

— Ты куда? — спросил его кто-то, когда он тащился по холлу.

Или почудилось? Перед ужином Двоскин проглотил не-сколько таблеток — они всегда поднимали ему настроение. Однако сейчас его голова заполнилась голосами, и громче всех звучал голос его матери. Не важно, задали ему вопрос в реальности или нет: Двоскин решил не отвечать. Он просто двинулся дальше по коридору, призывая Стефани. Она на самом деле потрясающая женщина или так решило его накачанное наркотиками либидо. У нее восхитительная задница. Он хотел бы задохнуться под этими ягодицами, умереть под ними.

— Стефани! — настойчиво позвал он.

Она не откликнулась.

— Ну, давай, выходи, — не унимался Двоскин. — Это всего лишь я.

В коридоре стоял какой-то неприятный запах — легкий душок канализации. Двоскин втянул ноздрями воз дух.

— Какая вонь,— сказал он с гримасой.

Запах становился все сильнее, словно источник был совсем рядом и приближался.

— Свет,— сказал себе Двоскин и зашарил рукой по стene в поисках выключателя.

В нескольких ярдах впереди кто-то появился и двинулся по коридору к нему. При тусклом свете нельзя было разглядеть точно, но это был мужчина, и не один. Его сопровождали какие-то фигуры, снующие в темноте, высотой примерно по колено. Запах стал невыносимым. Голова Двоскина закружилась, перед глазами замелькали отвратительные цветные образы, дополнявшие мерзкий запах. Он не сразу понял, что эти воздушные граффити не рождены его воображением. Они шли вместе с мужчиной, точнее перед ним. Световые полоски и точки мелькали и носились в воздухе.

— Кто вы такой? — требовательно спросил Двоскин.

В ответ граффити сложились в убийственное слово. Не уверенный, что вообще издает какой-нибудь звук, Король Троллей завизжал.

Стефани уронила свой карандаш для глаз в раковину, когда визг достиг ее слуха. Она не узнала голос — достаточно высокий, чтобы принадлежать женщине. Но это не Эмили и не Ориана.

Дрожь внезапно усилилась. Она ухватилась за край раковины, чтобы успокоиться, но шум в коридоре не утихал. Теперь оттуда доносились вой и топот бегущих ног. Кто-то кричал, но она смогла разобрать лишь бессвязные приказания.

«Наверное, Оттави», — подумала Стефани. Она не собиралась проверять. Что бы ни происходило за дверью — погоня, бегство, даже убийство, — ее это не интересовало. Она выключила в ванной свет, чтобы он не просачивался под дверью. Кто-то бежал по коридору, взывая к небесам; в голосе звучало отчаяние. Шаги на лестнице превратились в дробь, кто-то упал. Хлопнули двери, и крики затихли.

Стефани попятилась от двери и села на край ванны. Здесь, в темноте, она тихо-тихо запела «Да пребудет со мной» — или то немногое, что смогла вспомнить оттуда.

До Марти тоже донеслись крики, хотя он не желал ничего знать. Даже на расстоянии в них слышалась слепая паника.

Он упал на колени в грязь между деревьев и заткнул уши. Земля пахла прелью; Марти внезапно захотелось лежать на ней — возможно, мертвым, но ожидающим воскрешения. Как спящий на грани пробуждения, встревоженный наступлением дня.

Тем временем шум затихал. Скоро, сказал себе Марти, он откроет глаза, встанет и отправится в дом, чтобы разузнать обо всем. Скоро, но не сейчас.

Шум в коридоре и на лестницах давно затих, когда Стефани подкралась к двери ванной, отперла ее и приоткрыла. В коридоре царила тьма, светильники были погашены или разбиты. Но ее глаза, уже привыкшие к темноте, вскоре различили слабый свет со стороны лестницы. Галерея оказалась пуста в обоих направлениях. Только в воздухе веял странный запах, как в лавке мясника в жаркий день.

Она сбросила туфли и направилась к лестнице. На ступеньках было рассыпано содержимое сумочки, под ногами что-то разлито. Стефани посмотрела вниз — ковер покрывали пятна: то ли кровь, то ли вино. Она поспешила вниз, в зал. Здесь было холодно — обе двери (входная и дверь в вестибюль) открыты настежь. И никаких признаков жизни. Автомобили у подъезда исчезли, комнаты внизу — библиотека, гостиные, кухня — опустели. Стефани поспешила наверх, чтобы забрать свои вещи из белой комнаты и уйти.

Возвращаясь по галерее, она услышала мягкий топот за спиной и обернулась. У лестницы стояла собака; очевидно, это она преследовала женщину. Стефани едва видела животное при плохом освещении, но не испугалась.

— Хороший песик,— сказала она, обрадованная присутствием еще одной живой души в опустевшем доме.

Собака не зарычала, не завиляла хвостом, а просто бросилась к ней. И только тогда Стефани поняла свою ошибку. Магазин мясника стоял здесь, перед ней, на четырех лапах. Она попятилась.

— Нет... — прошептала она. — О нет... Боже... Отстань от меня...

Но собака приближалась, и с каждым ее прыжком Стефани все сильнее ужасалась тому, в каком состоянии находилось животное. Кишки пса вываливались наружу. Разлагающаяся морда, гниющие зубы. Стефани побежала к белой комнате, но собака в три прыжка преодолела расстояние между ними. Руки женщины скользнули по телу зверя, когда тот набросился на нее. К ужасу Стефани, шкура отделилась — она сорвала скальп с жуткого создания. Женщина упала на спину; собака, тяжело мотая головой на ободранной шее, сомкнула челюсти на ее горле. Стефани не могла вскрикнуть, у нее моментально пропал голос, но ее руки скользнули по холодному телу и добрались до позвоночника. Инстинкт выживания усилил ее хватку, и мускулы собаки стали расплзаться на вязкие нити. Тварь отпустила жертву, выгибаясь назад, когда пальцы женщины оторвали один позвонок от другого, и зашипела. Другой рукой Стефани схватилась за свое горло; кровь капала на ковер крупными каплями. Ей нужна помощь, или она истечет кровью.

Женщина поползла обратно к лестнице. Где-то очень далеко кто-то открыл дверь. На нее упала полоска света. Ненамного, чтобы не чувствовать боль, она повернула голову. В отдаленном дверном проеме показался силуэт Уайтхеда. Между ними стояла собака. Каким-то образом тварь поднялась; вернее, ее передняя часть поднялась и потащилась по залитому светом ковру. Большая часть туши уже не действовала, голова едва поднималась над полом. Но собака двигалась и будет двигаться до тех пор, пока тот, кто ее воскресил, не дарует ей покой.

Стефани подняла руку, чтобы привлечь внимание Уайтхеда. Если он и заметил ее в сумраке, то не подал вида.

Она доползла до верха лестницы. Сил больше не осталось. Смерть подступала быстро. Хватит, сказало ее тело, все. Ее воля к жизни иссякла, и она рухнула вниз. Кровь из ран на шее стекала по ступенькам, свет в глазах померк. Одна ступенька, две ступеньки.

Счет — прекрасное средство от бессонницы.

Три ступеньки, четыре.

Она не увидела пятую ступеньку в наползающей тьме.

Марти была неприятна мысль о возвращении в дом, но что бы там ни случилось, все уже закончилось, а он замерз. Его дорогой костюм был испачкан до неузнаваемости, рубашка разодрана, безупречные ботинки перемазаны в глине. Он выглядел как бродяга. Эта мысль почти доставила ему удовольствие.

Он брел по лужайке. Где-то впереди горели огни дома, гостеприимно и успокаивающе, но он прекрасно знал, что это — обман. Да и сам дом не был укрытием. Иногда безопаснее оставаться в открытом мире, под небом, куда никто не явится, чтобы постучать и посмотреть на тебя, где нет крыши, способной обрушиться на твою доверчивую голову.

Он прошел половину пути между лесом и домом, когда в вышине прогудел самолет, чьи огоньки казались двойными звездами. Марти стоял и смотрел, как самолет пролетает над головой. Возможно, это один из тех разведчиков, которые (как он читал) постоянно курсируют над Европой — один американский, другой русский, — а их электронные глаза осматривают спящие города. Карающие близнецы, от чьей милости зависят жизни миллионов людей. Шум двигателей снизился до шепота и затих. Улетели шпионить за другими. Кажется, грехи Англии на сегодня прощены.

Марти решительно направился к дому. Он выбрал дорогу, которая вела прямо к подъезду, в искусственный день

под горячими фонарями. Едва он вышел на свет, как на пороге появился Европеец.

Спрятаться было негде. Марти замер на месте и стоял, пока из дома не выбрался Брир и оба компаньона не двинулись прочь от дома. Зачем бы они ни явились, дело свое они сделали.

Пройдя несколько шагов по дорожке, Европеец оглянулся. Его глаза мгновенно нашли Марти. Долгое время Европеец просто глядел на него через широкое поле, поросшее блестящей травой. Затем он коротко кивнул, будто хотел сказать: «Я вижу тебя!.. И я не причиняю тебе вреда». Затем Мамолиан отвернулся, пошел прочь и вместе со своим подручным, разорителем могил, скрылся за кипарисами, растущими вдоль дорожки.

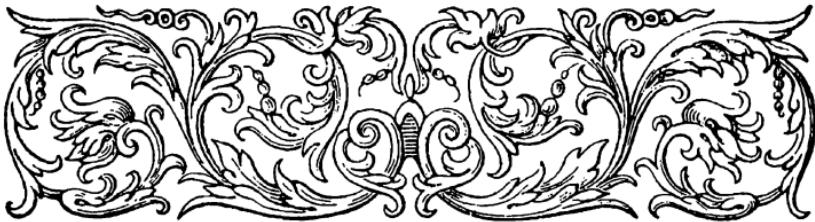
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Рассказ вора

*Цивилизации вырождаются не от страха, а потому,
что забывают о том, что страх существует.*

Фрея Старк. Персей на ветру

48

Марти стоял в холле и пытался расслышать шаги или голоса. Но все было тихо. Похоже, женщины уехали, так же как Оттави, Куртсингер и Король Троллей. Возможно, старик тоже ушел.

В доме горели лишь несколько лампочек, отчего все казалось двухмерным. Видимо, произошло замыкание; его следы виднелись на оплавленных контактах, воздух был голубоватого оттенка. Марти отправился наверх. Второй этаж был погружен в темноту, но он шел легко, повинуясь инстинкту и задевая ногами куски фарфора — какие-то разбитые сокровища. Стекол и обломков становилось все больше. Не глядя вниз, он осторожными шагами пробирался к белой комнате.

Дверь была приоткрыта, и свет — не электрический, а от свечи — горел внутри. Марти перешагнул порог. Одинокий огонек панически замигал, однако позволил разглядеть, что в комнате не осталось ни одной целой бутылки. Марти ступил на ковер из осколков и разлитого вина; вокруг было колко от обломков. Стол был перевернут, и несколько стульев разлетелись в щепки.

Старик Уайтхед стоял в углу комнаты. На лице его виднелись потеки крови, но Марти не был уверен, что это его

кровь. Уайтхед походил на человека, пережившего землетрясение; его лицо заливалась смертельная бледность.

— Он рано пришел,— произнес он, и в каждом его приглушенном слове звучало отчаяние.— Представь себе. Я-то думал, что он соблюдает договор. Но он пришел рано, чтобы подловить меня.

— Кто он?

Уайтхед тыльной стороной ладони вытер слезы со щек, размазывая по лицу кровь.

— Этот ублюдок солгал мне,— прошептал он.

— Вы ранены?

— Нет,— ответил Уайтхед, как будто удивленный вопросом.— Он не дотронется до меня. У него есть вещи похуже. Он хочет, чтобы я сам захотел уйти, понимаешь?

Марти не понимал.

— Там в коридоре труп,— сказал Уайтхед, словно просто констатировал факт.— Я оттащил ее от лестницы.

— Кого?

— Стефани.

— Он убил ее?

— Он? Нет. Его руки чисты. Хоть пей из них молоко.

— Я позвоню в полицию.

— Нет! — Старик, шатаясь, сделал несколько шагов по стеклу и схватил Марти за руку.— Нет! Никакой полиции.

— Но человек мертв.

— Забудь о ней. Ты же можешь спрятать ее потом, а? — Его интонации стали вкрадчивыми, а дыхание вблизи казалось ядовитым.— Ты ведь сделаешь это, правда?

— После того, что вы устроили?

— Немного пошутил,— отозвался Уайтхед. Он попробовал улыбнуться, сжимая руку Марти так, что кровь оставалась в жилах.— Ну брось, это всего лишь шутка.

Он вел себя, как алкоголик, схвативший за пуговицу прохожего на углу улицы. Марти высвободил руку.

— Я уже сделал все, что должен был сделать для вас.

— Хочешь вернуться домой, ты об этом? — Тон Уайтхеда мгновенно изменился.— Хочешь вернуться обратно за решетку, надеешься укрыться там?

— Это не новая ваша шутка.

— Я повторяюсь? О боже! — Старик махнул рукой.— Ну тогда иди. Вали отсюда, ты не из моей компании.— Он попятился и прислонился к стене.— Какого черта я стараюсь, если ты уже решил?

— Вы обманывали меня,— выпадил в ответ Марти.— Всё время.

— Я сказал тебе... это шутка.

— Не только сегодня. С самого начала. Обманывали меня... подкупали меня. Вы говорили, что вам нужно кому-то доверять, а потом обращались со мной как с дерьмом. Невероятно, что все в конце концов покинули вас.

Уайтхед в упор посмотрел на него.

— Хорошо,— почти выкрикнул он.— Чего ты хочешь?

— Правды.

— Ты уверен?

— Да, черт возьми, да!

Старик прикусил губу, борясь с собой. Когда он заговорил, голос его уже был спокойным:

— Ладно, парень. Ладно.— Глаза его опять засияли, и подавленность сменилась энтузиазмом.— Если ты так уж хочешь, я расскажу тебе.— Он ткнул в сторону Марти дрожащим пальцем.— Закрой дверь.

Марти отпихнул разбитую бутылку и послушался. Странно было отраживаться дверью от убийства, чтобы послушать рассказ, но он слишком долго ждал этой истории и не хотел откладывать.

— Когда ты родился, Марти?

— В девяносто сорок восьмом. В декабре.

— Война уже закончилась.

— Да.

— Ты даже не знаешь, что ты пропустил.— Странное начало для исповеди.— Такое время!

— Вы хорошо воевали?

Уайтхед поднял уцелевшее кресло и сел. Несколько секунд он молчал.

— Я был вором, Марти,— наконец произнес он.— Ну... «Черный рынок» звучит более эффектно, но на деле это одно и то же. Я свободно говорил на нескольких языках и всегда быстро соображал. Это облегчало мне жизнь.

— Вам везло.

— Везение не имеет к этому никакого отношения. Не везет людям, которые не могут управлять фортуной. А я управлял, хотя в то время не знал об этом. Я сам создал собственное везение, если хочешь.— Старик помолчал.— Ты должен понять, война — не то, что показывают в кино. По крайней мере моя война. Европа пала. Менялись границы, люди уходили в забвение. Мир был готов для грабежа.— Он покачал головой.— Ты не можешь представить себе такого... Ты живешь во времена относительной стабильности. Но война меняет правила. Вдруг оказывается, что ненавидеть это хорошо, и разрушение тоже хорошо. И человеку позволяет проявить свою истинную сущность...

Марти не понимал, к чему это вступление, но Уайтхед вошел в ритм повествования. Сейчас не время прерывать его.

— Когда вокруг столько неопределенности, тот, кто умеет творить собственную судьбу, может стать королем мира. Прости за гиперболу, но я чувствовал себя именно так. Король мира. Я был умен, понимаешь? Не учен — это пришло позже,— а умен. Уличное образование, как сейчас говорят. И я намеревался получить все от этой чудесной войны, посланной мне Богом. Я провел пару месяцев в Париже, как раз перед оккупацией, потом вовремя улизнул и отправился на юг. Наслаждался Италией, Средиземным морем. Мне все доставалось даром. Чем страшнее становилась война, тем лучше было мне. Отчаяние других людей сделало меня богачом. Конечно, я транжирил деньги.

Доходов мне хватало лишь на несколько месяцев. Я вспоминаю о картинах, что прошли через мои руки, о предметах искусства, о той легкой добыче... Вряд ли я думал тогда, что мочусь в горшок, расписанный Рафаэлем. Я покупал и продавал их грузовиками. В конце войны я подался на север, в Польшу. Немцам приходилось туго, они понимали, что игра заканчивается, и я надеялся провернуть несколько недурных сделок. Потом — и это моя ошибка — я очутился в Варшаве. Когда я появился там, от города практически ничего не осталось. Что не сожгли нацисты, уничтожили русские. Сплошное пепелище, от края до края.— Он вздохнул и нахмурился, подбирая слова.— Ты не можешь представить себе. Это был великий город. Но в тот момент... Ну как тебе объяснить? Ты должен увидеть все моими глазами, иначе нет смысла рассказывать.

— Я пытаюсь,— сказал Марти.

— Ты живешь в себе,— продолжал Уайтхед.— Так же, как и я живу в себе. Мы имеем очень четкое представление о том, кто мы. Поэтому мы дорожим собой — из-за нашей уникальности. Понимаешь, о чем я?

Марти был слишком заинтригован, чтобы солгать. Он покачал головой:

— Нет, не совсем.

— Суть вещей, вот что я имею в виду. Каждая вещь в мире независимо от ее ценности сама по себе уникальна. Мы любуемся индивидуальностью явления и бытия. И мы допускаем, что некоторая часть этой индивидуальности существует вечно. Хотя бы в памяти людей, имевших с ней дело. Поэтому мне дорога коллекция Евангелины: меня восхищают особенные вещи. Ваза, не похожая на другие, или ковер, сотканный с особым мастерством...— Внезапно его рассказ вновь вернулся в Варшаву: — Там было такое великолепие! Красивейшие дома, прекрасные церкви, величайшие собрания живописи. Так много всего. Но когда я приехал туда, все это уже исчезло, все было превращено в прах. Где бы ты ни шел, везде все было одинаково. Под но-

гами была грязь. Серая пыль. Она пачкала твою обувь, она висела в воздухе, она стояла комом в горле. Когда ты сморкался, сопли были серого цвета, и дерымо было таким же. Но когда ты всматривался в эту дрянь, ты замечал, что это была не просто грязь — это была человеческая плоть, обломки, куски фарфора, газет. Вся Варшава тонула в этой грязи. Ее дома, ее жители, ее искусство, ее история — все ушло в землю, которую ты топтал ногами.

Уайтхед сгорбился. Сейчас он выглядел на свои семьдесят — старик, погрузившийся в воспоминания. Лицо покрывали морщины, руки скжались в кулаки. Отец Марти был бы сейчас младше, не умри он от болезни своего паршивого сердца; только отец никогда не умел говорить. Он не обладал такой силой самовыражения и, как полагал Марти, глубиной боли. Уайтхед страдал. Он помнил о мерзости. Более того — предчувствовал ее.

Когда Марти подумал об отце и о прошлом, в его мозгу вдруг ярко вспыхнула картина, навеянная воспоминаниями Уайтхеда. Ему было лет пять или шесть, когда умерла женщина, жившая через три двери по соседству. У нее, очевидно, не осталось ни родственников, ни друзей, чтобы забрать скромное имущество покойной. Муниципалитет предъявил права на квартиру и практически опустошил ее, чтобы продать мебель с аукциона. На следующий день Марти и его приятели нашли в сквере за домами кое-что из вещей умершей. Муниципальный работник, не желая терять времени, просто вытряхнул ящики гардероба, запихнул бесполезный хлам в наволочку и выбросил. Пачка писем, перевязанная выцветшей лентой; альбом фотографий (на снимках она представляла девочкой, невестой, пожилой ведьмой, усыхая по мере того, как шли годы); множество грошовых безделушек: сургуч, перьевые ручки, нож для вскрытия писем. Мальчишки налетели на эти вещи, как гиены, в поисках чего-то интересного для себя. Ничего не обнаружив, они разбросали письма по аллее, разодрали на страницы альбом и глупо хихикали над фотографиями,

хотя какой-то суеверный страх не позволял им порвать карточки. В этом не было нужды — погода быстро расправилась со снимками. Через неделю дождя иочных заморозков лица на фотографиях стали искаженными и грязными и в конце концов полностью размылись. Возможно, это были последние из изображений уже умерших людей, и вот они смешались с землей в сквере. Марти проходил там каждый день и наблюдал их постепенное исчезновение: дождь смывал чернила с порванных листов, пока летопись жизни старой женщины не исчезла совсем, как исчезло ее тело. Если опрокинуть урну с прахом на затоптанные останки вещей, они сольются в одно; все — серая грязь, чей смысл безвозвратно утерян. Все станет навозом.

Марти смутно помнил письма, дождь, мальчишеск, но тогдашнее ощущение вернулось к нему. Похороненные в том сквере чувства причиняли почти невыносимое страдание. Сейчас его воспоминания были сродни тому, о чём говорил Уайтхед. Он начал понимать слова старика о грязи и о суги вещей.

— Да, — пробормотал он.

Уайтхед взглянул на Марти.

— Возможно, — отозвался он. — В то время я был азартным человеком. Намного более азартным, чем сейчас. Война пробуждает это в тебе. Ты постоянно слышишь рассказы о том, как один счастливчик избежал смерти, потому что высыпался, а другой погиб по этой же причине. Рассказы о милости провидения и о злой судьбе. И вскоре твой взгляд на мир меняется: ты повсюду начинаешь видеть, как действует случай. Ты присматриваешься к его тайнам. Одновременно ты осознаешь двойственность и определенность фортуны. Потому что, поверь мне, есть люди, способные сотворить себе удачу. Люди, способные растереть ее в порошок. Ты сам говорил про дрожь в руках. Когда ты чувствуешь: сегодня, что бы я ни сделал, я не проиграю.

— Да...

Рассказ вернулся назад — казалось, на целый век. Старики продолжали:

— Так вот, в Варшаве я услышал о человеке, который не проиграл ни одной игры в карты.

— Ни разу? — недоверчиво переспросил Марти.

— Да, я был столь же щиничен, как ты. Я считал это выдумкой, по крайней мере поначалу. Но я повсюду слышал о нем. Мне стало интересно. В общем, я решил остаться в городе — хотя, видит бог, меня там ничто не держало — и найти этого волшебника.

— А с кем он играл?

— Кажется, со всеми желающими. Некоторые говорили, что за несколько дней до появления русских он играл с нацистами. Когда в город вошла Красная армия, он не уехал.

— Но зачем играть посреди пустоты? Там ведь не могло быть больших денег.

— Практически нет. Русские ставили на кон пайки и сапоги.

— Так для чего же?

— Вот это меня и занимало. Я не мог понять. Да и не верил, что он всегда побеждает, даже если он отличный игрок.

— Я не могу представить, как он находил желающих сыграть.

— Всегда есть кто-то, кто надеется победить чемпиона. Я был таким. Я захотел найти его и убедиться, что эти рассказы — чепуха. Они оскорбляли мое чувство реальности, если хочешь. Я бродил по городу и искал его. Наконец я нашел солдата, который играл с ним и, конечно же, проиграл. Лейтенант Константин Васильев.

— А картежник... как его звали?

— Полагаю, ты знаешь... — ответил Уайтхед.

— Да, — ответил Марти после небольшой паузы. — Кстати, я же видел его. В клубе Билла.

— Когда это случилось?

— Когда я покупал костюм. Вы велели мне сыграть на оставшиеся деньги.

— Мамолиан был в «Академии»? И он играл?

— Нет. Кажется, он никогда не играет.

— Я пытался сыграть с ним, когда он в последний раз приходил сюда, но он не стал.

— А в Варшаве? Там вы играли с ним?

— О да. Чего он и ждал. Теперь я хорошо это понимаю. Долгие годы я делал вид, будто все в моих руках, понимаешь? Будто я сам отправился к нему и выиграл благодаря своему умению...

— Так вы выиграли? — воскликнул Марти.

— Конечно, выиграл. Но он поддался мне. Это был его способ сорвать меня. Для полной иллюзии он сделал так, чтобы игра казалась сложной, но я был слишком поглощен собой и даже не допускал возможности, что он проиграл намеренно. Зачем ему делать это? Я не видел причин.

— Почему он позволил вам выиграть?

— Я сказал тебе: совращение.

— Вы имеете в виду, что он хотел переспать с вами?

Уайтхед вяло пожал плечами.

— Возможно, да. — Эта мысль, похоже, позабавила старика; тщеславие озарило его лицо. — Да, наверное, я мог привлечь его. — Затем улыбка померкла. — Ноекс — это ничто, правда? Когда ты уже обладаешь кем-то, совокупление становится рутиной. То, чего он хотел от меня, гораздо глубже и долговечнее любого физического акта.

— Вы всегда выигрывали, когда играли с ним?

— Я никогда больше не играл с ним, это был единственный раз. Я знаю, это звучит неправдоподобно. Он был игроком, как и я. Но я уже сказал тебе: его интересовали не сами карты, а пари.

— Это была проверка?

— Да. Он хотел увидеть, чего я стою. Гожусь ли я на то, чтобы создать империю. Когда после войны Европу нача-

ли отстраивать заново, он говорил, что настоящих европейцев больше не осталось, что все они дождались своего Холокоста, а он — последний в роду. Я верил ему, слушал его разговоры об империях и традициях. Он ослепил меня. Самый культурный, самый убедительный, самый проницательный человек из всех, кого я встречал раньше, да и позже.— Уайтхед полностью погрузился в прошлое, завороженный воспоминаниями.— Сейчас осталась одна оболочка. Ты не можешь представить себе, какое он произвоздил впечатление! Он мог стать кем угодно или сделать что угодно, если задавался целью. Однажды я спросил его: зачем он тратит время на таких, как я, почему не хочет заняться политикой, чтобы применить всю свою мощь и получить реальную власть? В ответ он посмотрел на меня и произнес: «Это уже было». Сначала я думал, что он говорит о предсказуемости жизни. Но он имел в виду кое-что другое. Мне кажется, он хотел сказать, что уже был этими людьми и делал эти вещи.

— Как такое возможно? Один человек...

— Я не знаю. Это лишь предположения. Так было с самого начала. И вот сорок лет прошло, а я все еще собираю слухи.

Старик встал. По выражению его лица было видно, что во время сидения у него затекли ноги. Он выпрямился, прислонился к стене и, откинув голову назад, уставился на темный потолок.

— У него была единственная любовь. Одна всепоглощающая страсть. Случай. Он был одержим случаем. «Вся жизнь это случай,— говорил он.— И фокус в том, чтобы научиться управлять им».

— А для вас это имело значение?

— Не сразу, но через несколько лет я разделил его одержимость. Не из интеллектуального интереса — мне это не свойственно. Я просто знал: если ты заставишь провидение работать на тебя...— Он взглянул на Марти.— Если сумеешь разработать систему... То тебе будет принадлежать

мир.— Голос его стал суровым.— Посмотри на меня. Видишь, как хорошо я распорядился собой...— Старик горько усмехнулся и вернулся к началу разговора: — Он жульничал. Он не соблюдал правил.

— Сегодняшний прием должен был стать последним? — спросил Марти.— Я прав? Вы собирались сбежать, прежде чем он придет.

— В некотором роде.

— Как?

Вместо ответа Уайтхед продолжил историю с того момента, на котором остановился:

— Он очень многому научил меня. После войны мы путешествовали, по мелочи ловили удачу: я — своими способами, он — своими. Затем мы отправились в Англию, и я занялся химической индустрией.

— И разбогатели.

— Как Крез. На это ушло несколько лет, но я обрел деньги и силу.

— С его помощью?

От этой неприятной мысли Уайтхед нахмурился.

— Да, я применил его принципы,— ответил он.— Но он процветал вместе со мной. Он разделял со мной все — мои дома, моих друзей. Даже мою жену.

Марти хотел заговорить, но Уайтхед оборвал его.

— Я говорил тебе о лейтенанте? — спросил он.

— Вы упоминали его. Васильев.

— Он умер, сказал ли я об этом?

— Нет.

— Он не заплатил свои долги. Его труп выловили из канализационной канавы в Варшаве.

— Его убил Мамолиан?

— Не собственноручно. Но, думаю, да...— Уайтхед запнулся на полуслове и наклонил голову, прислушиваясь к чему-то.— Ты ничего не слышишь?

— Что?

— Нет. Все в порядке. Показалось. О чём я говорил?

— О лейтенанте.

— А, да. Эта часть истории... Не знаю, будет ли она интересна тебе... но я должен объяснить, потому что без нее все остальное не имеет смысла. Видишь ли, ночь нашей встречи с Мамолианом была необыкновенной. Бесполезно пытаться описать ее. Знаешь, как солнце освещает верхушки облаков: такой розоватый, стыдливый, нежный цвет. И я был так переполнен собой, так уверен, что со мной не случится ничего дурного...

Он замолчал и облизал губы, прежде чем продолжить.

— Я был глупцом,— произнес он с презрением к самому себе.— Я шел по развалинам, повсюду пахло тленом, под ногами вилась пыль. А мне было наплевать, потому что это не мои руины, не мое разложение. Я думал, будто я выше их, особенно в тот день. Я чувствовал себя победителем, потому что я был жив, а мертвые мертвы.

Течение слов приостановилось. Потом Уайтхед заговорил так тихо, что приходилось до боли напрягать слух:

— Что я знал? Вообще ничего.— Он прикрыл лицо дрожащей рукой.— О господи!

Наступила тишина, и Марти услышал какой-то звук за дверью — легкое движение в холле. Но звук был слишком мягким, чтобы понять его происхождение, а атмосфера в комнате требовала абсолютной сосредоточенности. Если двинуться и заговорить, исповедь прервется, а Марти, подетски увлеченный мастерством рассказчика, хотел дослушать волнующую повесть до конца. Сейчас это казалось ему самым важным.

Уайтхед прикрывал лицо, пытаясь скрыть слезы. Вскоре он вновь ухватился за кончик своей истории — осторожно, словно она могла убить его одним ударом.

— Я никогда никому не говорил об этом. Я думал, что молчание превратит случившееся в один из слухов и рано или поздно все исчезнет.

В холле снова раздался слабый звук: поскрипывание, словно ветер свистел в маленькой щели. Затем кто-то начал ца-

рапаться в дверь. Уайтхед ничего не слышал. Он снова был в Варшаве, в разрушенном доме; он видел костер и пролег лестницы, стол и мерцающий огонек в комнате. И юнги та-кая же комната, как та, где они находились сейчас. Только там пахло пеплом, а не скипидаром.

— Помню,— сказал он,— когда игра закончилась, Мамолиан встал и пожал мне руку. Холодными руками. Ледяными руками. Затем за моей спиной открылась дверь. Я повернулся вполоборота. Там стоял Васильев.

— Лейтенант?

— Страшно обгорелый.

— Он выжил? — изумился Марти.

— Нет,— последовал ответ.— Он был мертвее мертвого.

Марти подумал, что пропустил какую-то часть истории, которая объясняла это невероятное заявление. Но нет, безумие подавалось как чистая правда.

— Мамолиан умеет это делать,— продолжал Уайтхед. Он дрожал, но его слезы высушил жар воспоминаний.— Он воскресил лейтенанта из мертвых, видишь ли. Как Лазаря. Видимо, ему требовались исполнители.

Слова еще не стихли, когда за дверью вновь послышалось шуршание. Кто-то явно пытался войти. Теперь и Уайтхед услышал. Момент его слабости прошел, голова вскинулась.

— Не открывай,— приказал он.

— Почему?

— Это он,— проговорил старик с безумными глазами.

— Нет. Европеец ушел. Я видел, как он уходил.

— Не Европеец,— ответил Уайтхед.— Лейтенант Васильев.

Марти недоверчиво взглянул на него.

— Нет,— сказал он.

— Ты не знаешь, на что способен Мамолиан.

— Да вы спятили!

Марти встал и направился к двери по хрустящему стеклу. За спиной он слышал, как Уайтхед взмолился:

— Нет, нет! Боже, прошу тебя!..

Но Марти уже повернул ручку и открыл дверь. Слабый свет огарка осветил того, кто так стремился к ним войти.

Это была Белла, собачья мадонна. Она неуверенно стояла на пороге. Подняв вверх глаза — или то, что от них осталось,— она смотрела на Марти. Из ее пасти свешивался язык — пучок червивых мышечных волокон; казалось, что она не может втянуть его обратно. Откуда-то из глубины ее тела раздался тонкий писклявый звук: так скучит собака, когда просит человеческой ласки.

Марти, пошатываясь, сделал пару шагов от двери.

— Это не он,— с улыбкой сказал Уайтхед.

— Господи!

— Все в порядке, Мартин. Это не он.

— Закройте дверь! — выкрикнул Марти, не в силах пошевелиться и сделать это сам.

— Она ничего тебе не сделает. Она иногда приходила сюда за угощением. Она была единственной из них, кому я доверял. Мерзкие твари.

Уайтхед оттолкнулся от стены и направился к двери, по дороге отшвыривая разбитые бутылки. Белла повернула к нему голову, принюхалась и завиляла хвостом. Марти с отвращением отвернулся. Его рассудок метался, пытаясь найти хоть какое-то разумное объяснение, но усилия были тщетны. Собака мертвa, он сам заворачивал ее в пакет. Не может быть, чтобы он похоронил ее живьем.

Уайтхед смотрел на Беллу через порог.

— Нет, тебе нельзя сюда,— сказал он ей, словно она была живой.

— Прогоните ее,— прохрипел Марти.

— Она одинока,— ответил старик, укоряя его за недостаток сострадания. У Марти мелькнула мысль, что Уайтхед сошел с ума.

— Я не верю, что это все на самом деле,— проговорил он.

— Собаки для него — чепуха, поверь мне.

Марти вспомнил, как Мамолиан стоял в лесу и глядел на землю под ногами. Там не было никакого гробокопате-

ля, потому что его и не требовалось. Псы экстремировали сами себя: вырвались из черного пакета и пробились на воздух из-под земли.

— С собаками просто,— продолжал Уайтхед.— Правда, Белла? Тебя же обучили слушаться.

Теперь она принюхивалась к себе, успокоенная видом хозяина: ее бог по-прежнему на небесах, в мире все в порядке. Старик оставил дверь приоткрытой и повернулся к Марти.

— Нечего бояться,— произнес он.— Она нас не тронет.

— Он пригнал их в дом?

— Да, чтобы испортить мне праздник. Со злости. Он хотел напомнить мне, на что способен.

Марти нагнулся и поднял стул. Он дрожал и хотел сесть, чтобы не упасть.

— Лейтенант был гораздо хуже,— сказал старик.— Он не подчинялся мне, как Белла. Он знал, что с ним сделали нечто отвратительное. И это злило его.

У Беллы пробудился аппетит. Именно поэтому она про-делала путь до знакомой двери. Здесь жил человек, который чесал ей за ухом, шептал ласковые слова и уговаривал из своей тарелки. Но сегодня она пришла сюда и обнаружила, что многое изменилось. Хозяин обращался с ней странно, его голос дрожал, а в комнате был кто-то еще, чей запах она смутно помнила, но не могла точно определить. Она по-прежнему испытывала голод — зверский глубокий голод — и чувствовала где-то рядом аппетитный запах. Запах мяса, причем такого, какое она любила: с костью и слегка подгнившего. Она принюхалась, почти слепая, ища источник запаха, нашла его и принялась за еду.

— Не слишком приятное зрелище.

Белла поглощала собственное тело, отрывая длинные куски мышц, свисавших с ее бедра. Уайтхед наблюдал, как она кусает себя. Его спокойствие перед лицом этого ужаса сломило Марти:

— Не позволяйте ей! — Он подтолкнул старика.

— Но она голодна,— возразил тот, словно этот кошмар был самым обычным зрелищем в мире.

Марти схватил стул и ударил им о стену. Это было тяжело, но его мускулы свело от напряжения и это действие было лучшим способом расслабиться. Стул сломался.

Собака отвлеклась от еды. То, что она проглотила, вываливалось из ее перерезанного горла.

— Хватит,— сказал Марти.

Он схватил ножку стула и направился к двери, прежде чем Белла угадала его намерения. Лишь в последний миг она поняла, что он хочет причинить ей боль, и попыталась встать. Одна из задних лап, почти полностью обглоданная, уже не действовала. Собака пошатывалась на трех лапах, скаля зубы, когда Марти обрушил на нее импровизированное оружие. Его удар пробил собачий череп. Рычание прекратилось. Туловище попятилось назад, тряся проломленной головой на скрученной шее, хвост в страхе поджался. Два-три неуверенных шага, и все кончилось.

Марти ждал, моля Бога, чтобы ему не пришлось бить во второй раз. Теперь он видел, каким бесформенным было тело Беллы. Возвышение грудной клетки, останки головы, внутренности, свисавшие из дыры в туловище,— все свалилось в беспорядочную кучу, где одна часть тела не отличалась от другой. Марти закрыл за ней дверь и уронил окровавленное орудие убийства.

Уайтхед прошел вглубь комнаты. Его лицо казалось таким же серым, как тело Беллы.

— Как он сделал это? — прошептал Марти.— Как такое вообще возможно?

— Он наделен силой,— отозвался Уайтхед. Это было просто и очевидно.— Он может отнимать жизнь и дарить ее.

Марти полез в карман за носовым платком, который он купил специально для этого вечера. Встряхнул его и вытер лицо. Платок моментально стал грязным, покрыввшись крапом гнили. Марти чувствовал себя полностью опустошенным.

— Вы однажды спросили меня, верю ли я в ад,— сказал он.— Помните?

— Да.

— Вы думаете, это и есть Мамолиан? Какое-то...— Ему хотелось засмеяться.— Какое-то существо из ада?

— Я рассматривал такую возможность. Но я не верю в сверхъестественное. Ад, рай — это просто символы. Мой разум не принимает их.

— Если не дьявол, что тогда?

— Разве это важно?

Марти вытер вспотевшие ладони о штаны. Он чувствовал себя так, будто его облили с ног до головы грязью; он не скоро отмоется от этого ужаса, если вообще когда-нибудь сможет. Услышанная им история и собака за дверью дополняли друг друга. Он сделал ошибку, когда копнул так глубоко.

— Ты плохо выглядишь,— сказал Уайтхед.

— Я никогда не думал...

— Что? Что мертвецы способны подниматься и ходить?

А я-то, Марти, считал тебя христианином.

— Я выхожу из игры,— заявил Марти.— Мы оба выходим.

— Оба?

— Кэрис и я. Мы уедем. От него. От вас.

— Бедный Марти. Ты больший тугодум, чем я предполагал. Ты больше никогда ее не увидишь.

— Почему?

— Она с *ним*, черт тебя возьми! Тебе не ясно? Она *ушла с ним!*

Такое объяснение внезапного исчезновения девушки не приходило Марти в голову.

— Естественно, по собственной воле,— добавил старик.

— Нет!

— Да, Марти. Он заявил права на нее с самого начала. Он качал ее на руках, когда она родилась. Кто знает, как далеко простирается его влияние. Я выиграл ее обратно,

конечно, на время.— Он вздохнул.— Я сделал так, что она любила меня.

— Она хотела уйти от вас.

— Никогда. Она *моя* дочь, Штраус. Она умеет манипулировать людьми, как и я. Все, что между вами было,— чистейший брак по ее расчету.

— Ах ты паршивый ублюдок!

— Каков есть. Я чудовище, Марти. Признаю это.— Он вскинул руки ладонями вверх, неповинный ни в чем, кроме своей вины.

— Вы говорите, что она любила вас. Тем не менее она ушла.

— Я сказал тебе: она *моя* дочь. Она мыслит как я. Она ушла с ним, чтобы научиться использовать свою силу. Я поступил так же, помнишь?

Аргумент имел смысла, даже если его высказал такой паразит, как Уайтхед. Разве не проскальзывало порой в загадочных словах Кэрис некоторое презрение к Марти и старику? Презрение от того, что они не способны ее понять. Да она станет плясать с самим чертом, если это поможет ей лучше понять себя.

— Не связывай себя с ней,— сказал Уайтхед.— Забудь ее. Она ушла.

Марти попытался вызвать в памяти ее лицо, но оно расплывалось и пропадало. Внезапно он почувствовал жуткую усталость; он был измучен до мозга костей.

— Отдохни, Марти. Завтра мы вместе похороним эту шлюху.

— Я не собираюсь лезть в ваши дела.

— Я уже сказал тебе однажды: если ты останешься со мной, я смогу сделать для тебя все. Сейчас это еще большая правда, чем когда-либо. Ты сам знаешь. Той мерть.

— Когда? Как?

— Я не знаю деталей. Главное, что его больше нет. Теперь остались только ты и я.

— Вы уже достаточно дурачили меня.

Лицо Уайтхеда было воплощением убедительности.

— Я ошибался,— сказал он.— Прости меня.

— Слишком поздно.

— Я не хочу, чтобы ты оставлял меня, Марти. Я не позволю тебе оставить меня! Слышишь? — Его палец рассекал воздух.— Ты здесь для того, чтобы помочь мне! Что ты сделал? Ничего! *Ничего!*

Льстивые уговоры мгновенно сменились обвинениями в предательстве. Сначала слезы, затем угрозы, и за всем этим — тот же страх остаться в одиночестве. Марти смотрел, как дрожащие руки старика сжимались в кулаки и тут же разжимались.

— Пожалуйста,— взмолился Уайтхед,— не оставляй меня!

— Я хочу, чтобы вы закончили историю.

— Хороший мальчик.

— Только говорите все, ясно? Все.

— А что еще рассказывать? Я разбогател. Я вклинился в один из наиболее быстро развивающихся послевоенных рынков — фармацевтический. За пять лет я стал одним из мировых лидеров.— Он усмехнулся.— Более того, я зарабатывал свое состояние почти легально. В отличие от многих я играл по правилам.

— А Мамолиан? Он помогал вам?

— Он научил меня перешагивать через мораль.

— А что он просил взамен?

Глаза Уайтхеда сузились.

— А ты неглуп,— оценивающе проговорил он.— Тебе порой удается попасть прямо в точку.

— Это очевидный вопрос. Вы же заключили с ним сделку.

— Нет! — протестующе вскричал Уайтхед.— Я не заключал сделок. По крайней мере так, как ты себе это представляешь. Возможно, у нас было джентльменское соглашение, но очень давно. Он получил от меня все сполна.

— Что именно?

— Через меня он получил жизнь,— ответил Уайтхед.

— Объясните,— сказал Марти.— Я не понимаю.

— Он хотел жить, как всякий человек. У него имелись собственные аппетиты. И он уголял их через меня. Не спрашивай, как. Я сам не понимаю этого. Иногда я чувствовал его где-то позади моих глаз...

— И вы позволяли ему?

— Поначалу я даже не знал, что он делает: мое внимание было поглощено другим. Я с каждым часом становился богаче. У меня были лошади, дома, земли, искусство, женщины. Легко забыть о том, что он всегда рядом, всегда наблюдает, словно живет по моей доверенности... Затем в пятьдесят девятом я женился на Евангелине. Нашей свадьбе позавидовала бы королевская семья, о нас писали все газеты отсюда до Гонконга. Достаток и Благосостояние жены на Интеллигентности и Красоте. Идеальная пара. Это был пик моего счастья.

— Вы любили ее?

— Невозможно не любить Евангелину. Мне кажется...— Его голос зазвучал удивленно: — Мне кажется, она тоже любила меня.

— А как она воспринимала Мамолиана?

— Ах, это и стало камнем преткновения. Она не выносila его с самого начала. Она говорила, что он слишком уж пуританин; что она чувствует себя виноватой в его присутствии. И она была права. Он ненавидел плоть, телесные функции раздражали его. Но он не мог освободиться от тела и желаний. Это мучило его. И чем дальше, тем тяжелее становилось его самоистязание.

— Из-за нее?

— Не знаю. Возможно. Сейчас я думаю, что он наверняка желал ее, как желал красавиц в прошлом. А она, конечно, презирала его с самого начала. Когда она стала хозяйкой дома, началась война нервов. Вскоре Евангелина сказала мне, чтобы я должен избавился от него. Это случилось как раз после рождения Кэрис. Ей не нравилось, что

он все время нянчился с ребенком,— а ему это как раз привилось. Она не хотела видеть его в нашем доме. К тому моменту он уже десять лет жил рядом со мной, но я понимал, что не знаю о нем ничего. Он оставался тем же мифическим картежником из Варшавы.

— Вы никогда не расспрашивали его?

— О чём?

— Кто он? Откуда? Где научился тому, что умеет?

— О да, конечно, я спрашивал его. И каждый его ответ отличался от предыдущего.

— То есть он лгал?

— Очевидно. Это было у него вроде шутки: жизнь в виде совокупности частич, которая никогда не складывается в одну и ту же форму дважды. Словно он никогда не существовал, а человек по имени Мамолиан был всего лишь конструкцией, под которой скрывалось что-то еще.

— Что?

Уайтхед пожал плечами.

— Я не знаю. Евангелина часто говорила: он пустой. Именно это отвращало и раздражало: не его *присутствие* в доме, а его *отсутствие*, абсолютный ноль. И я задумался о том, что нужно избавиться от него ради Евангелины. Все его уроки я усвоил. Я больше не нуждался в нем. К тому же он стал помехой в обществе. Боже, теперь я оглядываюсь назад и удивляюсь — почему мы позволяли ему так долго править нами? Он сидел за обеденным столом и навевал невыносимое уныние на гостей. С возрастом его разговоры становились все более пустыми. Внешне он совсем не постарел. Выглядел совершенно так же, как тогда в Варшаве.

— Никаких изменений?

— Внешне — нет. Только внутренне. Вокруг него все сильнее распространялся дух поражения.

— Он не показался мне пораженцем.

— Ты бы видел его в расцвете! Он вселял ужас, поверь мне. Люди замолкали, едва он переступал через порог. Он

дышал радость в каждом человеке, убивал ее в зародыше. Я сам дошел до предела, как и Евангелина. Не мог выносить его, не мог находиться с ним в одной комнате. У Евангелины появилась навязчивая идея, будто он хочет убить ее и ребенка. Она наняла кого-то, чтобы сидеть с Кэрис ночью: хотела быть уверенной, что он не дотронется до девочки. Кстати, я вспомнил: именно Евангелина посоветовала мне купить собак. Она знала, что они вызывают у него отвращение.

— Но вы не сделали того, о чем она просила? Не выгнали его?

— О, я знал, что рано или поздно мне придется сделать это. Я копил силы. Тогда он попытался надавить на меня и убедить, что я все еще нуждаюсь в нем. Он совершил тактическую ошибку. Все его грошевое пуританство таяло с каждым днем. Я сказал ему об этом. Сказал, что он должен изменить манеру поведения или уйти. Он, конечно, отказался. Я знал, что он откажется. Мне требовался повод, чтобы расторгнуть нашу связь, и он поднес мне его на блюдечке. Сейчас-то я понимаю: он чертовски хорошо знал, что я делаю. Но дело было сделано — я вышвырнул его. Не своими руками, конечно. Той разобрался с ним.

— Той работал лично на вас?

— Да. Кстати, это тоже идея Евангелины; она всегда заботилась обо мне. Она потребовала, чтобы я нанял телохранителя. Я выбрал Тоя. Бывший боксер, он был абсолютно честен. Он не поддавался влиянию Мамолиана. Он никогда не лукавил. И как только я велел ему избавиться от этого человека, он выполнил приказ. Однажды я пришел домой, а картежник исчез. Мне легче дышалось в тот день — словно я долго носил камень на шее и не знал об этом. Внезапно тяжесть ушла, голове стало легче, опасения и боязнь неприятных последствий потеряли почву. Я сохранил свое состояние. Без него мне по-прежнему везло. Возможно, даже больше. Я снова обрел уверенность.

— И вы больше не видели его?

— Нет, видел. Он дважды возвращался в дом, оба раза без предупреждения. Похоже, у него не все ладилось. Не знаю, что произошло; он словно утратил свои чары. Когда пришел в первый раз, он выглядел таким дряхлым, что я едва узнал его. Он казался больным, от него отвратительно пахло. Встретишь такого на улице — перейдешь на другую сторону. Я едва поверил в его превращение. Он даже не хотел зайти в дом, хотя я не прогонял его. Он хотел только денег. Я дал ему, и он ушел прочь.

— И это была правда?

— Что ты имеешь в виду?

— Роль нищего. Это настоящее? Или еще одна его выдумка?..

Уайтхед поднял брови.

— Я никогда не думал об этом. Всегда полагал... — Он остановился и начал с другого конца: — Ты знаешь, я простой человек, хотя со стороны выгляжу иначе. Я вор. Мой отец был вором и мой дед, вероятно, тоже. Все, чем я окружил себя, — лишь фасад. Вещи, которые я подбирал за другими людьми. Приобретенный хороший вкус, если хочешь. Но через несколько лет такой жизни ты начинаешь верить в собственную значимость. Ты начинаешь думать, будто ты действительно обладатель изысканных, светских манер. Ты начинаешь стыдиться инстинктов, приведших тебя сюда, потому что они — часть прошлого, которое тебя смущает. Так случилось и со мной. Я потерял представление о себе. А сейчас настало время, когда вор должен снова сказать свое слово. Теперь я должен использовать его глаза, его инстинкты. Ты научил меня этому. Хотя, видит бог, и не подозревал об этом.

— Я?

— Мы похожи. Разве ты не понимаешь? Мы оба воры. И оба жертвы.

Жалость к самому себе слишком ясно звучала в голосе Уайтхеда.

— Вы не можете считать себя жертвой,— возразил Марти,— судя по вашей жизни.

— А что ты знаешь о моих чувствах? — вскипел Уайтхед.— Не смей, слышишь? Ты ничего не понимаешь! Он все отнял у меня, все! Сначала Евангелину, потом Тоя, теперь Кэрис. И не говори мне, страдал я или нет!

— То есть как — он забрал Евангелину? Я полагал, что она погибла в результате несчастного случая.

Уайтхед покачал головой.

— Это предел того, что я могу рассказывать тебе,— сказал он.— Некоторые вещи я не в состоянии выразить. И никогда не смогу.

Голос его упал. Марти оставил этот вопрос и продолжал:

— Вы сказали, что он возвращался дважды.

— Да, это так. Он вернулся через год или два после первого визита. В ту ночь Евангелины не было дома. Стоял ноябрь. Той пошел открывать дверь. Я не слышал голоса Мамолиана, но я знал, что это он. Я вышел в холл. Он стоял на ступеньках, освещенный светом фонаря. Моросил противный дождь. Как сейчас помню — Мамолиан посмотрел мне в глаза. «Можно войти?» — спросил он. Просто стоял там и спрашивал: «Можно войти?» Не знаю почему, но я впустил его. Он неплохо выглядел. Думал ли я, что он пришел извиняться? Не помню. Мы бы снова помирились, если бы он предложил. Не на прежних условиях; возможно, на деловой основе. Я отбросил свою защиту. Мы заговорили о прошлом...— Уайтхед остановился, обдумывая слова.— А потом он рассказал, как он одинок, как нуждается во мне. Я ответил, что Варшава была давным-давно, а теперь я стал семейным человеком, столпом общества и не собираюсь ничего менять. Он обиделся и обвинил меня в неблагодарности. Заявил, что я обманул его. Что я нарушил наше соглашение. Я сказал, что никакого соглашения нет, что я всего лишь один раз обыграл его в карты в далеком городе и он решил помогать мне по собственной воле.

Я говорил, что полностью удовлетворил все его требования и заплатил ему сполна. Он десять лет делил со мной мой дом, моих друзей, мою жизнь; все, что было у меня, принадлежало и ему. «Этого недостаточно», — ответил он, и все началось снова. Прежние мольбы и требования, чтобы я оставил претензии на респектабельность и отправился с ним куда-то, стал странником и его сподвижником, усвоил новые, еще более ужасающие уроки о бытии мира. Надо признать, это звучало почти соблазнительно. Временами я уставал от маскарада, вспоминал запах войны и пыли, облака над Варшавой. Тогда я тосковал по вору, которым я был. Но я не собирался отказываться от всего из-за этого. И я сказал ему об этом. Кажется, он знал, что не сумеет сломить меня, и впал в отчаяние. Он стал бессвязно говорить, как ему страшно без меня, каким потерянным он чувствует себя. Он посвятил мне годы жизни, потратил на меня столько сил — как же я могу быть столь черствым и безразличным? Он стал хвататься за меня, плакать, попытался погладить по лицу. Я был потрясен. Меня тошило от этой мелодрамы. Но он не уходил. Его требования перешли в угрозы, и у меня сдали нервы. Я хотел покончить и с ним, и с тем, что за ним стояло: с моим грязным прошлым. Я ударил его. Сначала не сильно. Но он продолжал таращиться на меня, и я вышел из себя. Он не делал ни малейшей попытки защититься, и его пассивность лишь разъярила меня. Я бил и бил его, а он принимал удары. И подставлял лицо... — Уайтхед глубоко вдохнул воздух, дрожа. — Видит бог, я делал вещи и похуже. Но никогда мне не было так стыдно. Я не останавливался, пока не разбил кулаки в кровь. Тогда я приказал Тою, и тот как следует обработал его. За все время Мамолиан не издал ни звука. Меня дрожь пробирает, когда вспоминаю об этом. До сих пор вижу: Той прижимает его к стене, схватив за горло, а Мамолиан смотрит на меня. Только на меня. Помню его вопрос: «Ты знаешь, что ты сделал?» Вместе со словами изо рта у него сочилась кровь... А затем что-то произошло.

Воздух уплотнился. Капли крови на лице Мамолиана стали ползать, как живые. Той отпустил его. Он сполз вниз по стене, оставляя кровавый след. Я думал, мы убили его. Это худший момент в моей жизни: мы с Тоем стояли и глядели на истерзанный мешок костей. Конечно, мы совершили ошибку. Нельзя было останавливаться. Мы должны были завершить дело и убить его.

— Господи!

— Да! Было глупо не покончить с ним. Билл не выдал бы меня, все обошлось бы без последствий. Но мы не решились. Я не решился. Я велел Тою привести Мамолиана в порядок, отвезти в центр города и выбросить там.

— Вы бы не убили его,— сказал Марти.

— Ты все еще настаиваешь на том, что читаешь мои мысли? — мрачно отозвался Уайтхед.— Разве ты не видишь, что именно этого он и хотел? Зачем он пришел? Он позво-лил бы мне стать его палачом, если бы мои нервы выдер-жали. Его тошило от жизни. Я бы избавил его от страда-ний, и все бы закончилось.

— Вы думаете, он смертен?

— Всему свое время. Его время прошло. Он знает об этом.

— Тогда вам остается только ждать. Он сам умрет, по-терпите.

Внезапно Марти почувствовал, что устал от этой исто-рии, от воров, от случайностей. Печальный рассказ стари-ка, правдивый или нет, вызвал у него отвращение.

— Я вам больше не нужен,— сказал он, встал и напра-вился к двери. Звук его шагов по битому стеклу казался слишком громким в маленькой комнате.

— Куда ты? — поинтересовался старики.

— Подальше отсюда.

— Ты обещал остаться.

— Я обещал выслушать вас. И выслушал. И не хочу иметь ничего общего с этим проклятым местом.

Марти потянул на себя дверь. Уайтхед сказал ему в спину:

— Ты думаешь, Европеец оставит тебя в покое? Ты видел его во плоти, ты знаешь, на что он способен. Рано или поздно ему придется заставить тебя замолчать. Ты об этом не думал?

— Я рискну.

— Здесь ты в безопасности.

— В безопасности? — язвительно переспросил Марти. — Вы серьезно? В безопасности! Вы жалкий тип, вы знаете это?

— Если ты уйдешь... — начал с угрозой Уайтхед.

— Что? — повернувшись к нему, резко спросил Марти. — Ну и что ты сделаешь, старик?

— Я сдам тебя полиции ровно через две минуты, ты под надзором.

— Когда они меня найдут, я расскажу им все. И про героин, и про труп в холле. Расскажу им обо всех ваших грязных делах. Мне плевать на ваши угрозы, ясно?

Уайтхед кивнул:

— Вполне. Это тупик.

— Да, вроде того, — ответил Марти и, не оглядываясь, вышел из комнаты.

Его ожидал отвратительный сюрприз. Щенки нашли Беллу. Их тоже коснулась воскрешающая рука Мамолиана, хотя они не могли послужить ни для какой практической цели: слишком маленькие, слепые. Они лежали около пустого живота матери, их рты искали давно отсутствующие соски. Щенков было пятеро, один пропал. Может быть, именно его заметил Марти тогда в разрытой могиле — щестой малыш, похороненный чересчур глубоко или слишком разложившийся...

Белла приподняла голову, когда он проходил мимо. Покалеченные останки черепа качнулись в его направлении. Марти с отвращением отвернулся, но ритмическое постукивание заставило его взглянуть вновь.

Очевидно, Белла простила Марти его жестокость. Совершенно спокойная, со щенками под боком, она уставилась на него пустыми глазницами, мягко колотя хвостом по ковру.

Опустошенный Уайтхед сидел в комнате, где его оставил Марти.

Поначалу ему было очень трудно рассказывать, но постепенно становилось все легче, и под конец он даже радовался этому освобождению. Сколько раз он хотел открыть все Евангелине. Но она мягко и тактично давала ему понять: если у него есть тайны, она не желает их знать. Она годами жила под одной крышей с Мамолианом, но никогда не спрашивала *почему*, словно знала, что ответ вызовет новые вопросы.

Вспомнив о жене, Уайтхед почувствовал, что давние печали поднялись со дна души к самому горлу; они переполняли его. Европеец убил Евангелину, без сомнений. Он или его агенты были с ней там, на дороге; ее смерть — не случайность. Будь это случайность, Уайтхед знал бы об этом. Его безошибочный инстинкт почувствовал бы правду, несмотря на ужасную скорбь. Но он не испытывал ничего подобного, только ощущение косвенной причастности к ее смерти. Ее убили, чтобы отомстить ему. Одно из целого ряда событий, но явно наихудшее.

Забрал ли Европеец ее после смерти? Прокрался в склеп и вернул ее к жизни, как он проделал это с собаками? Мысль об этом была невыносима, но Уайтхед не прогонял ее. Он старался думать о самом плохом, потому что боялся: если не делать этого, Мамолиан придумает новые невыносимые ужасы.

— Ну уж нет,— произнес он вслух в комнате, усыпанной битым стеклом.— Нет, ты не запугаешь меня, не разрушишь меня, я не боюсь.

Есть способы и средства. Он еще сумеет сбежать и спрятаться на другом конце земли. Он отыщет место, где можно забыть о прошлом.

Но кое-что он утаил от Штрауса, как и от других воинствующих. Возможно, эту часть истории нельзя было выразить словами. Или же она так непосредственно касалась всех неопределенностей, влиявших на одинокую жизнь Уайтхеда, что говорить об этом значило бы обнажить свою душу.

Он размышлял о своей последней тайне и, как ни странно, она согревала его.

Итак, он закончил игру, первую и единственную игру с Европейцем, и выкарабкался через наполовину заваленную дверь на площадь Мурановского. Звезды не светили, только костер горел за его спиной.

Он стоял в темноте, пытаясь сориентироваться, холод пробирался сквозь дыры в его ботинках, и тут перед ним снова возникла безгубая женщина. Она поманила его за собой. Он подумал, что она собирается проводить его обратно тем же путем, каким привела сюда, и последовал за ней. Однако у нее была другая цель. Женщина повела его в сторону от площади к дому с забаррикадированными окнами, а он — всегда любопытный — пошел за ней. Он был уверен, что сегодня, в ночь всех ночей, с ним не случится ничего дурного.

В доме оказалась крошечная комната со стенами, завешанными ворованной одеждой, каким-то тряпьем и пыльными бархатными лоскутами — остатками портьер с величественных окон. В этом импровизированном будуаре имелся единственный предмет мебели: кровать, на которой мертвый лейтенант Васильев занимался любовью. Когда вор переступил порог комнаты и безгубая женщина отошла в сторону, Константин отвлекся от трудов и поднял голову. Его тело продолжало вжиматься в женщину, что лежала под ним на матрасе, обшитом русским, немецким и польским флагами.

Вор застыл, не веря глазам. Он хотел сказать Васильеву, что тот действует неправильно, что он перепутал одну дыру с другой и использует так жестоко не природное отверстие, а рану.

Но лейтенант, конечно, не стал бы слушать. Он с ухмылкой делал свое дело, его багровый член погружался в рану и выскакивал обратно, погружался и выскакивал. Труп, которым он наслаждался, перекатывался под ним, не реагируя на усилия любовника.

Сколько же времени вор смотрел на это? Наконец безгубая женщина прошептала ему на ухо:

— Достаточно?

Он повернулся к ней, когда она положила руку ему на брюки. Ее совершенно не удивило его возбуждение, но сам он в течение всех последующих лет так не сумел понять, как это произошло. Он давно допускал, что мертвцов можно воскресить. Но то, что их присутствие распалило его, было еще одним преступлением — более ужасным, чем первое.

«Ада нет,— думал старик, изгоняя из памяти будуар и обожженного Казанову.— Или же ад — это комната, кровать, вечная похоть и я, стоящий там и наблюдающий за их наслаждением. А когда наступит самое худшее, я разделяю их исступление».

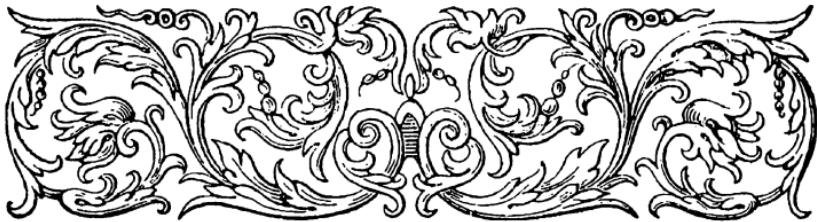
ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ЛОТОП

*Из пламенем охваченных, на дно
Спешащих кораблей бросались вплавь,
От пламени спасаясь, но, пристав
К чужому судну, гибли всё одно;
Так каждый сгинул, свой избрав удел:
Иной тонул в огне, иной в волнах горел.*

Джон Донн. Сожженный корабль
(Перевод В. Куллэ)

III

ДУРНАЯ ВЕРНОСТЬ

49

Небеса разверзлись в конце самого засушливого июля, какой только помнили люди; но видения Армагеддона не обходятся без парадоксов. Гром гремит среди ясного неба, плоть обращается в соль, кроткие наследуют землю — все это маловероятные феномены.

Однако июль прошел без неожиданностей. Небесный свет не лился из облаков. Не было дождей из саламандр или детей. Если в этом месяце появлялись ангелы, то лишь в качестве метафоры, как и истинный конец света.

Правда, случились кое-какие странные события, достойные упоминания, но большая их часть происходила в укромных местах, в плохо освещенных коридорах, на заброшенных пустырях среди вымоченных дождем матрасов и пепла старых костров. Они были частными, почти личными. Их ударная волна — в лучшем случае — возбуждала лишь диких собак.

Большая часть знамений — игры, дожди и чудесные избавления — с такой ловкостью проскользнула мимо фасада обычной жизни, что только самые внимательные или те, кто вечно выискивает необычное, могли заметить проблеск Апокалипсиса, явившегося во всем своем величии выбеленному солнцем городу.

Город встретил Марти неприветливо, но он был рад окаться вне усадьбы, подальше от старика и его безумств. К чему бы ни привел уход от Уайтхеда — в положении Марти надо действовать очень осторожно,— он все же получил передышку; время, чтобы хорошенько обдумать происходящее.

Туристский сезон был в разгаре. Иностранцы, заполнившие Лондон, изменили облик знакомых улиц. Первую пару дней Марти просто бродил по городу, привыкая к тому, что снова свободен как птица. Денег у него осталось в обрез, но при необходимости он легко мог найти себе физическую работу. В середине лета повсюду идет строительство и требуются люди. Мысль о честном трудовом дне, оплаченном наличными, казалась привлекательной. В случае нужды он продаст «ситроен», взятый из Святилища — последний и, возможно, опрометчивый бунтарский жест.

После двух дней свободы Марти вспомнил свою давнюю идею: Америка. Он вытатуировал это слово на руке в память о тюремных мечтах. Может быть, настало время воплотить их в жизнь. В его воображении Канзас был землей обетованной: куда ни глянь, колосятся хлебные поля до горизонта и нет ничего, сотворенного людьми. Там он скрылся бы не только от полиции и Мамолиана, но и от историй, повторяющихся снова и снова, по бесконечному кругу. В Канзасе началась бы новая история, окончания которой он не знает. Разве это не означает настоящую свободу, не испорченную вмешательством Европейца и самим фактом его присутствия?

На время подготовки бегства, чтобы не болтаться по улицам, Марти подыскал комнату в Килбурне: мрачную спальню, она же гостиная, с туалетом на два этажа ниже — общим для семерых жильцов, как сообщил домовладелец. В действительности на семь комнат дома приходилось пятнадцать жильцов, считая семью из четырех человек в од-

ной комнате. Ночью он просыпался от криков младенца, вставал рано, уходил на целый день и возвращался в дом, только когда закрывались пабы, и то с большой неохотой. Но он уверял себя, что это ненадолго.

Проблем с отъездом, конечно же, хватало, и не последняя из них — получение паспорта с визой. Без этой бумаги не ступить на американскую землю, и для собственной безопасности операцию с документами следовало провести быстро. Наверняка Уайтхед успел сообщить о побеге из-под надзора. Возможно, власти уже прочесывают улицы в поисках Штрауса.

На третий день июля, через полторы недели после бегства из имения, Марти решил взять судьбу за рога и отправиться к Тою. Хотя Уайтхед настаивал на том, что Билл мертв, он не терял надежды. Папе уже случалось врать, и не раз, так надо ли верить ему теперь?

Дом Тоя оказался элегантной тихой заводью в Пимлико; по пути Марти видел молчаливые фасады и дорогие автомобили. Он звонил в колокольчик с полдюжины раз, но ни одна живая душа не отзывалась. Жалюзи на нижних окнах были закрыты, из ящика для писем высовывалась толстая кипа бумаг — по большей части рекламных проспектов.

Он стоял на лестнице и тупо глядел на дверь, совершенно точно зная, что она не откроется, когда на соседней площадке появилась женщина. Не хозяйка, подумал Марти: больше похожа на домработницу. Ее загорелое лицо — кто не загорел в то обжигающее лето? — выражало сдержанный восторг дурной вестницы.

— Простите, могу ли я вам чем-то помочь? — поинтесировалась она с надеждой.

Марти мгновенно обрадовался тому, что для визита на-дел пиджак и галстук: женщина явно была из тех, кто сообщает полиции свои малейшие подозрения.

— Я ищу Билла. Мистера Тоя.

Этого она явно не одобряла — если не Марти, то Тоя.

- Его здесь нет,— ответила она.
- Вы случайно не знаете, где он?
- Никто не знает. Он ее бросил. Изнасиловал и бросил.
- Кого бросил?
- Свою жену. Ну.. свою подружку. Ее нашли пару недель назад, вы разве не читали об этом? Было во всех газетах. Меня тоже допрашивали. Я сказала им, прямо так и сказала, что он был совсем не подарок, совсем.
- Я, должно быть, пропустил это.
- Во всех газетах было. Они ищут его.
- Мистера Тоя?
- Отдел по расследованию убийств.
- Вот как...
- Вы не журналист?
- Нет.
- Понимаете, я хочу рассказать кое-что, если цена будет хорошей. Мне есть что рассказать.
- Вот как?
- Она была в ужасном состоянии...
- Что вы имеете в виду?

Однако матрона не забывала о плате и не собиралась распространяться о деталях, если действительно знала их, в чем Марти сомневался. Она хотела подогреть его интерес.

— Она была изувечена,— сказала она, соблазняя покушателя.— Ее не смогли узнать даже ее родные.

— Вы уверены?

Женщину оскорбил этот намек на недостоверность ее информации.

— Она сама себя изуродовала или кто-то другой это сделал, а затем запер ее здесь, чтобы она истекала кровью. День за днем. Когда они вскрыли дверь, запах...

Звук потерянного голоса в телефонной трубке снова возник в голове Марти. Он не сомневался: когда подруга Тоя разговаривала с ним, она уже была мертва. Искалеченная

и мертвая, но возрожденная к жизни, как телефонистка на связи с призраками.

В ушах Марти звучали слова: «Кто это?» Невзирая на жару и свет блистательного июля, его пробирала дрожь. Мамолиан приходил сюда. Он переступал этот самый порог в поисках Тоя. У него были счеты с Биллом, как знал теперь Марти; чего не выдумает человек, терзаемый унижением, чтобы отплатить за жестокость?

Марти поймал на себе взгляд женщины.

— С вами все в порядке? — спросила она.

— Спасибо. Да.

— Вам нужно выспаться. У меня те же проблемы. В душные ночи мучает бессонница.

Он снова поблагодарил ее и поспешил прочь от дома, не оглядываясь. Слишком легко представить себе эти ужасы: они являлись без предупреждения, из ниоткуда.

И никуда не уходили. Как сейчас. О Мамолиане он помнил и днем, и ночью — каждой бессонной ночью. Он стал опасаться (может быть, это сновидения, прорвавшиеся сквозь бессонницу в его жизнь наяву?) другого мира, привившего за пределами или позади фасада реальности.

Времени для долгих размышлений не было. Он должен уехать, должен забыть об Уайтхеде, о Кэррис и о законе. Любым путем удрать из этой страны в Америку — туда, где реальное реально, а сны остаются под веками, где рождаются.

51

Рэглен был мастером высокого искусства подделок. Марти нашел его с помощью двух телефонных звонков, и они пришли к соглашению. За скромную цену нужная виза появится в паспорте. Если Марти принесет свою фотокарточку, работа будет выполнена за день, в крайнем случае — за два дня.

Было пятнадцатое июля. Месяц бурлил от жары, приблизившейся к точке кипения. Радиоприемник, гудевший

в соседней комнате, обещал день безоблачно-голубой, как вчера и позавчера. В эти дни небо казалось ослепительно белым.

Марти отправился к Рэглену рано, потому что хотел успеть до полуденного пекла. К тому же он жаждал поскорее получить фальшивые бумаги, купить билет и отбыть. Но он добрался лишь до станции метро Килбурн-Хай-роуд. Именно здесь на обложке «Дейли телеграф» он прочитал заголовок: «Миллионер-затворник найден мертвым в своем доме». Под ним помещалась фотография Папы — молодого безбородого Уайтхеда в полном расцвете сил, на пике его влияния. Марти купил эту газету и две другие, написавшие о происшествии на первой полосе. Он читал, остановившись посреди тротуара, а торопливые пассажиры негодовали и толкали его, спускаясь вниз по лестнице на станцию.

«Сегодня официально объявлено о смерти миллионера Джозефа Ньюзэма Уайтхеда, главы корпорации “Уайтхед корпорейши”. До недавнего крушения его фирма оставалась одной из самых преуспевающих фармацевтических компаний Западной Европы. Мистер Уайтхед, шестидесяти восьми лет, вчера рано утром найден мертвым в своем поместье в Оксфордшире. Тело обнаружил шофер покойного. Причиной смерти стала, как полагают, сердечная недостаточность. Полиция не обнаружила никаких подозрительных обстоятельств. Читайте некролог на седьмой странице».

Некролог содержал обычную информацию из справочника «Кто есть кто» с кратким обзором достижений корпорации и был приправлен догадками о причинах финансового краха фирмы. Излагалась приглаженная история жизни Уайтхеда, хотя о ранних годах сообщалось скучно и в отношении некоторых деталей возникали сомнения. Но все остальное соответствовало действительности, хотя и было изрядно приукрашено: женитьба на Евангелине, эффектный подъем во время бума конца пятидесятых, де-

святилиния стабильных достижений, а затем, после смерти Евангелины, погружение в загадочное и необъяснимое молчание.

Он умер.

Несмотря на все бравые речи, вызывающее поведение, презрение к козням Европейца, Уайтхед проиграл. Естественная ли это смерть, как сообщали газеты, или дело рук Мамолиана, Марти не мог понять. Конечно, он заинтересовался. Более того — почувствовал печаль. То, что онождал о смерти старика, потрясло его больше, чем сама печаль. Он не думал, что способен испытывать боль потери.

Он отменил встречу с Рэгленом и отправился обратно в свою комнату, где принял изучать газеты, пытаясь выловить из текста подробности смерти Уайтхеда. Конечно, он не нашел почти никаких зацепок: все репортажи были написаны в обычной вежливой официальной манере. Выжав из печатного слова все возможное, он подошел к соседней двери и попросил одолжить ему радиоприемник. Молодая женщина, занимавшая эту комнату (студентка, как считал Марти), после некоторых уговоров согласилась. Он слушал каждый полчасовой выпуск утренних новостей, а воздух в комнате накалялся. История Уайтхеда была горячей темой до полудня, затем на первый план вышли события в Бейруте и облава на наркоторговцев в Саутемптоне. Сообщения о смерти старика мало-помалу сократились до короткого упоминания, а потом, уже после полудня, исчезли вовсе.

Марти вернул приемник, отклонил приглашение выпить кофе с девушкой и ее кошкой — запах кошачьей еды висел в воздухе, как молния перед ударом грома, — и вернулся к себе, чтобы посидеть и подумать. Он не сомневался, что Европеец способен убить человека так, что следов не отыщет даже самый опытный патологоанатом; и если Мамолиан действительно приложил руку к смерти Уайтхеда, то это прямая вина Марти. Может быть, останься он в усадьбе, старик был бы жив? Маловероятно. Скорее все-

то, Марти тоже был бы мертв. Но совесть его все-таки мутила.

В следующие два дня он сделал очень мало. Он прокручивал киноленты воспоминаний, что накопились за всю его жизнь, от первых неярких вспышек сознания до самых последних, слишком резких, слишком детальных: человек, сидящий в одиночестве за оградой усадьбы, как в клетке с травяным полом; собаки; тьма. Часто, хотя и не всегда, в его видениях появлялась Кэрис; она выглядела то озадаченной, то заботливой; порой она отводила взор и прищуривалась, глядя сквозь опущенные ресницы, словно завидовала ему. Поздно ночью, когда засыпал младенец в нижней квартире и раздавался лишь шорох шин с Хай-роуд, Марти прокручивал в памяти самые интимные моменты их встреч — слишком ценные, чтобы вспоминать их без разбора; он боялся, что от повторения их оживляющая сила уменьшится.

Прежде он пытался забыть ее — это казалось наиболее правильным. Теперь он цеплялся за воспоминания о ней, о ее лице. Он не знал, увидит ли Кэрис снова.

Все воскресные газеты писали о смерти старика. «Санди таймс» в самом начале отдела обзоров поместила коротенькую заметку, сочиненную Лоуренсом Двоскиным, о «самом загадочном британском миллионере, который долгое время был партнером и доверенным лицом Ховарда Хьюза». Марти прочел ее дважды, не в силах избавиться от звучавшего в ушах вкрадчивого голоса Двоскина.

«Во многом он был совершенен,— читал Марти,— хотя последние годы его жизни, проведенные вдали от света, неизбежно рождали слухи и сплетни, достаточно болезненные для такого чувствительного человека, как Джозеф. Когда он еще участвовал в жизни общества, пресса никогда не обделяла его вниманием; но он не ожесточался от критики, замаскированной или явной. Нам — тем немногим, кто знал его хорошо,— было известно, что его душа под маской внешней невозмутимости гораздо более вос-

приимчива к насмешкам и колкостям, чем казалось со стороны. Он был глубоко удручен распространением домыслов о его прелюбодеяниях и излишествах, поскольку после смерти любимой жены Евангелины стал самым разборчивым человеком в вопросах секса и морали».

Марти прочел эту лицемерно-слоняющую заметку и ощутил мерзкий привкус во рту. Канонизация старика началась. Возможно, скоро появятся биографии, подписаные и подчищенные людьми из его окружения, превращающими его жизнь в серию льстивых сказочек на память потомкам. При этой мысли Марти чуть не стошило. Читая пошлисти Двоскина, он обнаружил в себе неожиданную готовность яростно защищать слабости старика, хотя все, что делало Уайтхеда уникальным — и вообще реальным, — теперь находилось под угрозой полного исчезновения.

Он дочитал статью Двоскина до слезливого финала и отложил газету. Единственная деталь, заинтересовавшая его, — это упоминание о похоронной церемонии, которая произойдет завтра в маленькой церкви в Минстер-Лоуэлл. Марти почувствовал необходимость отправиться туда и отдать последнюю дань уважения Уайтхеду, невзирая на возможные опасности.

52

Церемония привлекла такое количество зевак, от случайных зрителей до прожженных любителей скандалов, что Марти никто не заметил. Действо имело оттенок нереальности, словно в противовес тому, что весь мир уже знал о смерти великого человека. В дополнение к толпе с Флит-стрит прибыли европейские журналисты и фотографы; присутствовали известнейшие публичные персоны: политики, ученые мужи, воротилы бизнеса, даже несколько кинозвезд, жаждущих приумножения славы. Собрание знаменитостей привлекло сотни профессиональных зевак. Маленькая церковь, ее дворик и дорога вокруг были перепол-

нены. Сама служба транслировалась через громкоговорители на окрестных домах — курьезная деталь. Голос священника, пропущенный через динамик, казался жестяным и театральным; надгробному слову аккомпанировали капель и чихание.

Марти очень не понравилась трансляция, а еще меньше понравились туристы. Одетые явно не для похорон, они усеяли надгробия и траву на кладбище в ленивых позах, со скучающими и нетерпеливыми лицами ожидая развязки. Уайтхед пробудил в Марти дремавшую мизантропию, и отныне она стала частью его мировоззрения. При виде кладбища, заполненного тоскующими и раздраженными людьми с тупыми глазами Марти почувствовал, как в нем нарастает презрение ко всему вокруг. Ему хотелось отвернуться от человеческого болота и сбежать. Но желание увидеть финальную сцену пересилило, он остался в толпе и ждал, пока осы гудели над головами детей, а женщины с инстинктом безмозглых насекомых кокетничали с ним через могилы.

Кто-то читал отрывок из Писания — актер, судя по самовлюбленному тону. Марти не узнал этого псалма.

Когда служба подошла к концу, к главным воротам подъехала машина. Все завертели головами, защелкали аппаратами, и появились две фигуры. Толпа загудела, заскучавшие встрепенулись и вскочили, пытаясь разглядеть все, что только можно. Кто-то вырвал Марти из летаргии, и он тоже встал на цыпочки, чтобы взглянуть на опоздавших. Он увидел их между голов зрителей, тихо сказал сам себе «нет», отказываясь верить, а затем полез сквозь людскую толчею, пробивая себе путь, в то время как Мамолиан вместе с Кэррис (ее лицо прикрывала вуаль) шли по тропинке к церкви и переступали ее порог.

— Кто это? — спросил кто-то у Марти.— Вы знаете, кто это был?

«Черт,— захотелось ему ответить.— Дьявол собственной персоной».

Мамолиан здесь! Средь бела дня. Солнце светит ему в затылок, и он гуляет с Кэрис под ручку, как муж с женой, позволяя снимать себя для завтрашних газет. Очевидно, он не боится. Его появление, такое неторопливое, такое ироничное — это последний жест презрения. Почему она играет в его игру? Почему не сбросит его руку и не объявит, что он чудовище? Потому что она добровольно присоединилась к нему; как и предсказывал Уайтхед. В поисках чего? Кому-то по душе её склонность к нигилизму? Ее обучают высокому искусству умирания? А что она должна дать взамен? Весьма острые вопросы.

Служба завершилась. Внезапно, к восторгу и восхищению толпы, торжественность нарушили хриплые звуки саксофона, и джазовая мелодия «Fools rush in» грянула из динамиков. Последняя шутка Уайтхеда, вероятно. Она вызвала смех; кое-кто из собравшихся даже захлопал. Из церкви донесся шум — люди вставали со скамей. Марти вытянул шею, чтобы получше видеть, но ничего не получилось, ему пришлось пробиваться сквозь толчью обратно к могиле. На поникших от жары ветках деревьев расселись птицы, их суeta отвлекла его внимание, он уставился вверх. Когда он снова опустил взгляд, гроб был уже почти рядом. Его несли на плечах, среди прочих, Оттави и Куртсингер. Марти задумался: во что одели старика для последней прогулки? Они подровняли ему бороду, зашли веки?

Траурная процессия следовала за несущими гроб — черный кортеж, чуть-чуть отделенный от моря туристов в одеждах цвета конфетных фантиков. Справа и слева щелкали фотокамеры, некоторые придутики даже приговаривали:

— Сейчас вылетит птичка!

Джаз продолжал играть. Все казалось угодливым абсурдом. Марти подумал, что старик наверняка усмехается в своем ящике.

Наконец Кэрис и Мамолиан явились из темноты церкви в сияние дня. Марти готов был поклясться, что девушка осторожно изучает взглядом толпу, явно опасаясь, что это

заметит ее спутник. Она искала его, Марти не сомневался. Кэрис знала, что он где-то здесь. Его мозг нервно зарабатывал, суматошно цепляясь за разные идеи. Если подать Кэрис знак, даже самый осторожный, это может заметить Мамолиан, что опасно для них обоих. Разумнее всего спрятаться, как ни хотелось бы обменяться с нею взглядами.

Марти неохотно отступил от могилы, пока траурный кортеж следовал мимо вплотную к нему, и затаился под прикрытием публики. Европеец приподнял голову, и Кэрис — насколько Марти видел в просветах между головами людей — отказалась от поисков. Может быть, она решила, что его здесь нет. Когда черная процесия с гробом во главе окончательно выползла из церковного двора, Марти вынырнул из толпы и отошел к стене, чтобы наблюдать действие с более выгодной позиции.

По дороге Мамолиан перемолвился словом с гостями в траурном облачении. Они обменялись рукопожатиями, высказали Кэрис свои соболезнования. Марти смотрел в нетерпении: вдруг она и Европеец оторвутся от толпы и ему удастся хоть на мгновение показаться ей на глаза. Но Мамолиан был прекрасным стражем и ни на миг не отпустил Кэрис от себя. Попрощавшись с собеседниками, они уселись на заднее сиденье темно-зеленого «ровера» и отъехали. Марти бросился к своему «ситроену». Теперь он не должен потерять ее, что бы ни случилось: возможно, это последний шанс узнать, где ее прячут. Преследование оказалось трудным. Съехав с узкой проселочной дороги на шоссе, «ровер» с нахальной легкостью прибавил скорость. Марти следовал за ним осмотрительно.

В «ровере» Кэрис внезапно пришла в голову странная мысль. Когда она опускала веки, чтобы моргнуть или просто отдохнуть от сверкания дня, в ее голове появлялась фигура бегущего человека. Она сразу узнала его: серый спортивный костюм, облако пара, вырывающееся из-под капюшона. Она могла бы назвать его имя прежде, чем увидела

лицо. Ей захотелось обернуться, чтобы увидеть его где-то за спиной, как ей казалось. Но она передумала. Мамолиан сразу догадается, что происходит, если он уже не догадался.

Европеец скользнул взглядом по Кэрис. Она загадочная особа, подумал он. Никогда не знаешь точно, что у нее на уме. В этом она была истинной дочерью своей матери; лицо Джозефа он со временем изучил, но лицо Евангелины очень редко отражало ее истинные чувства. Несколько месяцев Мамолиану казалось, что она спокойно воспринимает его присутствие в доме, и только впоследствии он узнал о ее интригах. Иногда он подозревал, что Кэрис тоже притворяется. Не слишком ли она уступчива? Даже теперь на ее лице видна легкая тень улыбки.

— Это забавляет тебя? — поинтересовался он.

— Что?

— Похороны.

— Нет,— ответила она просто.— Конечно же, нет.

— Ты улыбалась.

Тень исчезла, ее лицо расслабилось.

— В этом есть что-то нелепое,— сказала она, и ее голос поскучнел.— В том, как они щелкали камерами.

— Ты не веришь в их скорбь?

— Они никогда не любили его.

— А ты?

Она словно взвешивала вопрос.

— Любить...— произнесла она, выдыхая это слово в жаркий воздух, чтобы посмотреть, во что оно превратится.— Да. Наверное, любила.

Она заставила Мамолиана немного напрячься. Ему захотелось поглубже забраться в мысли девушки, но все его старания были напрасны. Он запугал ее видениями и заставил изображать послушание, но сомневался, что страх поработил ее на самом деле. Ужас — единственный способ, но ужас уменьшается от повторения. Каждый раз, когда Кэрис сопротивлялась, Мамолиану приходилось изыскивать новые, более кошмарные страхи; это его изнуряло.

Теперь Джозеф мертв; к ране добавилось оскорбление. Он ушел, как говорили на похоронах, «безмятежно, во сне». Он даже не умер — подобная вульгарность несовместима с этим событием. Он ушел, или отбыл, или удалился — уснул. Но не умер. Лицемерие и сентиментальность, с которыми провожали вора в могилу, внушали Европейцу отвращение. Но еще большее отвращение он испытывал к себе самому. Он позволил Уайтхеду уйти. И не один раз, а дважды. Мамолиана погубило собственное желание организовать игру по всем правилам, со всеми деталями, а также недавняя попытка убедить Уайтхеда уйти в пустоту добровольно. Эти уловки предрешили его поражение. Пока он угрожал и показывал фокусы, старый козел ускользнул.

Но это не должно стать финалом истории. В конце концов, он может последовать за Уайтхедом в смерть и вытащить его оттуда, если сумеет заполучить тело. Но старик предвидел и это. Тело было скрыто от всех, даже от глаз его ближайшего соратника. Труп заперли в банковском сейфе (как это ему подходит!) и охраняли днем и ночью, на радость газетчикам, упивающимся подобными выходками. Сегодня вечером тело станет пеплом и последняя возможность вечного примирения будет потеряна.

И еще...

Почему ему казалось, что их старые игры — в искушение, в конец света, в отвержение, в поношение и проклятие — еще не закончены? Интуиция Европейца, как и сила, уменьшалась, но он безошибочно чувствовал какой-то сбой. Он подумал о странной улыбке сидящей рядом женщины; ее лицо скрывало тайну.

— Он умер? — внезапно спросил Европеец.

Вопрос, кажется, смущил ее.

— Конечно умер, — ответила она.

— Точно, Кэрис?

— Боже, ведь мы только что были на его похоронах.

Она ощущала его мозг, его твердое присутствие у своего затылка. Они проигрывали эту сцену много раз в преды-

дущие недели: испытание воли, чья сильнее, и Кэрис знала, что днем он слабее. Слабее, но не настолько, чтобы не считаться с ним. Он все еще способен вызвать ужас, если ему захочется.

— Расскажи мне о своих мыслях сама,— предложил Мамолиан,— и я не буду вторгаться в них.

Если она не ответит, он влезет в нее насильно и увидит бегущего человека.

— Пожалуйста,— сказала она, изображая испуг,— не мучай меня.

Его мозг немного отдалился.

— Он умер? — снова спросил Мамолиан.

— В ту ночь, когда он умер...— начала Кэрис. Что она может сказать, кроме правды? Никакая ложь не подействует: он узнает...— В ту ночь, когда они сказали, что он умер, я ничего не почувствовала. Никаких изменений. Совсем не так было, когда умерла мама.

Она бросила на него испуганный взгляд, чтобы усилить видимость подчинения.

— Какой же вывод ты сделала? — спросил он.

— Я не знаю,— сказала она почти искренно.

— Что тебе кажется?

Она снова ответила искренно:

— Что он не умер.

На лице Европейца появилась улыбка — первая, которую видела Кэрис. Лишь слабая тень радости, но все же. Она почувствовала, как он убирает рога своих мыслей и задумывается. Больше он на нее давить не будет. Слишком многое надо спланировать.

— Ох, пилигрим,— прошептал он, упрекая своего невидимого врага, как горячо любимого, но заблудшего сына.— Ты почти одурачил меня.

Марти ехал за ними и после того, как машина свернула с шоссе и двинулась через город к дому на Калибан-стрит. Гонка закончилась в самом начале вечера. Припарковавшись в отдалении, он наблюдал, как Кэрис и Мамолиан

выходят из машины. Европеец заплатил шоферу и после небольшой задержки отпер дверь, потом они зашли в дом. Грязные кружевные занавески и облупившаяся краска выглядели естественно на этой старой улице, где все дома нуждались в подновлении. На среднем этаже загорелся свет и опустились жалюзи.

Он просидел в машине около часа, наблюдая за домом, хотя ничего не происходило. Кэрис не появилась в окне, не выбросила записочки с пожеланиями для ожидающего ее героя. Но он и не надеялся: это сюжет из романа, а вокруг — реальность. Грязные камни, грязные окна, грязный ужас, застывший у него внутри.

Марти ни разу не поел как следует с тех пор, как узнал о смерти Уайтхеда. Теперь, впервые за день, он почувствовал зверский голод. Он оставил дом наползающим сумеркам и отправился за едой.

53

Лютер собирал вещи. Дни после смерти Уайтхеда пронеслись, как вихрь, и его голова закружилась. В кармане у него было столько денег, что он каждую минуту придумывал что-нибудь новое — ведь теперь можно воплотить любую фантазию. В конце концов он решил, что сначала отправится домой на Ямайку и устроит себе большие каникулы. Он уехал оттуда девятнадцать лет назад, когда ему было восемь, сохранив золотые воспоминания об острове. Он приготовился к разочарованию, но если ему там не понравится, это не важно. Человек, внезапно получивший такое богатство, не нуждается в планах — он может передвигаться свободно. Найдется другой остров, другой континент.

Он почти закончил приготовления к отъезду, когда снизу его позвали. Голоса он не узнал.

— Лютер? Вы там?

Он вышел на лестницу. Женщина, с которой он когда-то жил здесь, уехала шесть месяцев назад, бросила его и

увезла с собой детей. Дом должен быть пуст. Однако в холле Лютер увидел даже не одного, а двоих человек. Тот, кто кричал — высокий, статный мужчина, — стоял и глядел на него снизу вверх, и свет с площадки освещал его широкий гладкий лоб. Лютер узнал лицо: может быть, он видел его на похоронах? За ним в тени маячила другая тяжелая фигура.

— Я хотел бы переговорить,— сказал первый.

— Как вы попали сюда? Кто вы, черт возьми?

— Только одно слово. О вашем хозяине.

— Вы из газеты? Слушайте, я уже рассказал все, что знал. Убирайтесь, пока я не вызвал полицию. Вы не имеете права вламываться.

Второй человек выступил из тени и посмотрел вверх на лестницу. Его лицо было сильно загrimировано, это бросалось в глаза даже на расстоянии. Лицо припудрено, щеки подрумянены: он походил на даму из театрального фарса. Лютер поднялся выше по лестнице, его мысли метались.

— Не бойтесь,— произнес первый так, что Лютер испугался еще больше. Что может скрываться за подобной вежливостью?

— Если вы не уберетесь через десять секунд...— предупредил он.

— Где Джозеф? — спросил вежливый человек.

— Умер.

— Вы уверены?

— Конечно, уверен. Я видел вас на похоронах, не так ли? Я не знаю, кто вы.

— Меня зовут Мамолиан.

— Ну и вы там были, правда? Вы сами все видели. Он мертв.

— Я видел гроб.

— Он мертв, приятель,— настаивал Лютер.

— Вы один из тех, кто его нашел. Так, кажется? — проговорил Европеец, делая несколько беззвучных шагов через холл к подножию лестницы.

— Именно так. В постели,— ответил Лютер. Может быть, они все-таки журналисты? — Я нашел его в постели. Он умер во сне.

— Спускайтесь. Уточним детали, если вы не против.

— Мне и здесь хорошо.

Европеец поглядел на хмурое лицо шофера; мысленно прощупал его затылок. Здесь слишком жарко и грязно, а сам он сейчас недостаточно тверд для исследования. Есть и другие, более грубые методы. Мамолиан махнул рукой Пожирателю Лезвий, чей сандаловый запах чувствовался совсем близко.

— Это Энтони Брир,— произнес Европеец.— Когда-то он отправлял на тот свет детей и собак — вы помните собак, Лютер? — с восхитительной основательностью. Он не боится смерти. Он наслаждается необыкновенным сопреживанием смерти.

Лицо манекена блеснуло в лестничном колодце; в глазах его горело желание.

— А теперь, пожалуйста,— сказал Мамолиан,— ради нас обоих, скажите правду.

В горле у Лютера пересохло, и слова выходили с трудом.

— Старик мертв,— сказал он.— Вот все, что я знаю. Если бы я знал что-то еще, я бы сказал.

Мамолиан кивнул; его взгляд стал сострадательным, как будто он искренне опасался того, что может случиться в следующий миг.

— Мне хочется верить вашим словам. Вы произнесли их так убедительно, что я почти поверил. В принципе, я мог бы уйти удовлетворенный, а вы отправились бы по своим делам. Но...— Мамолиан тяжело вздохнул.— Но я не совсем вам доверил.

— Слушайте, этот мой дом, черт возьми! — заревел Лютер, чувствуя необходимость что-то предпринять.

Человек по имени Брир расстегнул пиджак. Под ним не оказалось рубашки. Сквозь жир на груди были продеты железные шпильки, они прокалывали соски и перекреци-

вались. Толстяк нашупал их и выдернул две; не выступило ни капли крови. Вооруженный этими острями, Брир побрел к подножию лестницы.

— Я ничего не сделал! — взмолился Лютер.

— Так говорите.

Пожиратель Лезвий начал взбираться по лестнице. Ненапудренная грудь была безволосой и желтоватой.

— Подождите!

Брир остановился при крике Лютера.

— Ну? — сказал Мамолиан.

— Уберите его от меня!

— Если у вас есть, что мне рассказать, говорите. Я жажду вас услышать.

Лютер кивнул. На лице Брира отразилось разочарование. Лютер сглотнул, прежде чем начать говорить. Ему заплатили за молчание, но Уайтхед не предупредил, что все так обернется. Он ожидал оравы любопытных репортёров, даже предложения денег за интервью в воскресных газетах, но не этого людоеда с кукольным лицом и ранами без крови. Молчание, которое можно купить за деньги, имеет предел. Бог свидетель.

— Так что вы скажете? — спросил Мамолиан.

— Он не умер, — сказал Лютер. Что ж, выговорить это несложно. — Все подстроено. Только двое или трое знают правду, и я один из них.

— Почему вы?

Тут Лютер не был уверен.

— Полагаю, он доверял мне, — ответил он, пожимая плечами.

— Ага.

— И ведь кто-то должен был найти тело, а я — наиболее правдоподобный кандидат. Он просто хотел расчистить себе путь. Начать все заново там, где его не найдут.

— И где же?

Лютер покачал головой.

— Я не знаю, приятель. Наверное, там, где никто не знает его в лицо. Он мне не говорил.

— И не намекал?

— Нет.

Взгляд Брира делался прозрачным от такой скрытности Лютера.

— Ну же,— подбодрил Мамолиан.— Вы уже отдали мне основную часть. Что дурного, если отадите и остаток?

— Больше ничего нет.

— Зачем причинять боль самому себе?

— Он никогда мне не говорил!

Брир шагнул на первую ступеньку, потом на вторую, на третью.

— Он, должно быть, поделился с вами какими-то мыслями,— продолжал Мамолиан.— Думайте! Думайте! Вы сказали, что он доверял вам.

— Не настолько! Эй, уберите его от меня!

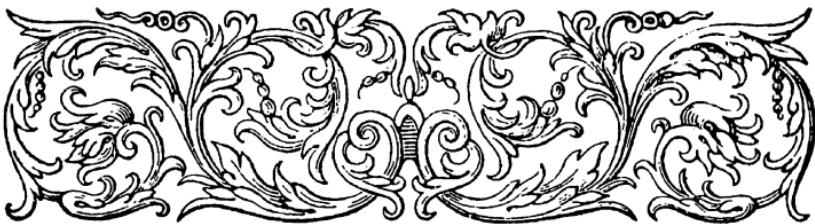
Иголки засияли.

— Ради бога, уберите его от меня!

Есть много поводов для огорчения. Первый — то, что одно человеческое существо способно, улыбаясь, выказать такую жестокость по отношению к другому. И второй — то, что Лютер ничего не знал. Его осведомленность, как он и утверждал, была строго ограничена. Но когда Мамолиан убедился в этом, судьбу Лютера уже нельзя было изменить. Впрочем, это не совсем правда. Воскрешение вполне вероятно. Но у Мамолиана имелись дела поважнее, чтобы тратить сейчас истощающиеся силы. Кроме того, позволить ему остаться мертвым — единственный способ, каким Европеец может отплатить шоферу за напрасные страдания.

— Джозеф. Джозеф, Джозеф,— произнес Мамолиан укоризненно.

И нахлынула тьма.

• 8

НИЧТО НА ПОСЛЕ

54

Обеспечив себя всем необходимым на случай долгого бдения на Калибан-стрит — чтивом, едой, питьем,— Марти вернулся туда и простоял в засаде большую часть ночи в компании с бутылкой «Чивас Ригал» и автомобильным радиоприемником. Лишь незадолго до рассвета он закончил вахту, вернулся в свою комнату совершенно пьяным и проспал почти до полудня. По пробуждении ему казалось, что голова его стала размером с аэростат, хорошенъко начавший газом, но у него имелось дело на целый день. Никаких мечтаний о Канзасе; он помнил только о том доме и о Кэрис, запертой в нем.

Он перекусил гамбургерами, вернулся на ту улицу и припарковал машину достаточно далеко, чтобы его не заметили, но достаточно близко, чтобы видеть входящих в дом и выходящих из него. Следующие три дня он провел на том же месте. Иногда он улучал несколько минут для короткого сна прямо в машине; чаще возвращался в Килбурн и урывал час или два отдыха. Он узнал жизнь этой улицы во всех проявлениях. Он видел ее в призрачных предрасветных сумерках; и в разгар утра, когда по ней гуляли молодые домохозяйки с детьми и деловые люди; в цветистый полдень и вечером, когда сахарно-розовый свет заходящего

го солнца заставлял ликовать кирпич стен и шифер крыши. Частная и общественная жизнь калибанцев открылась ему. Припадочный ребенок, чьим тайным пороком был гнев, жил в шестьдесят седьмом доме. Женщина из восемьдесят первого ежедневно принимала мужчину ровно в двенадцать сорок пять. Ее мужа — полицейского, судя по рубашке и галстуку, — вечером встречали на пороге с рвением, прямо пропорциональным количеству времени, проводимому женой с любовником. И еще пара дюжин уличных историй, пересекающихся и расходящихся.

Что до самого дома, то Марти замечал случайные проявления жизни внутри, но ни разу не увидел Кэрис. Жалюзи на окнах среднего этажа весь день были опущены и поднимались только тогда, когда истощалась сила солнца. Единственное окно на верхнем этаже, похоже, навечно заделали изнутри.

Марти заключил, что кроме Кэрис тут обитали только два человека. Один, конечно, Европеец. Другой — мясник, приходивший в Святынище, убийца собак. Один-два раза в день тот уходил и возвращался, обычно по рутинным делам. Это было неприятное зрелище: покрытое густым слоем косметики лицо, прихрамывающая походка и косые взгляды на играющих детей.

В эти три дня Мамолиан не покидал дома; во всяком случае, Марти не видел, чтобы он выходил. Он мельком появлялся в окне нижнего этажа и выглядывал наружу, на залитую солнцем улицу, но такое случалось нечасто. И пока он оставался внутри, Марти даже не думал о попытках спасти Кэрис. Никакое мужество (а он не считал, что обладает безграничным запасом храбрости) не заставило бы его выступить против сил, защищавших Европейца. Нет, нужно сидеть и ждать, пока не представится более безопасный случай.

На пятый день наблюдений, когда жара по-прежнему не хотела спадать, удача улыбнулась ему. Около четверти девятого — сумерки уже вторглись на улицу — рядом с домом остановилось такси и Мамолиан, одетый для визита в

казино, сел в машину. Почти через час второй обитатель дома появился в дверном проеме. Его лицо расплывалось пятном в стучащейся ночи, но явно выражало голод. Марти видел, как он закрыл дверь и оглядился по сторонам, прежде чем уйти. Неуклюжая фигура скрылась за углом Калибан-стрит, и Марти вылез из машины. Желая исключить малейший риск — ведь это был первый и, возможно, единственный шанс спастись, — он свернулся за угол и убедился, что мясник отправился не на короткую вечернюю прогулку. Массивная фигура двигалась к центру города. Только когда толстяк исчез из виду, Марти вернулся к дому.

Все окна были закрыты, и задние, и фасадные; нигде не проглядывал свет. Может быть, подало голос сомнение, ее и нет в доме? Может быть, она ушла, пока он дремал в машине? Марти взмолился о том, чтобы это сомнение развеялось, и попытался открыть заднюю дверь фомкой. Он специально купил ее и фонарик — аксессуары уважающего себя взломщика.

Внутри была стерильная атмосфера. Он начал поиски с первого этажа, обыскивая комнату за комнатой; он решил следовать определенной системе, пока это возможно. Слишком мало времени, чтобы вести себя непрофессионально; никаких криков, никакой спешки, только осторожное изучение. Все комнаты оказались пусты — ни людей, ни мебели. Редкие вещи, оставленные прежними обитателями, подчеркивали, а не смягчали ощущение заброшенности. Марти поднялся на второй этаж.

Там он нашел комнату Брира. В ней воняло: нездоровая смесь духов и сырого мяса. В углу работал черно-белый телевизор, звук убран до шепота; показывали какую-то викторину. Ведущий беззвучно выл, презрительно насмехаясь над поражением игрока. Дрожащий металлический свет падал на скучную мебель: кровать с голым матрацем и испачканными подушками; зеркало, стоящее на стуле, разбросанные перед ним косметические принадлежности и бутылки с туалетной водой. На стене — фотографии, вырванные из книги про жестокости войны. Марти бросил на

них беглый взгляд, но подробности пугали даже при тусклом освещении. Он прикрыл дверь этой грязной комнаты и открыл следующую. Там был туалет. За ним ванная. К четвертой — и последней — двери на этаже вел узкий коридорчик; она оказалась закрыта. Марти повернул ручку раз, еще раз, туда и обратно, а затем прижал ухо к дереву в надежде что-нибудь услышать.

— Кэрис?

Ответа не последовало: ничто не указывало на присутствие человека.

— Кэрис? Это Марти. Ты меня слышишь? — Он снова подергал ручку, с большей силой. — Это Марти.

Нетерпение переполнило его. Она там, за дверью, он был абсолютно уверен. Он толкнул дверь ногой, скорее от досады, затем изо всех сил ударил по ней. Дерево крошилось под его натиском. Еще с полдюжины крепких ударов — и замок затрещал. Марти окончательно выбил дверь ударом плеча.

Комната пахла ароматом Кэрис, была полна ее теплом. Но кроме ее самой и ее тепла там не было ничего. Ведро в углу, куча пустых блюдец, разбросанные книги, одеяло, маленький стол, где валялись иглы, шприцы, тарелки, спички. Кэрис свернулась калачиком в углу. Маленькая лампа стояла в другом конце комнаты, накрытая тряпкой, чтобы приглушить свет; материя отбрасывала четкую тень. Девушка лежала в футболке и трусах, остальные ее вещи — джинсы, свитера, рубашки — были разбросаны вокруг. Когда она подняла голову и взглянула на Марти, тот увидел, что ее волосы слиплись от пота.

— Кэрис!

Кажется, сначала она его не узнала.

— Это я, Марти.

Ее блестящий лоб сморщился.

— Марти? — отозвалась она чуть слышно.

Морщины углубились; Марти сомневался, что она вообще его видит. Глаза ее закатились.

— Марти,— повторила она так, словно теперь его имя что-то для нее означало.

— Да, это я.

Он пересек комнату. Кэрис казалась потрясенной его неожиданным приближением. Глаза широко раскрылись, в них мелькнуло узнавание вперемешку со страхом. Она приподнялась, футболка прилипла к ее потному телу. Изгиб руки был весь в кровяных точках и синяках.

— Не подходи ко мне близко.

— Что случилось?

— Не приближайся!

Он отступил перед ее угрожающим тоном. Что они с ней сделали, черт возьми?

Она села, ладонями подперев голову.

— Подожди,— все еще шепотом проговорила она.

Ее дыхание стало очень ровным. Марти только сейчас осознал, что комната как будто загудела. Или не комната; может быть, этот вой — словно в доме гудит генератор — возник в воздухе, как только он вошел. Если так, Марти не заметил его. Теперь он ждал, пока Кэрис закончит свой непонятный ритуал, и вой раздражал его. Тихий, но пронзительный, так что невозможно понять, не раздается ли он где-то внутри тебя. Марти с трудом слотнул: внутри щелкнуло, монотонный гул продолжался. Наконец Кэрис подняла взгляд.

— Все в порядке,— сказала она.— Его здесь нет.

— Я мог сказать тебе это. Он уехал из дома два часа назад. Я видел.

— Ему совсем не обязательно быть здесь физически,— отозвалась она, потирая затылок.

— Ты в порядке?

— Я чувствую себя прекрасно.

Она говорила таким тоном, словно они расстались только вчера. Марти почувствовал себя дураком. Его облегчение, его желание забрать ее отсюда казались теперь неуместными, лишними.

— Нам надо идти,— произнес он.— Они скоро вернутся.

Кэрис покачала головой.

— Нет смысла,— безнадежно ответила она.

— Что значит «нет смысла»?

— Если бы ты знал, что он может сделать...

— Поверь мне, я видел.

Он подумал о Белле, о бедной мертвой Белле и ее щенках, сосущих тлен. Он видел более чем достаточно.

— Бессмысленно пытаться бежать,— настаивала она.— Он может входить в мою голову. Я для него — открытая книга.

Это было преувеличением. Мамолиан терял способность контролировать ее. Но она устала от борьбы — почти так же, как и сам Европеец. Она думала иногда: уж не заразил ли он ее своей вселенской усталостью, не оставил ли след на коре ее мозга, не испачкал ли любую возможность жизни сознанием разложения? Теперь и в Марти, о чьем лице она мечтала, чье тело она желала, она замечала то же самое. Видела, что он состарится, согнется и умрет, как все гнутся и умирают. «Зачем вставать,— спросила болезнь внутри нее,— если новое падение — только вопрос времени?»

— Ты не можешь отгородиться от него? — спросил Марти.

— Я слишком слаба, чтобы сопротивляться. С тобой я стану еще слабее.

— Почему? — Это замечание его испугало.

— Как только я расслаблюсь, он проникнет в меня. Ты понимаешь? В тот момент, когда я подчинюсь чему-то или кому-то, он взломает меня.

Марти вспомнил лицо Кэрис на подушке и как в одно страшное мгновение другое лицо проглядывало сквозь ее пальцы. Последний Европеец наблюдал, набирался опыта. Любовь втроеем: мужчина, женщина и вторгнувшийся дух. Эта непристойность пробудила гнев в душе Марти. Он испытал не поверхностное раздражение праведника, а глуб-

бокое отвержение растления и распада Европейца. Что бы ни случилось впоследствии, он не отдаст Кэрис для затей Мамолиана. Если потребуется, уведет ее насилино. Когда она покинет гудящий дом, где отчаяние пропитало стены, то вспомнит, как хороша жизнь. Он заставит ее вспомнить. Марти снова шагнул к ней и сел на корточки, чтобы коснуться ее. Кэрис вздрогнула.

— Он сейчас занят,— заверил ее Марти.— Он в казино.

— Он убьет тебя,— сказала она просто,— если обнаружит, что ты был здесь.

— Он убьет меня в любом случае. Я вторгся. Я видел его берлогу, и я намерен разорить ее, прежде чем мы уйдем, чтобы оставить о себе память.

— Поступай как хочешь.— Она пожала плечами.— Но меня оставь.

— Итак, Папа был прав,— промолвил Марти с горечью.

— Папа? Что он тебе сказал?

— Что ты хочешь остаться с Мамолианом.

— Нет!

— Ты хочешь быть такой же, как он!

— Нет, Марти, нет!

— Наверное, у него отличный герой? У меня такого нет, так?

Она не отрицала этого, просто мрачно глядела.

— Какого черта я здесь делаю? — воскликнул он.— Ты счастлива, не так ли? Боже, ты счастлива!

Было смешно думать, как он ошибался, представляя себе это «спасение». Она вполне довольна своей убогой жизнью здесь. Ее разговор о вторжениях Мамолиана — только для прикрытия. Она готова простить любое преступление Европейца, пока действует наркотик.

Он встал.

— Где его комната?

— Нет, Марти!

— Я хочу увидеть место, где он живет. Где она?

Кэрис попыталась собраться с силами. Руки у нее были горячие и влажные.

— Пожалуйста, уходи, Марти. Это не игрушки. Все это нам припомнится, когда мы подойдем к концу. Его не остановить даже ценой нашей смерти. Ты понимаешь, о чем я?

— О да,— ответил он,— понимаю.

Он дотронулся ладонью до ее лица. Дыхание Кэрис было нечистым. Как и мое, подумал он, но только от виски.

— Я не невинный младенец. Я знаю, что происходит. Не все, конечно, но достаточно. Я видел страшные вещи. Я молюсь, чтобы не увидеть их снова; я кое-что слышал... Боже, я понимаю! — Как же внушить ей, чтобы она поняла? — Я напуган до полусмерти. Я никогда так не боялся.

— И на то есть причины,— сказала она холодно.

— А тебя не заботит, что случится с тобой?

— Не слишком.

— Я найду тебе наркотики,— продолжал он.— Это единственное, что держит тебя здесь. Я достану тебе их.

Появилось ли на миг в ее лице сомнение? Марти решил жать до конца.

— Я видел, как ты искала меня на похоронах.

— Ты был там?

— Почему же ты искала меня, если не хотела моего прихода?

Она покачала плечами.

— Не знаю. Думала, наверное, что ты ушел с папой.

— Что я умер, ты имеешь в виду?

Кэрис посмотрела на него хмуро:

— Нет. Ушел. Куда бы он ни отправился.

Потребовалось время, чтобы ее слова дошли до Марти. Наконец он спросил:

— Ты намекаешь, что он не умер?

Она покачала головой:

— Я думала, ты знаешь. Думала, ты тоже участвовал в его бегстве.

Конечно же, старый прохиндей не умер! Великие люди не ложатся и не умирают просто так, за сценой. Они пере-

жидают антракт — почитаемые, оплаканные и очерненные,— а потом появляются снова, чтобы сыграть финальную сцену. Сцену смерти. Или свадьбы.

— Где он? — спросил Марти.

— Я не знаю, и Мамолиан тоже. Он пытается заставить меня разыскать его, как я разыскала Тоя, но я не могу. Я больше не нахожу направления. Я однажды пыталась найти тебя, и бесполезно. Я едва могу найти путь к парандой двери.

— Но ты нашла Тоя?

— Это было вначале. Теперь... я истощена. Я сказала ему, что это больно. Как будто что-то собирается вломиться внутрь тебя.

Боль, прошлая и настоящая, отразилась на ее лице.

— И ты все еще хочешь остаться здесь?

— Это скоро закончится. Для всех нас.

— Пойдем со мной. У меня есть друзья, они помогут! — уговаривал ее Марти, хватая за запястья.— Боже милостивый, разве ты не видишь, что нужна мне? Пожалуйста, ты нужна мне!

— Во мне нет смысла. Я слаба.

— И я. Я тоже слаб. Мы стоим друг друга.

Эта мысль, кажется, понравилась Кэррис своим цинизмом. Она немного подумала и очень тихо ответила:

— Может быть, и так.

На ее лице отразились неуверенность и сомнение. Потом она сказала:

— Я оденусь.

Марти крепко обнял ее, вдыхая запах ее немытых волос. Он прекрасно понимал, что первая победа может оказаться последней, но все равно чувствовал радость. Она нежно разомкнула его объятия и начала одеваться. Ее застенчивость подсказала Марти, что нужно отойти. Он вышел на лестничную площадку. Гул снова наполнил уши. Казалось, теперь он звучал гораздо громче. Включив фонарь, Марти поднялся к комнате Мамолиана. С каждым шагом он чув-

ствовал, что шум нарастает; гудели доски лестницы и стены — живое присутствие.

На верхней площадке была только одна дверь. Комната за ней занимала весь этаж. Мамолиан, как истинный аристократ, занял самое лучшее и безопасное помещение. Дверь была открыта: Европеец не боялся вторжения. Марти толкнул ее, и она отворилась на несколько дюймов, но луч фонаря с неохотой проник в темноту на длину руки. Марти стоял на пороге, как ребенок, застывший в сомнениях перед поездом призраков в парке аттракционов.

С той минуты, как он познакомился с Мамолианом, Марти испытывал по отношению к нему жгучее любопытство. Без сомнения, Европеец был злом; возможно, имел ужасающую способность к насилию. Но так же, как лицо Мамолиана проявилось в чертах Кэрис, другое лицо проглядывало изнутри Европейца. И таких других лиц у него, вероятно, было немало. Полсотни лиц, одно другого страннее, восходили к некоему первоначальному виду, древнее Вифлеема. Марти увидел его только раз, не так ли? Всего один взгляд в древность. Собравшись с силами, он рванулся в живую темноту комнаты.

— Марти! — Что-то блеснуло перед ним, словно пузырь взорвался в голове, когда Кэрис его позвала: — Марти! Я готова!

Гул в комнате усилился, когда он вошел. Как только Марти отступил назад, он перерос в стон разочарования.

«Не уходи! — звучало в этом стоне.— Зачем уходить? Она подождет. Пусть она ждет. Побудь немного над ней и посмотри на то, что увидишь».

— Времени нет,— сказала Кэрис.

Почти рассерженный тем, что его отзывают, Марти закрыл дверь и спустился.

— Я плохо себя чувствую,— сказала Кэрис, когда он подошел к ней на нижней площадке.

— Это он? Он пытается проникнуть в тебя?

— Нет. Просто меня мутит. Я и не подозревала, что так ослабела.

— Снаружи моя машина.

Марти подал ей руку для поддержки. Кэрис отмахнулась.

— Я забыла пакет с вещами,— сказала она.— В комнате.

Он вернулся и как раз взял пакет в руки, когда Кэрис издала легкий жалобный звук и споткнулась о ступеньку.

— Ты в порядке?

— Да,— ответила она.

Когда он появился на лестнице со свертком, она бросила на него мертвенный взгляд.

— Дом хочет, чтобы я осталась,— прошептала она.

— Ничего, это пройдет,— проговорил Марти и пошел впереди нее, чтобы она снова не споткнулась.

Они дошли до холла без происшествий.

— Мы не сможем выйти через парадную дверь,— сказала она.— Она закрыта на два замка снаружи.

Они пошли обратно через холл и вдруг услышали шум: без сомнений, кто-то открыл заднюю дверь.

— Черт,— ругнулся Марти шепотом.

Он выскользнул из-под руки Кэрис, тихо прошел во тьме к парадной двери и попытался открыть ее. Как и предупреждала Кэрис, дом заперли на два замка. Марти ощутил, как нарастает страх, но сквозь сумятицу в голове зазвучал тихий голос. Он знал, что это голос комнаты наверху.

«Не тревожьтесь. Поднимайтесь. Спрячьтесь во мне. Скройтесь во мне».

Марти поборол искушение. Кэрис повернулась к нему:

— Это Брир,— выдохнула она.

Убийца собак был на кухне. Марти слышал его шаги, чувствовал его запах. Кэрис постучала пальцем по рукаву Марти и кивнула на дверь с засовом под лестничным колодцем. Погреб, понял он. Мертвенно-бледная во мраке, девушка указывала вниз. Он кивнул.

Брир напевал, занимаясь каким-то делом. Странно, что он счастлив, этот хромой душегуб; так удовлетворен, что начал петь.

Кэрис сдвинула засов на двери в погреб. Ступени, тускло освещенные светом из кухни, вели в глубокую яму. Запах дезинфекции и деревянных стружек — здоровый запах. Они поползли вниз, вздрагивая от каждого скрипа каблучка, от каждого треска ступеньки. Но Пожиратель Лезвий был слишком занят, чтобы слышать их. Никаких признаков погони. Марти закрыл дверь погреба — он отчаянно надеялся, что Брир не заметит снятого засова,— и прислушался.

Время от времени слышался шум текущей воды, затем звяканье чашек, может быть, чайника: чудовище заваривало ромашковый настой.

Чувствительность Брира притупилась. Летняя жара сделала его вялым и слабым. Его кожа воняла, волосы выпадали, желудок не переваривал пищу. Нужны каникулы, решил он. Как только Европеец найдет Уайтхеда и казнит его — вопрос нескольких дней,— Брир поедет любоваться северным сиянием. Конечно, ему придется оставить гостью (он чувствовал ее близость в нескольких футах), но к тому времени она потеряет всякую привлекательность. Он стал ветреным, а красота недолговечна. Две недели или три при холодной погоде — и весь их шарм растворяется.

Он сел за стол и налил чашку ромашкового отвара. Аромат, когда-то радовавший его, стал слишком слаб для его забитого носа, но он пил его для поддержания традиции. Потом он поднимется к себе, посмотрит любимые сериалы, может быть, заглянет к Кэрис и поглядит, как она спит; вынудит ее, если она проснется, помочиться в его присутствии. Погрузившись в эти мечты, он сидел и потягивал свой чай.

Марти надеялся, что Брир уберется к себе с отваром и откроет им проход к задней двери, но тот явно решил пока оставаться внизу.

Марти отступил в темноте к Кэрис. Она стояла за ним, дрожа с ног до головы, как и он сам. Глупо, что он оставил фомку, свое единственное оружие, где-то в доме. Вероят-

но, в комнате Кэрис. Если придется встретить Брира лицом к лицу, он окажется безоружным. Еще хуже, что они теряют время. Сколько еще Мамолиан пробудет вне дома? От этой мысли его сердце дрогнуло. Касаясь рукой холодного кирпича стен, он скользнул ниже мимо Кэрис в глубину погреба. Может быть, здесь есть какое-нибудь оружие. Или даже — надежда надежд! — выход из дома. Но света было очень мало. Он не видел щелей, за которыми мог бы скрываться люк или угольная яма. Уверившись, что ищет дверь не в том направлении, Марти зажег фонарь. Погреб был не совсем пустым. Разделяя его на две части, как ширма, посередине висел брезент.

Он протянул руку к низкому потолку и направился к ширме осторожным шагом, цепляясь за трубы на потолке. Отдернув брезент, Марти направил за него луч фонаря. Он почувствовал, как его желудок подпрыгнул к горлу, и подавил крик за секунду до рождения.

В ярде или двух от него стоял стол. И за ним сидела девочка. Сидела и глядела на Марти.

Он зажал пальцами рот ребенка, чтобы успокоить ее, прежде чем она поднимет шум. Но нужды в этом не было. Девочка не шелохнулась, не издала ни звука. Взгляд ее не был взглядом слабоумного человека. Ребенок мертв, понял Марти. На теле девочки осела пыль.

— О боже,— произнес он очень спокойно.

Кэрис услышала. Она повернулась и шагнула к началу лесенки.

— Марти? — шепнула она.

— Не подходи,— ответил он, не в силах оторвать глаз от мертвый девочки.

Кроме нее, там было и другое, за что мог уцепиться глаз. На столе перед девочкой лежали вилки и ножи, стояла тарелка; салфетка заботливо развернута на коленях. На тарелке мастер мясник тонко нарезал мясо. Марти обогнул стол, пытаясь уйти от взгляда покойницы. Он задел салфетку, и она провалилась между ног девочки.

Явились два кошмара, два грубых братца, один за другим. Салфетка прикрывала место на внутренней стороне бедра девочки, откуда и было вырезано лежавшее на тарелке мясо. И в тот же миг второе понимание: он сам ел такое мясо на приеме в поместье Уайтхеда. На вкус оно было нежнейшим, и Марти опустошил тарелку.

Его затошило. Он выронил фонарь, пытаясь побороть дурноту, но это было выше его сил. Горькая вонь желудочной кислоты наполнила погреб. Марти не мог ее утаить; чтобы избавиться от этой грязи, нужно извергнуть ее и ответить за последствия.

Пожиратель Лезвий оторвался от чашки чая, отбросил стул и вышел из кухни.

— Кто? — спросил он тонким голоском.— Кто там внизу?

Он безошибочно направился к двери погреба и распахнул ее. Тусклый свет прокатился по ступенькам.

— Кто там? — повторил он снова, спускаясь вслед за лучом; шаги грохотали по деревянным ступеням.— Что ты там делаешь? — истерически кричал он.— Ты не смеешь спускаться вниз!

Марти поглядел вверх, пересиливая тошноту, и увидел, как Кэрис шагнула к нему. Ее глаза вспыхнули при виде картины у стола, но она сдержала себя, словно не заметила тела, и потянулась к ножу и вилке, что лежали рядом с тарелкой. Она схватила их, сдергивая в спешке скатерть. Тарелка и приборы полетели на пол, клацнули ножи.

Брир замер на лестнице, оглядывая свой оскверненный храм. Сейчас он бросится на неверных; он возвышался огромным монументом, приготовившись к атаке. Кэрис — маленькая, словно карлица, рядом с Бриром — повернулась и закричала, когда он дошел до нее. Его тень закрыла девушку; Марти не мог понять, кто где. Но затмение длилось несколько секунд. Затем Брир поднял серые руки, словно хотел отбросить Кэрис; его голова затряслась. Он издал вопль, походивший скорее на жалобу, чем на выражение боли.

Кэрис поднырнула под его грабли и проскользнула мимо невредимой. Ножка и вилки в ее руках большие не было — Брир наткнулся прямо на них. Но он как будто не заметил, что металл вошел в его живот. Он был поглощен девочкой, чье тело свалилось на кучу мусора на полу погреба. Брир бросился заботливо усаживать ее за стол, забыв об осквернителях. Кэрис поймала взгляд Марти: он подтягивался, цепляясь за трубы на потолке.

— Уходим! — прокричала она.

Убедившись, что Марти услышал, Кэрис побежала вверх по лесенке. Она слышала, как Пожиратель Лезвий бежит за ними с воплем:

— Нет! Нет!

Она посмотрела через плечо. Марти достиг низа лестницы, и тут руки Брира — ухоженные, надушенные и мертвенные — схватили его. Он лягнул мясника изо всех сил, и Брир отцепился. Это задержало Марти на мгновение, не больше. Он поднялся до середины лесенки, когда преследователь снова нагнал его. Нарумяненное лицо выплыло пятном из темноты подвала: его черты, исказенные яростью, едва походили на человеческие.

На этот раз Брир ухватил Марти за брюки, впившись пальцами глубоко в мышцы под кожей. Марти закричал, его одежда затрещала, хлынула кровь. Он выбросил руку к Кэрис, которая напрягла все оставшиеся силы и рванула его к себе. Брир потерял равновесие и опять отпустил добычу, а Марти полетел вверх по ступенькам, спотыкаясь и выталкивая Кэрис вперед. Она бросилась в холл, Марти за ней, Брир бежал по пятам. На самом верху лестницы Марти неожиданно обернулся и ударил Брира ногой. Его каблук уткнулся в проколотое брюхо Пожирателя Лезвий. Брир полетел вниз, хватая руками воздух, но держаться было не за что. Его ногти чиркали о кирпич, пока он не свалился и не ударился об пол с мягким шлепком. Там он растянулся и замер без движения.

Марти захлопнул за собой дверь подвала и задвинул засов. Он чувствовал себя слишком слабым, чтобы рассмотр-

реть рану на ноге. По теплой струе, натекающей в ботинок, он понял, что кровотечение сильное.

— Ты можешь... найти что-нибудь... — обратился он к девушке, — чтобы остановить кровь?

Кэрис кивнула, задыхаясь, и повернула за угол на кухню. На сушилке висело полотенце — слишком мерзкое, чтобы заматывать им открытую рану. Она принялась искать что-нибудь чистое. Время шло; Мамолиан явно не собирался оставаться вне дома до утра.

В холле Марти пытался уловить звуки из погреба, но все было тихо.

Однако он различил другой шум, про который почти забыл. Гул дома снова раздавался в его голове. Этот сладкий голос вливался в мозг и наполнял его, как во сне. Здравый смысл подсказывал, что надо как-то выключить его, но когда Марти вслушался и попытался различить слова, ему показалось, что тошнота и боль в ноге проходят.

На спинке кухонного стула Кэрис нашла одну из темно-серых рубашек Мамолиана. Европеец заботился о своей одежде, и рубашка была свежевыстиранная — идеальный бинт. Она разорвала ее, хотя прекрасный шелк и сопротивлялся, затем намочила лоскут в холодной воде, чтобы промыть рану, и нарезала полосок для перевязки. Потом вернулась в холл. Но Марти исчез.

55

Он должен увидеть. А если не получится (что такое видение? просто чувственность), должен найти другой способ познания. Это обещала ему комната, шептавшая на ухо: новое знание и способ обрести его. Он несся вверх, перехватывая руками перила, выше и выше, забывая о боли; он поднимался в гудящую тьму. Он хотел прокатиться на поезде призраков. Там были грезы, о которых он никогда не мечтал и не будет мечтать. Кровь хлюпала в туфле — он смеялся над этим. Ногу свела судорога — он не

замечал. Остались последние ступеньки; он с трудом вскарабкался по ним. Дверь была полуоткрыта.

Он достиг самого верха и, прихрамывая, направился к двери.

В погребе было совершенно темно, но это не волновало Пожирателя Лезвий. Уже много недель его глаза видели так же хорошо, как в былые дни: он научился заменять зрение прикосновением. Он поднялся на ноги и попытался подумать обо всем. Скоро вернется Европеец. Тогда его ждет кара за уход из дома и за то, что Брир не сумел предотвратить побег. Еще хуже другое: он больше не увидит девушку, не сможет наблюдать, как она мочится; о, эта ароматная жидкость, которую он хранил для особого случая. Брир чувствовал отчаяние.

Он даже теперь слышал, как она ходит наверху в холле, поднимается по ступеням. Ритм шагов ее крошечных ножек был знаком ему; он долго слушал, ночью и днем, как она ходит взад-вперед по своей конуре. Пока Кэрис взбиралась по лестнице, он мысленно глядел сквозь потолок погреба, ставший прозрачным. Между ее ног зияла роскошная щель. Его разозлила мысль о том, что он больше не увидит этого, как и саму девушку. Конечно, Кэрис старая — совсем не такая, как красотка за столом и те другие, на улицах; но ее присутствие уже не раз спасало Брира от безумия.

Неуверенным шагом он пошел обратно к своей маленькой «самоедке», чей обед был так грубо прерван. По пути его нога наткнулась на один из ножей — он сам оставил их на столе, чтобы гостью было удобно. Брир опустился на четвереньки и нашарил нож, затем пополз обратно к лестнице и принялся рубить дерево в том месте, где свет пробивался сквозь щели, указывая расположение засова.

Кэрис не хотелось снова подниматься наверх. Там осталось слишком много того, чего она боялась. Не реальные вещи, а тени, намеки; но и их хватало, чтобы сделать ее

слабой. Почему Марти пошел наверх (а он мог пойти только туда)? Вот что смущало ее. Он уверял, будто все понимает, но ему еще предстояло многое узнать.

— Марти! — позвала Кэрис, стоя под лестницей.

Она надеялась, что он появится, улыбнется и похромает к ней. Тогда не придется подниматься самой и уводить его. Но ответа не последовало, а ночь не бесконечна — Европеец мог открыть дверь в любой момент.

Кэрис неохотно двинулась наверх.

До этого момента Марти ничего не понимал. Он оставался невинным, жил в мире девственного неведения, ничего не зная об этом глубоком и возбуждающем проникновении не только внутрь тела, но и внутрь мозга. Атмосфера комнаты затуманила его голову сразу же, едва он переступил порог. Кости его черепа заскрежетали друг о друга: голос комнаты перешел с шепота на крик в его голове:

— Так ты пришел? Конечно, ты пришел. Добро пожаловать в Страну Чудес.

Марти смутно осознавал, как его собственный голос произнес эти слова. Вероятно, он все время слышал свой голос и говорил сам с собой, как лунатик. Даже теперь, когда он раскусил трюк, голос зазвучал снова, но чуть ниже:

— Прекрасное место, чтобы познать себя, не так ли?

Он огляделся. Здесь не на что смотреть — одни стены. Даже окна в комнате оказались герметично закрытыми. Никаких звуков внешнего мира сюда не проникало.

— Я ничего не вижу, — пробормотал он в ответ на похвальбу комнаты.

Голос засмеялся, и он вместе с ним.

— Здесь нечего бояться, — сказал голос. И после самодовольной паузы добавил: — Здесь вообще ничего нет.

И это правда. Совсем ничего. Это не темнота мешает видеть, это сама комната. Он резко оглянулся через плечо. Он не мог разглядеть за спиной дверь, хотя знал, что оставил ее открытой и из нее должен пробиваться хотя бы отблеск света с лестницы. Но освещение было поглощено,

как и луч его фонаря. Душный серый туман так сгустился, что Марти не различал даже собственную руку, поднесенную к глазам.

— Тебе здесь будет хорошо,— успокаивала комната.— Ни судей, ни камер.

— Я ослеп? — спросил он.

— Нет,— ответила комната.— Ты видишь все таким, как оно есть.

— Мне... это... не нравится.

— Конечно, не нравится. Но со временем ты научишься. Живое не для тебя. Тень тени, призрак призрака, вот что такое «живое». Ты хочешь прилечь — отдайся этому желанию. Ничто — сущность всего, мальчик.

— Я хочу уйти.

— Я же говорю: ляг.

— Я хочу уйти... пожалуйста.

— Ты в безопасности.

— Пожалуйста.

Он шагнул вперед, позабыв, где находилась дверь. Спереди или сзади? Вытянув руки, как слепец на краю пропасти, он закружился в поисках хоть какой-то зацепки. Это не то приключение, которое он представлял себе; это ничто. «Ничто — сущность всего». Он вступил в безграничную пустоту, где нет ни расстояния, ни глубины, ни севера, ни юга. А все, что осталось снаружи — лестница, площадки, другая лестница под этой лестницей, холл, Кэрис,— походило на подделку. Сон осязания, а не реальное пространство. Все, что он прожил и испытал, все, что приносило ему радость или боль, нематериально. Страсть стала пылью. Оптимизм — самообман. Теперь он сомневался даже в ощущениях, которые помнил: материал, температура, цвет, форма, структура. Все измерения — лишь игра мозга, призванная замаскировать невыносимую пустоту. А почему бы и нет? Человек сходит с ума, если слишком долгоглядит в пропасть.

— А ты еще не безумен, уверен? — спросила комната, смахнув эту мысль.

Всегда, даже в самые черные мгновения (лежа на койке в камере и слушая, как рыдает во сне сосед), Марти чего-то ждал: письма, рассвета, облегчения. Какого-то проблеска смысла.

Но здесь смысл умер. Будущее и прошлое умерли. Любовь и жизнь умерли. Даже смерть умерла, и никакое переживание не доходило сюда. Ничто. Ничто, раз и навсегда.

— Помоги мне,— попросил он, как заблудившийся ребенок.

— Иди к черту в ад,— серьезно ответила комната; и впервые в жизни он точно понял, что это означает.

На второй площадке Кэрис остановилась. Она услышала голоса. Однако нет: подойдя чуть ближе, она поняла, что это один голос — Марти, но он раздвоился, спрашивает и отвечает сам себе. Она не могла понять, откуда доносится разговор: слова звучали везде и нигде. Кэрис заглянула к себе, затем к Бриру. Потом заставила себя забыть о повторении ночного кошмара и посмотрела в ванной. Ни в одной из трех комнат она никого не обнаружила. Значит, не приятного не избежать: Марти пошел наверх, в комнату Мамолиана.

Когда она поднималась на верхнюю площадку лестницы, новый шум привлек ее внимание: где-то внизу рубили дерево. Она сразу же поняла, что это Пожиратель Лезвий. Он жаждет добраться до нее. Что творится в этом доме, подумала Кэрис, за его невинным фасадом! Нужен второй Данте, чтобы описать его высоту и глубину: мертвых детей, пожирателей лезвий, наркоманов, безумцев. Наверное, даже звездам на небесах становится не по себе, а в недрах земли застывает магма.

В комнате Мамолиана Марти кричал, бешено умолял. Кэрис звала его по имени и надеялась, что он услышит, пока поднималась наверх. Она шагнула к двери комнаты. Ее сердце подскочило к самому горлу.

Марти упал на колени. От его самосохранения осталась одна безнадежная расплзающаяся по ткани мысль, серая на сером. Даже голос затих: ему, видимо, наскучили насмешки. Кроме того, урок был выучен: «Ничто — суть все-го». Голос говорил это и показывал, как и почему. Может быть, он вывернул наружу ту часть Марти, которая знала это всегда. Теперь Марти просто ждал, когда появится автор сего изящного силлогизма, чтобы решить его судьбу. Он лежал, ни живой ни мертвый, в ожидании смерти или воскресения. Он был уверен лишь в одном: лежать — самое легкое в этом пустейшем из миров.

Кэрис уже бывала в этом Нигде, уже дышала его бесмысленным воздухом. Но в последние несколько часов что-то прорвало его сухую пустоту. Сегодня была одержана победа — может быть, небольшая, но все же победа. В дом пришел Марти, и им двигало нечто большее, чем простое вожделение. Ведь это победа, не так ли? Кэрис заслужила его любовь, выиграла каким-то непонятным образом. Последний угнетатель, выдохшийся зверь, погасивший чувства девушки, не одержал над ней верх. А все вокруг — лишь осадок, его сброшенная кожа, украшающая берлогу. Перхоть, отбросы. И этот мусор, и его самого она презирает.

— Марти,— позвала она.— Где ты?

— Нигде...— донесся ответ.

Спотыкаясь, она пошла на голос. Отчаяние давило, настойчиво вторгалось в нее.

Брир на мгновение приостановил свое занятие. Где-то в отдалении он услышал голоса. Слов различить было нельзя, но смысл ясен: они еще не бежали, вот что важно. Он кое-что придумал для них, стоит только выбраться отсюда; особенно для мужчины. Брир расчленит парня на крошечные кусочки, и даже его возлюбленная не сумеет опреде-

лить, какой из кусочков — часть пальца, а какой — часть лица.

Он принял рубить дерево все неистовее и неистовее. Под его напором дверь наконец начала расщепляться.

Кэрис шла на голос Марти сквозь туман, но голос лгал ей. То ли он ходил по кругу, то ли комната обманывала — отражала звуки стенами либо подделывала их. Затем голос окликнул Кэрис совсем близко. Она повернулась во мраке, совершенно потеряв ориентацию. Она не различала даже дверного проема, через который вошла; дверь исчезла, вместе с ней и окна. Решимость облетала мелкими чешуйками, а сомнение, самодовольно ухмыляясь, занимало ее место.

— Ну, ну. Кто ты такая? — спросил кто-то. Возможно, сама Кэрис.

— Я знаю свое имя, — выдохнула она. Так просто ее с толку не сбить. — Я знаю свое имя.

Она pragmatik, черт возьми! Она не склонна поверить в то, что весь мир — лишь в ее сознании. Поэтому она и дошла до герояна: мир слишком реален. А теперь какой-то туман шепчет ей в уши, что она ничто, все — ничто, безымянный навоз.

— Дерьмо, — сказала она ему. — Ты дерьмо. Его дерьмо!

Ответом ее не удостоили, и пока у нее есть преимущество, надо им воспользоваться.

— Марти. Ты меня слышишь?

Никакого отклика.

— Это все комната, Марти. Ты слышишь меня? Все это — просто комната.

— Ты была во мне раньше, — снова произнес голос в ее мозгу. — Помнишь?

О да, она помнила. Где-то в тумане стояло дерево; Кэрис видела его в сауне. Странное цветущее дерево, а под ним ей явились жуткие знаки. Туда и ушел Марти? Может быть, он уже свисает со ствола новым плодом?

Нет, черт возьми! Она не должна допускать такого. Это просто комната. Она сосредоточится и сумеет понять, где здесь стены и окна.

Не боясь споткнуться, она повернула направо и сделала четыре шага, потом еще один, пока ее вытянутые руки не наткнулись на стену — удивительно, прекрасно твердую.

«Ха! — подумала Кэрис.— Иди теперь в задницу со своим деревом! Погляди-ка, что я нашла».

Она прижала ладони к стене. Теперь направо или налево? Подбросила воображаемую монетку. Выпал орел, и она осторожно двинулась направо.

— Нет, ты не посмеешь,— прошептала комната.

— Попробуй останови меня.

— Идти некуда, только по кругу. Ты всегда ходила по кругу, не так ли? Слабая, ленивая, смешная женщина.

— Ты называешь меня смешной? Говорящий туман.

Стена, вдоль которой она шла, тянулась бесконечно. Шагов через шесть Кэрис засомневалась в правоте своей теории. Может быть, так действует пространство вокруг нее. Может быть, она удаляется от Марти вдоль какой-то новой Китайской стены. Но она цеплялась за холодную поверхность упорно, как за острый выступ скалы. Если надо, она обойдет комнату по кругу, пока не отыщет дверь, Марти или то и другое.

— Жалкая шлюха,— сказала комната.— Только и всего. Ты никогда не найдешь выход даже из этого маленько-го лабиринта. Лучше ляг и прими то, что в тебя влезет, как все хорошие шлюхи.

Не звучало ли в этом нападении отчаяние?

— Отчаяние? — отозвалась комната.— Я расцветаю здесь, шлюха.

Кэрис добралась до угла, повернула и пошла вдоль другой стены.

— Ты не сделаешь этого,— сказала комната.

«Сделаю»,— подумала Кэрис.

— Я тебе не позволю. Нет. Не допущу. Пожиратель Лезвий придет за тобой сюда. Ты его не слышишь? Он в нескольких дюймах от тебя. Нет, нет! Пожалуйста, нет! Я не-навижу запах крови.

Всего лишь жалкая истерика, это можно выдержать. Чем сильнее комната впадала в панику, тем больше сил появлялось у Кэрис.

— Стой! Ради тебя самой! Стой!

Крик звучал прямо в голове, но руки Кэрис уже нашли окно. Именно это и пугало комнату.

— Шлюха! — вопил голос внутри.— Ты пожалеешь, я обещаю. О да!

Ни занавесок, ни жалюзи: окно заколотили, чтобы ничто не испортило совершенства пустоты. Пальцы Кэрис скребли по доскам, пытаясь отодрать планку: надо впустить сюда внешний мир, это необходимо. Но дерево было пригнано очень плотно. Она дергала изо всех сил, но почти безрезультатно.

— Давай же, черт тебя побери!

Доска затрещала, щепки полетели в стороны.

— Да,— приговаривала Кэрис.— Вот так...

Свет, преломленный, но все же настоящий свет, проник внутрь, просачиваясь сквозь щель.

— Ну же, ну! — застонала она, дергая сильнее.

Первые фаланги ее пальцев выгнулись назад от усилия сдвинуть деревяшки, но нитка света уже расширилась до луча. Он упал на Кэрис, и сквозь пелену грязного воздуха она начала различать форму своих рук.

То не был дневной свет. Отблеск уличных фонарей и фар автомобилей, или звезды, или мерцание телеэкранов в домах по Калибан-стрит. Но и этого хватало. С каждым новым дюймом сквозь щель проникала определенность: форма и твердость.

Где-то в комнате Марти тоже почувствовал свет. Лучи раздражали, как будто кто-то раскрыл весенним утром шторы у кровати умирающего. Он пополз по полу, пытаясь

схорониться в тумане, прежде чем тот рассеется; он хотел, чтобы вкрадчивый голос сказал ему, что ничего важного нет. Но голос исчез. Марти чувствовал опустошение, а полоса света все расширялась. Он мог видеть женщину, чей контур появился у окна. Она отломила одну доску и бросила ее вниз, затем взялась за другую.

— Иди к мамочке,— приговаривала она, а свет очерчивал ее с тошнотворной подробностью.

Марти не хотел ничего этого; это тяжкий груз, это *бытие*. Он выдохнул с легким присвистом боли и раздражения.

Женщина повернулась к нему.

— Вот ты где,— сказала она, приблизилась и потянула его за ногу.— Нам надо торопиться.

Марти озирал комнату, представшую теперь во всей своей банальности: матрас на полу, перевернутая фарфоровая чашка, кувшин с водой.

— Вставай,— сказала Кэррис и снова потрясла его.

«Незачем куда-то идти,— подумал он.— Я ничего не потеряю, если останусь здесь и снова придет серое».

— Ради бога, Марти! — завопила Кэррис ему в ухо.

Снизу донесся скрип дерева.

Он приближается, готовы мы или нет, думала она.

— Марти! — крикнула девушка.— Ты слышишь? Это Брир.

Имя разбудило ужас. Окоченевшая девочка за столом, на котором лежало ее собственное мясо. Ужасная, невыразимая шутка. Этот образ выгнал туман из головы Марти. Тот, кто сотворил этот кошмар, находился внизу. Теперь Марти вспомнил все и поглядел на Кэррис ясными, полными слез глазами.

— Что случилось?

— Времени нет,— ответила она.

Он захромал вслед за ней к двери. Она прихватила доску, отодранную от окна; из деревяшки торчали гвозди. Шум снизу медленно приближался: грохот сбиваемой с петель двери и гул памяти.

Боль в разодранной ноге Марти, которую так искусно притутила комната, разыгралась снова. Ему потребовалась поддержка Кэрис, чтобы дойти до первого пролета лестницы. Они спускались, и его рука, испачканная кровью из раны, отмечала их маршрут на стене.

Когда они были на полпути ко второй площадке, какофония в погребе прекратилась.

Они застыли, ожидая следующего движения Брира. Внезу заскрипело дерево, как будто Пожиратель Лезвий отворял пошире дверь. Тусклый свет из кухни огибал несколько углов, прежде чем дойти до холла; сцена тонула во тьме. Охотник и жертва замерли на несколько мгновений под прикрытием сумрака, не зная, что принесет следующий миг. Кэрис оставила Марти позади и скользнула на пять последних ступенек вниз. Она шагала бесшумно по лестнице без ковра, но после пребывания без чувств в комнате Мамолиана Марти слышал даже биение ее сердца.

Никакого движения в холле; Кэрис поманила Марти вниз. В проходе было тихо и, очевидно, пусто. Брир рядом, она знала: но где он? Он большой и неуклюжий, ему сложно подыскать место, чтобы спрятаться. Может быть, отчаянно надеялась Кэрис, он не выбрался из подвала, а просто устал и сдался? Она шагнула вперед.

Внезапно Пожиратель Лезвий выскоцил с криком из двери передней комнаты. Резак распорол воздух. Кэрис удалось увернуться, но она потеряла равновесие. Рука Марти подхватила ее и выдернула из-под второго удара Брира. Пожиратель промахнулся, пролетел чуть вперед и врезался в парадную дверь; стекло затрещало.

— Бежим! — крикнул Марти, когда путь впереди оказался свободен.

Но Кэрис не намеревалась уходить сейчас. Время бежать и время сражаться: вряд ли ей представится другая возможность отомстить Бриру за унижения. Она отодвинула Марти и обеими руками скжала самодельную палицу.

Брир выпрямился, не выпуская нож, и сделал яростный рывок. Но Кэрис опередила его атаку. Она подняла свое

оружие, шагнула вперед и обрушила доску с гвоздями на голову противнику. Его шея, уже сломанная при падении, хрустнула. Гвозди вошли в череп, и Кэрис пришлось выпустить доску, теперь свисавшую с головы Брира как пятая конечность. Мясник упал на колени. Его трясящаяся рука выронила нож, другая ухватилась за доску и выдернула ее из головы. Кэрис порадовалась тому, что вокруг темно: поток крови Брира и его ноги, бьющиеся в агонии на голых досках, вызывали ужас. Он недолго продержался на коленях, а потом рухнул вперед, вдавливая нож и вилку, давно торчавшие у него в животе, еще глубже.

Теперь Кэрис почувствовала удовлетворение. Марти дернула ее за руку, и она пошла за ним.

Они двигались по коридору, когда послышался легкий стук в стену. Они остановились. Что это? Еще более могучие духи?

— Что там? — спросила она.

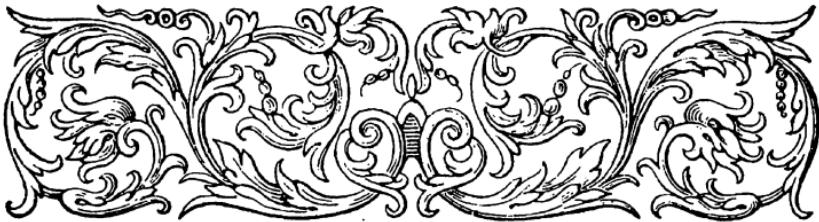
Стук прекратился, затем раздался снова, на этот раз вместе с голосом:

— Эй, вы там, потише! Вокруг люди спят!..

— Соседи, — поняла Кэрис.

Мысль об этих недовольных соседях показалась ей забавной. Пока они с Марти отходили от дома, от сломанной двери погреба и остывшего отвара Брира, оба улыбались.

Они тихо прошли по темной аллее за домом к машине, где просидели несколько минут, пока смех и слезы накачтывали на них сменяющиеся волнами. Два психа — так, должно быть, подумали калибанцы, или тайные любовники, хорошо повеселившиеся этой ночью.

ХI

ЦАРСТВО ГРЯДЕТ

56

Чад Шукман и Том Лумис привезли послание церкви Воскрешенных Святых народу Лондона уже три недели назад и были сытым этим по горло.

— Отличный способ провести отпуск,— бурчал Том каждый раз, когда они планировали дневной маршрут.

Они забрались далеко от Мемфиса, и оба тосковали по дому. Кроме того, их дело не имело успеха. Грешники этого забытого богом города оставались равнодушны и к посланию преподобного о грядущем Апокалипсисе, и к его обещанию спасения.

Несмотря на погоду (а может быть, благодаря ей), грех был обыденным делом для англичан в те дни. Чад их всех презирал.

— Не понимают, куда идут,— говорил он Тому.

Том знал наизусть все описания Потопа, а также понимал, что они лучше звучат из уст золотого мальчика вроде Чада, чем из его собственных. Скорее всего, те несколько человек, что остановились их послушать, сделали это не ради вдохновенного слова преподобного, а ради ангельской красоты Чада.

Но Чад был непреклонен.

— Здесь много греха,— уверял он Тома.— А где грех, там и вина. А где вина, то найдутся и деньги для божьего дела.

Это было простое уравнение, и если у Тома имелись сомнения в его этичности, он держал их при себе. Лучше молчать, чем выносить неодобрение Чада. Ведь они вдвоем в чужом городе, и Том не хочет потерять направляющий их свет.

Однако иногда было трудно сохранить свою веру незапятнанной. Особенно в столь знойный день, когда твой полиэстеровый костюм липнет к телу, а Бог, если он есть на небесах, ничем о себе не напоминает. Ни намека на охлаждающий ветерок, ни облачка на небе.

— Кажется, это из какой-то книжки? — спросил Том.

— Что «это»? — Чад подсчитывал брошюры, которые им сегодня предстояло раздать.

— Название улицы,— сказал Том.— Калибан. Откуда-то из Шекспира?

— Да? — Чад закончил подсчет.— Мы избавились только от пяти.

Он передал кипу книжечек Тому и полез в карман за расческой. Несмотря на жару, он казался спокойным. Том в отличие от него чувствовал себя потрепанным, расплавленным и, как он опасался, легко увлекаемым с пути праведного. Чем именно, он точно не знал, но чувствовал, что открыт искушениям. Чад провел расческой по волосам, одним элегантным взмахом восстановив блеск своей прически. Преподобный учил, что важно выглядеть как можно лучше.

— Вы — Божьи посланники,— говорил он.— Он хочет, чтобы вы были чисты и опрятны, чтобы сияли в любом углу, в любой щели.

— На,— сказал Чад, меняя расческу на брошюры.— Твои волосы совсем растрепались.

Том взял расческу; на ее зубчиках остались золотые волосы. Он предпринял неуверенную попытку кое-как пригла-

дить свои космы под пристальным взглядом Чада. Волосы Тома не ложились послушно, как у приятеля. Господь, возможно, досадует на него за это. Он вообще такого не любит. Но что же любит Господь? Он не одобряет курение, пьянство, блуд, чай, кофе, пепси, «американские горки», мастурбацию. А этим существам, предающимся всем перечисленным порокам, Бог помогает. Им, живущим накануне Потопа!

Том молился лишь о том, чтобы воды, когда они хлынут, были похолоднее.

Человек, открывший двери дома номер восемьдесят два по Калибан-стрит, напомнил Тому и Чаду преподобного. Не лицом, конечно. Блисс был загорелым и крупным мужчиной, а этот парень худой и болезненный. Но и того и другого отличали скрытая власть и серьезность намерений. Его заинтересовали буклеты, и это был первый настоящий интерес за все утро. Он даже процитировал Второзаконие — слова, которые они не знали раньше. Затем он предложил им выпить и пригласил в дом.

Дом казался нежилым: голые стены и полы, запах дезинфекции, фимиама и еще чего-то, что почти выветрилось. Комната, куда он провел их, могла похвастаться только двумя стульями — больше никакой мебели.

— Меня зовут Мамолиан.

— Очень рады. Я — Чад Шукман, это — Томас Лумис.

— Оба святые, да?

Молодые люди поглядели заинтригованно.

— У вас имена святых, — пояснил он.

— Святой Чад? — решился спросить блондин.

— Ну конечно. Он был епископом Англии в седьмом веке. А Томас, конечно, великий апостол Фома Неверующий.

Он оставил их, чтобы принести воды. Том, сидя на стуле, чувствовал себя неловко.

— В чем проблема? — огрызнулся Чад. — Он первый принюхался к нашим книжкам.

— Он странный.

— Ты думаешь, Богу есть дело до того, что он странный? — отозвался Чад. Это был хороший вопрос, и Том нашелся, что ответить, когда их радушный хозяин вернулся.

— Ваша вода.

— Вы живете один? — спросил Чад.— Такой большой дом для одного.

— Один я здесь совсем недавно,— сказал Мамолиан, передавая стаканы с водой.— И, признаюсь, сильно нуждаюсь в помощи.

«Конечно, нуждаешься»,— подумал Том.

Мужчина посмотрел на него так, будто он высказал свою мысль вслух. Том покраснел и принял пить воду, чтобы скрыть смущение. Она была теплой. Неужели англичане ничего не знают о холодильниках? Мамолиан вновь обратил все внимание на святого Чада:

— А что вы делаете в ближайшие дни?

— Дело Господне,— уместно ввернул Чад.

Мамолиан кивнул:

— Хорошо.

— Распространяем его слово.

— Сделаю вас ловцами людей.

— От Матфея, глава четвертая,— сообщил Чад.

— Может быть,— сказал Мамолиан.— Если я дам вам спасти мою бессмертную душу, вы поможете мне?

— А что надо делать?

Мамолиан покал плечами:

— Мне нужна помощь двух таких здоровых молодых животных, как вы.

Животных? Это прозвучало не очень-то ортодоксально. Бедный грешник никогда не слыхал об Эдеме?

«Да,— подумал Том, глядя в его глаза,— возможно, и не слыхал».

— Боюсь, у нас есть другие обязанности,— вежливо ответил Чад.— Но мы будем счастливы, если вы присоединитесь к нам, когда прибудет преподобный, и примете крещение.

— Я бы с удовольствием встретился с преподобным,— ввернул человек.

Том не мог поручиться, что хозяин не разыграет их.

— У нас очень мало времени до того момента, когда прольется гнев Божий,— продолжал Мамолиан. Чад яростно закивал.— Тогда мы станем подобны обломкам кораблекрушения, не так ли? Обломки в потоке.

Речи почти в точности те же, что говорил преподобный. Том слушал, как они срываются с тонких губ этого человека, и вспоминал его слова о Неверующем. Но Чад был в воисторге. На его лице появился тот самый блаженный взгляд, каким он всегда смотрел на проповедника; взгляд этот вечно вызывал зависть Тома, но теперь показался неуместно пылким.

— Чад...— начал он.

— Обломки в потоке,— повторил Чад.— Аллилуйя!

Том поставил стакан на стул.

— Думаю, нам пора идти,— сказал он и поднялся.

Голые доски пола почему-то оказались гораздо дальше, чем в шести футах от его глаз — скорее в шестидесяти. Как будто он стал башней, готовой обвалиться, потому что подрыли фундамент.

— Нам надо обойти еще много улиц,— проговорил он, пытаясь сосредоточиться на насущной проблеме: как убраться из этого дома, прежде чем случится что-то ужасное?

— Потоп,— объявил Мамолиан.— Уже почти разразился.

Том шагнул к Чаду, чтобы вывести приятеля из транса. Пальцы его руки вытянулись на тысячу миль от глаз.

— Чад,— позвал он.

Святой Чад; он сияет, он мочится и испускает радугу.

— Ты в порядке, парень? — спросил незнакомец, косясь рыбьими глазами в сторону Тома.

— Я... чувствую...

— Что же ты чувствуешь? — поинтересовался Мамомиан.

Чад тоже глядел на него; лицо его было воплощение небедения. Такое невинное, словно вообще лишено чувств. Поэтому его лицо и кажется совершенным, подумал Том. Белое, симметричное и абсолютно пустое.

— Садись, — сказал незнакомец. — Пока не упал.

— Все в порядке, — уверил его Чад.

— Нет, — возразил Том.

Его колени не слушались и подгибались. Он подозревал, что очень скоро они откажутся повиноваться.

— Поверь мне, — настаивал Чад. Тому очень хотелось этого: прежде Чад никогда не ошибался. — Поверь мне, мы здесь ради хорошего дела. Сядь, как сказал джентльмен.

— Это из-за жары?

— Да, — объяснил Чад за Тома. — Из-за жары. В Мемфисе тоже жарко, но у нас есть кондиционеры.

Он повернулся к Тому и положил руку на его плечо. Том не сумел побороть слабость и сел. Он почувствовал какое-то беспокойство в области затылка, как будто там порхала колибри, но у него не хватало силы воли смахнуть ее.

— Вы называете себя агентами? — сказал мужчина почти шепотом. — Полагаю, вы знаете значение этого слова.

Чад поспешил на защиту.

— Преподобный говорит...

— Преподобный? — прервал мужчина презрительно. — Вы думаете, он хоть чуть-чуть осознает ваши достоинства?

Это смущило Чада. Том попытался посоветовать другу не поддаваться на лесть, но слова его не слушались. Язык лежал во рту, как дохлая рыба. Что бы сейчас ни случилось, подумал он, это случится с нами обоими. Они дружили с первого класса; вместе проходили взросление и метафизику; Том думал, что они неразлучны. Он надеялся, что этот человек понимает: куда пойдет Чад, туда и Том. Неприятное ощущение в затылке исчезло, теплое успокоение поползло по шее. В конце концов, все не так уж плохо.

— Мне нужна ваша помощь, молодые люди.

— Для чего? — спросил Чад.

— Чтобы начать Потоп,— ответил Мамолиан.

Улыбка — сначала неуверенная, но постепенно распłyвающаяся, как захватившая воображение идея,— появилась на лице Чада. Его черты, обычно слишком спокойные от усердия, охватил жар.

— О да! — воскликнул он. И бросил косой взгляд на Тома.— Ты слышал, что нам сказал этот человек?

Том кивнул.

— Ты слышал, приятель?

— Я слышал. Я слышал.

Всю свою блаженную, посвященную Блессу жизнь Чад ждал такого приглашения. В первый раз он мог увидеть реальную картину того, о чем вещал на сотнях порогов. В его мозгу воды — красные яростные воды — поднимались волнами и рушились на этот варварский город. «Мы — обломки в потоке»,— говорил он, и слова принесли с собой образы. Голые мужчины и женщины (больше женщин) убегали от бушующего прилива. Вода кипела, ее потоки падали на искаженные от воплей лица, на блестящие трясущиеся груди. Вот что обещал преподобный, а тут человек просит помочь ему осуществить это, приблизить пенный Судный день. Как они могут отказаться? Он почувствовал неотложную необходимость поблагодарить хозяина за то, что он так ценит их. Мысль породила действие. Колени Чада согнулись, и он упал на пол к ногам Мамолиана.

— Спасибо вам,— сказал он человеку в темном костюме.

— Так вы мне поможете?

— Да,— ответил Чад; достаточно ли такого выражения готовности? — Конечно.

Вслед за ним Том пробурчал свое собственное согласие.

— Спасибо,— повторял Чад,— спасибо.

Но когда он поднял глаза, Мамолиан — очевидно, убежденный в их преданности — уже вышел из комнаты.

Марти и Кэрис спали вместе на его одноместной кровати. Долгий исцеляющий сон. Если ребенок этажом ниже и кричал ночью, они этого не слышали. Они не слышали ни сирен на Килбурн-Хай-роуд, ни полиции и пожарных, спешивших в Майда-Вейл. И рассвет в мутном окне не разбудил их, хотя шторы не были задернуты. Только раз, ранним утром, Марти приоткрыл глаза на свет наступающего дня. Он не отвернулся, а позволил лучам упасть на веки, прежде чем закрыть их снова.

Они провели полдня в его гостиной-спальне, прежде чем вернулись к обычным дневным делам: принять душ, выпить кофе, поболтать. Кэрис промыла и забинтовала рану на ноге Марти; они сменили одежду, отбросив подальше ту, в которой провели предыдущую ночь.

И только в середине утра они начали разговаривать. Диалог начался очень спокойно, однако нервозность Кэрис росла от нехватки привычной дозы и беседа быстро превратилась в отчаянную попытку отвлечь мысли от страждущего организма. Девушка рассказала Марти, как ей жилось с Европейцем: унижение, обманы, ощущение, что он знает Уайтхеда и саму Кэрис лучше, чем ей казалось раньше. Марти, в свою очередь, попытался изложить историю, которую услышал в последнюю ночь от старика, но Кэрис была слишком рассеяна. Ее речь становилась все бессвязнее.

- Мне нужна доза, Марти.
- Сейчас?
- Чем скорее, тем лучше.

Он ждал этого момента и опасался его. Не потому, что не мог найти для нее наркотик; это нетрудно. Но он надеялся, что рядом с ним Кэрис будет сопротивляться зависимости.

- Я очень плохо себя чувствую,— сказала она.

- Ты в порядке. Ты со мной.
- Он придет, ты же знаешь.
- Не сейчас. Сейчас он не придет.
- Он разозлится и явится.

Мысли Марти снова и снова возвращались к пережитому на верхнем этаже дома на Калибан-стрит. То, что он там увидел — точнее, чего он не увидел, — ужасало гораздо больше, чем собаки или Брир. Твари были всего лишь физически опасны. Но то, что случилось в комнате, заключало в себе опасность совсем иного рода. Возможно, впервые в жизни Марти почувствовал, что его душа (прежде он отвергал разговоры о ней как христианскую чушь) находится под угрозой. Что означает это слово, он точно не знал; не то, скорее всего, что имеет в виду папа римский. Тем не менее некая часть Марти, более важная, чем руки, ноги или сама жизнь, почти умерла по вине Мамолиана. На что еще способна эта тварь под давлением? Любопытство Марти было не праздным желанием узнать нечто скрытое, а настоятельной потребностью. Как они решились вступить в сражение с чудовищем, не имея понятия о его сути?

— Я не хочу знать,— сказала Кэрис, прочитав его мысли.— Если он придет, то придет. С этим мы ничего поделать не можем.

— Прошлой ночью...— начал Марти.

Он хотел напомнить, что они выиграли схватку. Кэрис отмахнулась от его мыслей, прежде чем он закончил. На ее лице отразилось невыносимое напряжение; ломка словно сдирала с нее кожу.

— Марти...

Он искоса поглядел на нее.

— Ты обещал,— произнесла она обвиняющим тоном.

— Я не забыл.

Он мысленно подсчитал цену — не самого наркотика, но потерянной гордости. Придется идти за героином к Флинну. Марти не знал никого, кому еще можно доверяться. Теперь они оба беглецы: от Мамолиана и от закона.

— Мне нужно позвонить,— сказал он.

— Давай,— ответила девушка.

Она изменилась за последние полчаса. Кожа казалась восковой, в глазах появился блеск отчаяния, дрожь усиливалась с каждой минутой.

— Не облегчай ему этого,— сказала она.

Он нахмурился:

— Не облегчать?..

— Он может заставить меня делать то, чего я не хочу,— пояснила Кэрис. По ее щекам побежали слезы. Она не рыдала, слезы просто лились из глаз.— Может быть, причинить тебе боль.

— Все в порядке. Я сейчас пойду. Есть один парень, он живет с Шармейн. Он достанет порошок, не волнуйся. Хочешь со мной?

Она обхватила себя руками за плечи.

— Нет. Я буду только мешать. Иди.

Марти натянул пиджак, стараясь не смотреть на нее; соединение уязвимости и жажды пугало его. На ее теле выступили капли пота; они собирались в струйки и мягко стекали по коже.

— Не впустай никого, хорошо?

Кэрис кивнула, ее взгляд обжег его.

Когда Марти вышел, она закрыла за ним дверь и села на кровать. Слезы потекли снова. Не слезы горя — солнечная вода. Ну, может быть, немного горя в них все-таки было: из-за вернувшейся уязвимости и из-за мужчины, который уходил, спускался по лестнице.

Из-за него она сейчас испытывает такие неудобства, думала Кэрис. Он соблазнил ее мыслью, будто она сумеет излечиться. И куда эта мысль завела ее, их обоих? В эту жаркую клетку в середине июльского утра, когда так много зла готово сомкнуться вокруг них.

Ее чувство к Марти не было любовью. Любовь — слишком тяжелая ноша. А это лишь слепая страсть и ощущение грядущей потери, которое она всегда испытывала, сближаясь с кем-нибудь; каждый раз в его присутствии она в душе оплакивала то время, когда его не будет рядом.

Внизу хлопнула дверь — Марти вышел на улицу. Кэрис откинулась на кровати и стала вспоминать, как они в первый раз занимались любовью. И как даже за этим интимным делом наблюдал Европеец. Мысль о Мамолиане, едва появившись, стала нарастать, как снежный ком на крутом холме. Она крутилась, набирала скорость и увеличивалась, пока не стала чудовищной. Лавина, снежное безумие.

Внезапно Кэрис усомнилась в том, что это воспоминание; ощущение было таким ясным, таким реальным. Затем сомнения исчезли.

Она встала, кровать заскрипела. Это не воспоминание. Он уже здесь.

58

— Флинн?

— Привет.— Голос в трубке был сиплым со сна.— Кто это?

— Марти. Я разбудил тебя?

— Какого черта ты хочешь?

— Помоги мне.

На другом конце установилось долгое молчание.

— Ты еще там?

— Да. Да.

— Мне нужен героин..

Сиплость исчезла, ее сменила недоверчивость:

— Ты на игле?

— Для друга,— Марти ощутил улыбку, расползающуюся в этот момент по лицу Флинна.— Ты можешь мне немного достать? Быстро.

— Сколько?

— У меня сто фунтов.

— Нет ничего невозможного.

— Скоро?

— Да, если хочешь. Сколько сейчас времени? — Мысль о легких деньгах и отчаявшемся клиенте смазала мозги

Флинна для работы.— Час пятнадцать? Отлично.— Он замолчал, подсчитывая.— Зайди через сорок пять минут.

Ловко. Или, как подозревал Марти, Флинн так глубоко вошел в дело, что имеет легкий доступ к товару. Может быть, он у него в кармане пиджака.

— Я не могу гарантировать, конечно,— проговорил Флинн, чтобы придержать страсти.— Но сделаю все, что в моих силах. Лучше и сказать нельзя, а?

— Спасибо,— ответил Марти.— Я ценю это.

— Тогда наличные, Марти. Это единственная оценка, какая мне нужна.

Телефон замолк. Флинн имел привычку оставлять за собой последнее слово.

— Ублюдок,— сказал Марти и с шумом повесил трубку.

Его немного тряслось, нервы расшатались. Он подошел к газетчику, взял пачку сигарет и побрел обратно к машине. В середине дня на улицах Лондона было полно машин, и потребовалось добрых сорок пять минут чтобы добраться до знакомого притона. Времени возвращаться и проверять, как там Кэрис, не осталось. К тому же, подумал Марти, она не поблагодарит его за задержку. Наркотик ей нужнее, чем он сам.

Европеец появился слишком неожиданно, и Кэрис не могла оградить себя от его вкрадчивого присутствия. Но она должна бороться, несмотря на слабость. В его нападении было что-то новое, не похожее на прежние случаи. Может быть, на этот в словах Мамолиана звучало отчаяние? Затылок Кэрис физически почувствовал его вторжение. Она потеряла шею вспотевшей рукой.

— Я нашел тебя,— произнес он внутри головы.

Она огляделась, ища способ изгнать его.

— Нет смысла,— сказал он.

— Оставь нас в покое.

— Ты обращалась со мной плохо, Кэрис. Я должен наказать тебя. Но я не буду, не буду, если ты выдашь мне своего отца. Разве я многого прошу? Я имею на него право.

Ты знаешь это в глубине своего сердца. Он принадлежит мне.

Она слишком хорошо знала, что нельзя доверять его вкрадчивому голосу. Если Мамолиан найдет Папу, что он сделает с ней? Оставит в покое? Нет, он заберет и ее, как он забрал Евангелину, Тоя и множество других, о которых знал лишь он один. Под это дерево, в это Нигде.

Глаза Кэрис остановились на маленькой электроплитке в углу комнаты. Она поднялась, щелкнув суставами, и нетвердой походкой двинулась туда. Если Европеец уловит ее намерение, тем лучше. Кэрис чувствовала, как он осла-бел. Усталый, печальный и рассеянный, он не может сосредоточиться. Однако его присутствие по-прежнему причиняло боль, способную затуманить ее мысли. Лишь дойдя до плитки, Кэрис с трудом вспомнила, чего она хочет. Она заставила свой мозг напрячься. Отказ! Вот в чем дело. Плитка — это отказ! Она сделала шаг в сторону и включила однушку из двух спиралей.

— Нет, Кэрис,— сказал Мамолиан.— Это неумно.

Его лицо возникло перед ее мысленным взором. Оно было огромным и расплылось пятном по комнате вокруг нее. Кэрис потрясла головой, чтобы избавиться от него, но лицо не исчезало. Возникла вторая иллюзия: она почувствовала на себе руки, не душившие, а обнимающие, укрывающие. Эти руки укачивали ее.

— Я не принадлежу тебе,— заявила она, борясь с желанием поддаться.

Затылком она услышала песню, чей ритм соответствовал усыпляющему ритму укачивания. Слова были не английские, а русские. Это колыбельная, поняла Кэрис, даже не зная слов. Песня лилась, а она слушала и ей казалось, что вся боль исчезает. Кэрис снова была младенцем в его руках. Мамолиан укачивал ее под эту тихую песню.

Сквозь кружево наплывающего сна ее взгляд уловил какой-то яркий предмет. Она не осознавала, что там такое, но помнила: это нечто важное — сияющая оранжевая спираль. Но для чего? Этот вопрос беспокоил Кэрис и отдалял

желанный сон. Она открыла глаза чуть шире, чтобы разобраться со спиралью и ее назначением.

Перед ней была раскаленная плитка, воздух над спиралью дрожал. Теперь Кэрис все вспомнила, и память прогнала сонливость. Она протянула руку к теплу.

— Не делай этого,— советовал голос в ее голове.— Ты причинишь себе боль.

Но она знала лучше. Сон в его руках куда опаснее боли, которая придет через несколько мгновений. Жар был не приятен, хотя кожа только приблизилась к его источнику; в какой-то отчаянный миг Кэрис заколебалась.

— Останется шрам на всю жизнь,— сказал Европеец, чувствуя ее сомнения.

— Уйди от меня.

— Я не хочу видеть твоих страданий, детка. Я слишком люблю тебя.

Эта ложь послужила стимулом. Кэрис собрала остатки мужества, подняла руку и вдавила ладонь в электрическую спираль.

Европеец подал голос первым: Кэрис услышала, как взвился его вопль за секунду до ее собственного крика. Она отдернула руку от плитки, когда в ноздри ударил запах паленного мяса. Мамолиан уходил из нее; она ощущала его отступление. Она почувствовала облегчение всем телом. Затем пришла боль и наступила темнота. Кэрис совсем ее не боялась — это безопасная темнота. Его в ней не было.

— Ушел,— сказала она и потеряла сознание.

Она очнулась меньше чем через пять минут, и в первый миг ей показалось, будто она сжимает в руке пригоршню лезвий.

Кэрис медленно прошла к кровати, положила на нее голову и сидела так до тех пор, пока сознание не стало абсолютно ясным. Потом она собралась с силами и поглядела на свою руку. Рисунок колыша был выжжен на ладони очень ясно — спиральная татуировка. Кэрис встала и пошла к раковине, чтобы сунуть руку под холодную воду. Это

немного уменьшило боль. Рана оказалась не слишком серьезной, хотя отпечаток останется на долгие годы: рука продержалась на плитке в тесном контакте с кольцом не более двух секунд. Кэрис обернула ее одной из футбольок Марти, затем вспомнила, что ожоги надо оставлять открытыми, и снова разбинтовала. Обессиленная, она легла на кровать и стала ждать, когда Марти принесет ей частицу блаженного острова.

59

Ребята преподобного Блисса целый час провели в задней комнате дома на Калибан-стрит, предаваясь грезам о Потопе. За это время Мамолиан отправился на поиски Кэрис, нашел ее и был изгнан. Но он обнаружил местонахождение дочери Уайтхеда, а еще выяснил, что Штраус — тот, кто так глупо вел себя в Святилище,— ушел за героином для девушки. Пора, думал Европеец, забыть о сострадании.

Он чувствовал себя, как побитая собака; ему хотелось лечь и умереть. Сегодня — особенно после того, как Кэрис ловко отдалась от него — он ощущал на плечах груз каждого часа прожитой жизни. Он посмотрел на свою руку: она все еще болела от ожога, полученного через Кэрис. Когда же она поймет, что ей ничего не избежать? Что последняя игра, которую он собирается начать, важнее ее жизни, а также жизни Штрауса, или Брира, или двух идиотов из Мемфиса, погруженных в мечты двумя этажами ниже.

Он спустился на один пролет и зашел в комнату Брира. Пожиратель Лезвий лежал на матрасе в углу с вывернутой шеей и проколотым животом; он глазел прямо перед собой, как безумная рыба. Рядом бормотал свои глупости телевизор, придвинутый очень близко, потому что Брир почти потерял зрение.

— Мы скоро уходим,— сказал Мамолиан.

— Вы нашли ее?

— Да, нашел. Место называется Брайт-стрит, а дом... — Европеец счел это весьма забавным. — Дом выкрашен желтым. Второй этаж, кажется.

— Брайт-стрит, — повторил Брир мечтательно. — Мы пойдем и найдем их там?

— Нет, не мы.

Брир неловко повернулся к Европейцу; он привязал к своей сломанной шее самодельную шину, и это затрудняло движения.

— Я хочу видеть ее, — сказал он.

— Прежде всего, ты не должен был выпускать ее.

— Он пришел — тот, из дома. Я говорил вам.

— Да, — отозвался Мамолиан. — Насчет Штрауса у меня тоже есть идеи.

— Мне найти его для вас? — сказал Брир.

Излюбленные картины казней пронеслись в его голове, столь же яркие, как в книге о фашистских злодеяниях. Одна или две выглядели особенно четко, словно были близки к воплощению.

— Не нужно, — ответил Европеец. — У меня есть два рьяных помощника, желающих что-нибудь сотворить.

Брир помрачнел:

— Что же буду делать я?

— Ты приготовишь дом к нашему уходу. Сожги все, что у нас есть. Как будто мы не существовали, ты и я.

— Значит, конец близок?

— Теперь, когда я знаю где она, — да.

— А если она сбежит?

— Она слишком слаба. Она никуда не денется, пока Штраус не принесет ей героин. А он, конечно, никогда его не принесет.

— Вы собираетесь его убить?

— Да, как и любого отныне, кто встанет на моем пути. У меня больше нет сил для жалости. Из-за нее я слишком часто ошибался. Ты получил указания, Энтони. Займись делом.

Он покинул зловонную комнату и спустился вниз, к своим новым агентам. Американцы почтительно встали, когда он открыл дверь.

— Вы готовы? — спросил Европеец.

Блондин, более податливый с самого начала, снова зашел свои бесконечные благодарности, но Мамолиан заставил парня умолкнуть. Он отдал им приказ, и они восприняли это как подарок.

— Ножи на кухне, — сказал он, — возьмите их и используйте на здоровье.

Чад улыбнулся:

— Жену мы тоже должны убить?

— Потоп не выбирает.

— А если она не грешница? — спросил Том, не совсем понимая, почему в его голову пришла столь глупая мысль.

— О, она грешница, — ответил мужчина с горящим взором, и этого было достаточно для ребят преподобного Бл исса.

Наверху Брир с трудом поднялся с матраса и похромал в ванную, чтобы поглядеть на себя в треснувшее зеркало. Его раны давно не кровоточили, но выглядел он ужасно.

— Бритье, — сказал он самому себе. — И сандаловое дерево.

Он боялся, что сейчас все закрутится слишком быстро. И если он не собирается, его перестанут принимать в расчет. Пора начать действовать в своих интересах. Он найдет чистую рубашку, галстук и пиджак, а затем отправится искать удачи. Если последняя игра близка и необходимо уничтожать улики, ему надо торопиться. Лучше завершить романтическую историю с девушкой до того, как она отправится по пути всей плоти.

60

Чтобы пересечь Лондон, потребовалось больше трех четвертей часа. Огромная демонстрация против ядерного оружия была в разгаре: части колонны собирались по все-

му городу и затем всей массой шли к Гайд-парку. І јенгр, где всегда было трудно передвигаться, до предела заполнили манифестанты и застрявшие машины. Марти не подозревал об этом, пока не оказался в центре толпы, а отступить и ехать в обход уже не представлялось возможным. Он проклинал свою невнимательность: наверняка полицейские на дорогах предупреждали автомобилистов о заторе. Он не заметил ни одного знака.

Теперь он ничего не мог поделать, разве что покинуть машину и идти пешком или ехать на метро. Ни один из этих вариантов его не привлекал. Подземка наверняка забита, а прогулка по сегодняшней обжигающей жаре слишком утомительна. Марти хотел сохранить небольшой запас оставшихся сил. Он слишком долго жил на одном адреналине и сигаретах. Он ослаб. Он надеялся — напрасно — только на то, что противник тоже слаб.

Только к середине дня он добрался до дома Шармейн. Объехал весь квартал, приглядывая место для стоянки, и наконец нашел незанятое пространство на углу улицы, рядом с домом. Ему не хотелось идти, предстоящее унижение отвращало. Но Кэрис ждала.

Парадная дверь была приоткрыта. Несмотря на это, Марти позвонил и подождал на тротуаре, не желая сразу входить в дом. Может быть, они в постели или принимают вместе прохладный душ. Удушившая жара все еще не отпускала, хотя день почти закончился.

В конце улицы стоял фургончик с мороженым, откуда доносилась мелодия «Голубого Дуная» в весьма фальшивом исполнении; она останавливалась и начиналась снова, соблазняя покупателей. Марти поглядел туда. Вальс уже привлек двоих, и на секунду они завладели вниманием Марти: молодые люди в скучных серых костюмах, повернувшись к нему спинами. У одного была завидная золотистая шевелюра, волосы блестели на солнце. Парни взяли мороженое, отдали деньги. Потом, удовлетворенные, они исчезли за углом, даже не оглянувшись.

Отчаявшись дождаться ответа на звонок, Марти распахнул дверь. Она заскрипела по циновке из кокосовой дранки с потертой надписью «Добро пожаловать». Рекламы, торчавшие из почтового ящика, вывалились и попадали на землю. Сломанный ящик с треском качнулся и замер на месте.

— Флинн? Шармейн?

Голос Марти вторгся в дом; поднялся по ступенькам туда, где пыль летала в солнечном луче из лестничного окна; проник на кухню, где вчерашнее молоко кисло на стойке раковины.

— Кто-нибудь дома?

Марти услышал жужжание муhi. Она закружила вокруг головы, и он отмахнулся от нее. Муха отстала и загудела по коридору к кухне, где ее что-то соблазняло. Марти пошел следом, на ходу призывая Шармейн.

Она ждала его на кухне, как и Флинн. Обоим перерезали горло.

Шармейн приняла смерть рядом со стиральной машиной. Она сидела — одна нога согнута и чуть вытянута — уставившись в стенку напротив. Голова Флинна склонилась над раковиной, будто он собирался сполоснуть лицо. Иллюзия жизни была почти полной, хлюпающие звуки воды усиливали ее.

Марти стоял в дверях, пока муha — не такая разборчивая, как он, — нарезала круги по кухне. Ничего теперь не поделать, и оставалось одно: смотреть. И Марти смотрел. Они мертвы. Марти тут же понял, что убийцы были одеты в серое и ушли за угол с мороженым в руках, под мелодию «Голубого Дуная».

В Уондсворте Марти называли Танцором — те, кто вообще его как-то называл, — потому что Штраус был королем вальсов. Рассказал ли он об этом Шармейн в одном из писем? Нет, скорее всего, не рассказал, а сейчас уже поздно. Слезы стали чертить линии на его лице, переливаясь через края век. Он попытался удержать их. Они мешали видеть, а он еще не закончил осмотр.

Муха, что привела его сюда, снова закружила над его головой.

— Европеец,— сообщил ей Марти.— Он послал их.

Муха проделала в воздухе взволнованный зигзаг.

— Конечно,— прогудела она.

— Я убью его.

Муха рассмеялась:

— Ты даже не знаешь, кто он такой. Может быть, сам дьявол.

— Вонючая муха. Что ты понимаешь?

— Не важничай со мной,— ответила муха.— Ты дермовый бродяжка, и я такая же.

Марти смотрел, как она вьется и выбирает, куда поставить свои грязные лапки. Наконец муха приземлилась на лицо Шармейн. Как жутко, что Шармейн не подняла лениво руку и не прогнала ее; как дико, что она лежала с подогнутой ногой, с разрезом на шее и позволяла мухе ползать по щеке, по ноздрям, пробуя их на вкус.

Муха была права. Он ничего не знал. Чтобы выжить, нужно вырвать у Мамолиана секрет жизни, и это знание станет силой. Кэрис вела себя умнее. Она не закрывала глаза и не отворачивалась от Европейца. Единственный путь освободиться от Мамолиана — узнать его; надо глядеть на него, сколько позволит мужество, и разобрать каждую жуткую деталь.

Марти оставил любовников на кухне и пошел за героином. Ему не пришлось долго искать. Пакет лежал во внутреннем кармане пиджака, который Флинн предусмотрительно бросил на софу в передней. Марти положил наркотик в свой карман и зашагал к передней двери. Он осознавал: как только он выйдет отсюда на яркое солнце, он нарвется на обвинение в убийстве. Его увидят и легко опознают, полиция явится за ним через несколько часов. Но другого пути нет. Бегство через черный ход выглядело бы еще подозрительнее.

У двери он остановился и поднял брошюру, выпавшую из почтового ящика. На обложке изображалось улыбаю-

шееся лицо евангелиста, некоего преподобного Блисса: с микрофоном руке он поднял глаза к небесам. «Присоединяйтесь к нам! — гласила надпись — И почувствуйте силу Господа в действии. Услышьте Слово! Ощутите Дух!» Марти сунул брошюрку в карман, чтобы изучить попозже.

На обратном пути в Килбурн он остановился у телефонного автомата и сообщил об убийстве. Его спросили, кто говорит; он назвал себя и признался, что отпущен на поруки. Ему приказали зайти в ближайший участок; он ответил, что так и сделает, но сначала утрясет кое-какие личные дела.

Он ехал в Килбурн по заполненным манифестантами улицам и отчаянно думал о том, как найти Уайтхеда. Где бы старик ни прятался, рано или поздно туда явится и Мамолиан. Конечно, можно попытаться найти старика через его дочь. Однако у Марти имелось для Кэрис другое дело, и потребуется нечто большее, чем нежная настойчивость, чтобы она согласилась помочь. Придется искать старика самому.

Когда Марти уже доехал и заметил дорожный знак, указывающий направление на Холборн, он вспомнил про мистера Галифакса и клубнику.

61

Марти почувствовал запах, едва открыл дверь. Несколько секунд он думал, что Кэрис готовит свинину. Лишь подойдя к кровати, он увидел ожог на ее раскрытой ладони.

— Со мной все в порядке, — сказала она очень холодно.

— Он был здесь?

Она кивнула.

— Но теперь ушел.

— И не оставил мне никакого послания? — спросил он с кривой улыбкой.

Кэрис села. С ней происходило что-то жуткое. Голос звучал странно; лицо приобрело цвет сырой рыбы. Марти от-

ступил от нее, как будто простое прикосновение чем-то угрожало ему. Взглянув на него, Кэрис почти забыла о терзавшей ее потребности в героине.

— Послание для тебя? — переспросила она в недоумении.— Зачем? Что случилось?

— Они мертвые.

— Кто?

— Флинн, Шармейн. Кто-то зарезал их.

Его лицо казалось разрушенным. Без сомнения, это самая низшая точка, nadir. Ниже падать некуда.

— О Марти...

— Мамолиан знал, куда я еду,— сказал он.

Кэрис пыталась различить в его голосе обвинение, но его не было. Тем не менее она стала защищаться:

— Это не я. Я даже не знаю, где ты живешь.

— А он знает. Я уверен, он знает все.

— Зачем ему их убивать? Я не понимаю.

— Убийцы обознались.

— Брир помнит, как ты выглядишь.

— Это сделал не Брир.

— Ты видел кто?

— Думаю, да. Двое юнцов.

Марти выудил из пиджака брошюру, валявшуюся у двери Шармейн. «Убийцы принесли ее»,— подумал он. Эти серые костюмы и сияющий нимб золотых волос очень напоминали обивающих пороги евангелистов. Европеец, наверное, в восторге от такого парадокса.

— Они ошиблись,— сказал Марти, снимая пиджак и расстегивая пропитанную потом рубашку.— Они заплыли в дом и убили первых попавшихся мужчину и женщину. Но там был не я, а Флинн.— Он выдернул рубашку из брюк и отшвырнул прочь.— Так легко, да? Он не боится ни закона, ни полиции. Думает, он выше этого.

Марти ясно понимал, какая ирония в этом заключена. Бывший осужденный, презиравший всех, кто носит униформу, встает на сторону закона. Не самый приятный выход, но ничего лучше сейчас нет.

— Что он такое, Кэрис? Почему он так уверен в своей неуязвимости?

Девушка уставилась на вдохновенное лицо преподобного Бл исса. «Крещение в Святом Духе!» — радостно обещал тот.

— В каком смысле «что он такое»? — сказала она.

— Во всех смыслах.

Она не ответила. Марти прошел к раковине, вымыл лицо и шею холодной водой. Пока Европеец помнит о них, они как овцы в загоне. Не только в этой комнате — где угодно. Где бы они ни спрятались, он найдет их и явится. Наверное, не обойдется без небольшой битвы; ведь овцы сопротивляются, пока их не зарежут. Надо было спросить об этом у муhi. Муха должна знать.

Он отвернулся от раковины — вода капала с его скул — и поглядел на Кэрис. Та уставилась на пол.

— Иди к нему, — сказал он вдруг.

По дороге сюда он придумал добрый десяток способов начать этот разговор, но зачем пытаться подсластить пиявлю?

Кэрис подняла глаза. Они были пусты.

— Зачем ты это сказал?

— Иди к нему, Кэрис. Иди в него, как он входит в тебя. Сделай все наоборот.

Она почти рассмеялась от столь нелепого предложения и бросила на Марти презрительный взгляд.

— В него? — переспросила она.

— Да.

— Ты сошел с ума!

— Мы не можем бороться с тем, чего не знаем. А мы не знаем, пока не поглядим. Ты можешь сделать это. Ты можешь сделать это для нас обоих. — Он двинулся через комнату к ней, но Кэрис опять склонила голову. — Выясни, что он такое. Найди его слабость, хоть намек на уязвимость. Что-нибудь, что поможет нам выжить.

— Нет.

— Если ты этого не сделаешь... Что бы мы ни пытались предпринять, куда бы ни скрылись, он придет сам или пришлет кто-то из своих прислужников и перережет мне горло, как Флинну. А ты? Я думаю, ты тоже захочешь умереть.

Это было грубо, и Марти чувствовал себя грязным ублюдком, пока говорил; но он знал силу сопротивления Кэрис. Если провокация не сработает, у него остается героин. Он присел на корточки, глядя в ее лицо.

— Подумай, Кэрис. Подумай об этой возможности.

Ее лицо стало суровым.

— Ты видел его комнату,— сказала она.— Это то же самое, что закрыть меня в сумасшедшем доме.

— Он может и не узнать,— сказал Марти.— Он не готов к такому.

— Я не собираюсь это обсуждать. Дай мне уколоться.

Марти встал, лицо его было вялым. «Не зли меня»,— подумал он.

— Ты хочешь, чтобы я дал тебе дозу, а потом сидел и ждал, так?

— Да,— сказала она слабо. Затем увереннее: — Да.

— И это все, чего ты стоишь?

Она не ответила. Ее лицо было непроницаемым.

— Если так, зачем ты обожгла себя?

— Я не хотела уходить. Не хотела... пока не увижу тебя еще раз. Не побуду с тобой.— Она дрожала.— Мы не можем его победить.

— Тогда нам нечего терять.

— Я устала,— проговорила она, качая головой.— Дай мне его. Может быть, завтра, когда я почувствую себя лучше...— Она смотрела на Марти снизу вверх, глаза ее, обведенные синими кругами, светились.— Дай мне порошок!

— И ты сможешь все забыть, да?

— Марти, не надо. Это испортит...— Она замолчала.

— Что испортит? Наши последние часы?

— Мне нужна доза, Марти.

— Это очень удобно. И наплевать, что случится со мной.

Он неожиданно понял, что это истинная правда: ей нет и никогда не было дела до его страданий. Он вбежал в ее жизнь, а теперь, обеспечив ее наркотиком, может снова исчезнуть и оставить Кэрис наедине с грезами. Ему захотелось ударить ее. Он отвернулся, чтобы не сделать этого.

За его спиной она сказала:

— Мы оба можем уколоться. Я и ты, Марти, почему нет? Тогда мы будем вместе.

Он долго молчал, прежде чем произнес:

— Никакого героина.

— Марти?

— Никакого героина, пока ты не пойдешь к нему.

Кэрис потребовалось несколько секунд, чтобы осознать дурную весть. Когда-то она говорила ему, что разочарована, потому что ожидала от него грубости. Она слишком рано это сказала.

— Он узнает,— прошептала она.— Он узнает в тот же миг, как только я окажусь рядом.

— Подходи тихо. Ты умеешь. Ты знаешь, что можешь это. Ты умная. Ты очень часто заползала в мою голову.

— Я не могу,— отказывалась она.

Неужели Марти не понимает, о чем он ее просит?

Его лицо скривилось. Он вздохнул и шагнул к своему брошенному на пол пиджаку. Поискав в карманах и нашел пакет с героином. Жалкий маленький пакетик, а наркотик, насколько Марти знал Флинна, явно не чистый. Но это ее дело, не его. Кэрис замерла и уставилась на пакет.

— Все твое,— сказал Марти и бросил ей пакет. Он приземлился на кровать.— На здоровье.

Она по-прежнему глядела на него — теперь на пустую руку. Марти сбил этот взгляд, когда поднял свою грязную рубашку и натянул ее снова.

— Что ты делаешь?

— Я видел тебя под кайфом. Слышал бред, который ты несла. И не хочу запомнить тебя такой.

— Я не могу без этого.

Она ненавидела его; смотрела, как он стоит в лучах позднего солнца с голым брюхом и голой грудью, и ненавидела каждую его клетку. Он шантажировал ее. Так жестоко, так действительно. Это предательство было худшим, что случалось между ними.

— Даже если я соглашусь сделать так, как ты говоришь... — начала она, мысли ее разбегались. — Я ничего не выясню.

Он покал плечами:

— Слушай, порошок твой. Ты получила, что хотела.

— А как насчет тебя? Чего ты хочешь?

— Я хочу жить. И думаю, это наша единственный шанс.

И это такой хрупкий шанс. Тончайшая трещина в стенах, через которую они проскользнут, если удача им улыбнется.

Кэрис взвесила все, даже не понимая, почему допускает эту мысль. В другой день она могла бы сказать: «Ради нашей любви». Наконец она произнесла:

— Ты победил.

Он сидел и смотрел, как Кэрис готовится к предстоящему путешествию. Сначала она вымылась; не только лицо, но и все тело. Она стояла на расстеленном полотенце у маленькой раковины в углу комнаты, а газовая колонка рычала, пока нагретая вода выплевывалась в кувшин. Марти почувствовал эрекцию и устыдился того, что может думать о сексе, когда столько поставлено на карту. Но это глупое пуританство; он должен чувствовать все, что чувствует. Так его научила Кэрис.

Закончив мыться, она натянула белье и футболку. Та же одежда была на ней в доме на Калибан-стрит, заметил Марти: простая и свободная. Кэрис села на стул. Кожа ее покрылась пупырышками. Марти хотел получить прощение, хотел услышать, что его манипуляции оправданы, а Кэрис — что бы ни случилось теперь — понимает: он действует.

вует так во имя добра. Но она не сказала ничего подобного. Только произнесла:

— Кажется, я готова.

— Что я могу сделать?

— Почти ничего,— ответила она.— Но оставайся здесь, Марти.

— А если... ты понимаешь... если что-то пойдет не так?
Смогу я тебе помочь?

— Нет,— ответила она.

— Как я узнаю, что ты там? — спросил он.

Она поглядела на него, словно он задал идиотский вопрос, и сказала:

— Ты поймешь.

62

Найти Европейца было несложно; мозг Кэрис устремился к нему с почти обескураживающей готовностью, словно в родные объятия. Она издалека ощущала его притяжение; вернее, его сознательный магнетизм. Когда мысли Кэрис долетели до Калибан-стрит и проникли в комнату наверху, подозрения о податливости Мамолиана подтвердились. Он лежал на голых досках комнаты в позе крайнего утомления. Похоже, я могу это сделать, подумала она. Как ласкающаяся любовница, Кэрис подползла к нему ближе и скользнула внутрь.

Она что-то забормотала.

Марти вздрогнул. Шея Кэрис была такой тонкой, что он почти видел, как в горле рождаются слова.

«Говори со мной! — мысленно просил он.— Скажи, что все в порядке».

Тело Кэрис застыло. Марти дотронулся до девушки и ощутил, как закаменели ее мышцы, хотя взгляд стал яростным, как у василиска.

— Кэрис.

Она снова что-то пробормотала; горло ее затрепетало, но без слов — просто дыхание.

— Ты меня слышишь?

Если и слышала, то никак этого не показала. Секунды складывались в минуты, а Кэрис была как стена; вопросы разбивались об нее и падали в тишине.

Затем она произнесла:

— Я здесь.

Ее слова звучали иллюзорно, как иностранная радиостанция на случайной волне: голос из неизвестности.

— С ним? — спросил он.

— Да.

Надо действовать решительно, сказал себе Марти. Она послушалась его и проникла в сознание Европейца. Теперь он должен использовать ее мужество как можно более эффективно и вызволить ее обратно, прежде чем начнется что-нибудь скверное. Сначала он задал самые трудные вопросы, и первым — тот самый, в ответе на который так нуждался:

— Что он такое, Кэрис?

— Я не знаю, — отозвалась она.

Кончик ее языка задрожал, выпустив изо рта ленту слюны.

— Так темно, — пробормотала она.

Внутри него была тьма: тот же осязаемый мрак, что в комнате на Калибан-стрит. Но эти тени, по крайней мере в первую секунду, бездействовали. Европеец не ожидал вторжения. Он не поставил стражей ужаса на вратах своего мозга. Кэрис шагнула вглубь его головы. Сполохи света вспыхивали по краям ее мысленного зрения, как цветовые пятна, возникающие при давлении на веки, только ярче и стремительнее. Они появлялись и исчезали очень быстро, и Кэрис не понимала, что она видит в них или рядом с ними. Однако по мере продвижения вспышки повторялись все чаще, и она начала различать образы: точки, решетки, штрихи, спирали.

Голос Марти прервал ее видения несколькими глупыми вопросами. Кэрис их игнорировала. Пусть подождет. Огни становились все более замысловатыми, образы со-

единялись, обретали глубину и вес. Теперь Кэрис казалось, что она видит туннель и кувыркающиеся кубики; моря переливающихся огней; открывающиеся и зарастающие трещины; дожди белого шума. Видения росли и множились, а она восхищенно наблюдала, как в мерцании небес над головой появляется мир его мыслей; он падал на нее, словно ливень. Огромные блоки, сложенные из геометрических фигур, парили в нескольких дюймах от ее головы, подобно небольшим лунам.

И вдруг они пропали. Все. Неумолимая темнота сдавила Кэрис со всех сторон, как прежде. На мгновение она почувствовала удушье: от страха перехватило дыхание.

— Кэрис?

— Я в порядке,— прошептала она далекому вопрошающему. Он был в другом мире, но заботился о ней, она смутно помнила это.

— Где ты? — хотел он знать.

Она не имела ни малейшего понятия и потому покачала головой. Куда ей теперь направиться? Она помедлила в темноте, чтобы приготовиться ко всему, что может случиться в следующую секунду.

Внезапно на горизонте снова возникли огни. На этот раз, на втором представлении, они обрели ясные формы. Вместо спиралей Кэрис увидела столбы дыма. Вместо морей света — ландшафт: пульсирующие солнечные лучи вспыхивали на дальних холмах. Птицы поднимались на обожженных крыльях и превращались в листы книг, что взлетали вверх над пожарищем.

— Где ты? — снова спросил Марти.

Глаза Кэрис бешено вращались под закрытыми веками, оглядывая горящую местность. Он не мог разделить ее впечатлений без ее слов, а она была ошеломлена восторгом или ужасом — Марти не мог понять, чем именно.

Еще там были звуки. Не громкие; край, куда она попала, вынес слишком много страданий и разрушений, чтобы кричать. Жизнь почти ушла оттуда. Под ногами валялись тела, так жутко обезображеные, будто они упали с неба.

Оружие, лошади, повозки. Она видела их как сквозь пелену ослепительного пожара, и каждый образ вспыхивал только раз. За секунду темноты между двумя вспышками картина полностью менялась. Только что Кэрис стояла на пустой дороге, а рядом кричала обнаженная девушка. В следующий миг она уже глядела с холма вниз на выжженную равнину, разглядывая ее урывками сквозь клубы дыма. Потом перед ней предстало серебряное тело березы — и вот его уже нет. Руины и дежащий на земле обезглавленный человек мелькнули и исчезли. Но огоньки оставались где-то рядом; сажа и крики в горящем воздухе, ощущение безнадежного движения по кругу. Она чувствовала, что сцены бесконечно сменяют друг друга — то тихий пейзаж, то жестокий кошмар,— и у нее не хватит времени понять эти образы.

Затем огоньки пропали так же резко, как исчезли первые фигуры, и вокруг опять воцарилась тьма.

— Где ты? — Голос Марти нашел ее.

Он был так встревожен, что она ответила:

— Я почти труп,— сказала она совершенно спокойно.

— Кэрис? — Марти боялся, что ее имя пробудит Мамолиана, но он должен был понять, говорит она сама с собой или с ним.

— Не Кэрис,— ответила она.

Марти показалось, что ее рот изменился, губы стали тоньше. Это рот Мамолиана, а не ее.

Она подняла руку с колен, будто хотела коснуться своего лица.

— Почти труп,— произнесла она снова.— Битва проиграна, ты видишь. Проиграна целая проклятая война...

— Какая война?

— Та, что проиграна с самого начала. Но это не важно, да? Подыщу себе другую войну. Всегда есть какая-нибудь война.

— Кто ты?

Кэрис нахмурилась.

— Что тебе до того? — огрызнулась она.— Не твое дело.

— Да, это не важно,— кивнул Марти. Он боялся быть слишком настойчивым.

Но на его вопрос ответил шепот:

— Меня зовут Мамолиан. Я сержант третьего фузильерского полка. Вернее, я был сержантом.

— Не сейчас?

— Нет, не сейчас. Сейчас я никто. В такие времена беспаснее быть никем, не правда ли?

Тон был пугающе непринужденный, как будто Европеец точно знал, что случилось, и решил поговорить с Марти через Кэрис. Может быть, это новая игра? Мамолиан продолжал:

— Я так старался избежать неприятностей... Я трус, ты же видишь? И всегда был таким. Терпеть не могу вида крови.

Он засмеялся внутри Кэрис — грубым мужским смехом.

— Ты просто человек? — спросил Марти.

Он не мог поверить в это. Неужели в мозгу Европейца прячется не дьявол, а какой-то полусумасшедший сержант, потерявшись на поле сражения?

— Просто человек? — повторил он.

— А ты чего хотел? Кем еще мне быть? — ответил сержант быстро, как молния.— К вашим услугам. Все, что угодно, только вытащи меня из этого деръма.

— С кем, по-твоему, ты говоришь?

Сержант озадаченно нахмурил лицо Кэрис.

— Я теряю разум,— произнес он горестно.— Я говорил сам с собой столько дней. Никто не выжал, ты видишь? Третий смели. И четвертый. И пятый. Все ушли в преисподнюю! — Он остановился, лицо сложилось в гримасу.— Не с кем сыграть в карты, черт возьми. Не могу же я играть с мертвцами, а? У них нет ничего, что мне нужно...— Голос стал удаляться.

— Какой сегодня день?

— Какое-то там октября,— вернулся сержант.— Я потерял чувство времени. Ночами дьявольски холодно. Да,

должно быть, сейчас уже октябрь. Вчера был ветер со спектром. Или это позавчера?

— А какой год?

Сержант расхохотался.

— Я еще не настолько плох, чтобы забыть,— сказал он.— Сейчас тысяча восемьсот одиннадцатый. Точно. Мне будет тридцать два девятого ноября. И старше сорока я не выгляжу.

Тысяча восемьсот одиннадцатый... Если сержант говорит правду, Мамолиану уже двести лет.

— Ты уверен? — спросил Марти.— Тысяча восемьсот одиннадцатый, ты в этом уверен?

— Заткнись! — прозвучал ответ.

— Что такое?

— Неприятности.

Кэрис прижала руки к груди, ощущив некое давление. Она чувствовала, как что-то ее окружило, но не могла понять, что это. Пустая дорога мгновенно исчезла, и теперь она ощущала себя лежащей внизу, во мраке. Здесь было теплее, чем на дороге, но тепло было неприятным. Пахло гнилью. Она несколько раз сплюнула, чтобы избавиться от неприятного привкуса. Где она, бога ради?

Она услыхала приближающийся стук копыт. Звук был приглушен, но он заставил ее — вернее, того человека, в котором она находилась,— сильно встревожиться. Справа кто-то застонал.

— Ш-ш,— зашипела она.

Разве тот, кто стонет, не слышит приближающихся лошадей? Значит, их обнаружили. Кэрис была уверена: это окажется роковым.

— Что случилось? — спросил Марти.

Она не осмелилась открыть рот: лошади подошли слишком близко. Она беззвучно повторяла молитву. Всадники разговаривали; это солдаты, решила Кэрис. Они спорили, кому браться за некое неприятное дело. Может быть, взмолилась она, они прекратят поиски! Спор закончился,

и солдаты, ворча и кляня судьбу, разделились на группы для работы. Кэрис услышала, как переворачивают мешки и сбрасывают их на землю. Дюжина, две дюжины. Свет просочился туда, где она лежала, едва дыша. Мешки над ней сдвинули, еще больше света упало на нее. Кэрис открыла глаза и наконец узнала, какое сержант выбрал себе убежище.

— Боже всемогущий,— проговорила она.

Ее окружали не мешки, а тела. Мамолиан спрятался в холме трупов. От тепла их гниения она и вспотела.

Теперь холмик разобрали всадники; они прокалывали штыком каждое тело, оттащив его в сторону, чтобы отличить живых от мертвых. На тех, что еще дышали, указывали офицеру. Тот решал вопрос очень просто: живых убивали. Прежде чем штык дотянулся до него, сержант выкатился и встал перед солдатами.

— Я сдаюсь,— сказал он.

Тем не менее его ткнули штыком в плечо. Он закричал. Кэрис тоже.

Марти протянул руку, чтобы коснуться ее: лицо девушки исказилось от боли. Но потом подумал, что в такой опасный миг лучше не вмешиваться, это может принести больше вреда, чем пользы.

— Ну-ну,— сказал офицер, сидевший верхом.— Ты не очень похож на мертвеца.

— Я тренировался,— ответил Мамолиан.

Эта острота стоила ему еще одного тычка. По мнению солдат, сержанту повезло, что его до сих пор не распотрошili. К такой забаве они готовы всегда.

— Ты не умрешь сейчас,— сказал офицер, похлопывая по шее своего коня. Соседство с гниющими трупами давалось породистому скакуну нелегко.— Нам нужно задать тебе несколько вопросов. А уж потом ты займешь место в преисподней.

Небо над грушевидной головой офицера потемнело. Картина начала распадаться, еще когда он говорил, словно Мамолиан забыл, что произошло потом.

Глаза Кэрис снова заметались под веками. Новая сумятица видений захватила ее: каждый образ представлял с абсолютной ясностью, но они мелькали слишком быстро, чтобы связать их вместе.

— Кэрис? Ты в порядке?

— Да-да,— ответила она, задыхаясь.— Еще немного времени... времени жизни.

Она видела комнату, стул. Почувствовала поцелуй, шлепок. Боль, облегчение, снова боль. Вопросы, смех. Она не была уверена, но решила, что под нажимом сержант рассказал противникам все, что они хотели знать, и даже больше того. Дни проходили в ритме биения пульса. Она позволила им пробежать между пальцев; она чувствовала, что спящее сознание Европейца с нарастающей скоростью приближается к какому-то критическому моменту. Пусть он направляет движение: он лучше Кэрис знает этот склон.

Путешествие завершилось с шокирующей неожиданностью.

Небо цвета холодного железа раскрылось над ее головой. Оттуда пошел снег, и Кэрис покрылась гусиной кожей от холода, сменившего недавною жару. В тесной гостиной-спальне, где Марти сидел с голой грудью и потел, Кэрис был озноуб.

Кажется, допрос сержанта окончился. Его и еще пятерых оборванных пленников вывели наружу, на маленькую квадратную площадку. Он огляделся. Раньше здесь был монастырь, еще до оккупации. Два монаха стояли под навесом крыльца и с философским спокойствием наблюдали за тем, что происходило во дворе.

Шестеро пленников ждали, построившись в шеренгу, и на них падал снег. Их не стали связывать. С площадки некуда было бежать. Сержант стоял последним, он грыз ногти и пытался заставить свои мозги работать. Они сейчас умрут, этого не избежать. И они не первые, кого казнили сегодня. У стены лежали пять мертвцов. Их отрубленные головы положили на пах в знак последнего поругания. От

крытыми глазами, как будто испуганные ударом убийцы, они уставились на падавший снег, на окна, на одинокое дерево, что росло на скучной земле среди камней. Летом оно, вероятно, плодоносит и птицы поют свои глупые песни на его ветвях, а теперь на нем нет даже листьев.

— Нас сейчас убьют,— сказала Кэрис.

Все происходило очень непринужденно. Командующий офицер в меховой куртке на плечах повернулся спиной к пленникам, вытянув руки над горячей жаровней. Палач остановился рядом с ним, небрежно положив окровавленный топор на плечо; толстый хромой мужчина, он смеялся над каждой шуткой офицера и пытался немного согреться перед тем, как вернуться к своей работе.

Кэрис улыбнулась.

— Что сейчас происходит?

Она ничего не ответила, во все глаза глядя на человека, который собирался их убить. Она улыбалась.

— Кэрис. Что происходит?

Солдаты выстроились в линию и толкнули их вниз, на землю в центре площадки. Кэрис склонила голову, подставляя затылок.

— Мы сейчас умрем,— прошептала она далекому собеседнику.

В начале шеренги палач поднял топор и опустил его профессиональным ударом. Голова пленника отделилась от шеи, выпустив гейзер крови, которая становилась грязно-буровой на серой стене, на белом снегу. Голова упала лицом вниз, немного покатилась и остановилась. Тело корчилось на земле. Краем глаза Мамолиан наблюдал за процедурой, пытаясь унять стук зубов. Он не боялся и не хотел, чтобы они думали, будто он боится. Ближайший к нему пленник начал кричать. Два солдата выступили вперед по пролаянному офицером приказу и схватили его. Внезапно тишину, позволявшую слышать, как снег ложится на землю, нарушили всеобщие жалобы и мольбы: ужас хлынул, словно открыли двери. Сержант ничего не сказал. Они должны быть

счастливы, что умрут именно так, подумал он. Топор — для аристократов и офицеров, но здешнее дерево не годилось для виселицы. Он посмотрел, как лезвие упало во второй раз, и подумал: шевелится ли язык во рту мертвеца, сочавшемся кровью?

— Я не боюсь,— сказал он.— Какой смысл в страхе? Его нельзя купить или продать, его нельзя любить. Его даже нельзя надеть, чтоб согреться, когда вас раздели.

Голова третьего пленника покатилась по снегу и четвертого... Солдат рассмеялся. От крови шел пар. Ее мясной запах раздразнил аппетит людей, голодавших уже неделю.

— Я ничего не теряю,— сказал он вместо молитвы.— У меня была бесмысленная жизнь. Она закончится здесь, ну и что?

Пленник слева от него был молод, не больше пятнадцати лет. Барабанщик, решил сержант. Он плакал.

— Посмотри туда,— сказал Мамолиан.— Вот где настоящее дезертирство.

Он кивнул в сторону распростертых тел: от покойников убегали паразиты. Блохи и гниды осознали, что хозяева мертвы, и сновали по головам и обрубкам, торопясь найти новый приют, прежде чем их убьет холод.

Мальчик поглядел и улыбнулся. Зрешище развлекло его на мгновение, и палачу этого хватило, чтобы размахнуться и нанести смертельный удар. Голова отпрыгнула, в грудь сержанту ударил жар.

Мамолиан вяло оглядел палача. Тот слегка испачкался в крови, а больше ничем его ремесло на нем не отразилось. Лицо палача было бесформенным, с запущенной бородой, нуждавшейся в стрижке, с круглыми горящими глазами.

«И меня убьет вот такой человек? — подумал сержант.— Что ж, мне нечего стыдиться».

Он убрал руки за спину в обычном жесте подчинения и склонил голову. Кто-то рванул его за рубашку, чтобы обнажить шею.

Сержант ждал. Шум, похожий на выстрел, прозвучал в его голове. Он открыл глаза, ожидая увидеть снег, падаю-

ший на отделенную от шеи голову; однако нет. В центре площадки один из солдат упал на колени, его грудь была разорвана выстрелом из верхнего окна монастыря. Мамолиан посмотрел на него. Солдаты толпились по краям площадки; выстрелы прорезали снегопад. Раненый командир неуклюже свалился на жаровню, и его меховая куртка вспыхнула. Два солдата были пойманы в ловушку за деревом и подкошены пулями; они осели и переплелись друг с другом, как любовники.

— Прочь,— прошептала Кэррис повелительно.— Быстро прочь.

Он пополз по-пластунски между покрытых инеем камней, пока над его головой шло сражение. Он едва верил, что уцелел. На него и не взглянули. Безоружный и худой, как скелет, он ни для кого не представлял опасности. Только добравшись до укромного угла монастыря, Мамолиан передохнул. По ледяным коридорам струился дымок. Нет сомнений, это место сожжет одна из воюющих сторон, а может быть, обе. Все они глупцы, никого из них сержант не любил. Он двинулся через лабиринт построек в надежде найти выход и не наткнуться на заблудившихся фузильеров.

Он уже был далеко от места схватки, когда услышал позади шаги человека, обутого в сандалии, а не в сапоги. Кто-то шел за ним. Сержант обернулся и увидел монаха. Черты худого лица выдавали аскета. Он схватил сержанта за оборванный воротник рубашки.

— Ты — дар божий,— сказал монах. Он запыхался, но хватка у него была крепкая.

— Оставь меня в покое. Я хочу уйти отсюда.

— Везде идет битва, нигде не безопасно.

— А я рискну,— ухмыльнулся сержант.

— Ты избран, солдат,— ответил монах, не отпуская его.— Случай выступил на твоей стороне. Невинный мальчик рядом с тобой умер, а ты выжил. Ты не понимаешь? Спроси себя, почему?

Сержант попытался оттолкнуть монаха; смененный запах ладана и застарелого пота был отвратителен. Но тот держался крепко и торопливо говорил:

— Здесь под кельями есть тайные ходы. Мы ускользнем туда и спасемся от бойни.

— Да?

— Конечно. Если ты поможешь мне.

— Как?

— Мне надо спасти рукопись, работу всей моей жизни. Мне нужна твоя сила, солдат. Не беспокойся, ты получишь кое-что взамен.

— Что ты можешь мне предложить? — спросил сержант. Чем мог владеть такой аскет с безумными глазами?

— Мне нужен ученик, — сказал монах. — Кто-то, кому я смогу передать мое учение.

— Избавь меня от твоих духовных наставлений.

— Я многому могу тебя научить. Как жить вечно, если ты этого хочешь.

Мамолиан рассмеялся, но монах продолжал нести оклесицу:

— Как забирать жизнь у других и оставлять ее для себя. Или, если хочешь, отдавать мертвым и возрождать их.

— Нет уж.

— Это древняя мудрость, — говорил монах. — Но я открыл ее заново, прочел, записанную на чистом греческом языке. Древние тайны, древнее этих холмов.

— Если ты все это умеешь, почему ты не царь всяя Руси? — поинтересовался Мамолиан.

Монах отпустил его рубашку и поглядел на солдата. Его глаза источали презрение.

— Разве человек, — произнес он медленно, — обладающий истинным честолюбием, захочет быть простым царем?

Ответ стер улыбку с лица сержанта. Странные слова; их значение он не мог понять. Но они содержали в себе

обещание, которое трудно отвергнуть. Что ж, подумал Мамолиан, возможно, так и приходит мудрость. Ведь топор не коснулся меня.

— Веди,— сказал он.

Кэрис улыбалась. Скупая, но счастливая улыбка. В один миг, как по взмаху крыла, зима исчезла. Зацвела весна, и земля повсюду зазеленела, особенно над могилами.

— Куда ты? — спросил ее Марти.

По восторженному выражению ее лица было ясно, что обстоятельства изменились. За несколько минут она нашла в голове Мамолиана ключи к жизни. Марти едва понимал суть происходящего. Он надеялся, что она объяснит детали позже. Что это за страна, что за война.

Внезапно она сказала:

— Готово.— Ее голос был легким, почти игристым.

— Кэрис?

— Кто это Кэрис? Ничего не знаю о таком человеке. Может быть, умер. Все, кроме меня, умирают.

— Что готово?

— Мое учение закончено. Он научил меня всему. И все оказалось правдой. Древняя мудрость.

— Чему он тебя научил?

Кэрис подняла и вытянула обожженную руку.

— Я могу украсть жизнь,— сказала она.— Очень просто. Надо лишь найти место и выпить ее. Легко взять, легко дать.

— Дать?

— На время, на такой срок, на какой я захочу.— Она подняла палец.— Бог сказал Адаму: «Да будет жизнь».— Мамолиан в ней снова засмеялся.

— А монах?

— Что монах?

— Он еще с тобой?

Сержант покачал ее головой.

— Я убил его, когда он научил меня всему.— Ее руки вытянулись и принялись душить воздух.— Я задушил его ночью, спящего. Конечно, он проснулся, когда почувствовал мою хватку на горле. Но не сопротивлялся. Даже не попытался спастись.— Сержант смотрел злобно, когда говорил об этом.— Он просто позволил мне убить себя. Я едва поверил своей удаче; я неделями строил планы и боялся, что он прочтет мои мысли. Когда все вышло так легко, я был в восторге.— Злоба неожиданно исчезла.— Глупец,— пробормотал он губами Кэрис.— Глупец, какой я глупец.

— Почему?

— Я не заметил, что он устроил мне ловушку. Не увидел, что он все спланировал: воспитал меня как сына, зная, что в свое время я стану его палачом. Я не понял, что стал его орудием. Он хотел умереть. Он хотел передать мне свою мудрость,— сержант произнес это слово уничтожительно,— чтобы затем я прикончил его.

— Почему он хотел умереть?

— Ты не понимаешь, как ужасно жить, когда все вокруг умирают! И чем дальше, тем сильнее мысль о смерти холодит твои внутренности. Потому что она кажется тебе все более ужасной. И ты начинаешь желать — о, как ты этого жаждешь! — чтобы кто-нибудь скакался над тобой, обнял тебя и разделил твой страх. Чтобы кто-нибудь ушел во мрак вместе с тобой.

— И ты выбрал Уайтхеда,— проговорил Марти почти шепотом.— Так же случайно, как выбрали тебя.

— Все случайно, и ничто не случайно,— отозвался спящий человек. Затем он снова горько засмеялся над собой: — Да, я выбрал его и сыграл с ним в карты. А потом мы заключили сделку.

— Но он обманул тебя.

Кэрис кивнула. Ее руки описали в воздухе круг.

— Провел, обманул,— сказала она.— Во всем, кругом.

— Что ты намерен делать теперь?

— Найду пилигрима. Где бы он ни был, найду его! Возьму его с собой. Клянусь, что не дам ему ускользнуть от меня. Возьму его и покажу ему.

— Что покажешь?

Вместо ответа она вздохнула, немного вытянулась и двинула головой: слева направо и обратно. Марти с удивлением осознал, что она повторяет движения Мамолиана, что все это время Европеец спал, а теперь готов пробудиться, набравшись сил. Марти решил получить ответ на последний, жизненно важный вопрос:

— Покажешь ему что?

— Ад,— сказал Мамолиан.— Он надул меня! Он промотал мое учение, мое знание, выбросил его на ветер из-за жадности. Ради власти, ради жизни тела. Все ушло на утоление его аппетита! Моя драгоценная любовь растрячена!

Марти услышал в его завывании голос пуританина — монаха, может быть? — и гнев создания, желающего очистить мир. Он жил в муках, потому что видел только грязь и тело, потеющее от желания сотворить новые тела и новую грязь. Можно ли надеяться на чистоту в таком месте? Только если найти душу, которая разделит твои муки; любовь, вместе с которой можно ненавидеть мир. Уайтхед стал именно таким человеком. И теперь Мамолиан честен с душой своего любовника: желает забрать с собой в смерть единственного из людей, кому когда-либо доверял.

— Мы уйдем в ничто... — прошептал он, и этот шепот звучал как обещание.— Все мы уйдем в ничто. Вниз! Вниз!

Он просыпался. Больше для вопросов времени не осталось, несмотря на все любопытство Марти.

— Кэрис...

— Вниз! Вниз!

— Кэрис! Ты слышишь меня? Выходи из него! Быстро!

Она крутила шеей.

— Кэрис!

Она забормотала.

— Быстрее!

В голове Мамолиана снова замелькал узор видений. Вспышки света ненадолго оборачивались картишками. Что появится теперь? Птицы, цветы, деревья? Как в Стране Чудес?

— Кэрис!

Голос, когда-то знакомый, звал ее издалека. Но огни манили. Они растворялись друг в друге. Кэрис медлила, ожидая появления образов; но теперь видения уже не были воспоминаниями...

— Кэрис! Быстрее!

Это были картины реальности, которые видел Европейц, открыв глаза. Ее тело напряглось. Марти коснулся ее и обнял. Она медленно выдохнула. Дыхание вырвалось с жалобным стоном, и внезапно Кэрис осознала нависшую опасность. Ее мысли покинули голову Мамолиана и рванулись назад, в Килбурн. Одно мучительное мгновение ей казалось, что ее воля сломлена и она возвращается обратно, в его ожидающий мозг. Ужаснувшись, Кэрис распахнула рот и задышала, как рыба на берегу, пока ее мозг сражался с притягивающей силой.

Марти пытался поднять девушку, но ноги ее подгибались. Он дернул Кэрис вверх, обхватив руками.

— Не оставляй меня,— зашептал он в ее волосы.— Ради бога, не оставляй меня.

Внезапно она распахнула глаза.

— Марти,— с трудом выговорила она.— Марти.

Это была настоящая Кэрис. Он знал ее взгляд слишком хорошо, чтобы обмануться трюком Европейца.

— Ты вернулась,— сказал он.

Несколько минут они молчали, обнявшись. Когда они начали разговор, Кэрис не хотелось заново пересказывать все, что пережила. Марти сдерживал свое любопытство. Достаточно знать, что у них за спиной не дьявол.

Просто древняя человеческая порода, обманутая любовью, готовая разрушить этот мир.

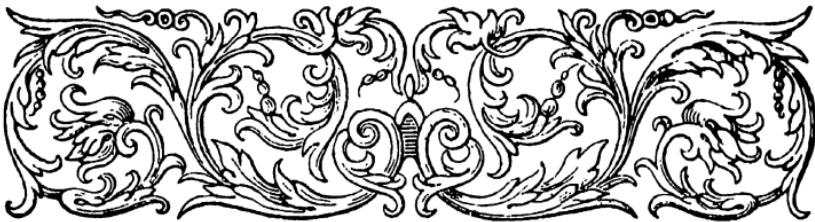
Теперь, возможно, у них появился шанс выжить. Мамолиан оказался человеком, несмотря на все его сверхъестественные способности. Ему двести лет, но какая разница?

Самое важное сейчас — отыскать Папу и предупредить его о намерениях Мамолиана, а затем придумать план противодействия Европейцу. Если стариk откажется помогать, это его право. Но Марти должен попытаться. На фоне убийства Шармейн и Флинна то, что Уайтхед устроил для Марти, выглядит как обыкновенное хамство. И это явно меньшее из зол.

Но Уайтхеда нужно найти, и для этого у Марти имелся единственный ключ — клубника. Перл говорила, что стариk не может жить без нее — ни дня за двадцать лет. Продолжает ли он баловать себя ягодами даже сейчас, когда скрывается? Слабая нить для поисков. Однако аппетит, как недавно узнал Марти, играл важную роль в этой головоломке.

Он попытался убедить Кэрис пойти с ним, но девушка была выжата до капли. На сегодня ее путешествия закончены; она увидела слишком много за один день. Все, чего она хочет теперь, — попасть на солнечный остров; так она утверждала. Марти неохотно оставил ее наедине с героином и отправился в Холборн к мистеру Галифаксу, чтобы поговорить о клубнике.

Когда он ушел, Кэрис очень быстро нашла забвение. Картины, подсмотренные в голове Мамолиана, канули в туманное прошлое, откуда и явились. Будущего — если оно вообще есть — здесь не было; на острове царил покой. Кэрис купалась в сиянии абсурда, пока снаружи не начался легкий дождь.

XII ТАНЦЫ ТОЛСТЯКОВ

64

Брир не возражал против изменения погоды. После постоянной духоты дождь казался символическим очищением, он принес облегчение. Несмотря на то что Брир давно потерял способность воспринимать боль, на жаре его мучил неодолимый зуд. Даже не зуд, а всеобщее раздражение: ползущее ощущение на коже или под ней, не исчезавшее ни от какой мази. Моросящий дождь немного смягчил его, и Брир чувствовал благодарность — то ли за дождь, то ли за предстоящую встречу с женщиной, которую любил. Хотя Кэррис и нападала на него несколько раз (Брир носил эти раны как трофеи), он простил ее. Она понимала его лучше, чем кто-либо другой. Она неповторима, она богиня, даже несмотря на то, что у нее есть волосы на теле. Брир знал: если снова ее увидеть, показать ей себя, коснуться ее, то все будет хорошо.

Но сначала он должен дойти до дома. Он не сразу нашел таксиста, согласившегося остановить перед ним машину; да и тот не довез его до места, а потребовал выметаться. Шофер заявил, что от Брира воняет и ни один пассажир не согласится ехать в машине с таким запахом. Пристыженный публичным отторжением — таксист высадил его посреди улицы и уехал, — Брир свернулся в темные улочки. Он надеялся, что там над ним не будут глумиться и хихикать.

И в одном из этих глухих переулков, в нескольких минутах ходьбы от того места, где Брира ждала Кэрис, молодой человек с синей татуировкой в виде ласточки на шее вышел из дверей, чтобы предложить свою помощь Пожирателю Лезвий.

— Эй, приятель! Ты очень плохо выглядишь, ты болен? Позволь мне поддержать тебя.

— Нет, нет,— пробурчал Брир, надеясь, что добрый самаритянин оставит его в покое.— Все отлично, правда.

— Но я настаиваю,— сказал Ласточка.

Он обошел Брира и затем встал на пути Пожирателя Лезвий. Он огляделся, нет ли свидетелей, прежде чем втолкнуть Брира в дверь кирпичного дома.

— Закрой рот, приятель,— проговорил он, вытаскивая нож и приставляя его к забинтованному горлу Брира.— И будешь цел. Выворачивай карманы. Быстро! Быстро!

Брир не шевельнулся. Неожиданность нападения ошеломила его; поскольку юноша схватил жертву за обвязанное горло, у Пожирателя Лезвий слегка закружилась голова. Ласточка провел ножом по бинту, чтобы подкрепить свои слова. От Брира плохо пахло, и вор хотел закончить дело как можно быстрее.

— Карманы, приятель! Ты оглох? — Он еще глубже вдавил нож.

Толстяк и не вздрогнул.

— Я это сделаю, приятель,— заверил вор.— Перережу твое вонючее горло.

— Ох,— произнес Брир, ничуть не напуганный.

Не со страху, а чтобы успокоить пульс, он порылся в кармане и выгреб горсть разного барахла: немного монет, несколько мятных лепешек, пузырек одеколона. Он протянул это вору с мягким извиняющимся выражением на rumяненного лица.

— Это все, что у тебя есть? — Ласточка пришел в ярость. Он схватил Брира за пальто, намереваясь обыскать его.

— Не надо,— попросил Брир.

— Жарко для такой одежды, ты не находишь? — отозвался вор.— Что ты там прячешь?

Пуговицы оторвались, когда под пальто он рванул пиджак Брира. После чего вор разинул рот и уставился на нож и вилку, все еще торчавшие из живота Пожирателя Лезвий. Разводы высохшего гноя из ран были чуть менее отвратительны, чем коричневое гнилое пятно, что простипалось от подмышек до паха. В панике вор еще глубже вдавил нож в горло Брира.

— Боже...

Энтони уже потерял достоинство, самоуважение и — чего он еще не знал — свою жизнь, но сохранил самообладание. Он поднял руку и схватил этот настойчивый нож вместе с державшими его пальцами. Вор уступил ему слишком поздно. Брир действовал быстрее, чем можно было судить по его неуклюжим движениям: он вывернул назад руку своего обидчика и сломал ему запястье.

Ласточек было семнадцать. Он считал, что в свои годы набрался достаточно опыта. Он дважды видел насильственную смерть, он потерял девственность в четырнадцать (с единокровной сестрой), он смотрел жесткое порно с убийствами, он перепробовал все виды стимуляторов, какие попадали в его дрожащие руки. Он полагал, что это серьезная жизнь, школа мудрости. Но сегодня случилось нечто новое. Ничего похожего прежде не бывало. У него свело кишечки от боли.

Брир все еще сжимал бесполезную руку вора.

— Отпусти меня... пожалуйста.

Брир только смотрел на него; пиджак все еще был расстегнут, открывая страшные раны.

— Чего ты хочешь, приятель? Ты делаешь мне больно.

Пиджак Ласточки тоже распахнулся. Внутри, глубоко в кармане, лежало другое оружие.

— Нож? — спросил Брир, глядя на рукоять.

— Нет, приятель.

Брир потрогал Юноша послушно вынул оружие и бросил под ноги Бриру. Это оказался мачете. Лезвие грязное, но очень острое.

— Он твой, приятель. Давай, возьми его. Только руку мою отпусти.

— Подними. Наклонись и подними его,— велел Брир и отпустил сломанную руку.

Юноша сел на корточки и поднял мачете, затем подал его Бриру. Пожиратель Лезвий взял. Эта картина — он стоит над опустившейся на колени жертвой с клинком в руках — что-то напоминала, но Брир не мог точно понять, что именно. Картинку из книжки про жестокости?

— Я могу убить тебя,— заметил он несколько отстраненно.

Ласточка помнил об этом. Он закрыл глаза и стал ждать. Но удара не последовало. Человек просто сказал:

— Спасибо.

И выпшел.

Стоя на коленях около двери, Ласточка начал молиться. Приступ набожности удивил его самого, однако он все равно повторял наизусть молитву, которую читал вместе с сестрой Хосанной — до и после того, как они согрешили.

Он все еще молился, когда десять минут спустя дождь усилился.

65

Бриру потребовалось несколько минут, чтобы обойти Брайт-стрит в поисках желтого дома. Он нашел здание и задержался снаружи, чтобы подготовиться. Она здесь, его спасение. Он хотел, чтобы их соединение было настолько совершенным, несколько он может это сделать.

Парадная дверь была открыта. Дети играли на пороге, оторванные от «классиков» и скакалок начавшимся дождем. Брир прошел мимо них осторожно, стараясь не наступить ненароком хромой ногой на крошечную руку. Одна особенно очаровательная девочка заслужила его улыбку, но не ответила на нее. Пожиратель Лезвий остановился в вестибюле дома и стал вспоминать, где, по словам Европейца, прячется Кэрис. На втором этаже, кажется?

Кэрис услышала, как кто-то движется по лестничной площадке около комнаты. Но эти шаги среди погорячего дерева и шелущающихся обоев звучали на другом берегу, за проливами без мостов, далеко от ее острова. Она была в совершенной безопасности там, где укрылась.

Затем кто-то снаружи постучал в дверь. Тихий деликатный стук. Сначала Кэрис не ответила, но стук повторился, и она сказала:

— Уходите.

Через несколько секунд, после некоторого колебания, ручка двери слегка дернулась.

— Пожалуйста,— сказала она вежливо, как только могла,— уходите. Марти нет дома.

Ручка снова дернулась, на этот раз сильнее. Кэрис услышала, как мягкие пальцы возятся с дверью или это хлюпанье волн на берегу ее острова? Она не могла понять, пора ли испугаться или только озабочиться. Марти принес хороший героин. Не самый лучший, какой она получала только от папы, но и этот вымел прочь все клетки страха.

— Уходите,— обратилась она к неизвестному гостю.— Приходите позже.

— Это я,— попытался сказать Пожиратель Лезвий.

Даже сквозь легкую пелену солнца она узнала этот голос. Как мог Брир шептать у ее двери? Мозг играет с ней в дурные игры.

Она села на кровати; непрошеный гость постучал громче. Внезапно Брир устал от собственной деликатности и толкнул дверь. Один раз, второй. Замок поддался слишком легко, и Пожиратель Лезвий, споткнувшись, ввалился внутрь. Это не игра ума — это он, во всей красе.

— Я нашел тебя,— произнес он, как прекрасный принц.

Осторожно прикрыл за собой дверь и повернулся к ней. Кэрис глядела на Брира, не веря глазам. Его сломанную шею поддерживала самодельная конструкция из деревяшек и бинтов. Он пытался снять одну из своих кожаных перчаток, но та не поддавалась.

— Я пришел, чтобы увидеть тебя,— сказал он срывающимся голосом.

— Да.

Он сдернул перчатку. Раздался мягкий неприятный звук, и Кэрис посмотрела на его руку. Большая часть кожи сошла вместе с перчаткой. Брир протянул девушке кровавый лоскут.

— Ты должна помочь мне,— заявил он.

— Ты один? — спросила Кэрис.

— Да.

Это уже кое-что. Может быть, Европеец даже не знает о том, что Брир здесь. Он пришел пофлиртовать, судя по его жалким попыткам вести себя вежливо. Его ухаживания начались после того первого свидания в сауне. Кэрис не закричала, ее не стошило, и это заслужило его вечную верность.

— Помоги мне,— нудил он.

— Я не могу помочь тебе. Я не знаю как.

— Позволь мне коснуться тебя.

— Ты болен.

Рука его уже тянулась. Он шагнул вперед. Он думает, что Кэрис — икона или талисман? Коснешься раз и исцелишься от всех болезней?

— Милая,— сказал Брир.

Его запах был невыносим, но мозг Кэрис, подавленный наркотиком, бездействовал. Она знала, что нужно уходить, но как? Через дверь или в окно? А может, просто попросить его убраться и прийти завтра?

— Пожалуйста, уходи.

— Только позволь коснуться тебя.

Рука была уже в нескольких дюймах от лица Кэрис. Отвращение охватило ее и победило сонливость, которую наевал остров. Кэрис отбросила руку Брира, испуганная даже столь кратким соприкосновением с его телом. Он казался обиженным.

— Ты пыталась причинить мне боль,— напомнил он,— так много раз. Я никогда не делал тебе больно.

— Но ты хотел.

— Он. Не я. Я хочу, чтобы ты была вместе с моими друзьями, там, где никто тебя не обидит.— Его рука вне-

запно взметнулась и схватила Кэрис за шею.— Ты никогда не уйдешь от меня,— сказал он.

— Мне больно, Энтони.

Он прижал ее к себе и наклонил голову, насколько позволяла шея. На коже у его правого глаза она заметила кое-что новое. Чем ближе он придвигался, тем яснее Кэрис видела жирную белую личинку, что угнездилась и зрела на его лице. Он знает, что стал домом для мух? Или, может быть, он гордится этим? Брир явно собирался поцеловать ее.

«Если он положит язык мне в рот,— подумала Кэрис,— я откусу его. Я не позволю этого сделать. Боже милостивый, лучше умереть».

Он впился губами в ее губы.

— Ты ведешь себя непростительно,— сказал тонкий голос.

Дверь была открыта.

— Отпусти ее.

Пожиратель Лезвий убрал руки от Кэрис и отодвинулся от ее лица. Она выплюнула слону с привкусом его поцелуя и посмотрела вверх.

Мамолиан стоял в дверях. За его спиной виднелись два хорошо одетых молодых человека: у одного золотые волосы, и у обоих улыбки победителей.

— Непростительно,— повторил Европеец и обратил рассеянный взгляд на Кэрис.

— Видишь, что происходит, когда ты сбегаешь из-под моей опеки? — сказал он.— Какие начинаются кошмары?

Она ничего не ответила.

— Ты одна, Кэрис. Твой защитник мертв.

— Марти? Умер?

— У себя дома. Он пошел туда за героином.

Кэрис догадалась об ошибке и чуть-чуть опередила его. Может быть, это даст Марти преимущество? Пусть думают, будто он мертв. Но лить слезы сейчас не стоит, она не трагическая актриса. Лучше притвориться, что она не верит или по крайней мере сомневается.

— Нет,— ответила она.— Я вам не верю.

— Я сам это сделал,— сообщил белокурый Адонис из-за спины Европейца.

— Нет,— настаивала она.

— Да уж поверь,— сказал Европеец.— Он не вернется. Хоть в этом можешь мне довериться.

— Довериться тебе? — пробормотала она. Это почти смешно.

— Разве я не спас тебя от насилия?

— Брир — твое создание.

— Да, и именно поэтому он будет наказан. Теперь, я надеюсь, ты отплатишь мне за мою доброту и своевременное появление. Ты найдешь для меня своего отца. И никаких проволочек, Кэрис. Мы возвращаемся на Калибан-стрит, и ты найдешь его, или, клянусь богом, я выпущу тебе кишки. Я обещаю. Святой Томас отведет тебя к машине.

Рыжеволосый с улыбкой выступил из-за плеча своего белокурого товарища и подал Кэрис руку.

— У меня очень мало времени, девочка,— сказал Мамолиан, и его изменившийся голос подтверждал это.— Так что, пожалуйста, дай мне разобраться с этим гибким делом.

Том вывел Кэрис на лестницу. Когда они ушли, Европеец повернулся к Пожирателю Лезвий.

Брир его не боялся. Он больше никого не боялся. Убогая комната, где они стояли друг против друга, была душной; на щеках и верхней губе Мамолиана выступил пот. А Брир был холоден; он был самым холодным человеком на свете. Ничто не страшило его, и Мамолиан, конечно, это разглядел.

— Закрой дверь,— приказал Европеец белокурому юноше.— И найди что-нибудь, чем его связать.

Брир ухмыльнулся.

— Ты ослушался меня,— сказал Европеец.— Я оставил тебя завершить дело на Калибан-стрит.

— Я хотел ее видеть.

— Она не твоя, чтобы на нее смотреть. Я заключил с тобой сделку, а ты, как и все остальные, нарушил ее условия.

— Маленькая игра,— отозвался Брир.

— Нет маленьких игр, Энтони. Ты был со мной все это время, неужели ты не понял? Важно каждое действие. Особенно игра.

— Меня не волнует то, что ты говоришь. Все слова, только слова.

— Я тебя презираю,— бросил Европеец.

Грязное лицо Брира, обращенное к нему, выразило то ли тревогу, то ли раскаяние. Европеец чувствовал, что сейчас у него есть преимущество, но что-то заставило его насторожиться. В свое время Мамолиану служили и более отвратительные типы. Бедный Константин, например, чьи посмертные аппетиты простирались куда дальше поцелуев. Почему же Брир его беспокоит?

Святой Чад разобрал одежду: вот эти ремень и галстук подойдут Мамолиану.

— Привяжи его к кровати.

Чад едва смог коснуться Брира, хотя тот не сопротивлялся. Он согласился поиграть в наказание; идиотическая ухмылка все еще кривила его лицо. Его кожа под рукой Чада была рыхлой, как будто мышицы под лоснящейся поверхностью обратились в желе и гной. Святой старательно трудился, пока как пленник развлекался разглядыванием мух, кружавших по орбите его головы.

Через пять минут руки и ноги Брира были надежно закреплены. Мамолиан кивнул в знак удовлетворения.

— Отлично. Ты можешь идти к Тому в машину. Я спущусь через несколько секунд.

Чад почтительно удалился, на ходу вытирая руки о новой платок. Брир все еще созерцал мух.

— Я должен тебя покинуть,— сказал Европеец.

— Когда же ты вернешься? — опросил Пожиратель Лезвий.

— Никогда.

Брир улыбнулся.

— Значит, я свободен,— заметил он.

— Ты мертв, Энтони,— ответил Мамолиан.

— Что? — Улыбка Брира стала таять.

— Ты мертв с тех пор, как я нашел тебя висящим под потолком. Может быть, ты предчувствовал мой приход и убил себя, желая сбежать от меня. Но ты был мне нужен. Поэтому я дал тебе немного жизни, чтобы использовать для моих целей.

Улыбка Брира исчезла.

— Вот почему ты не чувствуешь боли — ты ходячий труп. Твое тело изнапивается, поэтому ты так страдал от жары. Но теперь все кончено. Полностью предотвратить гниение было невозможно, но я сделал разложение медленным.

Брир потряс головой. Это чудо искупления?

— Больше ты мне не нужен. Поэтому я отнимаю свой дар...

— Нет!

Он попытался сделать какой-то умоляющий жест, но запястья были крепко связаны и веревки врезались в мышцы, отчего те продавливались и покрывались бороздами, как мягкая глина.

— Скажи мне, как я могу исправить это,— предложил Брир.— Я сделаю что угодно.

— Никак.

— Все, что ты попросишь. Пожалуйста.

— Я попрошу тебя страдать,— отозвался Европеец.

— Зачем?

— За предательство. За то, что ты такой же, как все остальные.

— Нет... просто маленькая игра...

— Тогда и это игра, если она развлечет тебя. Шесть месяцев разложения превратились в несколько часов.

Мамолиан подошел к кровати, положил руку на рыдающий рот Брира и сделал рукой движение, как будто выхватил что-то.

— Все кончено, Энтони,— проговорил он.

Брир почувствовал шевеление в животе — будто некий затрепетавший предмет неожиданно дернулся и вышел.

Он смотрел на уходящего Европейца, откинув голову. Что-то собралось в уголках глаз, но это были не слезы.

— Прости меня,— умолял он.— Пожалуйста, прости меня.

Но Европеец ушел, спокойно прикрыв за собой дверь.

Какой-то шум донесся с подоконника. Брир оторвал взгляд от двери и поглядел туда. Два голубя подрались из-за крошки и разлетелись. Маленькие белые перья падали на подоконник, как снег в разгаре лета.

66

— Вы мистер Галифакс, не так ли?

Человек изучал ящики фруктов в безветренном дворе позади магазина, где вились тучи ос. Он обернулся к Марти и ответил:

— Да. Чем могу служить?

Мистер Галифакс загорел на солнце, и неудачно: его лицо шелушилось и выглядело болезненно. Он раздражителен, нетерпим и, как решил Марти, лишен самообладания. Тактичность — вот девиз дня, если хочешь завоевать доверие такого человека.

— Как идут дела? — спросил Марти.

Галифакс покал плечами.

— Дела поправятся,— ответил он, с неохотой оторвавшись от своего занятия.— Многие из наших постоянных клиентов сейчас в отпуске.— Он уставился на Марти.— Я вас знаю?

— Да. Я заходил к вам несколько раз,— солгал Марти.— За клубникой для мистера Уайтхеда. И сейчас тоже. Обычный заказ.

Галифакс не выразил никаких чувств; он поставил ящик с персиками, который держал в руках, на землю.

— Извините. Я не обслуживаю мистера Уайтхеда.

— Клубника,— подсказал Марти.

— Я слышу! — отозвался Галифакс раздраженно.— Я не знаю никого с таким именем. Вы, должно быть, ошиблись.

— Вы меня помните?

— Нет, не помню. А если вы желаете что-нибудь купить, вас обслужит Тереза.— Он кивнул в сторону магазина.— Я хочу закончить, прежде чем испекусь на солнце.

— Но я хотел клубники.

— Вы можете получить ее сколько угодно,— сказал Галифакс, взмахивая руками.— У нас ее навалом. Спросите Терезу.

Марти чувствовал, что пропасть между ними растет. Торговец не собирался отступить ни на дюйм. Марти попробовал последний намек:

— И у вас нет фруктов для мистера Уайтхеда? Вы всегда держали их наготове для него.

Теперь у Галифакса зародились сомнения.

— Слушайте...— произнес он.— Вы же понимаете...— Он понизил голос, хотя в саду не было никого, кто бы мог подслушивать.— Джо Уайтхед мертв. Вы не читали газет?

Большая оса села на руку Галифакса и стала продираться сквозь волосы. Он позволил ей спокойно ползать.

— Я не всегда верю тому, о чем пишут в газетах,— спокойно сказал Марти.— А вы?

— Не понимаю, о чем вы говорите,— ответил тот.

— О клубнике,— повторил Марти.— Я за этим и пришел.

— Мистер Уайтхед мертв.

— Нет, мистер Галифакс, Джо не умер. Вы и я, мы оба это знаем.

Оса снялась с руки Галифакса и заметалась в воздухе между ними. Марти отмахнулся от нее; она вернулась с громким жужжанием.

— Кто вы? — спросил Галифакс.

— Телохранитель мистера Уайтхеда. Я говорил, что был у вас раньше.

Галифакс снова нагнулся к ящику с персиками. Осы роились около вмятины на одном из плодов.

— Извините, ничем не могу вам помочь,— сказал он.

— Вы уже отдали их, что ли? — Марти доложил руку на плечо Галифакса.— А?

— Я не могу ничего вам рассказать.

— Я друг.

Галифакс оглядел Марти.

— Я поклялся,— добавил он с таким видом, будто все решено.

Марти продумал дальнейший сценарий: Галифакс признается, что что-то знает, но отказывается сообщать детали. Как действовать теперь? Выбить из него показания?

— Джо в большой опасности.

— О да,— пробормотал Галифакс.— Вы думаете, он не осознает этого?

— Я могу помочь ему.

Галифакс покачал головой.

— Мистер Уайтхед долгие годы был моим особенным клиентом. Никто не любит клубнику так, как любил он.

— В настоящем времени,— уточнил Марти.

Галифакс продолжал, хотя его прервали:

— До того, как умерла его жена, он заходил сюда сам. Затем перестал. Но он по-прежнему покупал фрукты. Кто-нибудь другой забирал их для него. А к Рождеству он всегда присыпал чек на подарки детям. Эти чеки приходят до сих. Он все еще посыпает нам деньги.

Оса села на тыльную часть его руки, где подсыхал сладкий сок персика. Галифакс позволил ей попробовать его. Марти понравился этот человек. Если торговец фруктами не захочет выдать информацию добровольно, Марти не станет брать его на испуг.

— Теперь вы приходите ко мне и заявляете, что вы его друг,— продолжал Галифакс.— А откуда я знаю, что вы говорите правду? Бывают друзья, способные перерезать тебе горло.

— Особенно у Джо.

— Правильно. Так много денег и так мало тех, кто может позаботиться о нем.— Галифакс смотрел с тоской.— Мне кажется, я должен сохранить в тайне его бегство. Что

вы об этом думаете? Или есть еще кто-то, кому он может довериться?

— Да, вы правы,— согласился Марти. Галифакс говорил правду, и ему нечего было возразить.— Спасибо,— сказал он, усвоив урок.— Извините, я оторвал вас от работы.

Марти двинулся к магазину. Он сделал несколько шагов, когда Галифакс произнес:

— Вы были одним из них.

Марти повернулся на каблуках:

— Что?

— Вы приходили за клубникой. Я вспомнил вас. Только вы выглядели иначе.

Марти пробежал рукой по многодневной щетине; про бритье в эти дни он забыл.

— Нет, не это,— сказал Галифакс.— Вы были жестче. Вы мне не нравились.

Марти нетерпеливо ждал, пока Галифакс закончит свою речь. Его мозг уже искал другие выходы. Он не сразу понял, что торговец передумал и решил открыться. Тот поманил Марти.

— Вы думаете, что сумеете ему помочь? — спросил он.

— Может быть.

— Я надеюсь, что кто-то сумеет.

— Вы видели его?

— Я расскажу вам. Он позвонил в магазин, позвал меня. Смешно, но я узнал голос сразу же, после стольких-то лет. Он попросил меня принести ему немного клубники. Сказал, что не может прийти сам. Это было ужасно.

— Почему?

— Он был очень напуган.— Галифакс помолчал, подыскивая правильные слова.— Я помню его. Он такой большой, вы понимаете? Внушительный. Приходил в магазин, и все глядели на него. А теперь? Сократился до нуля. Это страх. Я знаю, как это бывает. С моей золовкой так вышло. У нее нашли рак, и страх убил ее за несколько месяцев. Страх, не опухоль.

— Где он?

— Я вернулся домой и не сказал никому не слова. Просто выпил полбутылки виски залпом. Никогда в жизни такого не делал. Я хотел забыть, как он выглядел. От одного его вида меня просто мучило, я не мог слушать его и глядеть на него. Если боятся такие люди, как он, что остается нам, всем остальным?

— Вы в безопасности,— заверил Марти.

Он надеялся, что рука Европейца не достанет продавца клубники. Галифакс был хорошим человеком. Марти смотрел на его круглое красное лицо потрясенно. Он чувствовал добро. Изъяны здесь тоже есть, конечно; пригоршня грехов, быть может. Но добро достойно восхищения, несмотря на любые недостатки. Марти захотелось сделать на ладони татуировку — сегодняшнее чисто, когда он это осознал.

— Там отель,— продолжал Галифакс.— Он назывался «Орфей». Это вверх по Эдгар-роуд, на Степл-корнер. Ужасное, жалкое место. Не удивлюсь, если его скоро снесут.

— Джо там один?

— Да.— Галифакс вздохнул, размышляя о том, как проходит могущество.— Может быть,— предположил он вдруг,— вы отнесете ему немного персиков?

Галифакс пошел в магазин и вернулся с потертым экземпляром «Атласа лондонских улиц». Он листал порыжевшие от времени страницы в поисках нужной карты, и лицо его выражало сожаление по поводу нынешнего поворота событий и надежду, что обстоятельства все-таки изменятся к лучшему.

— Вокруг отеля много запутанных улочек,— объяснил он.— А карта, боюсь, слишком старая.

Марти поглядел на страницу, которую выбрал Галифакс. Дождевая туча — ливень уже вымочил Килбурн и всю окружу к северо-западу — закрыла солнце как раз в тот миг, когда грязный палец Галифакса прочертит маршрут от главной улицы Холборна к отелю «Пандемониум».

XIII

В ОТЕЛЕ «ПАНДЕМОНИУМ»

67

Каждое поколение создает свой образ ада. Территория его изучена до абсурда, почва взрыхлена; все ужасы просмотрены и при необходимости переделаны под существующие в настоящий момент стандарты зверств; архитектура прошла перепланировку, дабы устрашать взор современных проклятых. Прежде Пандемониум — первый город ада — стоял на горе из лавы. Молнии разрывали облака над его вершиной, а на склонах горели сигнальные огни для падших ангелов. Сейчас подобные зрелища отошли к Голливуду. Ад перенесли в другое место. Теперь ни молний, ни огненных пропастей.

На пустыре, в нескольких сотнях ярдов от шоссе, ад обрел новое воплощение — разрушенное, выродившееся, заброшенное. Но там, где воздух стущился от дыма и копоти, мелкие страхи обретают новую жестокость. Небеса каждую ночь похожи на пекло. Как и отель «Орфей» — отныне называемый «Пандемониум».

Когда-то это было впечатляющее здание, и оно могло бы остаться таким, если бы хозяева приложили усилия. Однако перестройка и новая отделка громадного старомодного отеля были, видимо, неоправданы с финансовой точки зрения. Когда-то давно дом пострадал от огня, спа-

лившего первые три этажа. Самые верхние этажи закоптились от дыма, и теперь там с трудом различались признаки былого блеска.

Причуды отдела городского планирования тоже мешали восстановлению отеля. Галифакс упомянула, что территория вокруг здания расчищается для какого-то нового проекта. Однако на деле ничего не происходило. Отель пребывал в величественном одиночестве, опутанный дорогами, ответвляющимися от шоссе М1, в трех сотнях ярдов от одной из самых оживленных и современных магистралей южной Англии. Тысячи водителей ежедневно видели этот дом, однако его дряхлое величие слишком примелькалось, и никто не обращал на него внимания.

«Умно,— подумал Марти,— спрятаться у всех на виду».

Он остановил машину как можно ближе к отелю. Он пролез через дыру в железной ограде отеля и зашагал по пустырю. Надписи на заборе «Не входить» и «Не мусорить» здесь явно никого не смущали. Черные пластиковые пакеты с отходами лежали посреди обломков и старых кострищ. Большинство пакетов разорвали дети или собаки. Разнообразный мусор валялся повсюду; сотни обрывков одежды и тряпья под ногами, гниющие обедки, смятые консервные банки, подушки, абажуры от ламп, автомобильные двигатели усеивали серую от пыли траву.

Несколько собак — бродячих, решил Марти, — отвлеклись от поисков съестного и стали следить за ним. Сквозь грязь на их мордах поблескивали желтые глаза. Марти вспомнил Беллу и ее благородное семейство; здешние шавки как будто принадлежали к другому виду животных. Они почувствовали его внимание и отвернулись, искоса посматривая в сторону пришельца, как бездарные шпионы.

Он подошел к главному подъезду отеля. Надпись «Орфей» все еще ясно читалась над входом; по обе стороны от крыльца возвышались колонны, пародирующие дорический стиль, а фасад был причудливо выложен черепицей. Однако двери были крест-накрест заколочены досками и висело предупреждение о наказании за вторжение. Вряд

ли оно кого-то пугало. Окна второго, третьего и четвертого этажей тоже были заколочены, а окна первого этажа заложены кирпичами. Заднюю дверь не забили, но закрыли изнутри на засов. Наверное, Галифакс входил в отель именно там, но его впускал Уайтхед. А сейчас никак не попасть внутрь, если не ломать замок.

Марти дважды осмотрел здание и только тогда обратил внимание на пожарную лестницу. Она извивалась по восточной стороне здания — сварная металлическая конструкция, полностью покрытая ржавчиной. Какая-то предприимчивая организация по сбору металломора уже взялась за ее расчленение: лестницу начали отделять от стены, но бросили работу на уровне второго этажа. Таким образом, нижний пролет отсутствовал и наполовину оторванный конец торчал футах в десяти над землей. Марти обдумал проблему. Пожарные выходы по большей части были заколочены, хотя одна дверь на четвертом этаже имела явные следы взлома. Может быть, оттуда старик и проник в здание? Ему понадобилась бы помощь. Наверное, попросил Лютера.

Марти осмотрел стену под этим выходом: сплошь разрисованная граффити и гладкая. На несколько футов от земли не было никакой зацепки или опоры. Он повернулся к пустырю, поискав взглядом что-нибудь подходящее и в наступающих сумерках увидел стол среди кучи разбитой мебели. У него осталось лишь три ножки, но и это вполне годилось. Марти подтащил его к стене и подложил мешки с мусором, легко заменившие отломанную ножку. Он взобрался на покачивающийся стол, но все равно не сумел дотянуться до лестницы. Пришлось подпрыгнуть. С четвертой попытки он наконец ухватился за нижний конец лестницы, где и повис на расстоянии вытянутой руки от нижней ступеньки. Мелкие частички ржавчины дождемсыпали его лицо и волосы. Лестница треснула. Марти сорвался с силами и подтянулся, затем резко выбросил левую руку и уцепился за ступеньку. Плечо болело, однако он тянулся вверх до тех пор, пока не смог полностью перенести вес тела на лестницу.

Завершив первый этап, он остановился и перевел дух, а затем начал подъем. Лестница едва держалась; команда утилизаторов, очевидно, хорошо потрудилась надней. При каждом шаге Марти казалось, что скрипящая ржавая же лезка готова развалиться.

— Держись,— шептал он ей и перебирался со ступеньки на ступеньку, стараясь касаться их как можно осторожнее.

Его усилия были вознаграждены на четвертом этаже. Как он и полагал, дверь открывали совсем недавно. С немальным облегчением Марти шагнул от сомнительной безопасности пожарной лестницы внутрь отеля.

Там все еще пахло пожаром, разрушившим здание: горький запах жженого дерева и горелых ковров. В неясном свете, просачивающемся сквозь приоткрытую дверь, Марти увидел под ногами оголенный пол. Стены были опалены, краска на перилах полопалась. Поднявшись чуть выше, он пересек границу огня: тут пожар остановили. На пятом этаже вглубь уходил коридор с комнатами справа и слева. Марти побрел по нему, заглядывая в каждый номер. За дверями открывалась пустота — уцелевшая мебель и предметы обстановки вынесли отсюда много лет назад.

Вероятно, из-за удаленности или трудности проникновения в отеле не обнаружилось следов вандализма или поселения бродяг. В комнатах было неправдоподобно чисто; ворсистые ковры — слишком громоздкие и неудобные, чтобы вытащить их, — пружинили под ногами. Марти провел каждый номер, потом выбрался на лестницу и двинулся на следующий этаж. Здесь он не нашел ничего нового, только номеров (когда-то, по-видимому, весьма дорогих) было меньше, комнаты стали просторнее, а ковры — роскошнее. Переходя из выгоревшей части отеля в это чистое бездыhanное место, он испытывал странное чувство. Люди на нижних коридорах умирали от удушья или сгорали заживо. А здесь нет ни намека на произошедшую трагедию.

Остался последний этаж. Как только Марти преодолел последний пролет, на этаже стало светлеть. Это отблеск

фонарь на шоссе проникал через небрежно забытые окна и освещал помещение. Марти быстро разобрался в лабиринте комнат и остановился, чтобы выглянуть в окно. Далеко внизу он разглядел машину, припаркованную у ограды, собак, устроивших свалку. Во втором номере он вдруг заметил, что кто-то смотрит на него из противоположного конца прихожей, однако через мгновение понял: это дикое лицо принадлежит его собственному отражению в огромном зеркале размером со стену.

Дверь третьего номера на последнем этаже была заперта. Первая запертая дверь, с которой столкнулся Марти. Это явно подтверждало, если подтверждение требовалось, что здесь кто-то живет.

Марти торжествующе забарабанил по двери:

— Эй! Мистер Уайтхед!

Изнутри не донеслось ни звука в ответ. Он постучал сильнее, заодно определяя, насколько крепка дверь. Дверь казалась слишком крепкой, чтобы вышибить ее плечом. Если потребуется, ему придется спуститься к машине за инструментами.

— Это Штраус, мистер Уайтхед. Марти Штраус. Я знаю, что вы здесь. Ответьте мне.

Марти прислушался. Ответа не последовало, и он стукнул по двери в третий раз, теперь уже кулаком. И вдруг прозвучал отклик, неожиданно близко. Старик стоял по ту сторону двери; очевидно, он был один.

— Пошел к черту,— произнес голос. Он был невнятным, но явно принадлежал Уайтхеду.

— Мне нужно поговорить с вами,— сказал Марти.— Позвольте мне войти.

— Как ты, мать твою, нашел меня? — воскликнул Уайтхед.— Ублюдок.

— Я искал вас, вот и все. Если я сумел найти, то любой сможет.

— Нет, если ты будешь держать свой поганый рот закрытым. Тебе нужны деньги, так? Ты ведь из-за денег пришел?

— Нет.

— Ты их получишь. Я дам тебе, сколько пожадишь.

— Мне не нужны деньги.

— Тогда ты просто придурок,— заявил Уайтхед и за-смеялся себе под нос. Бессмысленное хихиканье. Он был пьян.

— Мамолиан ищет вас,— проговорил Марти.— Он знает, что вы живы.

Смех прекратился. .

— Как?

— Кэрис.

— Ты видел ее?

— Да. Она в безопасности.

— Что ж... я недооценил тебя.

Уайтхед замолчал; послышался слабый шорох, словно он прислонился к двери. Потом он заговорил. Голос его звучал опустошенно:

— Так за чем же ты пришел, если не за деньгами? У нее недешевые привычки, ты сам знаешь.

— Нет, спасибо.

— Я уверен, со временем ты тоже поймешь, что это очень удобно. Как понял я. Она наизнанку вывернется ради дозы.

— Какое же вы дермо.

— Тем не менее ты пришел предупредить меня.— Старик мгновенно подметил противоречие; он быстро находил брешь в защите человека.— Бедный Марти...— Невнятный, язвительно-жалостливый голос стал совсем неразборчивым. И вдруг произнес резко и четко: — Как ты нашел меня?

— Клубника.

Изнутри послышался звук, похожий на приглушенный щелчок. Это был смех Уайтхеда, на этот раз над самим собой. Потребовалось время, чтобы он взял себя в руки.

— Клубника,— прошептал он.— Боже мой! Я должен был догадаться. Ты переломал ему руки?

— Нет. Он сам рассказал. Он не хочет видеть, как вы сгорите и умрете.

— Я не собираюсь умирать! — взвился старик.— Это Мамолиан умрет. Вот увидишь. Его время вышло. Мне нужно только ждать. Это место не хуже, чем любое другое. Мне здесь очень хорошо. Если не думать о Кэрис. Я скучаю по ней. Почему ты не послал ее ко мне, Марти? Сейчас это было бы лучше всего.

— Вы никогда больше не увидите ее.

Уайтхед вздохнул.

— О нет,— сказал он.— Она вернется, когда устанет от тебя. Когда ей будет нужен тот, кто оценит по достоинству ее каменное сердце. Увидишь. Ну ладно... спасибо за предупреждение. Спокойной ночи, Марти.

— Подождите.

— Я сказал: спокойной ночи.

— Мне нужно спросить вас...— начал Марти.

— Спросить, спросить...— Голос уже удалялся.

Марти прижался вплотную к двери, чтобы закинуть последнюю приманку.

— Мы выяснили, кто такой Европеец. Что он такое!

Но ответа не последовало. Он упустил внимание Уайтхеда. В любом случае, это бесполезно. Здесь не получить мудрого совета; пьяный старик все еще играет в свои силовые игры. Где-то в глубине номера хлопнула дверь. Связь была прервана.

Марти спустился обратно к пожарному выходу и покинул здание тем же способом, каким вошел в него. После мертвого запаха пожарища даже грязный воздух вблизи магистрали казался свежим и легким.

Он постоял несколько мгновений на лестнице, наблюдая за проносящимися по дороге машинами, полюбовался красотой трассы. Внизу две собаки продолжали грызться. Никому из них, ни водителям, ни собакам, нет дела до падения сильных. Так почему он должен заботиться об этом? Время Уайтхеда, как и отеля, прошло. Марти сделал все возможное, чтобы вытащить старика, но потерпел неудачу. Теперь он и Кэрис могут идти к новой жизни. Пусть Джо делает что хочет. Пусть перережет себе вены в при-

ступе отчаяния или захлебнется собственной блевотиной во сне; Марти это больше не интересует.

Он спустился по пожарной лестнице и соскочил на стол, затем вернулся к машине, оглянувшись лишь раз — не наблюдает ли за ним Уайтхед. Нет нужды говорить, что окна верхнего этажа оставались темными.

68

Когда они добрались до Калибан-стрит, девушка еще находилась под сильным воздействием наркотика. Было сложно проникнуть через ее химически возбужденные чувства. Европеец оставил евангелистов убрать и сжечь все, что не доделал Брир, и отвел Кэрис в комнату наверху. Там он сосредоточился на том, чтобы убедить ее побыстрее отыскать отца. Сначала геройин в ее голове просто улыбался ему. Усталость Мамолиана постепенно перерастала в злость. Затем Кэрис стала смеяться над его угрозами — медленным беспричинным смехом, так похожим на смех пилигрима. Она будто знала о Европейце какую-то непристойность, но не хотела говорить. Тогда его терпение лопнуло, и он напустил на девушку череду бесконечных ужасов; эта грубость вызвала у него самого отвращение не меньшее, чем ее страх. Не веря глазам, она смотрела на волну грязи, которую он в прошлый раз вызвал в ванной. Теперь мерзость изливалась из ее собственного тела.

— Убери это, — велела Кэрис, но он только усилил иллюзию, пока она не начала корчиться от чудовищности происходящего.

Внезапно наркотическая оболочка лопнула. Отблеск безумия сиял в глазах Кэрис; она забилась в угол комнаты, а уродливые создания вылезали из каждого ее отверстия, расталкивая друг друга, цепляясь за нее всевозможными конечностями, созданными его воображением. Девушка была на волосок от потери рассудка, но Мамолиан зашел слишком далеко, чтобы прекратить видение, хотя эта мерзость вызывала отвращение даже у него.

— Найди пилигрима,— сказал он,— и все исчезнет.

— Да, да, да,— отозвалась Кэрис,— все, что ты хочешь.

Он стоял и смотрел, как она выполняет его приказ, погружая себя в то же состояние, в каком она отыскала Тоя. Однако для пилигрима ей потребовалось гораздо больше времени. Европеец уже начал опасаться, что она оборвала все связи с телом и покинула его. Но наконец Кэрис вернулась. Она отыскала Уайтхеда в отеле, всего в получасе езды от Калибан-стрит. Мамолиан не удивился. Лисы не уходят далеко от привычного места обитания; Уайтхед залег в нору.

Чад и Том отнесли скрюченную после путешествия и перенесенного ужаса Кэрис вниз, в ожидающую их машину. Европеец тщательно осмотрел на прощание дом и убедился, что все следы их пребывания исчезли. Девочку в подвале и продукты распада Брира было невозможно убрать за такой короткий срок, но в этом и заключалась прелесть. Пусть те, кто придут сюда, используют по собственному усмотрению фотографии зверств на стене и любовно расположенные бутылочки с духами. Главное, что свидетельства присутствия Европейца отсюда — или отовсюду — полностью удалены. Вскоре он снова станет лишь слухом, сплетней досужих людей.

— Пора,— сказал он и запер дверь.— Потоп следует за нами.

В дороге Кэрис потихоньку начала приходить в себя. Мягкий ветер из окна обдувал ее лицо. Она приоткрыла глаза и взглянула на Европейца. Он не смотрел в ее сторону, уставившись в окно; его аристократический профиль сейчас казался особенно обрюзгшим и утомленным.

Она думала о том, что отец чувствовал приближение финала игры. Он стар, но Мамолиан несравненно старше: был ли возраст в их противостоянии преимуществом или помехой? Возможно — эта мысль впервые пришла ей на ум — они равны? А если игра, в которую они играли, заканчивается без победы и поражения? Типичный исход

двадцатого века — полная неопределенность. Кэрис тяжко не нужно; она хотела завершения.

Как бы все ни повернулось, она знала: у нее мало шансов выжить в надвигающемся Потопе. Только Марти мог сместить перевес на ее сторону, но где он сейчас? Если он вернулся в Килбурн и обнаружил пустую комнату, не подумал ли он, что Кэрис оставила его по собственному желанию? Она не могла предугадать его действий; то, что он прибегнул к шантажу с героином, стало для нее шоком. Оставалось предпринять отчаянный маневр: подумать о нем, добраться до него и сказать, где она и почему. Это рискованно. Улавливать случайные его мысли — это нехитрый трюк, но чтобы проложить путь к его голове и вступить с ним в прямой контакт, разум к разуму, потребуется куда больше душевного напряжения. Даже если она найдет в себе нужные силы, чем обернутся последствия ее вторжения для Марги? Кэрис принялась обдумывать это с нарастающим возбуждением, сознавая, что минуты истекают и скоро будет поздно даже пытаться бежать.

Марти ехал на юг к Криклвуду, когда почувствовал боль в затылке. Она моментально распространилась по всей черепной коробке, за две минуты превратившись в невыносимую мигрень. Инстинкт подсказывал ему сбросить скорость и как можно скорее возвращаться обратно в Килбурн. Но на Финчли-роуд были пробки, и он мог лишь тащиться в общем потоке, пока боль нарастала с каждым ядром пути. Марти все сильнее закручивала спираль боли, а его сознание воспринимало все меньше информации. Внимание сконцентрировалось на точке, куда как будто вонзилась острые игла. Он почти не различал дорогу перед «ситроеном», и столкновение с рефрижератором было преодолено только благодаря ловкости другого водителя. Марти понял, что вести машину в таком состоянии смертельно опасно, поэтому принял осторожно выбираться из потока. Ему сигналили справа и слева; наконец он остановился у обочины и выбрался наружу глотнуть свежего

воздуха. Почти ничего не соображая, он вышел на середину шоссе. Фары встречных машин казались стеной стробоскопических огней. Он почувствовал, как его колени подгибаются, и еле удержался, чтобы не упасть под колеса проносящихся автомобилей, ухватившись за открытую дверцу «ситроена». Шатаясь, он перебрался поближе к относительной безопасности тротуара.

На его ладонь упала одинокая капля дождя. Он всмотрелся в нее, стараясь вернуть четкость зрения. Капля была ярко-красной. «Кровь», — всплыла слабая мысль. Не дождь — кровь. Марти поднес ладонь к лицу. У него обильно шла носом кровь. Теплый поток струился по руке, заливая закатанный рукав рубашки. Порыввшись в кармане, он достал платок и приложил его к носу, затем заковылял к ближайшему магазину. В витрине он поймал свое отражение. Перед глазами у него плавала рыба. Он попытался отогнать видение, но оно не исчезало: яркое экзотическое существо пускало пузыри в его черепной коробке. Он отошел от стекла и взгляделся в нарисованные на нем буквы: «Аквариумные принадлежности Криклвуда». Повернувшись спиной к гуппи и декоративному карпу, Марти сел на узкий выступ. Его била дрожь.

«Это Мамолиан, — пришла в голову единственная мысль. — Если и впущу его в себя, я умру. Я должен бороться. Бороться любой ценой».

Слово вырвалось из губ Кэрис, она не смогла удержать его:

— Марти.

Европеец взглянул в ее сторону. Она бредит? На припухших губах девушки выступила слюна; да, точно. Грезит о совокуплении со Штраусом, без сомнения. Вот почему она произносит его имя так призывающе.

— Марти!

Да, конечно, она бредит о пронзающей стреле и ране, о совокуплении. Посмотрите, как ее трясет. Посмотрите, как ее руки тянутся к паху, — бесстыдное зрелище.

— Далеко еще? — спросил он Томаса, который сверялся с картой.

— Минут пять,— ответил юнец.

— Прекрасная ночь,— заметил Чад.

«Марти?»

Он поднял глаза и прищурился, чтобы лучше разглядеть улицу, но не увидел никого, кто мог бы его позвать.

«Марти?»

Это голос Кэрис, ужасно изменившийся. Когда голос звучал, голова Марти была готова расколоться, а мозг раздувался до размеров дыни. Боль стала нестерпимой.

«Марти?»

Заткнись, хотел он ответить, но ее не было рядом, чтобы услышать. Кроме того, это не она; это он, оно — Европеец. Теперь вместо голоса он слышал чье-то дыхание. Не свое собственное, а чужое. Марти задыхался, а это звучало размеренно и сонно. Улица перед глазами меркла в обволакивающем тумане, голова раскалывалась от жуткой боли. Марти понял: если он не найдет помощи, он умрет.

Он встал, обливаясь кровью. Звон заполнил его уши, заглушая шум транспорта в нескольких ярдах перед ним. Марти качнулся вперед. Кровь из носа хлынула сильнее.

— Кто-нибудь, помогите мне!

Неизвестный голос пробился сквозь хаос в его голове. Слова Марти не различал, но теперь он был не один. Чья-то рука поддержала его за талию, другая взяла его ладонь. В голосе, который слышал Марти, зазвучала паника. Он не знал, ответил ли хоть что-нибудь. Он даже не был уверен, стоит он или уже упал. Какая разница?

Ослепший и оглохший, он ждал, чтобы какая-нибудь добрая душа разрешила ему умереть.

Они притормозили на улице неподалеку от отеля «Орфей». Мамолиан вылез из машины, евангелисты вынесли Кэрис. Он заметил, что он нее пахло: этот тяжелый запах он связал с менструацией. Европеец прошел вперед, шаг-

нул за ограду и ступил на безлюдную землю, окружавшую отель. Пустынность радовала его. Кучи хлама, куски выпотрошенной мебели; в болезненном свете магистральных фонарей это место обладало особой притягательностью. Для последних ритуалов лучше не найти. Пилигрим сделал хороший выбор.

- Здесь? — спросил Святой Чад, подходя к нему.
- Здесь. Ты не отыщешь для нас вход внутрь?
- С удовольствием.
- Только как можно тише.

Молодой человек скользнул по изрытой земле, остановившись только раз, чтобы вытащить из кучи обломков кусок железа.

«Они такие изобретательные, эти американцы,— думал Мамолиан, следя за Чадом.— Неудивительно, что они правят миром. Изобретательные, но не изысканные».

Чад отрывал доски передней двери, нимало не заботясь о внезапности нападения.

«Ты слышишь? — мысленно спросил Мамолиан пилигрима.— Знаешь ли ты, что я здесь, внизу, так близко от тебя?»

Он поднял холодные глаза к верхним окнам отеля. У него сводило живот от предвкушения, пот выступил на лбу и на ладонях. Я как волнующийся любовник, подумал он. Странно, что наш роман завершится вот так — без свидетелей, способных подтвердить заключительный акт. Кто узнает о нем, когда все закончится; кто расскажет? Уж точно не американцы. Они не протянут и нескольких часов, разрушив свой рассудок. И не Кэрис — та просто не выживет. Никто не поведает миру историю, о которой — по неким тайным причинам — Мамолиан сожалел. Не это ли сделало его Европейцем? Он хотел, чтобы рассказ повторили еще раз, передали по наследству следующему жаждому слушателю, чтобы тот со временем позабыл урок и повторил его мучительный путь. Ах, как он любил традиции!

Передняя дверь наконец распахнулась. Святой Чад радостно ухмылялся своему достижению, вспотевший в костюме и галстуке.

— Иди вперед,— велел ему Мамолиан.

Нетерпеливый юноша рванулся через порог, Европеус последовал за ним. Кэрис и Святой Том тащились следом.

Запах внутри стоял мучительный. Ассоциации — одно из проклятий старости. Запах горелого дерева и хруст обломков под ногами вызывал в памяти множество воспоминаний о разных местах, но особенно об одном. Может быть, Джозеф пришел сюда именно потому, что запах дыма и поскрипывание рассохшихся ступеней пробуждали воспоминания о доме на площади Мурановского? В ту ночь способности вора сравнялись со способностями Мамолиана. В молодом человеке с блестящими глазами чувствовалось присутствие какой-то незримой силы, хранившей его. Как дерзкая лиса, не выказывающая никакого трепета, он отважился рискнуть жизнью ради игры. Мамолиан полагал, что пилигрим забыл Варшаву, поднимаясь все выше и выше по ступеням благосостояния. Эти обожженные лестницы доказывали обратное.

Они пробирались в темноте. Святой Чад шел впереди, разведывал дорогу и предупреждал, что впереди нет перил или выбита ступенька. Между четвертым и пятым этажом, где пожар остановился, Мамолиан приказал подождать Кэрис и Тома. Когда те поднялись, он велел подвести к нему девушку. Здесь было светлее. На нежном лице Кэрис Мамолиан заметил выражение потери. Он дотронулся до нее, не испытывая от этого никакого удовольствия, по необходимости.

— Твой отец здесь,— сказал он ей.

Она не ответила; печальное лицо ничуть не изменилось.

— Кэрис... ты слушаешь?

Она моргнула. Мамолиан заключил, что тем самым установил с ней хоть какой-то, пусть самый примитивный, контакт.

— Я хочу, чтобы ты поговорила с отцом. Понимаешь? Я хочу, чтобы ты попросила его открыть мне дверь.

Она слабо покачала головой.

— Кэрис,— с упреком произнес Европеец.— Ты знаешь, что лучше не сопротивляться мне.

— Он умер,— промолвила она.

— Нет,— вяло ответил он.— Он здесь, несколькими этажами выше.

— Я убила его.

Что за бред?

— Кого? — резко спросил Мамолиан.— Убила кого?

— Марти. Он не ответил. Я убила его.

— Тс-с-с...— Холодный палец ткнул ее в щеку.— Так он мертв? Ну мертв так мертв. Больше нечего сказать.

— Это сделала я...

— Нет, Кэрис. Не ты. Так должно было случиться. Не вини себя.

Европеец взял бледное лицо девушки в обе ладони. Когда она была младенцем, он часто вот так качал ее; он гордился ею как отприском пилигрима. Он нянчил силу, которая росла вместе с Кэрис, и чувствовал, что придет время и она понадобится ему.

— Просто попроси его открыть дверь. Скажи ему, что ты здесь, и он выпустит тебя.

— Я не хочу... видеть его.

— Зато я хочу. Ты сделаешь мне великое одолжение. А когда все закончится, тебе будет больше нечего бояться. Я обещаю.

Похоже, она наконец что-то поняла.

— Дверь,— напомнил Мамолиан.

— Да.

Он отпустил ее лицо, и Кэрис отвернулась, чтобы подняться по лестнице.

Уайтхед укрылся в уютной глубине своего номера, где звуки джаза раздавались из портативной аудиосистемы (он лично поднял ее на шестой этаж), и ничего не слышал. У него было все, что ему требовалось. Водка, книги, записи, клубника. Здесь можно пережить конец света и не узнать о нем. Старик взял сюда даже несколько картин: ранний

Матисс из кабинета, «Лежащая обнаженная»*, «Либеречная Сен-Мишель»**, Миро*** и Френсис Бэкон****. С выбором последней картины он ошибся: намеки на освежеванную плоть вызывали болезненное отвращение. Уайтхед повернул полотно лицом к стене. Но Матисс доставлял наслаждение даже при свете свечи. Джо разглядывал картину, совершенно очарованный ее легкостью и непринужденностью, когда раздался стук в дверь.

Он встал. Прошло уже много часов — он потерял счет времени — после прихода Штрауса. Явился ли он снова? Пошатываясь от водки, Уайтхед добрался до двери и остановился, прислушиваясь.

— Папа...

Кэрис. Старик ей не ответил. Ее появление подозрительно — почему она здесь?

— Это я, папа, это я. Ты здесь?

Ее голос звучал нежно, словно она опять стала ребенком. Неужели Штраус понял его буквально и прислал сюда девушку? Или она вернулась по собственному желанию, как Евангелина после их ссор? Да, так оно и есть. Она пришла, потому что больше ничего не могла поделать, как и ее мать. Уайтхед бросился отпирать замок, пальцы его дрожали от нетерпения.

— Папа...

Наконец он совладал с ключом и открыл дверь. Кэрис за ней не было. Никого не было — или так показалось вначале. Однако стоило ему отступить в номер, как дверь широко распахнулась и на Уайтхеда набросился какой-то парень. Юнец вцепился ему в горло, в пах и мгновенно пригвоздил к стене, как бабочку булавкой. Старик выронил бутылку водки и вскинул руки, пытаясь опознать нападав-

* Картина А. Модильяни.

** Картина Ч. Хессема (1859–1943), американского художника-импрессиониста.

*** Хуан Миро (1893–1983) — испанский художник-сюрреалист.

**** Френсис Бэкон (1909–1992) — английский художник-экспрессионист.

шего. Когда первоначальное ошеломление прошло, он глянул через плечо юноши, и его мутные глаза остановились на том, кто вошел вслед за парнем.

Тихо и совершенно неожиданно Уайтхед заплакал.

Они оставили Кэрис в гардеробной рядом со спальней в номере старика. В комнатке не было ничего, кроме набитого одеждой шкафа и кучи занавесок, которые когда-то сорвали с окон, а потом забыли. Кэрис соорудила себе гнездо из пыльных тряпок и легла. Единственная мысль крутилась в ее голове: «Я убила его». Она чувствовала, как отец сопротивляется ее вторжению, чувствовала, как растет его напряжение. А затем все исчезло.

Из окон номера, занимавшего почти четверть верхнего этажа, открывались два разных вида. Один — на шоссе с яркой чередой огней. Другой, с восточной стороны отеля, был более мрачен. Окна маленькой гардеробной выходили именно туда — на длинный пустырь, забор и город позади него. Но Кэрис лежала на полу и ничего этого не могла разглядеть. Она видела лишь кусочек неба с мерцающими огоньками самолета.

Она наблюдала за их движением и мысленно звала Марти.

«Марти».

Его уже поднимали в машину «скорой». Его мутило от всей этой чехарды, в которую он попал. Он не хотел возвращения сознания, потому что вместе с ним появлялась тошнота. Однако в ушах у него больше не звенело и взгляд стал вполне осмысленным.

— Что случилось? Драка? — спросил чей-то голос.

— Он упал, — сказал свидетель. — Я видел. Просто свалился посреди тротуара. Я как раз выходил из магазина, когда...

«Марти».

— Он стоял там...

«Марти».

Его имя прозвучало в голове ясно, как колокол весенним утром. Из носа опять пошла кровь, но боли на этот раз не было. Он поднял ладонь к лицу, чтобы остановить поток, но чья-то рука уже вытирала его и останавливалася кровотечение.

— Все будет в порядке,— произнес мужской голос.

Марти почувствовал, что это истинная правда, хотя медицинская помощь тут ни при чем. Боль ушла, и вместе с ней исчез страх. Это Кэрис говорила в его голове. С самого начала было так. Теперь какая-то стена в нем пробита — возможно, слишком грубо и больно, но худшее уже позади,— и теперь Кэрис произносит его имя, а он ловит ее мысли, как теннисные мячики. Его предыдущие сомнения казались наивными. Это очень простое дело — ловить мысли, если имеешь сноровку.

Кэрис почувствовала, что он очнулся для нее.

Несколько секунд она лежала на ложе из занавесок, пока самолет двигался по небу в окне, и не отваживалась поверить в то, что ей подсказывали чувства: что он слышит ее, что он жив.

«Марти?» — мысленно повторила она.

На этот раз слово не затерялось в темноте между их сознаниями, а безошибочно отыскало путь туда, где его радостно принял мозг Марти. Он пока не мог ответить ей, но он научится. Если Марти может слышать и понимать ее, он придет.

Отель, думала она. Ты понимаешь, Марти? Я с Европейцем в отеле. Она попыталась вспомнить название, вскользь прочитанное над входом. «Орфей», да. Она не знала адреса, но постаралась как можно лучше представить вид здания в надежде, что он поймет ее образные указания.

Марти, уже внутри «скорой помощи», поднялся и сел.

— Не беспокойтесь. О вашей машине позаботятся,— проговорил санитар, положив руку ему на плечо и побуждая лечь обратно.

Его накрыли алой простыней. Настолько алой, что кровь на ней не видна, отметил Марти и отбросил ее.

— Вам нельзя вставать,— сказал санитар.— Вам слишком плохо.

— Я прекрасно себя чувствую,— возразил Марти, отталкивая заботливую руку.— Вы мне помогли. Но у меня очень важное дело.

Водитель уже закрывал двойные задние двери «скорой». Через сужающуюся щель Марти видел кольцо профессиональных зевак, спешивших не пропустить последние минуты зрелища. Он выскочил наружу.

Наблюдатели были изумлены, когда Лазарь воскрес и, более того, с улыбкой безумца появился из машины, извиняясь за причиненные неудобства. Вменяем ли этот человек?

— Со мной все в порядке,— заверил он водителя, прошибаясь сквозь толпу.— Наверное, съел что-нибудь.

Шофер непонимающе таращился на Марти.

— Вы же весь в крови,— едва выговорил он.

— Никогда не чувствовал себя лучше! — ответил Марти, и в некотором смысле, несмотря на ломоту во всем теле, не соглашался.

Кэрис здесь, в его голове, и еще есть время все исправить, если успешишь.

«Ситроен» стоял на дороге в нескольких ярдах от Марти, тротуар вокруг был закапан кровью. Ключи все еще торчали в зажигании.

— Только дождись меня, детка,— прошептал он и развернулся обратно к отелю «Пандемониум».

69

Уже не в первый раз Шэрон выставляли из дома, когда ее мать развлекала мужчину, которого девочка не видела раньше и никогда не увидит потом; но сегодня это изгнание было особенно некстати. Она чувствовала, как летнее тепло уходит, и ей хотелось сидеть перед телевизором, а

не болтаться по улице в потемках, пытаясь придумать для себя новую игру. Она попробовала в одиночку покрыгать в «классики», потом бросила это дело на пятом квадрате, побрела по улице и остановилась как раз напротив дома номер восемьдесят два. Мать велела ей держаться от него подальше. На первом этаже обитала азиатская семья. Они жили в грязи и нищете, спали по двенадцать человек в одной постели, как миссис Леннокс рассказывала матери Шэрона. Но вопреки своей репутации номер восемьдесят два разочаровывал ее на протяжении всего лета — до сегодняшнего дня. Сегодня Шэрон видела, как в дом входят люди. Они приехали на большой машине и забрали с собой женщину, на вид больную. И теперь скучающая Шэрон заметила фигуру в окне на одном из этажей — большую серую фигуру, которая манила ее к себе.

Шэрон было десять лет. До ее первых месячных оставался еще год; двоюродная сестра рассказала ей об отношениях между мужчинами и женщинами, но она сочла это нелепой выдумкой. Мальчишки, игравшие в футбол на улице, были мерзкими и грубыми существами. Шэрон с трудом представляла себе, как можно желать их любви.

Но притягивающая взор фигура наверху была мужской, и это нашло некий отклик в Шэрон. Словно камень сдвинулся, а под ним были первые трепещущие ростки, еще не совсем готовые для солнца. Они извивались, они заставляли дрожать ее тонкие ножки. Чтобы остановить эту дрожь, Шэрон забыла все предупреждения и запреты насчет дома номер восемьдесят два. Она проскользнула внутрь, благо дверь была не заперта, и поднялась туда, где был незнакомец.

— Здрасьте,— проговорила она, остановившись у входа в комнату.

— Ты можешь войти,— сказал человек.

Шэрон прежде не знала, чем пахнет смерть, но она инстинктивно почувствовала ее — официальные представления излишни. Она остановилась в дверном проеме и уставилась на человека. Она еще могла убежать, если бы хо-

тела, и понимала это. Однако она чувствовала себя вне опасности, поскольку незнакомец оказался привязанным к кровати. Шэрон разглядела это, хотя в комнате было темно. Ее пытливый ум не видел тут ничего странного; взрослые подчас играют в игры, как и дети.

— Включи свет,— предложил человек.

Она дотянулась до выключателя у двери и повернула его. Слабая лампочка осветила пленника, и в ее странном свете он казался таким больным, каких Шэрон никогда не видела. Очевидно, он подтащил кровать к окну через всю комнату, отчего веревка, которой он был связан, врезалась в его серую кожу так, что маслянистые коричневые потеки — не очень похожие на кровь — покрыли его руки и штаны, скапливаясь на полу у ног. Черные пятна на блестящем лице делали незнакомца пегим.

— Привет,— произнес он.

Его голос был искажен, словно звучал из дешевого радиоприемника. Этот зловещий тон позабавил Шэрон.

— Привет,— отозвалась она.

Он широко улыбнулся девочке, и лампочка осветила его влажные глаза, так глубоко запрятанные в глазницы, что она едва могла их разглядеть. Но когда они двигались, как сейчас, кожа вокруг них подрагивала.

— Извини, что я отвлек тебя от игр,— сказал он.

Шэрон помялась в дверях, не понимая, уходить ей или остаться.

— Мне вообще-то нельзя быть здесь,— пробормотала она.

— О,— воскликнул он, закатывая глаза так, что показались белки,— пожалуйста, не уходи.

Ей показалось, что он выглядит смешно в своей мокрой куртке с закатанными глазами.

— Если Мэрилин узнает, что я зашла сюда...

— Твоя сестра, да?

— Моя мать. Она побьет меня.

Человек как будто очень расстроился.

— Это она зря,— сказал он.

- Но она обязательно так сделает.
- Это стыдно,— мрачно заявил он.
- Но она не узнает,— успокоила его Шэрон. Разговоры о наказании огорчили человека сильнее, чем она ожидала.— Никто не знает, что я здесь.
- Хорошо,— сказал он.— Я бы не хотел, чтобы из-за меня у тебя были неприятности.
- Почему ты привязан? — поинтересовалась девочка.— Это игра?

- Да. Именно так. Скажи, а как тебя зовут?
- Шэрон.
- Ты абсолютно права, Шэрон, это игра. Только я больше не хочу играть. Мне уже больно. Ты видишь.

Он поднял руки повыше, чтобы показать ей, как ему больно. Несколько мух, согнанных со своих мест, закружились вокруг его головы.

- Ты умеешь развязывать узлы? — спросил он.
- Не очень.
- Может быть, попробуешь? Для меня?
- Наверное,— ответила она.

— Только я очень устал. Входи, Шэрон. Закрой дверь. Она сделала, как ей велели. Здесь нет угрозы. Есть загадка (или, возможно, две: человек и смерть), и ей хотелось узнать побольше. Кроме всего прочего, человек был болен, и он не причинит ей вреда в таком состоянии. Чем ближе она подходила к нему, тем хуже он выглядел. Кожа блестела, а на лице простирали пятна, похожие на капли черного масла. За крепким запахом его одеколона чувствовалось что-то более горькое. Шэрон не хотелось дотрагиваться до незнакомца, как бы она его ни жалела.

— Пожалуйста...— просил он, протягивая связанные руки.

Вокруг раздраженно жужжали мухи. Их было много, очень много, и их привлекал он — его глаза, его уши.

— Нужно привести доктора,— сказала она.— Вам плохо.

— Нет времени,— настаивал он.— Просто развязки меня, тогда я сам найду доктора и никто не узнает, что ты приходила сюда.

Она нашла это логичным и кивнула, потом приблизилась к человеку сквозь облако мух, чтобы развязать его. Ее пальцы с обгрызенными ногтями были не слишком сильными, но она старательно занялась узлами; безупречная линия ее бровей очаровательно изогнулась, пока она трудилась. Ее стараниям мешали потоки желтоватой жидкости, сочащиеся из его раненого тела,— они все склеивали. Иногда Шэрон поднимала на незнакомца свои газельные глаза.

Интересно, думал он, видит ли девочка разложение, предстающее прямо перед ее глазами? Если и видит, то она слишком поглощена борьбой с узлами, чтобы бросить их и уйти, или же хочет освободить его, потому что знает о силе, которую это ей дает.

Только один раз она выказала тень отвращения, когда что-то сломалось в его груди, часть какого-то внутреннего механизма скользнула в озеро легких. Он кашлянул и выдохнул отвратительный смрад, похожий на запах первоцвета. Шэрон отвернулась и скорчила гримасу. Он вежливо извинился, и она попросила его больше так не делать, а затем вернулась к своему занятию. Он терпеливо ждал, поскольку любая попытка поторопить ее только помешала бы ее работе. Наконец она нашла ключ к загадке, и путы стали ослабевать. Плоть, по консистенции приближившаяся к размякшему мылу, отвалилась от костей запястий, и Брир освободил руки.

— Спасибо,— поблагодарил он.— Спасибо. Ты очень добра.

Он принялся развязывать веревки на ногах; дыхание или то, что заменяло его, издавало сухой шорох в груди.

— Теперь я пойду,— сказала она.

— Нет еще, Шэрон,— возразил он; речь для него теперь стала тяжелой работой.— Пожалуйста, подожди.

— Но мне надо домой.

Пожиратель Лезвий взглянул на ее молочно-белое лицо: она выглядела такой хрупкой в этом слабом свете. Девочка вышла из пределов его досягаемости, как только умы были развязаны, словно ее первоначальная тревога вернулась. Он попытался улыбнуться, чтобы успокоить ее, но лицо ему не подчинялось. Жир и лицевые мышцы шевелились, но губы не слушались. Он помнил, что слова никогда не давались ему. Вскоре останутся лишь знаки. Он уходил в более чистый мир — мир символов и ритуалов. Мир, откуда родом истинные пожиратели лезвий.

Его ноги были свободны. Хватило пары мгновений, чтобы пересечь комнату и оказаться рядом с Шэрон. Даже если она повернется и побежит, он поймает ее. Нет никого, кто мог бы увидеть или услышать, а даже если есть — чем они навредят ему? Он уже мертв.

Брир подошел к Шэрон. Маленькое живое существо стояло в его тени и не делало ни малейших попыток бежать. Может быть, она прикинула свои шансы и поняла, что бежать бессмысленно? Нет, она просто доверяла ему.

Он поднял грязную руку, чтобы погладить ее по голове. Девочка зажмурилась и задержала дыхание, но не сделала ни малейшей попытки уклониться от прикосновения. Его пальцы страстно желали дотронуться до нее. Она так совершенна; каким благословением было бы получить ее частицу, словно в подтверждение любви перед вратами рая.

Но было достаточно и ее вида. Он заберет его с собой и сочтет себя удовлетворенным; лишь эта мрачная сладость останется ему на память, как монеты на глазах, чтобы заплатить за вход в царство мертвых.

— До свидания, — сказал он и пошел к двери своей тяжелой походкой.

Шэрон побежала и открыла дверь, затем пропустила его вперед. Где-то в соседней квартире плакал маленький ребенок: жалобно хныкал, будто знал, что никто не придет к нему. На верхней ступеньке лестницы Брир еще раз поблагодарил Шэрон, и они расстались. Он смотрел ей в спину, пока она бежала домой.

Сам он пока не был уверен — по крайней мере сознательно,— куда собирается идти и зачем. Но уже на тротуаре ноги повели его туда, где он никогда не бывал прежде; и он не заблудился, хотя вскоре очутился на незнакомой территории. Кто-то звал его. И его самого, и его нож, и его грязное серое лицо. Он шел быстро, насколько позволяла его комплекция, как человек, призванный своей судьбой.

70

Уайтхед не боялся умереть; он лишь боялся понять, умирая, что не прожил достаточно. Именно это встревожило его при виде Мамолиана в прихожей пентхауза и продолжало мучить, когда они уселись в кресла у окна, откуда доносился шум моторов с автострады.

— Не надо больше убегать, Джо,— сказал Мамолиан.

Уайтхед промолчал. Он взял из угла комнаты большую вазу первосортной клубники Галифакса, затем вернулся в кресло. Привычно перебрав пальцами ягоды, он выбрал самую аппетитную и осторожно надкусил ее.

Европеец наблюдал за ним, не выдавая своих мыслей. Погоня успешно завершилась, и теперь, как он полагал, они могли бы немного поболтать о старых временах. Но он не знал, с чего начать.

— Скажи мне,— проговорил Уайтхед и впился зубами в самую сердцевину ягоды,— ты принес с собой колоду?

Мамолиан удивленно взглянул на него.

— Я имею в виду карты,— пояснил Уайтхед.

— Конечно,— ответил Европеец.— Я всегда ношу их с собой.

— А эти милые ребята играют? — Джо кивнул в сторону Чада и Тома, стоявших у окна.

— Мы пришли ради Потопа,— сообщил Чад.

Бровь старика приподнялась.

— Что ты им наговорил? — спросил он Европейца.

— Это их собственная воля,— сказал Мамолиан.

— Мир подходит к концу,— проговорил Чад. Онтиа
тельно укладывал свои волосы и вглядывался в окно на до-
рогу, стоя спиной к обоим старикам.— Вы не знали?

— Неужели? — отозвался Уайтхед.

— Грешники утонут.

Старик поставил вазу с клубникой.

— А кто будет судить? — поинтересовался он.

Чад оставил в покое прическу.

— Бог на небесах,— ответил он.

— А не сыграть ли нам на это? — предложил Уайтхед.

Чад повернулся и задумчиво взглянул на вошедшего, но вопрос был не к нему, а к Европейцу.

— Нет,— ответил Мамолиан.

— Ради старых времен,— настаивал Уайтхед.— Всего лишь игра.

— Твоя страсть к игре могла бы увлечь меня, пили-
грим, не будь она явной попыткой отсрочки.

— Так ты не будешь играть?

Глаза Мамолиана блеснули. Он почти улыбался, когда
сказал:

— Конечно, я буду играть.

— Там за дверью, в спальне, стоит стол. Не хочешь по-
слать одного из твоих дружков принести его?

— Это не мои дружки.

— Слишком стар для этого, а?

— Они богобоязненные люди. Чего нельзя сказать о
тебе.

— Ну это всегда было моей проблемой,— согласился
Уайтхед, с ухмылкой принимая эту колкость.

Все как в старые добрые времена; тогда они обменива-
лись насмешками, ядовитыми остротами и познаниями,
делили каждый миг жизни, а их слова прикрывали глуби-
ну чувств, которой позавидуют поэты.

— Не принесешь ли нам стол? — попросил Мамоли-
ан Чада.

Тот не шевельнулся. Его уже заинтересовала борьба же-
ланий, разгоравшаяся между этими людьми. Значения про-

исходящего он не понимал, однако в комнате безошибочно угадывалось напряжение. Что-то грозное появилось на горизонте. Может быть, волна, а может быть, нет.

— Сходи ты,— велел он Тому, потому что ни на мгновение не мог отрывать глаз от противников.

Том, радуясь любой возможности отвлечься от сомнений, подчинился.

Чад ослабил галстук; для него это было то же, что раздеться догола. Он улыбнулся Мамолиану совершенной улыбкой.

— Вы ведь собираетесь убить его, да? — спросил он.

— А ты как думаешь? — откликнулся Европеец.

— Что он такое? Антихрист?

Уайтхед хмыкнул от удовольствия, доставленного ему абсурдностью этой мысли.

— Ты говорил... — проворчал он Европейцу.

— Так кто же он? — торопил Чад. — Скажите мне. Я смогу принять правду.

— Я еще хуже, мальчик, — сказал Уайтхед.

— Хуже?

— Хочешь клубники? — Уайтхед поднял вазу и протянул ему.

Чад бросил взгляд на Мамолиана.

— Она не отправлена, — заверил Европеец.

— Свежая. Возьми. Выйди за дверь и оставь нас с миrom.

Вернулся Том с маленьким столиком. Он поставил его в центре комнаты.

— Если загляните в ванную, — сказал Уайтхед, — то найдете там много разной выпивки. В основном водки. И немного коньяка тоже, я думаю.

— Мы не пьем, — отказался Том.

— Сделайте исключение, — настаивал Уайтхед.

— Почему бы нет? — промолвил Чад, чьи губы были перепачканы в клубнике, а по подбородку стекал сок. — Это же конец света, верно?

— Верно,— кивнул Уайтхед.— Так что можете пить, есть и забавляться друг с другом.

Том уставился на Уайтхеда, а тот вернулся ему насмешливый-покаянный взгляд и спросил:

— Прошу прощения, неужели вам не позволяют даже мастурбировать?

Том издал звук отвращения и вышел из комнаты.

— Твой напарник что-то приуныл,— обратился Уайтхед к Чаду.— Давай, бери оставшуюся клубнику. Соблазни его.

Чад так и не понял, насмехаются над ним или нет, но взял вазу и пошел за Томом.

— Ты скоро умрешь,— сказал он Уайтхеду и закрыл за собой дверь.

Мамолиан разложил на столе карты. Это не были порнографические карты — их он сжег на Калибан-стрит вместе с несколькими книгами. Карты на столе были на много веков старше. Масти были нарисованы от руки, рисунки фигурных карт выполнены грубо.

— Это правда? — спросил Уайтхед о последних словах Чада.

— Что?

— Насчет смерти.

— Прошу тебя, пилигрим...

— Джозеф. Называй меня Джозефом, как всегда.

— Разделим это на двоих.

— Я хочу жить.

— Конечно, хочешь.

— То, что произошло между нами... Ведь это не повредило тебе, нет?

Мамолиан протянул карты Уайтхеду, чтобы тот перетасовал их, но тот не взял колоду. Тогда Европеец сам перемешал карты здоровой рукой.

— Ну так что?

— Нет,— ответил Европеец.— По правде сказать, нет, не повредило.

— Тогда в чем дело? Зачем вредить мне?

— Ты не понимаешь моих мотивов. Я пришел сюда не для мести.

— А зачем?

Мамолиан начал сдавать карты для игры в «блэк-джек».

— Чтобы завершить нашу сделку. Тебе так сложно это уяснить?

— Я не заключал сделок.

— Ты мошенничал, Джозеф, почти всю свою жизнь. Ты вышвырнул меня прочь, когда перестал нуждаться во мне, и оставил меня подыхать. Я прощаю тебе все. Это в прошлом. Но смерть, Джозеф... — Он закончил раздачу. — ...ждет в будущем. В близком будущем. И я отправлюсь туда не один.

— Я принес тебе извинения. Если ты хочешь, чтобы я покаялся, скажи как.

— Нет.

— Тебе нужны мои яйца? Мои глаза? Возьми их!

— Играй, пилигрим.

Уайтхед встал.

— Я не хочу играть!

— Но ты сам просил.

Уайтхед взглянул на карты, разложенные на столе.

— Вот так ты меня и заполучил, — тихо сказал он. — Этой гребаной игрой.

— Сядь, пилигрим.

— Заставил меня испытать муки проклятых.

— Разве? — В голосе Мамолиана послышалось сочувствие. — Ты правда мучился? Если так, мне действительно очень жаль. Смыл искушения в том, что некоторые вещи имеют свою цену.

— Ты дьявол?

— Ты же знаешь, что нет. — Мамолиан поморщился. — Каждый человек — сам себе Мефистофель, тебе не кажется? Если бы не появился я, ты заключил бы сделку с какой-то другой силой. И получил бы свое состояние, своих женщин и свою клубнику. И все муки, которые я заставил тебя испытать.

Уайтхед слушал, как мягкий голос Европеца иронизировал над ним. Конечно же, он не страдал — он прожил жизнь, полную удовольствий. Мамолиан прочитал эти мысли на его лице.

— Если бы я действительно хотел, чтобы ты мучился, — раздельно проговорил он, — я бы устроил себе это сомнительное удовольствие много лет назад. И ты знаешь об этом.

Уайтхед кивнул. Европеец поставил свечу рядом с картами, и она дрогнула.

— Я хочу от тебя чего-то гораздо более прочного, чем страдание, — сказал Мамолиан. — Теперь давай играть. У меня зудят пальцы.

71

Марти вышел из машины и постоял несколько секунд, глядя на угрожающую громаду «Пандемониума». Свет, почти неразличимый во тьме, мерцал в одном из окон верхнего этажа. Второй раз за сегодняшний день Марти направлялся в отель через пустырь; его била дрожь. Кэрис не вступала с ним в контакт с того момента, как он сел в машину и поехал сюда. Сам он не обращался к ней с вопросами: для молчания могло быть слишком много причин, и ни одной приятной.

Он приблизился к главному входу в отель и заметил, что дверь взломана. Что ж, теперь хотя бы не надо карабкаться по пожарной лестнице. Марти перешагнул через брошенные доски, вошел в вестибюль и остановился, давая глазам привыкнуть к темноте, прежде чем начать осторожный подъем по обгоревшей лестнице. Во мраке каждый шаг или шорох казался выстрелом посреди мертвой тишины. Он поднимался вверх, стараясь ничем не выдать себя, но лестница хранила слишком много сюрпризов. Марти не сомневался, что Европеец слышит его и готовится вдохнуть в него убийственную пустоту.

Когда он добрался до того места, где сошел с пожарной лестницы, ориентироваться стало гораздо легче. И только

ступив на покрытый коврами пол, он осознал, что не имеет никакого, пусть самого примитивного, оружия или плана для вызволения Кэрис. Оставалось надеяться лишь на то, что девушка теперь далеко не главный пункт в повестке дня Европейца и ее могут упустить из вида на несколько жизненно важных мгновений. Добравшись до последнего этажа, Марти увидел себя в одном из зеркал на стене коридора: худой, небритый, на лице следы крови, на рубашке тоже кровяные потеки. Он походил на сумасшедшего. Отражение так точно передавало его ощущение себя — отчаянное, варварское,— что это придало ему смелости. Марти и его отражение были согласны: он обезумел.

Лишь второй раз за всю их долгую связь они сидели напротив друг друга и играли в «блэк-джек». Партия была вполне обычной; теперь силы их стали равны, в отличие от прошлого раза сорок лет назад, на площади Мурановского. А за игрой они разговаривали, и беседа вышла вполне мирная: о Евангелине, о недавнем падении рынка, об Америке и даже о Варшаве.

— Ты возвращался туда когда-нибудь? — спросил Уайтхед.

Европеец кивнул.

— Это ужас, что они наделали.

— Немцы?

— Городские архитекторы.

Игра продолжалась. Карты перемешивались и раздавались, перемешивались и раздавались... Пламя свечи дрожало на легком сквозняке, рождавшемся от их движений. Вezlo сначала одному, потом другому. Разговор угасал и вновь начинался — незначительный, почти банальный. И в эти последние минуты вместе, когда нужно сказать друг другу так много, они не говорили ничего важного, как будто боялись открыть ворота потоку чувств. Только однажды болтовня выдала свою истинную суть, и за считанные секунды простая реплика выросла до метафизики.

— Мне кажется, ты жульничашь,— небрежно засмеялся Европеец.

— Ты бы знал, если бы это было так. Все трюки, которые я использую, твои.

— О, ну брось.

— Правда. Все, что я узнал о мошенничестве, я узнал от тебя.

Европеец казался почти полъщенным.

— Даже сейчас,— сказал Уайтхед.

— Что даже сейчас?

— Ты опять жульничашь, правда? Ты не можешь быть живым, учитывая твой возраст.

— Это верно.

— Ты выглядишь так же, как тогда в Варшаве; ведь ты не станешь спорить. Сколько тебе лет? Сто? Сто пятьдесят?

— Больше.

— И что это принесло тебе? Ты напуган еще сильнее, чем я. Ты хочешь, чтобы кто-то держал тебя за руку, когда ты будешь умирать, и ты выбрал меня.

— Вместе мы бы никогда не умерли.

— Да?

— Мы могли бы основать миры.

— Сомневаюсь.

Мамолиан вздохнул.

— Значит, это лишь твой аппетит? С самого начала?

— В основном.

— Тебя никогда не интересовал смысл?

— Смысл? Ни в чем нет смысла. Ты сам мне сказал, это твой первый урок: все в мире случайно.

Европеец бросил на стол проигрышные карты.

— Да...— отозвался он.

— Еще партию? — предложил Уайтхед.

— Только одну. А потом нам действительно пора идти.

Наверху лестницы Марти остановился. Дверь Уайтхеда была слегка приоткрыта. Марти не имел представления о расположении комнат за дверью; два номера, которые

он изучил, совершенно не походили друг на друга и не помогли ему понять планировку апартаментов старика. Он вновь припомнил свой недавний разговор с Уайтхедом. Ему показалось, что старик прошел значительное расстояние до второй двери внутри, прежде чем закрыл ее, положив конец беседе. Значит, там длинный коридор, а в нем, возможно, есть укромные места.

Гадать было ни к чему; перебирая свои сомнения, Марти лишь усиливал нервное возбуждение. Он должен действовать.

Перед самым порогом он опять остановился. Изнутри доносилось бормотание двух голосов, однако оно было приглушенным, словно собеседники находились за закрытыми дверьми. Марти прикоснулся кончиками пальцев к двери номера и мягко толкнул ее. Она отворилась немного шире, и он заглянул внутрь. Как и предполагалось, там оказался пустой коридор, куда выходили четыре комнаты. Три двери были закрыты, одна — слегка приоткрыта. Из закрытой комнаты и доносились голоса. Он сосредоточился, пытаясь понять смысл разговора, но сумел расслышать только отдельные слова. Однако собеседников он узнал: Уайтхед и Мамолиан. Тон беседы тоже был понятен — цивилизованный разговор двух джентльменов.

В который раз Марти пожалел, что не в силах найти Кэрис так, как она находила его с помощью одного лишь собственного сознания, и обсудить наилучшие варианты побега. Будь так, все решало бы — как и всегда — везение.

Крадучись, он прошел по коридору к первой закрытой двери и осторожно приотворил ее. Дверной замок издал негромкий щелчок, но голоса в дальней комнате продолжали бормотать, не подозревая о его присутствии. Комната, куда он заглянул, оказалась гардеробной. Он закрыл дверь и продвинулся еще на несколько ярдов по ковру в коридоре. Из открытой двери до него донесся шум движения, затем звяканье стаканов. Тень от свечи плясала на стене. Марти стоял абсолютно неподвижно, не собираясь отсту-

пать ни на шаг; он зашел уже слишком далеко. Из приятной комнаты доносились голоса.

— Черт побери, Чад! — говорил кто-то, почти готовый заплакать. — Какого хера мы здесь делаем? Я не понимаю.

Эти слова вызвали смех.

— Тебе и не нужно понимать. Мы здесь для божьей работы, Томми. Выпей.

— Должно случиться что-то ужасное, — сказал Том.

— Ясно, как дермо, — ответил Чад. — А почему, ты думаешь, мы здесь? Ну, пей.

Марти быстро узнал эту пару. Они здесь для божьей работы, включая убийство. Он видел, как они покупали мороженое в свете полуденного солнца, а их окровавленные ножи были аккуратно спрятаны. Однако страх пересилил желание немедленно отомстить. Иначе у него будет мало шансов выбраться отсюда живым.

Оставалось исследовать последнюю дверь — прямо напротив комнаты, где расположились молодые американцы. Чтобы проверить ее, нужно пройти перед открытой дверью. Ленивый голос раздался снова:

— У тебя такой вид, словно тебя сейчас вырвет.

— Почему ты не оставишь меня в покое? — ответил другой, и Марти показалось — или ему просто хотелось так думать? — что он уходит. Затем раздался совершенно очевидный звук: человека рвало.

Марти затаил дыхание. Придет ли другой юноша на помощь приятелю? О, если бы так.

— Что с тобой, Томми? — Голос удалялся, словно говорящий двигался.

Да, он отошел от двери. Не дыша, Марти мягко отделился от стены, открыл последнюю дверь и закрыл ее за собой.

Комната, куда он вошел, оказалась небольшой, но очень темной. При слабом свете он разглядел фигуру, скрючившуюся на полу. Это была Кэрис. Она спала, дыша тихо и размеренно.

Марти приблизился к ней. Как ее разбудить? За следующей дверью, через стену, сидел Европеец. Если при пробуждении девушка издаст самый легкий звук, Мамолиан ее услышит. А если не услышит он, то услышат американцы.

Марти опустился на корточки и мягко закрыл рот Кэрис ладонью, затем потряс ее за плечо. Она не хотела просыпаться. Сонно нахмутившись, девушка что-то недовольно пробормотала. Он нагнулся ближе и рискнул прошептать ей на ухо ее имя. Это произвело эффект. Кэрис широко раскрыла глаза, как удивленный ребенок; ее зажатый рот раскрылся для крика. Но в то же мгновение она узнала Марти и вовремя сдержалась.

Он убрал руку. Кэрис не улыбнулась, лицо ее было бледным и уставшим, однако в знак приветствия она прикоснулась кончиками пальцев к его губам.

Из-за соседней двери внезапно донесся шум. Спокойные голоса изменились, раздались взаимные обвинения, опрокинулась мебель. Мамолиан звал Чада. В ответ послышались шаги из ванной.

Проклятье! Для тактических построений нет времени. Они должны использовать подвернувшийся случай и взять то, что он предлагает, хорошее или плохое. Марти рывком поднял Кэрис на ноги и шагнул к порогу. Когда он коснулся дверной ручки и обернулся через плечо, проверяя, следит ли за ним Кэрис, он увидел ужас на лице девушки. Он обернулся, и причина этого ужаса — Святой Томас с блестящим от блевотины подбородком — предстала прямо перед ним. Американец так же удивился при виде гостя, как и он сам. Используя его замешательство, Марти шагнул в коридор и толкнул Тома в грудь. Божий человек с криком: «Чад!» ввалился в открытую дверь комнаты напротив и опрокинул вазу с клубникой. Ягоды посыпались под ноги.

Марти обогнул гардеробную и выскочил в холл, но американец быстро восстановил равновесие и попытался схватить его сзади за рубашку. Попытка удалась, и это задержало Марти. Он повернулся, чтобы оттолкнуть руку Тома,

и заметил второго американца: Чад вышел из комнаты. Его глаза, глядевшие прямо на Марти, были пугающе безмятежны.

— Беги! — крикнул Марти Кэрис.

Девушка выскочила в коридор, но блондин остановил ее и втолкнул обратно. Она отлетела назад с криком: «Нет!», а Чад двинулся к непрощенному гостю.

— Держи ее,— скомандовал он своему компаньону, когда тот отпустил Марти.

Том шагнул к Кэрису и скрылся из поля зрения. Послышались звуки борьбы, но у Марти не хватило времени понять происходящее, поскольку Чад согнул его ударом в живот. Удивленный внезапной атакой и не готовый к боли, Марти взывал и упал спиной на дверь номера, захлопывая ее. Блондин подошел к нему, и сквозь кровавую пелену, застилавшую глаза, Марти сумел заметить его второй удар, прежде чем тот достиг цели. Третьего и четвертого удара он не увидел. Не было времени подняться или перевести дыхание между взмахами молотящих его рук и ног. Вскормленный кукурузой парень в отличие от своего противника был гибким и сильным. Тщетно Марти пытался перехватить избивавшую его ногу. Он дьявольски устал и измучился. У него снова пошла носом кровь. Безмятежные глаза четко реагировали на каждое его движение, а кулаки продолжали работать. Глаза смотрели так спокойно, будто Чад молился. Но не он, а Марти упал на колени; Марти был принужден низко кланяться, когда белокурый юноша бил его; и Марти сказал:

— Помоги мне! — когда рухнул на пол.

Мамолиан вышел из комнаты, где велась игра, оставив пилигрима наедине с его слезами. Он сделал все, о чем просил старик: они сыграли пару игр ради старого доброго времени. Но теперь с уступками покончено. И что это за хаос в коридоре — бесформенная куча у входной двери, кровь, размазанная по стенам? А, это Штраус. Европеец предчувствовал, что на праздник прибудут опоздавшие гости, но не мог предугадать, кто именно. Он осмотрелся, оценивая

нанесенный урон, со вздохом опустил взор на изуродованное, залитое кровью лицо. Святой Чад с окровавленными кулаками немного взмок; запах пота, исходивший от молодого льва, был сладким.

— Он чуть не сбежал,— сказал Святой.

— Действительно,— ответил Европеец, жестом приказывая юноше освободить комнату.

Лежа на полу, Марти поднял затуманенный взгляд на Последнего Европейца. Казалось, воздух между ними искрился. Марти ждал. Конечно, смертельный удар последует незамедлительно. Но ничего не произошло; только взгляд этих непроницаемых глаз. Даже в своем плачевном состоянии Марти мог разглядеть трагедию на неподвижном лице Мамолиана; оно больше не ужасало, а лишь зачаровывало. Этот человек порождал пустоту вакуума, которую Марти едва пережил на Калибан-стрит. Разве он не призрак? Серый воздух клубится в его глазницах, вырывается из ноздрей и губ, словно под черепной коробкой горит огонь.

В комнате, где он и Европеец играли в карты, Уайтхед метнулся к своей импровизированной кровати. Он сунул руку под подушку и вытащил спрятанный там пистолет, прокрался через дополнительную гардеробную и спрятался за шкафом. Отсюда он мог видеть Святого Томаса и Кэррис, наблюдавших за сражением у входной двери. Оба были слишком увлечены гладиаторами, чтобы заметить его в темной комнате.

— Он мертв? — издалека спросил Том.

— Как знать? — рассыпал Уайтхед ответ Мамолиана.— Положите его в ванную, уберите с дороги.

Уайтхед смотрел, как безжизненное тело Штрауса пронесли мимо двери в противоположную комнату. Мамолиан повернулся к Кэррис.

— Ты привела его сюда,— сказал он.

Она не ответила. Рука Уайтхеда, державшая пистолет, дрожала. С того места, где он стоял, Мамолиан представлял собой легкую мишень, разве что Кэррис мешала. Если выстрелить ей в спину, пройдет ли пуля сквозь нее и попа-

дет ли в Европейца? Мысль пугающая, но она должна быть рассмотрена, ведь главное сейчас — выжить. Секундное замешательство, и возможность упущена. Европеист ушел Крис в комнату, где они играли в карты, и скрылся. Ничего — зато он расчистил путь к бегству.

Старик выскользнул из укрытия и подкрался к двери гардеробной. Когда он шагнул в коридор, он услышал голос Мамолиана:

— Джозеф?

Уайтхед побежал к двери, зная, что шанс спастись, не применяя насилие, слаб как паутинка. Он схватился за ручку и повернул ее.

— Джозеф,— произнес голос позади него.

Рука Уайтхеда замерла, когда он почувствовал, как невидимые пальцы надавили на его затылок. Он заставил себя не обращать на это внимания и налег на ручку. Она про вернулась в его вспотевшей ладони. Мысль, дышавшая ему в затылок, сжалась вокруг позвоночника явной угрозой. Что ж, подумал Уайтхед, свой шанс я упустил. Он отпустил дверную ручку и медленно повернулся лицом к картежнику. Тот стоял в конце коридора, который темнел и становился продолжением туннеля, уходящего в глаза Мамолиана. Сильнодействующие иллюзии. Но это лишь иллюзии. Уайтхед сопротивлялся им достаточно долго, чтобы справиться с ними. Он поднял пистолет и направил его на Европейца. Не давая картежнику времени еще раз смутить его, старик выстрелил. Первый выстрел попал Мамолиану в грудь, второй — в живот. Недоумение отразилось на его лице. Кровь хлынула из ран, заливая рубашку. Однако он не упал. Вместо этого он спросил таким голосом, будто в него никто не стрелял:

— Ты хочешь выйти отсюда, пилигрим?

Дверная ручка за спиной Уайтхеда начала дрожать.

— Ты этого хочешь? — требовательно повторил Мамолиан.— Выйти отсюда?

— Да.

— Тогда иди.

Уайтхед отошел от двери, и она распахнулась с такой яростью, что ее ручка воткнулась в стену коридора. Старик отвернулся от Мамолиана, чтобы бежать, но не успел сделать и шагу, как свет из коридора высосала кромешная тьма по ту сторону двери. Уайтхед с ужасом осознал, что за порогом отель исчез. Не было ни ковров, ни зеркал, ни лестниц, ведущих вниз, на улицу. Только жуткое безмолвие, где он бродил полжизни назад: площадь и темное небо с дрожащими звездами.

— Выходи,— пригласил его Европеец.— Тебя ждали здесь все эти годы. Давай! Иди!

Пол под ногами Уайтхеда заскользил, и он чувствовал, что катится в прошлое. Его лицо обдувал мягкий ветер, летящий навстречу по коридору. В воздухе пахло весной, Вислой, несущейся к морю в десяти минутах ходьбы отсюда, и цветами. Конечно, цветами. То, что он по ошибке принял за звезды, на самом деле оказалось лепестками. Ветер нес ему белые лепестки. Явление лепестков было слишком убедительным, чтобы игнорировать его; они вели Уайтхеда обратно в ту великую ночь, когда за нескольких блистательных часов ему был обещан целый мир. Когда он позволил своим чувствам опутить эту ночь, перед ним сразу появилось дерево: необыкновенное, как всегда в его грезах, слегка покачивающее белой кроной. Кто-то мелькнул в тени ветвей, сгибавшихся под тяжестью цветов; малейшее движение вызывало новый каскад лепестков.

Его галлюцинирующий разум попытался в последний раз ухватиться за реальность отеля. Он протянул руку, чтобы дотронуться до двери номера, но рука потонула в темноте. Вглядываться не было времени. Наблюдатель, скрывавшийся под деревом, уже выбирался из-под ветвей. Уайтхед ощутил сильнейшее дежавю — за исключением того, что в прошлый раз он видел человека под деревом лишь мельком. Теперь же тайный часовой показался целиком. С приветственной улыбкой лейтенант Константин Васильев открыл прищельцу из будущего свое обожженное лицо. Этим вечером Васильев не потащится на свидание с мерт-

вой женщины; сегодня он обнимет вора, который постарел, обзавелся кустистыми бровями и бородой, но это появление здесь лейтенант ждал целую жизнь.

— Мы уж думали, ты никогда не придешь,— сказал Васильев.

Он отодвинул ветку и вышел в мертвый свет этой фантастической ночи. Он гордо демонстрировал себя, хотя его волосы полностью сгорели, лицо стало черно-красным, а тело изрешетили пули. Его брюки были расстегнуты, член напряжен. Возможно, чуть позже он вместе с вором отправится к своей любовнице. Они выпьют водки, как старые друзья. Васильев ухмыльнулся Уайтхеду:

— Я говорил им, что однажды ты вернешься. Я знал, что ты придешь. Чтобы снова увидеть нас.

Уайтхед поднял пистолет и выстрелил в лейтенанта. Видение не исчезло, но слегка покачнулось. Крики и русская речь зазвучали на площади со всех сторон.

— Посмотри, что ты наделал,— проговорил Васильев.— Сейчас сбегутся солдаты.

Вор осознал свою ошибку. Он никогда не пользовался оружием после наступления комендантского часа — это стало бы прямым поводом для ареста. Он слышал, как приближается топот сапог.

— Нам надо поспешить,— торопил его лейтенант, небрежно выплюнув пулью, которую поймал зубами.

— Я не пойду с тобой,— возразил Уайтхед.

— Но мы ждали так долго,— ответил Васильев и тряхнул ветку, словно дал сигнал к последующим действиям.

Дерево всплеснуло ветвями и, как невеста, сбросило свое цветочное приданое. На несколько мгновений всех ослепил вихрь лепестков. Когда они осели на землю, Уайтхед начал различать знакомые лица, ожидающие его под ветвями. Там стояли люди, приходившие на этот пустырь, к этому дереву, под сень которого их собирал Васильев, чтобы они гнили и стенали здесь. Среди них была и Евангелина; ее раны, аккуратно замаскированные для похорон, теперь были полностью открыты. Она не улыбалась, но шагнула

вперед, раскрыла ему объятия и произнесла его уменьшительное имя — Жожо. За Евангелиной показался Билл Той, одетый в вечерний костюм, как в «Академии». Его уши кровоточили. Рядом с ним — женщина в ночной рубашке, ее лицо было содрано от губ до бровей. И множество других, по большей части незнакомых. Женщина, что привела его к картежнику, тоже была здесь, по-прежнему с обнаженной грудью и ужасающей улыбкой. Здесь были солдаты, проигравшие Мамолиану, как Васильев. Один из них поверх дыр от пуль нарядился в юбку. Из-под складок ее торчал член. Саул — или его прогнивший скелет — принююхивался к старому хозяину и ворчал.

— Видишь, как давно мы ждем? — сказал Васильев.

Потерянные лица смотрели на Уайтхеда, их рты открылись. Но никто ни издавал ни звука.

— Я не могу помочь вам.

— Мы хотим успокоиться, — сказал лейтенант.

— Так идите.

— Без тебя нельзя. Он не умрет без тебя.

И тут вор все понял. Это место, уже привидевшееся ему в сауне, существовало внутри Европейца. Призраки были теми, кого он поглотил. Евангелина! Даже она. Наполовину сгнившие останки, они ждали в пустыне между жизнью и смертью, пока Мамолиана не затошнит от жизни. Тогда он ляжет и умрет, а они, наверное, обретут свободу. А до тех пор их губы будут складываться в беззвучное «О» — печальный призыв.

Вор покачал головой.

— Нет, — сказал он.

Он не отдаст свою жизнь. Даже ради целого сада деревьев и целой нации отчаявшихся людей. Он повернулся спиной к площади Мурановского с ее жалобными призраками. Голоса солдат звучали уже совсем близко, скоро они будут здесь. Он повернулся к отелю. Коридор пентхауз был все еще здесь, за порогом разбомбленного дома; сюрреалистическое совмещение руин и роскоши. Он на-

правился к нему по бульжнику площади, игнорируя приказы остановиться. Крики Васильева, однако, были громче.

— Ублюдок! — воскликнул лейтенант.

Вор игнорировал его вопли. Он шагнул с площади обратно в тепло своего номера и сразу же поднял пистолет.

— Устаревшие новости,— произнес он.— Этим ты меня не напугаешь.

Мамолиан по-прежнему стоял в другом конце коридора. Время, которое вор провел на площади, здесь пролетело незаметно.

— Я не боюсь! — выкрикнул Уайтхед.— Слышишь, ты, бездушный ублюдок? Я не боюсь!

Он выстрелил снова, на этот раз в голову Европейца. Пуля попала в щеку. Потекла кровь. Пока Уайтхед не выстрелил еще раз, Мамолиан нанес ответный удар.

— Нет пределов,— дрожащим голосом произнес он,— у того, что я должен сделать!

Его мысль схватила вора за горло и сжала. Старик задергался в конвульсиях, пистолет выпал из его руки, мочевой пузырь и кишki вышли из-под контроля. Призраки на площади зааплодировали. Дерево неистово встряхнуло кроной, и те несколько сочувствий, что еще удерживались на нем, были сметены воздушным потоком. Лепестки полетели сквозь дверь, как снежные хлопья, преодолевая порог прошлого и настоящего. Уайтхед повалился на стену. Краем глаза он увидел Евангелину, плюющую в него кровью. Он начал сползать по стене, тело его извивалось, словно билось в агонии. Сквозь стиснутые челюсти он произнес только одно слово:

— Нет!

На полу ванной Марти услышал этот отказ. Он пошел впереди, но сознание его было слишком мутным, а избитое тело слишком болело. Ему удалось подняться на колени, держась за ванну. О нем явно забыли; в нынешнем действии ему отводилась сугубо комическая роль. Он попытался встать, но ноги не слушались. Они подогнулись, и Марти снова свалился на пол, ощущив каждый свой синяк.

В холле Уайтхед, упавший на четвереньки, нес околесицу. Европеец направился к нему, чтобы нанести последний добивающий удар, но тут вмешалась Кэрис.

— Оставь его,— сказала она.

Обезумевший Мамолиан повернулся к девушке. Кровь одинокой струйкой бежала по его щеке.

— Ты тоже,— прошептал он.— Нет предела.

Кэрис попятилась в комнату. Свеча на столе ярко вспыхивала, и пульсирующее пламя казалось белым и плотным. Европеец смотрел на Кэрис страждущими глазами. Его мутил голод, инстинктивная реакция на потерю крови. Он видел в Кэрис лишь одно — питание. Как вор, жадный до клубнички, когда живот уже полон.

— Я знаю, кто ты такой,— сказала Кэрис, глядя на него в упор.

В ванной Марти услышал ее слова. Глупо, подумал он, говорить ему такое.

— Я знаю, что ты сделал.

Дымчатые глаза Европейца широко раскрылись.

— Ты никто,— заговорила девушка.— Ты всего лишь солдат, который встретил монаха и задушил его во сне. Что ты сделал такого, чем можешь гордиться? — яростно бросала она ему в лицо.— Ты никто! Никто и ничто!

Он протянул руку, чтобы схватить ее. Кэрис обежала вокруг карточного стола, но Мамолиан опрокинул его — карты рассыпались по полу — и поймал девушку. Его рука, как громадная пиявка, присосалась к ее руке, вытягивая кровь и отдавая пустоту, бессмысленную тьму. Он снова стал Архитектором ее снов.

— Боже, помоги мне,— задыхаясь прошептала Кэрис.

Ее чувства исчезали, и серая масса лавиной заполняла их место. Европеец одним наглым движением вырвал ее из тела и поместил в себя, отпустив оболочку, упавшую на пол рядом с перевернутым карточным столиком. Он вытер губы тыльной стороной ладони и взглянул на евангелисты. Те стояли в дверном проеме, не отрывая от него глаз. Мамолиана тошило от собственной жадности. Кэ-

рис была внутри него, вся целиком, и это было слишком. Святые еще больше портили дело: они глядели на Европейца, будто испытывали к нему отвращение, и у темноволосого дрожала голова.

— Ты убил ее,— сказал Том.— Ты убил ее.

Мамолиан отвернулся от их обвиняющих взоров; его организм закипал. Он уперся в стену локтем и предплечьем, как пьяный, собирающийся блевать. Присутствие Кэрис было мучением, которое не проходило, а нарастало. Оно высвобождало еще более неприятные видения: Штраус, протыкающий его кишк; собаки у его ног; кровь и дым; а затем назад, назад, вспять от этих ужасающих месяцев, и там другие испытания: двор и снег, звездный свет, женщины и голод, постоянный голод. Вдобавок Мамолиан чувствовал, как в спину ему пристально смотрят боксы люди.

Один из них заговорил; блондин, которого он мог бы пожелать потом. Он, и она, и каждый из них.

— И это все? — потребовал ответа Чад.— И это все, ты, гребаный лгун? Ты обещал нам Потоп!

Европеец представил себе волну, перекатывающуюся через отель, через город, обрушающуюся на Европу, чтобы смыть ее с лица земли.

— Не искушай меня,— сказал он.

Уайтхед, лежавший у стены со сломанной шеей, смутно уловил в воздухе аромат духов. С того места, где он упал, ему был виден коридор отеля. Образы площади Мурановского и рокового дерева давно померкли, остались обычные зеркала и ковры. Уайтхед корчился у двери и слышал, как кто-то поднимается по лестнице. Он разглядел фигуру в тени; это от нее пахло духами. Новоприбывший двигался медленно, но целеустремленно. Он лишь на мгновение задержался у порога, чтобы переступить через скорченное тело Уайтхеда, и направился в комнату, где еще недавно играли в карты. Это было только что: они болтали за игрой, а старик воображал, что сможет заключить новую сделку с Европеем и оттянуть неминуемую катастрофу еще на

несколько лет. Но все пошло прахом. Как все любовники, они легко победили банальность и по законам какой-то не-постижимой математики пришли к одному — к смерти.

Уайтхед перевернулся, чтобы иметь возможность смотреть через коридор в ту комнату. Кэрис лежала на полу среди рассыпанных карт, он видел ее труп в открытую дверь. Европеец поглотил ее.

Новый гость внезапно заслонил ему вид, когда появился на пороге. Со своего места Уайтхед не мог рассмотреть его лицо, но видел блеск лезвия его ножа.

Том разглядел Пожирателя Лезвий раньше Чада. Слабый желудок восстал против смешанного запаха сандалового дерева и тлена, и Тома вырвало на кровать старика, когда Брир вошел в комнату. Он прошел большой и тяжелый путь, и вот теперь он здесь.

Мамолиан стоял у противоположной стены, когда увидел его.

Он не слишком удивился, хотя не мог понять почему. Неужели его мозг не до конца потерял контроль над Пожирателем Лезвий и тот появился здесь по его приказу? Брир смотрел на Мамолиана сквозь яркий свет, словно ожидал инструкций, прежде чем начать действовать. Плоть на его лице настолько истлела, что каждое движение зрачков грозило сорвать кожу с глазниц. Чад, вдохновленный коньком, подумал: он выглядит так, словно из него сейчас родятся бабочки. Их крылья трепещут под оболочкой гниющего тела; их стремление выйти растирает в порошок кости Брира. Вскоре бабочки разорвут его на части и заполнят воздух. Европеец опустил взгляд на мачете в руках гостя.

— Зачем ты пришел? — спросил он.

Пожиратель Лезвий попытался ответить, но язык уже не подчинялся ему. Раздался лишь мягкий нёбный звук; он мог означать «бок», или «боль», или «бог», но не был ни одним из этих слов.

— Ты пришел, чтобы тебя убили? Так?

Брир покачал головой. Он не имел тяжких грехов, и Мамолиан это знал. Смерть — наименьшая из его проблем. Брир поднял лезвие, чтобы показать, чего он хочет.

— Я уничтожу тебя, — сказал Европеец.

Брир опять покачал головой. Он еще что-то пробормотал, и Мамолиан рассыпал слово «мертвый».

— Мертвый... — задумчиво повторил Чад. — Господи на небесах. Да он же мертвый.

Европеец буркнул что-то в знак подтверждения.

Чад улыбнулся. Возможно, их надули с всеразрушающей волной. Возможно, преподобный ошибся в расчетах и в ближайшие три месяца Потоп не разразится. Какая разница? Теперь у него есть история — и какая! Даже Блесс с его разговорами о демонах в сердце американского континента никогда не встречал ничего подобного. Святой наблюдал, облизывая губы в предвкушении.

В холле Уайтхеду удалось проползти три-четыре ярда вперед от входной двери, и он увидел Штрауса, пытавшегося встать. Марти взялся за ручку двери ванной и почувствовал на себе взгляд старика. Уайтхед призывающе поднял руку. Марти неуклюже вывалился в коридор, и никто из действующих лиц не заметил этого. Повсюду было темно; мерцал лишь мертвенно-бледный огонь свечи в комнате, едва проникавший сюда из-за полузакрытой двери.

Марти упал на колени рядом с Уайтхедом. Старик схватил его за рубаху.

— Ты должен вытащить ее, — еле слышно прошептал он.

Его глаза закатились, кровь запеклась на бороде и продолжала вытекать с каждым словом, но хватка была сильной.

— Вытащи ее, Марти, — просипел он.

— О чём вы говорите?

— Он забрал ее, — сказал Уайтхед. — В себя. Вытащи ее, ради Христа, или она останется там навсегда, как другие.

Он перевел глаза на дверь, вспоминая проклятых на площади Мурановского. Кэрис уже там? В плена деревя, в жаждных объятиях Васильева? Губы старика затряслись.

— Нельзя... позволить ему заполучить ее, мой мальчик,— выговорил он.— Ты слышишь меня? Не дай ему заполучить ее.

Марти с трудом собирал свои ощущения воедино. Уайтхед полагает, будто он способен проникнуть внутрь Мамолиана и вернуть Кэрис? Это невозможно.

— Я не могу,— сказал Марти.

Старик почувствовал отвращение и отпустил Марти с таким видом, будто дотронулся до экскрементов. Исполненный боли, он отвернулся.

Марти взглянул на игровую комнату. Через щель в двери он видел, что Мамолиан шагнул к новому гостю — без сомнения, то был Пожиратель Лезвий. Облик Европейца выдавал его слабость. Кэрис лежала рядом, лицо ее застыло, кожа блестела. Марти был не в силах ей помочь. Почему Папа не позволяет ему убежать отсюда и скрыться в ночи? Он ничего не может сделать!

А если он сумеет сбежать, спрятаться и зализать раны, избавится ли он когда-нибудь от липкого пота своей труслисти? Этот момент — дороги, расходящиеся снова и снова,— будет вечно сниться ему. Марти оглянулся на Папу. Уайтхед не подавал признаков жизни, только губы его слабо шевелились.

— Вытащи ее,— все еще твердил он, и этот катехизис будет повторяться до тех пор, пока старик не испустит последний вздох.— Вытащи ее. Вытащи ее.

Марти однажды просил Кэрис о чем-то подобном: войти в логово безумца, вернуться оттуда и рассказать обо всем, что увидела. Откажется ли он теперь вернуть ей долг?

— Вытащи ее. Вытащи ее.

Слова Папы таяли с каждым ударом его слабеющего сердца. Возможно, еще оставался шанс освободить Кэрис из потока энергий Мамолиана. А если нет, не слишком ли это жестоко — умереть при попытке вызволить ее, завершив расходящиеся пути и обратить удачу в прах?

Но как? Он попытался вспомнить действия Кэрис, однако ее ритуал был слишком сложным — мытье, молчание;

вряд ли удастся проделать это, пока не изменятся обстоятельства. Единственную надежду внушал вид его окровавленной рубашки: по дороге сюда Марти почувствовал, что Кэрис сломала некий барьер в его голове, и нанесенная ею травма останется навсегда. Возможно, его разум сумеет пройти через этот пролом, если устремится за Кэрис так же целенаправленно, как она сама преследовала Марти.

Он закрыл глаза, чтобы избавиться от образов коридора, Уайтхеда и тела, лежавшего у ног Европейца. «Зрение — это ловушка», — сказала однажды Кэрис. Как и усилие. Он должен просто отпустить себя. Позволить инстинкту и воображению перенести его туда, куда не могут добраться чувства и интеллект.

Марти выбросил из головы все мрачные представления о мертвом теле девушки и без усилий представил себе живую и улыбающуюся Кэрис. Он называл ее имя, и она являлась ему такой, какой он видел ее десятки раз, — смеющейся, обнаженной, задумчивой, сокрушенной. Он не задерживался на деталях, оставляя самое необходимое: ее присутствие в раскальзывающейся от боли голове.

Он думал о Кэрис. Рана открылась и причиняла боль. Кровь текла из открытого рта, но он почти не ощущал этого. Его состояние непрерывно изменялось. Он ощутил, что выскальзывает из своего тела. Оно было лишним — пустая материя. Простота происходящего поражала, беспокойство вызывала лишь стремительность событий: он должен контролировать возбуждение, чтобы не потерять осмотрительности и не выдать себя.

Он ничего не видел и не слышал. Структура, в которой он двигался — да и двигался ли вообще? — не поддавалась описанию. У него не было доказательств, он не сомневался, что оторвался от тела. Оно осталось вне его, под ним; сброшенная раковина. Впереди ждала Кэрис. Ему нужно вообразить дорогу к ней.

И как только он подумал, что может насладиться удивительным путешествием, перед ним раскрылся ад...

Мамолиан был слишком поглощен Пожирателем Лезвий и не заметил, как Марти вломился в него. Брир торопливо шагнул вперед, поднял мачете и занес руку для удара. Европеец отступил и увернулся, но Брир с изумительной быстротой сделал второй выпад, и на сей раз, скорее случайно, чем умышленно, мачете скользнуло по руке Мамолиана и прорезало рукав его серого костюма.

— Чад,— произнес Европеец, не отводя глаз от Брира.

— Да? — отозвался блондин, прислонившийся к стене в небрежной позе героя; он нашел коробку сигар Уайтхеда, прикарманил несколько из них и закурил одну. Выпустив облако плотного синего дыма, Чад взглянул на гладиаторов сквозь алкогольную пелену.— Чего ты хочешь?

— Найди пистолет пилигрима.

— Зачем?

— Для нашего гостя.

— Убей его сам,— беззаботно бросил Чад.— Ты ведь можешь.

Разум Мамолиана восставал при мысли о том, что надо прикоснуться рукой к этой гнили. Пуля гораздо лучше: с такого близкого расстояния она уложит Пожирателя Лезвий наповал. Без головы даже мертвецы разгуливать не могут.

— Возьми пистолет! — потребовал он.

— Нет,— ответил Чад. Преподобный всегда говорил, что лучшие ответы — самые простые.

— Сейчас не время для игр,— воскликнул Мамолиан, на мгновение отвлекаясь от Брира, чтобы взглянуть на Чада.

Это было ошибкой. Мертвец еще раз взмахнул мачете, и новый удар пришелся Мамолиану в плечо, взрезав мышцу около шеи. Европеец не вскрикнул, только издал крякающий звук, когда удар достиг цели и когда Брир вытаскивал лезвие из раны.

— Остановись,— сказал Европеец своему противнику.

Брир помотал головой. Ведь именно для этого он и пришел. Это прелюдия к действу, которого он так долго ждал.

Мамолиан схватился рукой за рану в плече. Он умел не переносить пулевые ранения, но столь мощное нападение, покушавшееся на целостность его плоти, было опасно. Он должен уничтожить мертвеца, и если святой не принесет пистолет, придется убить Пожирателя Лезвий голыми руками.

Брир, казалось, почувствовал его намерения.

— Ты ничего мне не сделаешь,— попытался выговорить он, но вместо слов изо рта выходила каша.— Я мертвый.

Мамолиан покачал головой.

— Разорву на части,— прошептал он.— Если нужно.

Чад ухмыльнулся, услышав обещание Европейца. Господи Иисусе, подумал он, вот такой у нас конец света. Кроличий садок из комнат, машины на шоссе мчатся домой, труп и полурутуп обмениваются ударами при свете свечи. Преподобный ошибался. Потоп — это не волна. Это слепцы, вооруженные топорами; это великие люди, на коленях умоляющие идиотов о спасении; это стремление к иррациональному, перерастающее в эпидемию. Чад смотрел и думал, как опишет эту сцену преподобному, и впервые за свои девятнадцать лет ощутил спазм истинного наслаждения.

Марти не успел осознать всю прелесть путешествия и движения свободного сознания, как уже попал внутрь Мамолиана. Он словно погрузился в кипящее масло. Он метался, и все его существо вопило, желая вырваться из ада чужого организма. Но Кэрис где-то здесь; он должен держаться за эту мысль.

В этом водовороте его чувства к ней стали математически чистыми. Их уравнениям — сложным, но имеющим элегантные решения — было присуще изящество, указывающее на истину. Он не должен упускать их из виду. Если он забудется хоть на мгновение, он пропал.

Не имея органов чувств, он все же ощущал, что новая структура борется с ним, защищая собственные образы.

В уголках его невидящих глаз вспыхивали огни; на миг открывались и тут же исчезали панорамы; солнца рождались и гасли, не успевая отдать тепло или свет. Какое-то раздражение постепенно овладевало им: стремление к безумию. Сдайся, говорило оно, и не придется больше трудиться. Но мысли о Кэрис помогли преодолеть искушение.

Жажда сказала ему: она глубже, чем ты отважишься погрузиться. Гораздо глубже.

Возможно, это была правда. Европеец поглотил девушку целиком, он поместил ее в какую-то бездну, где держал свои любимые вещи. Туда, где находился источник пустоты, выжимавший Марти на Калибан-стрит. Перед лицом этого вакуума он, наверное, съежится; тогда об освобождении не может быть и речи.

Такое место, твердила жажда, такое жуткое место. Хочешь взглянуть?

Нет.

Ну, давай, взгляни! Взгляни и вздрогни. Взгляни и успокойся. Ты хотел знать, что он такое, и сейчас ты увидишь.

Я не слушаю, сказал себе Марти. Он сосредоточился. Как на Калибан-стрит, здесь не было направлений — ни вверх, ни вниз, ни вперед, ни назад,— но он чувствовал, что падает. Действовала ли на него засевшая в голове метафора, представлявшая ад как бездну, или он просто пробирался по внутренностям Европейца к кишечнику, где была спрятана Кэрис?

Конечно, ты уже не выйдешь обратно, усмехнулась жажда. Раз уж попал сюда, обратной дороги нет. Он никогда не извергнет тебя. Ты заперт здесь навсегда.

Но Кэрис вышла, возразил он.

Она была в его голове, напомнила жажда. Она вошла через библиотеку. А ты влез в навозную кучу, и так глубоко, друг мой, страшно глубоко.

Нет!

Точно.

Нет!

Мамолиан помотал головой. Она была наполнена странной болью и голосами. Или это прошлое болтает с ним? Да, прошлое; в последние недели оно жужжало и гудело в ушах громче, чем все предыдущие десятилетия. Когда-то мозг бездействовал, история притягивала его к себе и он возвращался в монастырский двор. Там падал снег, а справа от Мамолиана дрожал юный барабанщик и паразиты уползали с остывающих тел. Две сотни лет жизни скакались в череду мгновений. Если бы выстрел, сразивший налата, опоздал на пару секунд, топор бы опустился, голова слетела и эти столетия не вместили бы его жизни, как и он не вместили бы их.

Но почему эти мысли вернулись сейчас, когда он посмотрел на Энтона? От событий в монастырском дворе его отделяло сто семьдесят лет и тысячи миль. Мне не грозит опасность, упрекнул он себя, так почему же я дрожу? Брир едва удерживается на краю полного распада; уничтожить его — легкая, хоть и неприятная, задача.

Мамолиан атаковал противника внезапно. Его здоровая рука схватила Брира за горло, прежде чем тот успел отреагировать. Изящные пальцы Европейца вонзились в желеобразную гнилую плоть и сомкнулись вокруг пищевода. Затем Европеец резко дернул руку на себя. Добрая половина шеи Брира оторвалась, потекли жижка и гной. Послышался звук, словно где-то выпустили пар.

Чад с сигарой в зубах зааплодировал. Том перестал хныкать, он тоже наблюдал за битвой из угла, где свалился. Один человек дрался за жизнь, другой — за смерть. Аллилуйя! Святые и грешники, все вместе.

Мамолиан отбросил слизистый ком плоти. Несмотря на страшныеувечья, Брир устоял.

— Разорвать тебя на куски? — спросил Мамолиан.

Едва он заговорил, как что-то в нем зашевелилось. Девушка все еще противилась заточению?

— Кто там? — мягко спросил он.

Кэрис ответила. Не Мамолиану, а Марти.

«Здесь», — сказала она.

Он услышал. Хотя нет, не услышал — почувствовал. Она призвала его, и он последовал за ней.

На его жажду это не произвело впечатления. Слишком поздно, чтобы помочь ей, подсказывала жажда. Слишком поздно для всего.

Но Кэрис была уже близко, Марти знал это; ее присутствие прогнало панику. Я с тобой, говорила Кэрис. Теперь нас двое.

Жажда не унималась. Она высмеивала мысли о побеге. Вы пойманы здесь навсегда, твердила она, лучше смириться с этим. Если она не в силах выйти, как сможешь ты?

«Двое, — сказала Кэрис. — Теперь нас двое».

В момент самого сильного сомнения он понял смысл ее слов. Они вместе, и вместе они больше, чем просто сумма из двух частей. Он думал об их соединявшихся телах: физический акт был метафорой другого единения. Он не понимал этого до сих пор. Его разум восторжествовал. Она была с ним — он с ней. Они стали одной невидимой мыслью, думая друг о друге.

«Идем!»

И ад раскололся — у него не осталось иного выбора. Все вокруг распадалось на куски, пока они вырывались из плена Европейца. Они пережили несколько чудесных мгновений существования в едином разуме, а затем вступила в свои права сила тяготения — или какой-то другой закон, действовавший здесь. Произошло разделение — жестокое изгнание из недолгого Эдема, — и они понеслись к своим собственным телам; слияние завершилось.

Мамолиан ощущил их бегство как рану более тяжелую, чем любая из нанесенных Бриром. Он прижал палец к губам; жалобное выражение появилось на его лице. Брир воспринял это как сигнал; его миг настал. В разжиженном мозгу сама собой возникла картина, подобная одной из старых фотографий его альбома, но живая: падает снег, языки пламени пляшут над жаровней.

Мачете в его руке за секунду стало тяжелым, как топор. Он поднял лезвие — и его тень упала поверх лица Европейца.

Мамолиан взглянул на распадающиеся останки Брира и узнал их; он понял, к чему все шло. Сгибаясь под грузом лет, он тяжело рухнул на колени.

В то же мгновение Кэрис открыла глаза. Возвращение было мучительным; Марти пришлось еще труднее, чем ей, привыкшей к таким вещам. Однако это всегда неприятно — чувствовать, как мышцы сковывают дух.

Глаза Марти тоже раскрылись, и он взглянул на тело, в которое вернулся. В этом теле было тяжко и душно. Большая его часть — кожа, волосы, ногти — представляла собой мертвую материю. Собственный организм вызвал у Марти отвращение. Пребывание в нем казалось пародией на только что испытанную свободу. Он пошевелился с легким стоном омерзения, словно проснулся и обнаружил, что покрыт насекомыми.

Чтобы обрести уверенность, он поисками глазами Кэрис, но ее внимание было приковано к некоему зрелищу. Марти не мог его видеть из-за прикрытой двери.

Картина, предившая взору Кэрис, показалась ей знакомой. Но точка обзора теперь изменилась, и потребовалось время, чтобы распознать сцену: человек на коленях, его шея открыта, руки чуть раскинуты, пальцы вывернуты в универсальном жесте подчинения; палач — лицо его смазано — поднимает лезвие, чтобы обезглавить ожидающую жертву; кто-то смеется рядом.

В первый раз она видела эту картину глазами Мамолиана — солдата в засыпанном снегом дворе, готового принять удара топора, что прервет его молодую жизнь. Удара тогда не последовало; вернее, он был отложен до настоящего момента. Неужели палач ждал так долго, менял тела и преследовал Мамолиана долгими десятилетиями, пока наконец судьба не свела все части воедино? Или все подстроено Европейцем? Его ли воля призвала Брира, чтобы

покончить с историей, так неудачно прерванной многою поколений назад?

Кэрис этого никогда не узнать. Действие началось во второй раз и не будет отложено. Оружие скользнуло вниз и одним ударом отсекло голову. Она свисала на нескольких лоскутьях кожи, носом к груди, пока еще два удара не отделили ее. Голова скатилась по ногам Европейца и замерла около Тома. Парень отшвырнул ее прочь.

Мамолиан не издал ни звука. Только когда артерии обезглавленного туловища откупорились, вместе с кровью из раны вышел неясный шум; казалось, каждая пора сочилась жалобами. Вслед за звуками из тела вылетели дымные призраки невообразимых форм; они поднимались вверх, как пар. Скорбные видения проступали и таяли в воздухе: мечты, сны или, может быть, воспоминания. Теперь они слились воедино. Впрочем, так было всегда. Он вышел из слухов; легендарный, неуловимый, само имя его было ложью. Какая теперь разница, если его жизнь, испаряющаяся в пустоту, станет выдумкой?

Брир, все еще не удовлетворенный, принялся кромсать открытую рану на шее трупа, а затем и дальше, пытаясь расчленить врага на мелкие кусочки. Рука была полностью отрублена; Брир подобрал ее и отделил ладонь от запястья, предплечье от плеча. Комната, почти безмятежная во время казни, быстро превратилась в скотобойню.

Марти доковылял до двери как раз в тот миг, когда Брир отрывал руку Мамолиана.

— Смотрите, кто пришел! — закричал американец и поднял бокал с водкой Уайтхеда, приветствуя кровавую баню.

Марти наблюдал за резней, не отводя взгляда. Все кончено. Европеец мертв. Его голова валялась под окном и казалась слишком маленькой, недоразвитой.

Кэрис, распластавшаяся у стены рядом с дверью, схватила Марти за руку.

— Папа? — спросила она.— Что с ним?

Когда она заговорила, труп Мамолиана, стоявший на коленях, рухнул вперед. Исходившие из него призраки исчезли, гул стих. Лишь черная кровь лилась из ран. Брир продолжал работу и двумя взмахами вспорол живот. Из порванного мочевого пузыря хлынул фонтан мочи.

Кэрис выскочила из комнаты, не в силах справиться с отвращением. Марти продержался чуть дольше. Последняя картина, представшая ему, прежде чем он последовал за Кэрис: Брир держит голову за волосы, как некий экзотический фрукт, и наносит ей боковые порезы.

В коридоре Кэрис села на корточки рядом с отцом; Марти примиостился около нее. Она поглаживала щеку старика.

— Папа?

Уайтхед не умер, но и не выжил. Его пульс трепетал, не более того. Глаза были закрыты.

— Бесполезно... — сказал Марти, когда Кэрис затряслася старика за плечо. — Он практически мертв.

В комнате Чад зашелся в приступе хохота. Очевидно, сцена бойни поднялась на новые высоты абсурда.

— Я не хочу оставаться здесь, когда ему наскучит его занятие, — сказал Марти.

Кэрис не шелохнулась.

— Мы ничего не можем сделать для старика, — добавил он.

Она взглянула на него, не в силах сделать выбор.

— Его нет, Кэрис. И нам пора уходить.

В разделочной воцарилось молчание. Это хуже, чем смех или звуки работы Брира.

— Нельзя больше ждать, — сказал Марти.

Он рывком поднял Кэрис на ноги и подтолкнул к выходу. Она тихо выругалась.

Когда они скользнули вниз по лестнице, где-то наверху блондин снова зааплодировал.

Мертвец трудился достаточно долго. Движение на трассе давным-давно затихло, лишь изредка рокотали моторы одиноких дальнобойщиков, державших путь на север. Брир их не слышал. Слух он давно потерял, а зрение, когда-то весьма острое, едва различало следы резни вокруг него. Когда и зрение померкло, осталось осязание. С его помощью он завершил свое предназначение, измельчив тело Европейца так, что отличить одну часть тела от другой стало невозможно.

Чад устал от представления задолго до кульминации. Он чиркнул спичкой о каблук, закурил вторую сигару и вышел пройтись, чтобы узнать, как там дела. Девушка ушла, герой тоже.

«Храни их бог», — подумал он.

Старик по-прежнему лежал на полу, сжимая пистолет, который он каким-то образом вернулся себе, пока шла расправа. Его пальцы подрагивали. Чад вернулся обратно в кровавую комнату, где Брир стоял на коленях среди ошметков мяса и разбросанных карт, и поднял с пола Тома. Тот был в прострации, его губы почти посинели, и понадобились длительные уговоры, чтобы добиться от него каких-либо действий. Но Чад был прирожденным проповедником, и краткий разговор вернул Тому прежний энтузиазм.

— Нам сейчас все под силу, понимаешь? Мы прошли крещение. Мы видели все, правда? И в целом мире нет ничего, чем дьявол мог бы победить нас. Потому что мы были здесь. Ведь мы же были здесь?

Чада опьянила обретенная свобода. Он захотел сразу испытать ее, и у него появилась интересная идея — «Тебе понравится, Томми!» — испражниться на грудь старику. Тома это не заинтересовало, и он просто наблюдал, как Чад спускал штаны, чтобы совершить грязное дело. Кишечник не сразу подчинился ему. Однако едва он пристроился, как глаза Уайтхеда мигнули, и раздался выстрел. Пуля прошла

на волосок от testикул Чада, оставила красную отметину на его молочно-белом бедре, пролетела мимо лица и ударила в потолок. Кишечник Чада расслабился, но старик был уже мертв; он умер одновременно с выстрелом, чуть не лишившим Чада мужского достоинства.

— Почти попал,— заметил Том, чье оцепенение прошло, когда Чад чудом избежалувечья.

— Просто мне везет,— ответил блондин.

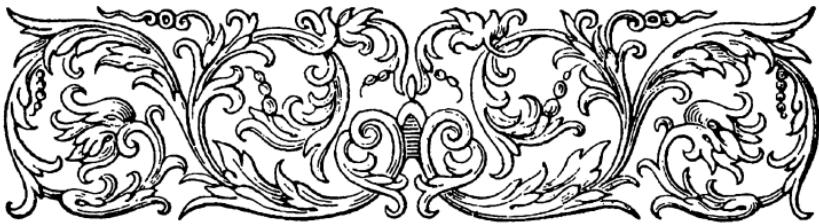
Затем они завершили свою месть с максимальным ста-
ранием и ушли своей дорогой.

«Я последний из племени,— думал Брир.— Когда я уйду, пожиратели лезвий станут легендой из прошлого».

Он поспешил покинуть отель «Пандемониум», осознав, что быстро теряет координацию движений. Его пальцы едва смогли отвернуть крышку канистры с бензином, которую он вытащил из багажника машины, прежде чем подняться в отель; она стояла в вестибюле, ожидая своего часа. Его мозг действовал так же плохо, как и его пальцы, но он очень старался. Он не узнал существ, что обнюхивали его, когда он копался в куче хлама. Он не помнил ничего о себе, за исключением одного: когда-то он видел прекрасные и восхитительные вещи.

Он отвернул крышку канистры и старательно облил себя бензином. Большая часть жидкости выплеснулась мимо. Затем он отбросил канистру и стал слепо шарить по карманам в поисках спичек. Первая и вторая не зажглись. Третья вспыхнула. Пламя моментально охватило его. В огромном факеле его тело скрючилось, как у всех жертв огня: суставы усыхали под воздействием пламени, руки и ноги поджимались.

Когда костер наконец угас, собаки собрались вокруг и принялись растаскивать то, что осталось. И немало псов убежали, скуля от боли, пораненные этими кусками мяса: как жемчужины в раковинах, там таились лезвия бритв, поглощенные гурманом Бриром.

XIV

ПОСЛЕ ВОЛНЫ

73

Ветер наполнил мир.

В тот вечер он дул точно с востока на запад, унося облака, легкие после целого дня дождя, в сторону заходящего солнца, словно те стремились к некоему Апокалипсису прямо за горизонтом. Или же (что гораздо хуже) они спешили уговорить солнце задержаться — хоть на час, на минуту, лишь бы отложить ночь. Но такого, конечно, не могло произойти, и солнце затягивало облака за край земли, используя свое преимущество перед их паникой.

Кэрис безуспешно пыталась убедить Марти, будто все в порядке. Сейчас, когда вместе с самоубийцами-облаками и опускающейся ночью он спешил к отелю «Орфей», его подозрения подтверждались. Во всем видимом мире он замечал доказательства заговора.

Кроме того, Кэрис по-прежнему бормотала во сне. Нет, не голосом Мамолиана, не этим осторожным, увертливым, насмешливым голосом, который Марти так хорошо знал и ненавидел. Она вообще не произносила слов. Лишь странные звуки — шелест крабов, шорох птиц, запертых на чердаке. Жужжание и царапанье, словно она или что-то в ней старались вспомнить забытую речь. В этих скрежетах не

было ничего человеческого, но Марти не сомневался, что за ними скрывается Европеец. Чем больше он прислушивался, тем чаще ему казалось, что в бормотании Кэрис он слышит приказы; язык ее сновидений звучал так, словно небо пыталось заговорить. Эта мысль заставляла его холодасть.

И вот, за сутки до ночи бегущих облаков, около четырех утра он проснулся от страха. Он видел ужасные сны; конечно, он знал, что они будут мучить его еще много лет. Но сегодня сны пересекли границу его сознания. Они были здесь. Сейчас.

Кэрис не лежала рядом с ним на узкой кровати. Она стояла посреди комнаты: глаза закрыты, лицо дрожит необъяснимой мелкой дрожью. Она снова говорила или пыталась говорить, и на этот раз он не сомневался, что Мамомлиан каким-то образом все еще был в ней.

Марти позвал Кэрис по имени, но она не проявила ни малейшего признака пробуждения. Поднявшись с кровати, он направился к ней, но лишь только пошевелился, как воздух вокруг них стал темнеть. Кэрис забормотала более настойчиво, и Марти почувствовал, что темнота уплотнилась. Сдавило лицо и грудь, глаза защипало.

Он снова произнес имя девушки, на этот раз громко; он почти кричал. Ответа не последовало. Вокруг Кэрис заметались тени, хотя в комнате не было порождавшего их света. Марти уставился на ее лицо: тени выглядели так, словно свет пробивался сквозь буйно цветущие ветки, словно она стояла в тени дерева.

Вверху над ним что-то шевельнулось, послышался чей-то вздох. Марти поднял голову: потолок исчез. Вместо него он увидел раскинувшуюся сень ветвей. Корнями стали слова Кэрис, Марти был уверен в этом: дерево разрасталось с каждым звуком, выходящим из ее уст. Соцветия набухали на каждой ветке, крона вмиг отяжелела от густой листвы. Но, несмотря на внешнее здоровье, все ростки дерева поразила гниль. Его черные листья светились не жизненной силой, а влагой разложения. Вредоносные насекомые сно-

вали по веткам, отцветшие лепестки падали, как снег, обнажая плоды.

И какие ужасные плоды! Пучок ножей, перевязанный лентой, словно подарок для убийцы. Голова ребенка, прицепленная за косичку. На одном из суков висели человеческие кишki, на другом — клетка с птицей, сожженной заживо. Памятные знаки, напоминания о прошлых злодеяниях. А сам коллекционер — здесь ли он, посреди своих сувениров?

Что-то задвигалось в беспокойной тьме над Марти, и это была не крыса. Он слышал шепот. Там переговаривались человеческие существа, покоящиеся на ветвях. И они спускались вниз, чтобы забрать его с собой.

Он потянулся сквозь кипящий воздух и взял Кэрис за руку. Ее ладонь была очень мягкой, она словно таяла. Под опущенными веками глаза девушки вращались, как у безумной, а губы все еще выговаривали слова, питавшие дерево.

— Остановись,— сказал Марти, но Кэрис продолжала бормотать.

Он схватил ее обеими руками и почти крикнул, чтобы она заткнулась. Несколько союзтий лопнули, посыпался дождь листьев.

— Проснись, черт тебя побери,— призывал он.— Кэрис! Это Марти. Это я, Марти! Проснись, ради бога!

Он почувствовал что-то у себя в волосах, взглянул на верх и увидел женщину, плюющую в него длинной струей слюны. Плевок упал на его лицо, холодный как лед. Паника охватила его; он заорал на Кэрис, пытаясь остановить ее, но потерпел неудачу и ударил девушку по лицу. В тот же миг поток чар прервался. Дерево и его обитатели недовольно зашумели. Марти ударил еще раз, уже сильнее. Лихорадочное движение зрачков под веками Кэрис замедлилось. Он позвал ее снова и встряхнул. Ее губы разомкнулись, тик и ужасающее напряжение прошли. Дерево задрожало.

— Прошу тебя...— взмолился он.— Проснись.

Черные листья сморщились, дрожащие ветки застыли.
Она открыла глаза.

Разочарованно ворча, гниль распалась и ушла в ничто.

След от ладони Марти все еще пылал на щеке девушки, но Кэрис не помнила об ударе. Она произнесла сонным голосом:

— В чем дело?

Марти крепко обнимал ее, не находя ответа. Он только сказал:

— Ты бредила.

Она озадаченно посмотрела на него.

— Я не помню,— проговорила она. Затем почувствовала, что его руки дрожат, и спросила: — Что случилось?

— Кошмар,— ответил он.

— Почему я не в кровати?

— Я пытался разбудить тебя.

Она посмотрела на Марти.

— Не надо меня будить. Я слишком устала от всего этого.— Она высвободилась.— Я хочу лечь в постель.

Он отпустил ее, и Кэрис вернулась к смятым простыням, легла и заснула, прежде чем он приблизился к ней. Марти просидел рядом до рассвета, следя за ее сном и стараясь не подпускать к ней воспоминания.

— Я собираюсь вернуться в отель,— сказал он ей в середине следующего дня.

Он надеялся, что Кэрис как-то объяснит события прошлой ночи; может быть, скажет, что это была некая заблудившаяся иллюзия, от которой теперь удалось избавиться. Но она не успокоила его. Когда Марти спросил, помнит ли Кэрис о ночном происшествии, она ответила, что не видела во сне ничего, чему очень рада. *Ничего*. Он повторил это слово, как смертный приговор, и вспомнил пустую комнату на Калибан-стрит, где *ничего* было сущностью страха.

Заметив, что Марти расстроен, Кэрис протянула руку и дотронулась до его лица. Он весь пылал. Снаружи шел дождь, а в комнате было сыро.

— Европеец мертв,— напомнила она.
— Я должен убедиться.
— Нет необходимости, милый.
— Если его нет, если он умер, почему ты говоришь во сне?

— Разве?
— Говоришь и создаешь видения.

— Может быть, я пишу книгу,— сказала она. Попытка пошутить умерла, едва родившись.— У нас довольно проблем и без того, чтобы возвращаться туда.

Она была права, им предстояло многое решить. Как рассказать обо всем и как сделать так, чтобы им поверили? Как отдать себя в руки правосудия и избежать обвинения во всех известных и неизвестных убийствах? Кэрис ожидало богатство — она была единственной наследницей отца. И с этой реальностью тоже необходимо встретиться лицом к лицу.

— Мамолиан умер,— сказала она.— Мы можем забыть о нем хотя бы ненадолго? Когда найдут тела, мы все расскажем. Но не сейчас. Я хочу отдохнуть несколько дней.

— Ты вызвала кое-что сегодня ночью. Сюда, в эту комнату. Я видел.

— Почему ты уверен, что именно я? — возразила она.— Почему только я могу привлекать это? Ты уверен, что не ты даешь жизнь призракам?

— Я?
— Да, ты не в силах отпустить их.
— Да я буду счастливее всех, если они уйдут!

— Так забудь о них, черт тебя возьми! Отпусти их, Марти! Мамолиана нет. Он умер, его больше нет! Все закончилось!

Она оставила его размышлять над своими словами. Возможно, она права: он сам вообразил дерево, а потом прогнил ее за собственное безумие. Но в отсутствие Кэрис сомнения вернулись. Стоит ли доверять ей? Если Европеец выжил — как-то, где-то, — он мог вложить свои слова в уста Кэрис, чтобы убедить его не вмешиваться. Марти тер-

зался муками нерешительности: подозрения пропитали ядом все дальнейшие пути, но ему не хватало сил, чтобы вновь увидеть отель и понять, как надо действовать.

Когда день клонился к вечеру, Кэрис вернулась. Они почти не разговаривали, а вскоре она пожаловалась на головную боль и легла в постель. Марти полчаса посидел рядом, слушая ее спокойное дыхание (никакого бормотания), потом вышел за виски и газетой. Он хотел узнать новости о расследовании, но ничего интересного не нашел. Преобладали заметки о мировых событиях, и если не было новых циклонов и войн, их место занимали комиксы и результаты гонок. Марти зашагал обратно, уже готовый отбросить сомнения и признать, что она права, однако нашел дверь запертой. Изнутри он услышал голос Кэрис, мягкий и сонный, с запинками добивающейся новой связности.

Он взломал дверь и попытался разбудить девушку, но на этот раз ни встряхивания, ни пощечины не подействовали на овладевшую ею дремоту.

74

И вот он почти добрался до места. Марти оделся слишком легко и поеживался, пока шел через пустырь к отелю «Пандемониум». Ранняя осень дохнула холодом, не дождавшись начала сентября. За несколько недель, прошедших с тех пор, как он приходил сюда в последний раз, лето уступило натиску ветра и дождя. Однако Марти это не огорчало. Летняя жара в маленьких комнатах отныне будет рождать у него неприятные ассоциации.

Он поднял глаза на отель. В неровном свете здание казалось коралловово-красным; отметины от огня и граффити проступали почти рельефно, каждая деталь вырисовывалась очень четко. Марти немного задержкался, разглядывая фасад. Может быть, мигнет окно или скрипнет дверь — любой знак, намекающий на то, что творится внутри. Но все затаилось. Просто солидное здание, изуродованное временем и огнем, на котором играл отблеск уходящего солнца.

Входная дверь была закрыта последним посетителем, покинувшим отель, но никто не попытался снова заколотить ее досками. Марти толкнул дверь, и она отворилась, растирая штукатурку и грязь на полу. Внутри ничего не изменилось. Люстра качнулась от порыва ветра, самовольно ворвавшегося в святая святых, сухой дождь из пыли осипался на пол.

Марти поднялся на два пролета и почувствовал смрад, более резкий, чем вонь от помойки или запах пепла. Очевидно, тела оставались там, где их бросили, и началось разложение. Марти не знал, долго ли длится этот процесс, но по опыту предыдущих недель был готов к худшему. Запах почти не мешал ему.

Он остановился на полпути, вытащил купленную бутылку виски, открыл ее и, все еще озирая останки лестницы, сделал хороший глоток. Алкоголь обжег десны и горло, потом согрел пищевод, отправляясь вниз, в желудок. Марти справился с искушением сделать второй глоток. Он закрыл бутылку и сунул ее в карман, прежде чем продолжить подъем.

Его начали осаждать воспоминания. Марти пытался задвинуть их подальше, но они упрямо возвращались и у него не хватало сил справиться с ними. Никаких образов, только голоса. Они эхом отдавались в черепе, словно его голова была пуста, а он стал неким безмозглым животным, отвечавшим на призывы высшего разума. Сильнейшее желание бежать отсюда охватило его. Но Марти знал: если он вернется обратно, угрызения совести усилятся. Вскоре он будет с подозрением относится к каждому движению Кэрис, опасаясь убийства, подготовленного Европейцем. Это новая тюрьма: ее стены — подозрение, ее решетки — сомнения, и он не выйдет из нее до конца жизни. Даже если Кэрис уйдет, не придется ли ему вечно оглядываться через плечо в поисках лица, спрятанного за другим лицом, и безжалостных глаз Мамолиана?

С каждым шагом страхи множились. Марти ухватился за грязные перила и силой заставил себя идти вверх и вперед.

«Я не хочу идти,— захныкал ребенок внутри него.— Не заставляй меня, пожалуйста! Так легко развернуться и отложить это. Смотри! Твои ноги могут это, только скажи слово. Вернись! В конце концов она проснется, только потерпи. Вернись!»

«А если она не проснется?» — возразил голос разума.
И это заставило его идти дальше.

Когда он поднимался на следующий этаж, что-то щевельнулось на верхней лестничной площадке. Как шум от блошиного прыжка, не громче; так тихо, что он едва рассыпал Крыса? Возможно. Все охотники за падалью могли собраться здесь в надежде поживиться. Он предвидел этот ужас и был готов к нему.

Он достиг площадки. Крысы не бросились врассыпную от его шагов; во всяком случае, он не заметил ни одной. Но здесь что-то было. На верхней ступеньке лестницы по ковру ползла, извиваясь, маленькая коричневая личинка. Она явно торопилась куда-то. Видимо, вниз по лестнице — в темноту. Марти не стал рассматривать ее. В любом случае, она безобидна. Пусть найдет себе укромное место, распустит и со временем превратится в муху, если таковы ее намерения.

Он пересек предпоследнюю площадку и двинулся по последнему пролету лестницы. Несколько ступенек вверх — и запах резко усилился. Вонь гниющего мяса нахлынула на него; несмотря на виски и психологическую подготовку, его внутренности скручивались и выворачивались, дрожа и извиваясь, как личинка на ковре.

Марти остановился, перешагнув три ступеньки, вытащил бутылку и сделал два больших глотка. Он пил так быстро, что на глазах выступили слезы. Затем он продолжил подъем. Что-то мягкое скользнуло под каблуком. Он глянул вниз. Еще одна личинка — наверное, старшая сестра первой — попала под ногу Марти и лопнула с жирным звуком. Он несколько секунд рассматривал ее, прежде чем поспешить дальше. Подошвы его ботинок скользили или по пути он давил остальных тварей?

Голова его звенела от вони. Последний пролет он преодолел почти бегом, чтобы скорее покончить с самым худшим. Когда он достиг последней ступеньки, то почти задыхался. Он представлял себя — пьяная фантазия — в абсурдном образе гонца, несущего дурную весть о проигранной битве или убитых детях во дворец некоего величественного короля. Но сам король тоже убит и его бой проигран.

Он приближался к пентхаузу. Запах стал настолько сильным, что дышать было почти невозможно. Как и в прошлый раз, Марти бросил взгляд в зеркало. Устыженный своим испуганным видом, он опустил взгляд вниз, и — о боже! — ковер зашевелился. Не две, не три, а по меньшей мере дюжины личинок слепо копошилась здесь; они ползали по ковру, оставляя грязные следы. Марти не видел раньше подобных насекомых. Их строение было неопределенным, размеры у всех разные — одни толщиной в палец, другие с детский кулаком; бесформенные тела лилового цвета с желтыми пятнышками. За ними тянулись пятна слизи и крови, как от загнивающих ран. Марти обошел их стороной. Они разжирали, поедая тех, с кем он когда-то беседовал и спорил; не хотелось видеть этих тварей вблизи.

Однако когда он толкнул дверь номера и опасливо шагнул в коридор, пугающая мысль закралась ему в голову и осталась там, нашептывая непристойности. Эти создания были в номере повсюду. Более активные ползали по оштукатуренным стенам, перетягивали колбаски своих тел на обои, оставляя дорожки слизи, и цеплялись за стены, как гусеницы. Они двигались произвольно, а некоторые, судя по следам, перемещались по кругу.

В полуторме коридора худшие подозрения пока только закипали; однако они забурлили, едва он перешагнул через распростертное тело Уайтхеда и вступил в разделочную комнату, где огни магистрали освещали все ясно, как днем. Здесь эти твари просто кишили: всех размеров, от блохи до человеческого сердца, они вытягивали лохматые волос-

ки, как щупальца, и с их помощью передвигались. Черви, блохи, личинки — целая энтомология на месте казни.

Но теперь Марти видел отчетливо: это не насекомые или их личинки. Это фрагменты плоти Европейца. Он еще жив. Разделанный на мелкие части, на тысячи частиц, но все-таки *живой*.

Брир безжалостно уничтожил врага и разрушил его плоть, насколько позволило мачете и распадающиеся руки. Но этого оказалось мало. Внутри Мамолиана гудело огромное множество украденных жизней, и они вопреки любым законам природы были неутолимы. Брир в своей ярости не покончил с Европейцем, а лишь разделил его на кусочки и оставил их описывать эти бесполезные круги. И одна из тварей безумного зверинца несла в себе фрагмент силы Мамолиана, способной мысленно проникнуть в мозг Кэрис. Возможно, не одна; возможно, это сумма блуждающих частей. Марти не интересовала их биология. Как эта мерзость выжила — тема для дискуссии в сумасшедшем доме.

Он задрожал и попятился из комнаты в коридор. Порывы ветра ударяли в окно, стекло жалобно звенело. Он прислушивался к этим звукам и раздумывал, что делать дальше. В коридоре одна из тварей свалилась со стены. Он наблюдал, как она пытается перевернуться, а затем медленно ползет обратно. Как раз там, где она извивалась, лежал Уайтхед. Марти подошел к телу.

Святые всласть повеселились перед тем, как ушли: брюки и нижнее белье старика были стянуты, пах изрезан ножом. Глаза его были открыты, вставная челюсть вытащена. Он уставился на Марти, раскрыв рот, как провинившийся ребенок. Мухи кружились над ним, на лице проступили следы гниения. Но он был мертв, что уже неплохо в таком мире. В последнем приступе веселья парни испражнились ему на грудь. Там тоже скопились мухи.

Когда-то Марти ненавидел этого человека; когда-то он любил его, пусть и недолго; называл его Папой, называл его ублюдком; занимался любовью с его дочерью и почитал

как властелина вселенной. Он считал его человеком силы, хозяином. Он видел его напуганным и удирающим, как крыса от пожара. Он наблюдал, как действуют удивительные таланты старика; возможно, столь же плодотворны чувства людей, более способных любить.

Он протянул руку, чтобы закрыть глаза Уайтхеда. Однако в своем усердии евангелисты вырезали веки старика, и пальцы Марти наткнулись на слизь глазных яблок. Их увлажнили отнюдь не слезы — гниль. Он поморщился и с отвращением отдернул руку.

Желая хоть как-то закрыть глаза Папы, он подсунул пальцы под труп и попытался перевернуть его на живот. Из тела вытекала жижка, внизу было скользко и липко. Стиснув зубы, Марти приподнял старика и перевернул набок, предоставив силе тяжести довершить остальное. Теперь по крайней мере Уайтхеду не придется наблюдать за тем, что должно произойти.

Марти встал. Его руки покрывала слизь. Он щедро облил их остатками виски, чтобы перебить запах. Мытье рук преследовало и другую цель: исчезло искушение выпить. Сейчас слишком легко напиться и потерять ясное восприятие действительности. Рядом был враг. С ним надо покончить, уничтожить его навсегда.

Он начал тут же, в коридоре, не сходя с места. Он опускал каблуки на куски мяса, копошившиеся вокруг тела Уайтхеда, и старательно уничтожал украденные Мамолианом жизни. Эти существа не издавали никаких звуков, что облегчало задачу. Они лишь черви, говорил он себе, мерзкие отростки бессмысленной жизни. Ему становилось все легче, пока он шел по коридору и размазывал их в пятна желтого жира и коричневых мышц. Личинки безропотно подчинялись. Он покрылся потом, стараясь не пропустить ни единой частицы останков Европейца; его глаза изучали окружающее пространство, выискивая каждую ползущую тварь. Уголки губ стали понемногу растягиваться в улыбке; наконец раздался тихий смех, совершенно безрадостный. Это нетрудно. Он чувствовал себя мальчишкой, давящим

муравьев большим пальцем. Один! Второй! Третий! Только эти существа двигались медленнее самого сонного муравья и он мог расплющивать их неторопливыми шагами. Мощь и ум Европейца ушли в грязь, а он, Мартин Штраус, избран, дабы закончить божественную игру и стереть ее. Он получил эту ужасную власть.

«Ничто — суть всего». Теперь он ясно понял эти слова, которые услышал — и произнес — на Калибан-стрит. Европеец подтвердил горький силлогизм собственными kostями и плотью.

Когда Марти завершил работу в холле, он вернулся в гостиную и продолжил свой труд. Он уже не чувствовал отвращения, прикасаясь к этим созданиям; он срывал их со стен, бросал на пол и растаптывал. После гостиной он отправился на лестницу. Потом он вернулся в номер, соорудил костер из занавесок, которые притащил из гардеробной, и разжег его с помощью обломков стола и игральных карт. Он ходил по комнате и ногой отбрасывал в огонь большие частицы плоти; они лопались в пламени, морщились и сгорали. Те, что поменьше, он соскребал с пола, и смех все еще сыпался из него, когда он кидал их в середину погребального костра. Комната быстро заполнилась жаром и дымом. Виски пульсировали, на руках блестел пот. Это важное дело, и он должен сделать его очень тщательно, не так ли? Он не мог пропустить ни одной живой гадины, ни единого фрагмента из страха: а вдруг тварь выживет, войдет в легенды — возможно, преувеличивающие ее мощь — и найдет его.

Когда огонь затихал, Марти поддерживал его подушками, магнитофонными пленками и книжками в бумажных обложках, пока не осталось ничего горючего, кроме него самого. Были мгновения, когда он смотрел на пламя и думал, что может шагнуть в него. Но он удержался. Это безумная усталость искущала его. Он сел на корточки в углу и стал глядеть на тени от костра, пляшущие на стене. Их образы — или что-то еще — заставляли его плакать.

Когда незадолго до рассвета Кэрис поднялась по лестнице, он не видел и не слышал ее. Огонь давно погас. Теперь опознать можно было лишь раздробленные Бриром кости, покерневшие и потрескавшиеся в огне: части берцовой, позвоночника и круглый осколок черепа Европейца.

Она осторожно вошла, словно боялась разбудить спящего ребенка. Или Марти и вправду спал? В его голове проносились легчайшие видения, и они могли быть только снаами — жизнь не бывает столь ужасной.

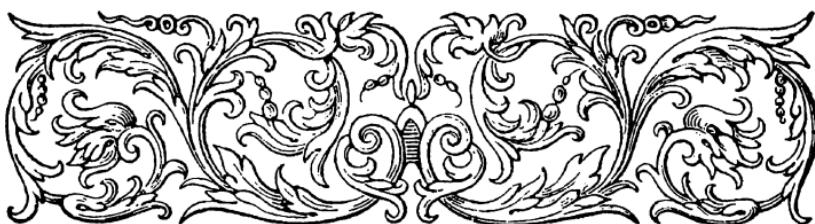
— Я проснулась,— сказала Кэрис.— Я знала, что ты здесь.

Он едва видел ее сквозь задымленный воздух. Она была как мел, которым рисуют на черной бумаге — его так легко стереть. Слезы полились вновь, едва он подумал об этом.

— Нам надо идти,— проговорила Кэрис.

Она не собиралась требовать объяснений. Возможно, со временем, когда глаза Марти перестанут смотреть так горестно, она попросит его рассказать; а может быть, никогда ничего не спросит. Несколько минут она нежно уговаривала его и прижималась к нему, а потом он очнулся от медитации и вверил себя ее заботам.

Когда они вышли из отеля, в лицо им ударил ветер, как всегда враждебный. Марти посмотрел вверх, желая убедиться, не сдул ли этот ветер звезды; но светила были непоколебимы. Все осталось на своих местах, вопреки безумию, еще недавно терзавшему их жизни. И хотя Кэрис поторапливала его, он медлил, задрав голову и глядываясь в звезды. Не будет никакого Апокалипсиса. Лишь мигание точек света на ясном небе. Марти впервые заметил, как они прекрасны. Они так далеки от мира, полного потерянной жестокости; смиренное сияние. И пока Кэрис вела его по неосвещенным улицам, он не мог удержаться, снова и снова устремляя взор в небеса.

Содержание

Часть первая. TERRA INCOGNITA	11
Часть вторая. ПРИЮТ	31
Часть третья. DEUCE	161
Часть четвертая. РАССКАЗ ВОРА	285
Часть пятая. ПОТОП	317

Литературно-художественное издание

Клайв Баркер

ПРОКЛЯТАЯ ИГРА

Ответственный редактор *A. Етоев*

Редактор *H. Волкова*

Художественный редактор *A. Сауков*

Технический редактор *O. Шубик*

Компьютерная верстка *K. Иванов*

Корректоры *M. Одинокова, E. Ампелогова*

ООО «Издательский дом «Домино».

191028, Санкт-Петербург, Моховая ул., д. 32.

Тел./факс: (812) 329-55-33. E-mail: dominospb@hotbox.ru

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: Info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,

Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями обращаться в ООО «Дил пакет». E-mail: foreignseller@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact «Deep Pocket» Pvt. Ltd. for their orders. foreignseller@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.
E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

Оптовая торговля бумагой, беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо». Компания «Канц-Эксмо»: 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный), e-mail: kanc-eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЭКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. (812) 365-46-03/04. В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70. В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46. В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70. В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Ставки, 243А. Тел. (863) 220-19-34. В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а. Тел. (343) 378-49-45. В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс (044) 501-91-19. Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс: (032) 245-00-19. В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153. Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99. В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а. Тел./факс (727) 251-59-99. E-mail: eksmo_almaty@argna.kz

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и канцтоварами «Канц-Эксмо»:
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел. (495) 780-58-34.

Подписано в печать 08.09.2008. Формат 84×108 1/32.

Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 26,04.

Тираж 3000 экз. Заказ № 8836.

Отпечатано с предоставленных диапозитивов
в ОАО «Тульская типография». 300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

...В своем творчестве Баркер задействует мотивы Джойса, Поля Толкина и Кинга, в результате создавая то единое целое, которое и прославило всех знаменитых рассказчиков: произведение, от которого невозможно оторваться.

THE WASHINGTON TIMES

Совмещая элементы мистики и сюрреалистической литературы, Баркер пишет книги, которые читаются как смесь Стивена Кинга и Габриэля Гарсия Маркеса.

BOSTON HERALD

Клайв Баркер — маг и волшебник высшего порядка.

NEW YORK DAILY NEWS

Самый многообещающий творец темного фэнтези.

PUBLISHERS WEEKLY

Назвать Клайва Баркера писателем, создающим «ужастики», все равно что назвать *The Beatles* неплохой клубной группой.

КВЕНТИН ТАРАНТИНО

ISBN 978-5-699-30496-7

9 785699 304967 >